It. sing. 1366 ᵘ/1

Jt. Slavg. 1366 м
(1
Wb

ВОСТОКЪ, РОССІЯ

и

СЛАВЯНСТВО.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

К. Леонтьева.

Bayerische Staatsbibliothek München

Томъ 1-й.

МОСКВА
Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°., Пименовская ул., д. Кушнеревой.
1885

12/н

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Z/80/98077

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Посвященіе.

Предисловіе.

		Стр.
I.	Панславизмъ и греки	3
II.	Панславизмъ на Аѳонѣ	31
	Дополненіе къ двумъ статьямъ о панславизмѣ	76
	Византизмъ и славянство	81
	Русскіе, греки и юго-славяне	193
	Мои воспоминанія о Ѳракіи	237
	Храмъ и церковь	249
	Письма отшельника	261
	Письма о восточныхъ дѣлахъ	279

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Тертію Ивановичу

ФИЛИППОВУ

въ знакъ невыразимой признательности за неизмѣнную поддержку въ долгіе дни моего умственнаго одиночества.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Статьи, собранныя въ этомъ отдѣльномъ изданіи, были напечатаны мною въ разное время, въ разныхъ журналахъ и газетахъ.

Я не нашелъ удобнымъ держаться исключительно только хронологическаго порядка въ ихъ размѣщеніи, хотя и считаю этотъ порядокъ наилучшимъ, потому что онъ даетъ возможность читающему слѣдить непосредственнѣе за ходомъ мыслей автора.

Впрочемъ, бóльшая часть статей, большихъ и малыхъ, размѣщена у меня въ этомъ порядкѣ, по мѣрѣ ихъ появленія въ свѣтъ. Въ иныхъ же случаяхъ это оказалось неумѣстнымъ и сбивчивымъ.

Вообще замѣчу слѣдующее: въ 1-мъ томѣ собраны почти исключительно разсужденія и замѣтки по *восточнымъ дѣламъ*, по вопросу *греко-болгарскому* и т. д. и расположены они по годамъ. Между первыми статьями о „Панславизмѣ" и „Письмами о восточныхъ дѣлахъ" въ редакцію „Гражданина" прошло ровно *десять лѣтъ* (отъ 73 до 83 года).

Во 2-мъ томѣ я опять расположилъ въ хронологическомъ порядкѣ все касающееся до внутреннихъ дѣлъ Россіи; о восточныхъ и общеславянскихъ дѣлахъ упоминается здѣсь только мимоходомъ (хотя, надѣюсь, все въ томъ же духѣ). Почти всѣ статьи этого отдѣла взяты изъ „Варшавскаго Дневника" (80-го года), въ которомъ я печаталъ тогда постоянно. Исключеній мало.

По поводу „Варшавскаго Дневника" я считаю долгомъ выразить бывшему редактору этой газеты князю Ник. Ник. Голицыну самыя искреннія и сердечныя извиненія мои въ томъ, что я, не

списавшись съ нимъ, позволяю себѣ печатать отдѣльно передовыя статьи писанныя мною и „смѣсь“ подъ заглавіемъ „Сквозь нашу призму“.

Время не ждетъ, годы и силы уходятъ,—издать *все вмѣстѣ* я желаю, и нашелъ, наконецъ, возможность это сдѣлать, но мѣсто жительства князя мнѣ неизвѣстно, и я надѣюсь, что онъ, по своему былому горячему мнѣ сочувствію, проститъ мнѣ это нарушеніе литературныхъ обычаевъ. (Извѣстно, что „передовыя“ и вообще не подписанныя *именемъ* статьи газеты суть собственность редакціи).

Если обстоятельства позволятъ, я издамъ и третій томъ, и въ него соберу всѣ напечатанные отрывки изъ *воспоминаній* моихъ о многихъ мѣстностяхъ, гдѣ я жилъ и служилъ, о людяхъ, съ которыми встрѣчался, о личныхъ моихъ впечатлѣніяхъ въ разные годы моей жизни.

Я думаю, что этотъ 3-й томъ можетъ послужить полезной „иллюстраціей“ для двухъ первыхъ.

Москва, 1885. Январь.

К. Леонтьевъ.

I.

ПАНСЛАВИЗМЪ И ГРЕКИ.

ПАНСЛАВИЗМЪ И ГРЕКИ.

(Русск. Вѣстн. 1873.)

I.

Январь, 1873, Царьградъ.

Я только что возвратился изъ путешествія по Македоніи.

Въ столицѣ всегда сильнѣе и всегда замѣтнѣе движеніе умовъ, хотя бы и по такому вопросу, котораго источники и основы въ провинціи.

Печальное ожесточеніе Грековъ и Болгаръ другъ противъ друга, сильное всюду, сильное, къ несчастію издавна, здѣсь, въ Царьградѣ, принимаетъ болѣе яркія краски. Сюда стекается все, и все отсюда исходитъ; здѣсь главные представители и вожди движенія; отсюда разсылаются инструкціи, открытыя или тайныя, по всѣмъ второстепеннымъ городамъ; здѣсь иновѣрная государственная власть искусно колеблется между двумя христіанскими народами, которыхъ примирить можетъ только постепенно и современемъ либо общая усталость, либо какая-нибудь великая гроза неожиданныхъ политическихъ катастрофъ. Царьградскія газеты принимаютъ въ этой борьбѣ болѣе или менѣе горячее участіе. *Courrier d'Orient* защищаетъ Болгаръ; *Phare du Bosphore* потворствуетъ Грекамъ; въ первой газетѣ проглядываетъ желаніе расположить Славянъ *къ чему-то* вродѣ латинства или увѣрить ихъ въ симпатіяхъ галло-романскаго племени; во второй—какъ будто бы Германецъ внушаетъ Греку: „не бойся славянскаго варварства; я съ тобою!" *Turquie*, которая считается оффиціознымъ органомъ правительства, сдержанна и осмотрительна, какъ сама мѣстная власть...

Изъ всѣхъ провинцій, гдѣ Греки живутъ или только встрѣчаются съ Болгарами, приходятъ сюда извѣстія о непрерывной и пламенной борьбѣ; то Болгары оскорбляютъ Грековъ, собравшихся служить въ Рущукѣ греческую особую обѣдню; то Греки въ газетахъ доносятъ на какіе-то болгарскіе замыслы противъ Турціи; то *Courrier d'Orient* стра-

щаетъ Турцію панэлленизмомъ; то въ Тульчѣ въ кофейняхъ драки между молодьжью, какой-то молодой Грекъ Каравіасъ оскорбляетъ Болгаръ; то изъ Серреса раздаются греческіе вопли, что богатыя купеческія семьи, считавшіяся до сихъ поръ эллинскими, переходятъ на болгарскую сторону. Греческое духовенство требуетъ, чтобы болгарское перемѣнило камилавки. Болгары негодуютъ, будто бы патріархъ хочетъ, чтобы Порта велѣла Болгарамъ носить камилавки *красныя*, для большаго позора. Въ одномъ македонскомъ городѣ умираетъ молодой Болгарскій учитель; въ народѣ проходитъ слухъ, что его отравили греки. Клеветъ, гнѣва, жалобъ пристрастныхъ,—съ обѣихъ сторонъ потоки! Однако, умъ безпристрастный, не подкупленный страстями борьбы, можетъ, мнѣ кажется, становясь поперемѣнно и искренно то на мѣсто Болгаръ, то на мѣсто Грековъ, понять и тѣхъ и другихъ и, соглашаясь, конечно, *что Болгары несравненно правѣе* *), объяснить и даже извинить въ нѣкоторомъ смыслѣ отчаяніе Грековъ. Богатыя населенныя страны ускользаютъ изъ рукъ ихъ племени, гордаго, энергическаго, умнаго и трудолюбиваго. Эллинизація Балканскаго полуострова—„великая идея“—становится невозможностью...

Пусть такъ, гнѣвъ на Болгаръ несправедливъ ни въ христіанскомъ, ни въ административномъ, ни въ этнографическомъ смыслѣ; но онъ нѣсколько понятенъ, и причины, возбуждающія его, ясны не только для самихъ Грековъ, но и для всякаго безпристрастнаго наблюдателя.

Однако, на чемъ, скажите мнѣ, основанъ гнѣвъ эллинской, такъ называемой, интеллигенціи противъ Россіи?

Почему Русскіе должны быть во всемъ *за одно* съ Болгарами?

Быть можетъ, *полная солидарность* Русскихъ съ Болгарами не была бы выгодна ни тѣмъ, ни другимъ. Гдѣ доказательство, наконецъ, этой полной солидарности?

На чемъ основываютъ Греки свои опасенія? Что значитъ для нихъ слово „панславизмъ“?

„Панславизмъ“ значитъ для Грековъ ничто иное, какъ „государственное объединеніе всѣхъ Славянъ“ едва ли не прямо подъ Русскою державой.

Какія у нихъ доказательства тому, что правительство русское можетъ находить это выгоднымъ для себя и для Россіи, и, наконецъ, для всего славянства?

Почемъ они знаютъ, наконецъ, что думаютъ объ этомъ сами Болгары?

Болгары думаютъ совсѣмъ *не то*, они думаютъ совсѣмъ *иначе*. Болгары говорятъ себѣ такъ: „Обведемъ около нашей отсталой, бѣд-

*) *Примѣч. автора.* Я скоро убѣдился въ этой ошибкѣ моей. Она была очень грубая.

ной, но молодой и сильной духомъ, народности, волшебный кругъ неприкосновенности. Отпадемъ прежде всего отъ Грековъ; оградимъ себя *потомъ* отъ сербскихъ притязаній и отъ того что намъ покажется излишнимъ въ русскомъ вліяніи. Вотъ намъ что нужно. Что касается Турокъ, то они всѣхъ менѣе опасны. Иновѣрный и инородный мусульманинъ можетъ вредить намъ менѣе, чѣмъ кто-либо. Онъ можетъ вредить лишь *вещественно*"...

У Грековъ, у Турокъ, у многихъ Европейцевъ и даже у многихъ, Русскихъ, къ сожалѣнію, вопросъ славянскій является какимъ-то переводомъ нѣмецкаго вопроса на русскій языкъ.

Какая грубая ошибка!

Въ Германіи *одна и та же нація прожила долгіе вѣка раздробленная на тридцать слишкомъ самобытныхъ государствъ* и подъ властью *своихъ національныхъ династій.*

У Славянъ нашего времени, *по крайней мѣрѣ*, *пять-шесть націй*, *изъ которыхъ большая часть не жили почти вовсе самобытною государственною жизнью*, ибо у большинства этихъ отдѣльныхъ націй государственная жизнь была прервана въ началѣ развитія иноземнымъ завоеваніемъ.

У Нѣмцевъ—*усталость* отъ долгаго государственнаго сепаратизма.

У Славянъ—*нетерпѣливое желаніе* пожить скорѣе независимою государственною жизнью.

Нѣмцы—*нація*.

Славяне—*племя*, раздѣленное на отдѣльныя націи языкомъ, бытомъ, *прошедшей* исторіей и надеждами *будущаго.*

Нѣмцы могли соединиться въ одно *союзное государство* (Etat confédéré).

Славяне могутъ составить лишь *союзъ отдѣльныхъ государствъ* (Confédération d'Etats).

Этнографически нѣмецкое государство и нѣмецкую націю можно уподобить большой планетѣ, около которой есть только два одноплеменныхъ спутника германскаго племени, Голландія и Скандинавія.

Россія—планета со многими спутниками, похожими этнографически не на Баварію или Ганноверъ (Баварію или Ганноверъ можно было бы уподобить лишь отдѣльному Новгородскому или Малороссійскому царству), а на Голландію или Швецію. Разница, во-первыхъ, въ томъ, что, вмѣсто *двухъ* одноплеменныхъ націй, у Россіи есть: чешская нація, болгарская, сербская, словацкая, польская, пожалуй, иллиро-кроатская отдѣльно и т. д.; а во-вторыхъ, историческія условія сложились такъ, что Голландія и оба скандинавскія государства ждутъ и боятся завоеванія со стороны Германіи, опасаются *прекращенія своей государственности*; а большинство славянскихъ націй привыкло надѣяться на помощь Россіи, на *развитіе своей государственности*, при содѣйствіи Россіи.

Судорожная, вполнѣ нѣмецкая, *сжатая* какъ стальная пружина, Пруссія Фридриха II, Блюхера и Бисмарка на просторную, пеструю и медленную Россію ничуть непохожа.

Для Пруссіи *выгодно* было завоевать и присоединить *отдѣльныя нѣмецкія* государства; для Россіи *завоеваніе* или вообще слишкомъ тѣсное присоединеніе другихъ Славянъ было бы роковымъ часомъ ея разложенія и государственной гибели. Если одна Польша, вдобавокъ раздѣленная на три части, стоила Россіи столько заботъ и крови, то что же бы произвели *пять-шесть* Польшъ?

Въ польскихъ дѣлахъ, до послѣдняго времени, ни Пруссія, ни даже Австрія, не могли быть *вполнѣ* свободны противъ насъ.

Въ случаѣ многихъ Польшъ, *ни съ кѣмъ не подѣленныхъ*, весь міръ, и Европа, и Азія, будутъ намъ враждебны.

Потрудились ли Греки подумать обо всемъ этомъ?

Вы видите, я ничего не говорю о *сочувствіяхъ*, о *страданіяхъ* и т. п. Всѣ эти сердобольныя фразы ни къ чему не ведутъ. Откровенное обращеніе *къ интересамъ эгоистическимъ* вѣрнѣе. Если эгоизмъ государственнаго долга совпадаетъ съ преданіями, съ привычными сочувствіями и т. п. вещами, очень высокими и важными (но не всегда *политическими*), тѣмъ лучше: тѣмъ больше можно вѣрить, такъ называемому, безкорыстію сильной державы.

Аѳинскіе краснобаи и мудрецы съ французскими бородками, и даже умные, опытные Фанаріоты забыли еще вотъ что:

Россія знаетъ, что, кромѣ Чеховъ, Болгаръ и т. д., есть еще *Румыны*, *Мадьяры* и *Греки;* она знаетъ, что двѣ первыя несоплеменныя ей націи самою природой вещей *вставлены*, такъ сказать, въ славянскую оправу, принуждены быть инородными островами въ этомъ славянскомъ морѣ и будутъ вынуждены раздѣлить его судьбы волей и неволей, то-есть тѣснѣе или свободнѣе примкнуть, въ случаѣ распаденія Австріи и Турціи, къ тому союзу государствъ, о которомъ я говорилъ выше.

Что касается Грековъ, то хотя ихъ географическое положеніе дѣлаетъ ихъ болѣе, такъ сказать, свободными, чѣмъ Румыны и Мадьяры по отношенію къ этому славянскому морю, но за то ихъ коммерческіе интересы, противуположные интересамъ Англіи, Италіи и Франціи на Востокѣ и въ Средиземномъ морѣ, рано или поздно оттолкнутъ ихъ совсѣмъ отъ Запада и бросятъ ихъ тоже въ объятія славянства.

Континентальная мощь сосѣдняго славянства, его земледѣльческій характеръ и даже особенности его генія, болѣе мануфактурнаго, чѣмъ геній ново-греческій, будутъ необходимыми условіями для процвѣтанія такой въ высшей степени торговой и мореходной націи, какъ греческая. Греки неизбѣжно станутъ коммиссіонерами Востока, и самъ Суэзскій каналъ будетъ въ ихъ рукахъ. Россія вполнѣ ли сознательно или ин-

стинктивно, но можетъ предчувствовать еще и такія обстоятельства, при которыхъ именно *инородныя* племена: Греки, Молдо-Валахи, а, можетъ быть, даже и Мадьяры, будутъ согласнѣе съ нею, чѣмъ южные и западные Славяне.

Я, пишущій эти строки, нисколько не желаю паденія Турціи; напротивъ того, дальше я постараюсь доказать, что Турція всѣмъ намъ нужна: Русскимъ, Болгарамъ и Грекамъ. Я думаю, что она, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ стать для насъ самымъ естественнымъ и вѣрнымъ союзникомъ.

Но когда уже говорится о панславизмѣ, страшномъ для грековъ, то необходимо предполагать не то, чтобы совершенное паденіе турецкаго племени, или не то, чтобы разрушеніе *всей* Турецкой имперіи,—все это вовсе ненужно для панславизма; я говорю, что, при разсужденіи о панславизмѣ, необходимо предполагать только *одно: удаленіе мусульманскаго правительства за Босфоръ*, *перенесеніе столицы ислама въ Бруссу*, *Багдадъ или Каиръ.*

Ибо, пока столица султана въ Цареградѣ, пока онъ владѣетъ болгарскими и сербскими странами, Турки уже достаточно обезпечиваютъ Грековъ отъ всеславянскаго государства однимъ присутствіемъ своимъ по сю сторону Босфора.

Но, становясь на точку зрѣнія греческихъ опасеній, допустимъ, что Турки оставили европейскій берегъ, что Австріи тоже нѣтъ и что на развалинахъ двухъ сосѣднихъ державъ этихъ образовались царства: Чешское, Угро-Словацкое, Тріединое Иллирійское королевство, царства Сербское, Болгарское и Молдо-Валахское съ присоединенною Трансильваніей. Всѣ они между собою составили союзъ и вступили въ какую-либо особую политическую связь съ Россіей, связь,—которой характеръ и форму могутъ опредѣлить только неуловимыя теперь обстоятельства.

Смыслъ этого союза былъ бы, конечно, оборонительный противъ западной Европы, коммерческій, вмѣстѣ съ тѣмъ, таможенный и т. п.

Союзъ этотъ можетъ быть весьма единодушенъ, если дѣло коснется притязаній со стороны или столкновеній съ интересами Запада; но можно ли ручаться, что онъ будетъ всегда единодушенъ въ собственныхъ нѣдрахъ своихъ? У каждаго изъ этихъ государствъ будутъ свои особые интересы, въ которыхъ они могутъ расходиться какъ между собою, такъ въ особенности съ Россіей.

Если провинціи одного и того же государства имѣютъ очень часто противоположные интересы и вступаютъ другъ съ другомъ въ политическую, торговую или даже иногда и вооруженную борьбу (напримѣръ, югъ и сѣверъ Америки, провинціи республиканской Франціи во времена террора и т. п.), то какъ же можно думать, чтобы всѣ эти славянскія племена, *которымъ*, повторяю, *такъ страстно еще хочется государственной самобытности и сепаратизма*, жили бы между

собою въ вѣчномъ идиллическомъ согласіи? Связь между ними можетъ быть тѣсна лишь насколько нужно, чтобы Западъ *зналъ свое мѣсто.*

У Россіи будутъ всегда какія-нибудь частныя несогласія съ западно- или юго-славянскимъ міромъ.

Между прочимъ, важный вопросъ, могущій поселить несогласіе между славянами, съ одной стороны, и Русскою имперіей,—съ другой, есть вопросъ *о государственной формѣ Россіи.* Соприкасаясь безпрестанно въ тысячѣ мелкихъ ежедневныхъ интересахъ съ Россіей, Славяне не остались бы равнодушны къ той *государственной формѣ* въ которую вылилась политическая жизнь русскаго племени. Задача въ томъ: будетъ ли *имъ нравиться* эта форма?

Напримѣръ, насколько теперь мы знаемъ Славянъ и австрійскихъ и турецкихъ, они всѣ *конституціоналисты.*

Въ Россіи же много людей, которые находятъ *подражательный* конституціонализмъ своего рода предразсудкомъ.

Они находятъ, что конституціонализмъ естественъ и благотворенъ только въ Англіи, гдѣ онъ выработался не путемъ философствованія и подражанія, а, такъ сказать, *наивно* или эмпирически, ибо Англичане имѣли всѣ задатки его дальнѣйшаго существованія еще въ то время, когда они были такъ же просты и неразвиты, какъ нынѣшніе Албанцы съ своими беями.

Скажемъ даже больше... Повторимъ здѣсь слова одной изъ не слишкомъ давнихъ замѣтокъ *Русскаго Вѣстника:* «Англійскій король есть, въ сущности, монархъ самодержавный; никакая особая, писанная конституція, никакая *современная charte* не ограничиваетъ его правъ; но ограниченіе его власти происходитъ путемъ обычая, общественнаго мнѣнія и вообще вслѣдствіе организаціи страны.»

Такого рода русскіе люди думаютъ, что *подражательныя* конституціи Франціи, Испаніи и другихъ континентальныхъ странъ только испортили ихъ *естественную государственную форму* и повергли ихъ въ состояніе періодической анархіи... Но много ли такихъ людей между юго-западными Славянами?

Особенности ихъ исторіи сдѣлали для нихъ магическимъ слово „свобода“. А *магическій*, кажется, вовсе не значитъ *логическій*... И въ Россіи есть много людей, которые шепчутся о *дальнѣйшемъ развитіи* нашихъ учрежденій. И въ печати слышишь постоянно: „Франція, въ которой распоряжался самовластный императоръ, не могла...“

Или: „Страны *свободныя*, подобныя Америкѣ или Англіи, могутъ всегда...“ и т. д.

Къ счастію, *особенности* русской исторіи сдѣлали то, что, въ настоящее время, такъ говорятъ и пишутъ большею частію только люди бездарные или поверхностные. Болѣе способные или практически опытные признаются, по крайней мѣрѣ, что для насъ это еще слишкомъ

рано. Основываясь на этомъ *отлагательствѣ*, человѣкъ, который бы боялся для Россіи учрежденія *собранія законодательнаго* и министерской *отвѣтственности*, можетъ не безъ основанія подняться на слѣдующую комбинацію:

„Всѣ эти искусственныя континентальныя конституціи, Богъ дастъ, успѣютъ скомпрометтировать себя окончательно въ глазахъ соціальной науки и общественнаго мнѣнія, къ той порѣ, когда мы, Русскіе, объявимъ себя *созрѣвшими*...“

Тогда и поверхностные практики, вѣчно едва поспѣвающіе вскочить на запятки за неудержимою колесницею идей, скажутъ про всѣ искусственныя конституціи то, что они давно уже стали говорить о столь славной, во время оно, французской централизаціи и объ испанскихъ *дѣлахъ*...

Неудержимое расширеніе Россіи въ Азіи,—расширеніе, которое не только не ослабѣваетъ, но, напротивъ, усиливается послѣ всякаго урона или разочарованія нашего на Западѣ,—также будетъ всегда требовать сильнаго сосредоточія *не жизни и быта, какъ во Франціи*, а лишь государственной, высшей политической власти...

У юго-западныхъ Славянъ иное положеніе.

Куда, *безъ насъ*, будутъ расширяться эти другіе Славяне?

А жить *съ нами*, подъ знаменемъ нашего давняго, послѣдовательнаго, многотруднаго, историческаго развитія, они, ничѣмъ предъ исторіей не обязанныя народности, свободныя отъ высшихъ историческихъ задачъ, вѣроятно, не захотятъ...

При образованіи того оборонительнаго *союза государствъ*, о которомъ я выше говорилъ, непремѣнно выработается у юго-западныхъ Славянъ такая мысль, что крайнее государственное всеславянство можетъ быть куплено только ослабленіемъ *Русскаго единаго государства*, причемъ племена, болѣе насъ молодыя, должны занять первенствующее мѣсто, не только благодаря своей молодой нетерпимости, своей подавленной жаждѣ жить и властвовать, но и необычайно могучему положенію своему между Адріатикой, устьями Дуная и Босфоромъ.

Образованіе *одного сплошнаго и всеславянскаго государства* было бы началомъ паденія царства Русскаго. Сліяніе Славянъ въ одно государство было бы кануномъ разложенія Россіи. „Русское море“ иссякло бы отъ сліянія въ немъ „славянскихъ ручьевъ“.

Греки объ этомъ никогда не думаютъ...

Греки не думаютъ также и о томъ, что Россія чисто-славянскою державой никогда не была, что ея западныя и восточныя владѣнія, расширяя и обогащая ея культурный духъ и ея государственную жизнь, стѣсняли ея славизмъ разными путями, которые людямъ, знакомымъ съ русскою исторіей, извѣстны не дурно теперь и которые станутъ еще понятнѣе и извѣстнѣе по мѣрѣ большей разработки русской исторіи.

Греки вообще дурно понимаютъ вопросы внутренней политики не только при сужденіи о столь мало знакомой имъ Россіи, но даже и объ Европѣ западной, которой языки, газеты и книги имъ ближе извѣстны. О страшныхъ соціальныхъ вопросахъ они говорятъ вообще мелькомъ и небрежно. Все вниманіе ихъ устремлено на дѣла международныя. Это понятно въ ихъ положеніи. Однако, именно нашъ примѣръ можетъ служить лучше всякаго доказательства тому, что внѣшняя политика державы опредѣляется неизбѣжно внутреннимъ устройствомъ ея политическаго организма.

Пусть такъ, скажутъ мнѣ добросовѣстные Греки, мы сожалѣемъ, что всего этого мы не брали въ разсчетъ, но, вѣдь, для насъ все равно, вы ли, или Сербо-Болгары будутъ преобладающимъ племенемъ во всеславянскомъ государствѣ. Во всякомъ случаѣ, намъ, Эллинамъ, это сосѣдство опасно.

Поэтому-то, отвѣчаю я Грекамъ, старайтесь препятствовать панславизму сколько хотите, если вы его боитесь; но помогутъ вамъ въ этомъ дѣлѣ не нападки на Россію, которыя ожесточаютъ противъ васъ общественное мнѣніе наше, какъ и вездѣ не слишкомъ дальновидное въ международныхъ дѣлахъ.

Повторяю вамъ, Россія не была и не будетъ чисто славянскою державой. Чисто славянское содержаніе слишкомъ бѣдно для ея всемірнаго духа. И если, становясь на точку зрѣнія вашего гнѣва и вашихъ опасеній, я допущу на минуту, что Турціи и Австріи уже нѣтъ, и что на мѣсто ихъ образовался тотъ союзъ государствъ, о коемъ я выше говорилъ, то необходимо будетъ придти къ слѣдующему результату.

Россія, при сношеніяхъ съ этою восточною федераціей независимыхъ государствъ, неизбѣжно будетъ во многомъ больше сходиться съ *инородными* племенами этого союза, съ Румынами и Греками, даже и Мадьярами, чѣмъ съ юго-западными Славянами.

Россія будетъ естественнымъ защитникомъ этихъ слабѣйшихъ и отчасти старѣйшихъ націй, противъ весьма возможныхъ посягательствъ со стороны Славянъ юго-западныхъ, жадныхъ, упорныхъ и властолюбивыхъ, какъ всѣ долго, но неискусно подавленныя молодыя и грубыя народности.

Греки, умные Греки,—гдѣ вашъ умъ?

Вы незнакомы съ предметомъ, о которомъ тревожитесь; ваше невѣжество во всѣхъ вопросахъ, касавшихся славянской исторіи и устройства Россійской Имперіи, лишило этотъ и быстрый и рѣзкій умъ вашъ всякихъ дѣльныхъ основъ сужденія.

И какія доказательства у васъ въ рукахъ, что Россія во всемъ сочувствуетъ Болгарамъ? Писали у насъ и за нихъ и противъ нихъ, и за васъ и противъ васъ. Ихъ поступка 6-го января никто особенно не хвалилъ. Многіе находили только, что патріарху, во вниманіе къ уми-

ротворенію церкви, слѣдовало бы пастырски простить, а не объявлять *схизму*.

Кто говоритъ *простить*, тотъ признаетъ *вину*.

Болгары, мы знаемъ, вовсе не агнцы, это народъ хитрый, искусный, упорный, терпѣливый,—народъ, который заботится теперь лишь о томъ, чтобы выдѣлить свою народность какими бы то ни было путями изъ другихъ, болѣе выросшихъ сосѣднихъ націй.

Болгары не станутъ, повѣрьте, стѣсняться и съ нами, Русскими, какъ скоро увидятъ, что мы не вторили всѣмъ увлеченіямъ ихъ племеннаго раздраженія. Они это уже и доказали, и мы это знаемъ коротко. Болгары посягаютъ уже о сю пору и на сербское племя въ старой Сербіи, разсылая туда свое духовенство и своихъ учителей, чтобъ отбить этотъ край не только церковно у вашего племени, но и *этнографически* у Сербовъ.

Болгары не агнцы; Болгары придвинутые къ Босфору, Болгары при устьяхъ Дуная; Болгары, у которыхъ горсть людей богатыхъ, искусныхъ и горячихъ ведетъ за собою покорную силу нѣсколькихъ милліоновъ безгласныхъ, терпѣливыхъ и полудикихъ селянъ; Болгары, которымъ всего выгоднѣе, какъ они сами иногда сознаются, быть за одно съ Турками; Болгары, которые могутъ слиться современемъ съ воинственными Сербами; Болгары *теперь* доказали, что ихъ *пора настаетъ*, что уже прошло то время, когда они были жертвы или агнцы. У агнца выросли острые зубы и крылья. Онъ самъ полетитъ и самъ защититъ себя. Обстоятельства ему благопріятны, и какъ ни горько это вамъ, Греки, а надо сознаться, что за Болгаръ *и правда въ прошедшемъ, и сила въ будущемъ*...

Грустно вамъ, что Ѳракія и Македонія ускользаютъ отъ васъ... Я это понимаю. Но чѣмъ же виноваты Русскіе въ томъ, что во Ѳракіи и Македоніи живутъ люди, которые Греками быть не хотятъ?

И вы, и Болгары одинаково можете быть обвинены въ *филетизмѣ*, то-есть во внесеніи племенныхъ интересовъ въ церковные вопросы, въ употребленіи религіи политическимъ орудіемъ; но разница та, что болгарскій *филетизмъ* оборонительный, а вашъ завоевательный. Ихъ филетизмъ ищетъ лишь очертить предѣлы своего племени; вашъ ищетъ перейти предѣлы эллинизма.

Вотъ въ чемъ ихъ правда и въ чемъ сила ихъ, а хвалить литургію 6-го января русскіе не должны, и тѣ русскіе, которые знаютъ Востокъ, не хвалятъ ее.

Русскіе не виноваты въ томъ, что во Ѳракіи и Македоніи больше Болгаръ, чѣмъ Грековъ.

Зачѣмъ же вы не думали объ этомъ раньше? Зачѣмъ вы не погречили Болгаръ школами? Зачѣмъ не окрестили ихъ эллинскимъ духомъ

сто лѣтъ тому назадъ, когда *идея политической народности еще не была въ ходу*?

Не было силы тогда?

Это правда.

Но чѣмъ же тутъ виновны Русскіе, которые вмѣстѣ съ вами не разъ лили кровь на полѣ чести, которыхъ вы когда-то, братья Греки, просвѣщали и учили и вѣрѣ и быту, которые вамъ, съ своей стороны, столько разъ помогали и вмѣстѣ съ вами дѣлили столько торжествъ и столько пораженій?

Исторія прошедшаго связала насъ съ вами, если хотите, даже ближе и теплѣе, чѣмъ съ Болгарами, у которыхъ и не было никакой порядочной исторіи... И знайте, что, въ близкомъ будущемъ, вы помиритесь опять съ нами; опять будете намъ братья-Греки и друзья... У Болгаръ есть братья и помимо насъ, и *выборъ ихъ свободнѣе* вашего... А вы, Греки, вы *сироты* въ этнографіи, и, кромѣ Русской державы, старой между Славянами, пресыщенной размѣрами и властью, снисходительной и осторожной, у васъ нѣтъ друзей...

Вы вѣрите въ Германію?

Стыдитесь вашего политическаго ребячества!

Нынѣшніе правители Германіи поняли, кажется, что Drang nach Westen вѣрнѣе, чѣмъ напоръ на созрѣвающій Востокъ...

И если бы Россія серьезно захотѣла вамъ вредить, то, повѣрьте, эти правители Германіи предадутъ васъ Русскимъ съ радостью изъ-за малѣйшей уступки имъ по западнымъ дѣламъ.

А если правительство въ Германіи измѣнится, если духъ бездарныхъ либераловъ возьметъ верхъ надъ стойкимъ духомъ императора Вильгельма и Германія станетъ тогда враждебна Россіи, то Германіи не поздоровится тогда между оскорбленною Россіей и Франціей, остервенившеюся отъ ужаса и мести!

Не обманывайте себя надеждами ни на силу Германіи, ни на ея сочувствіе къ вамъ.

Вотъ что я хотѣлъ бы отвѣтить Грекамъ, которые не умѣютъ отличать русскихъ интересовъ отъ болгарскихъ стремленій.

II.

Я думаю еслибы Греки не подозрѣвали вездѣ за Болгарами Русскихъ, они были бы покойнѣе. Не надо думать, что въ этомъ чувствѣ есть какая-нибудь *физіологическая* ненависть къ Русскимъ. За что же? Нѣтъ, это просто естественный разсчетъ и разсужденіе боязни. Народъ малочисленный трепещетъ за чистоту и цѣлость своего племени при мысли о *сліяніи въ одно* 120 милліоновъ сосѣднихъ славянъ. Славянской исторіи ученые Греки вовсе не знаютъ; характеръ Русскаго

государства, которое, съ одной стороны, какъ мы уже говорили, чисто славянскимъ никогда не было и не могло быть, а съ другой—расширяться на юго-западъ безъ вреда самому себѣ болѣе не можетъ, этотъ характеръ имъ незнакомъ и непонятенъ.

— Вы, Славяне, наши естественные враги! Мы должны отнынѣ поддерживать Турокъ,—говорилъ мнѣ разъ съ одушевленіемъ молодой и очень образованный греческій епископъ.—Пока существуетъ Турція,—продолжалъ онъ,—мы еще обезпечены. Панславизмъ дружбою, единовѣріемъ, сосѣдствомъ своимъ опасенъ намъ болѣе, чѣмъ военною силой, которую, мы увѣрены, противъ насъ не употребятъ. Но смѣшанные браки, необходимость знать тогда славянскій языкъ и тысяча подобныхъ условій могутъ стереть племя эллиновъ съ лица земли. Вотъ почему Турція намъ нужна, и критскія дѣла были одною изъ величайшихъ ошибокъ аѳинской политики.

— Никто на Турцію и не посягаетъ,—отвѣчалъ я ему.—Ноты нашего министерства были всегда составлены въ такомъ духѣ, что Россія не можетъ оставаться равнодушною къ жалобамъ христіанъ. Пусть Турція съумѣетъ успокоить и удовлетворить своихъ христіанскихъ подданныхъ, и Россія будетъ ей самый вѣрный другъ.

— Я вѣрю, что теперешнее правительство русское искренно въ своихъ словахъ,—сказалъ епископъ.—Оно это не разъ доказало; въ 29-мъ году, во время войны Турціи съ Египтомъ, въ 66-мъ, и теперь недавно, оно могло бы поступить вовсе иначе. Но люди проходятъ, правители и интересы измѣняются... Тогда что? Болгары народъ грубый, безъ васъ они ничего не съумѣли бы сдѣлать...

— Во-первыхъ, берегитесь впасть во французскія ошибки,—отвѣчалъ я этому молодому и пылкому епископу.—Французы до 66 года безпрестанно смѣялись надъ невоинственностью Нѣмцевъ, надъ ихъ несогласіемъ, и писали въ газетахъ и книжкахъ своихъ о томъ, что французы рождены для военной *славы*, Англичане для политической свободы, а Нѣмцы для философіи и *кислой капусты*. Теперь Французы этого не пишутъ. Націи умнѣютъ и крѣпнутъ незамѣтно, и Болгары давно уже не нуждаются въ русскихъ помочахъ. А вы все считаете ихъ, какъ вы говорите, простыми и грубыми *толстоголовыми*, на томъ основаніи, что безграмотное сельское населеніе болгарскихъ странъ грубѣе, невѣжественнѣе и проще вашего живаго, грамотнаго, политикующаго греческаго простонародья... Но, смотрите, не сила ли эта простота болгарская? У васъ мѣшается въ дѣла всякій, и разноголосица у васъ великая во всемъ; у Болгаръ немногіе вожди, обученные у васъ, у насъ, на западѣ, увлекаютъ за собою легко эту простодушную толпу.

Болгарская исторія только что начинаетъ рости; ваша скороспѣлая народность далеко зрѣлѣе. Это не всегда выгодно. И съ другой сто-

роны, юго-Славяне вовсе не такъ послушны намъ, Русскимъ, какъ вы думаете. Я видѣлъ тому много примѣровъ. Приведу одинъ. Въ одномъ изъ городовъ Ѳракіи основалась, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, небольшая православная болгарская школа для противодѣйствія уніатской школѣ, основанной въ томъ же городѣ польскими священниками, подъ очень явнымъ покровительствомъ консульствъ французскаго и австрійскаго. При началѣ учрежденія новой болгарской школы, въ уніатскомъ училищѣ было около 90 учениковъ. Благодаря стараніямъ молодаго и энергическаго болгарскаго учителя, благодаря согласію двухъ православныхъ консульствъ, русскаго и эллинскаго, благодаря, наконецъ, участію, которое въ этомъ дѣлѣ приняли не только вліятельные Болгары этого города, но и греческій архіепископъ и нѣкоторые богатые Греки, къ концу перваго года въ уніатской школѣ осталось не болѣе десяти дѣтей, всѣ остальныя перешли мало-по-малу въ православную.

Въ училищѣ, къ концу года, былъ назначенъ публичный актъ.

Русскій консулъ, который видѣлъ явное покровительство католическихъ консуловъ уніатамъ, не находилъ нужнымъ скрывать слишкомъ тщательно свое вниманіе къ школѣ православной, пригласилъ съ собою на этотъ актъ греческаго консула и самыхъ значительныхъ греческихъ патріотовъ, чтобы Болгары видѣли доброжелательство мѣстныхъ Грековъ. Греки охотно согласились. Что же сдѣлалъ молодой болгарскій учитель?

Подъ конецъ акта онъ вынулъ изъ кармана писанную по-болгарски рѣчь и далъ ее читать громко одному изъ лучшихъ учениковъ своихъ.

Рѣчь была наполнена нападками на Грековъ. „Грцкый Патрикъ“, „Фанаръ“, „отеческое правительство султана, спасающее Болгаръ отъ Грековъ“ и т. п.

Къ счастію, рѣчь была не велика, кончилась скоро, и ни одинъ изъ Грековъ хорошо по-болгарски не понималъ.

Консулъ русскій былъ справедливо возмущенъ фанатическою невѣжливостью молодаго Болгарина, у котораго во все время чтенія этой непристойной рѣчи глаза блистали отъ радости. Онъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему, что только во вниманіе къ его способностямъ и трудолюбію не хочетъ лишать его мѣста, ибо на это, какъ ему хорошо извѣстно, силу и средства русскій консулъ имѣетъ, что его просятъ впредь оставить въ школѣ привычку повторять „Грцы-ты“, „Грцы-ты“, и такъ какъ на кого-нибудь нападать, повидимому, неизбѣжно, то пусть твердитъ „Франки-ты“, „Франки-ты“, ибо школа основана для противодѣйствія католицизму, а не эллинизму, который, наконецъ, во Ѳракіи и не силенъ, и не страшенъ. Вотъ одинъ примѣръ. И такихъ бездна. А вотъ и другой изъ греко-сербскихъ былъ.

Критское возстаніе, всѣ греки это знаютъ, было возбуждено не Россіей, а Франціей и аѳинскими патріотами. Россія его опасалась и не желала; но когда оно разыгралось, что оставалось дѣлать Россіи, этому старшему брату православія на Востокѣ? Этому старшему брату оставалось сказать себѣ: я воздерживалъ пылкаго младшаго брата, сколько могъ; онъ меня не послушалъ; это грустно; но теперь я не могу вовсе покинуть его въ бѣдѣ. Русское правительство тогда начало сколько возможно умѣрять совѣтами гнѣвъ Турокъ; русское посольство своимъ ходатайствомъ у Порты спасало жизнь плѣннымъ Эллинамъ, взятымъ съ оружіемъ въ рукахъ; русское консульство въ Критѣ, открыто пользуясь *правомъ убѣжища*, не выдавало Критянъ, скрывшихся за стѣны консульскаго дома; престарѣлый русскій консулъ въ Критѣ, г. Дендрино, страдавшій въ то время ужасною болѣзнью, имѣлъ мужество, не сходя съ постели, принимать участіе во всѣхъ бурныхъ и страшныхъ дѣлахъ, кипѣвшихъ тогда на прекрасномъ и героическомъ островѣ. Русскія суда перевозили въ свободную Элладу критскихъ женщинъ, дѣтей и раненыхъ, или уставшихъ повстанцевъ.

Русскія *независимыя* газеты возбуждали южныхъ Славянъ противъ Турокъ на помощь Грекамъ.

Одинъ Болгаринъ издавалъ даже нарочно съ этою цѣлью, какъ говорили тогда, газеты, брошюры въ Валахіи на болгарскомъ языкѣ.

И что же? Болгары остались спокойны и равнодушны; искусственное движеніе около Рущука осталось искусственнымъ и не нашло благопріятныхъ условій для развитія въ болгарскомъ населеніи. Сербы же, вмѣсто того, чтобы подать помощь Грекамъ, воспользовались этою трудною для Турціи минутой, чтобы очистить отъ турецкихъ войскъ свои крѣпости.

Россія доказала еще недавно, что *она дѣйствительно* не ищетъ гибели Турецкой имперіи, и этотъ мирный инстинктъ ея, не внимающій запоздалымъ крикамъ нѣкоторыхъ пустыхъ публицистовъ, ведетъ ее лишь къ добру, какъ увидимъ дальше. Да, Россія и тогда не искала разрушить Турцію, но она могла желать, чтобы нѣсколько *бóльшая настойчивость* юго-славянъ принудила Турцію отдать Элладѣ Критъ, котораго прекрасныя горы и цвѣтущія долины такъ безплодно обагрялись кровью отважныхъ Аѳинянъ и благородныхъ островитянъ.

Сербы и Болгары имѣли *свои*, вовсе *не русскія* желанія.

Что было дѣлать Россіи?

Вотъ что я отвѣтилъ тогда греческому епископу.

Вотъ что я хотѣлъ бы сказать и всѣмъ Грекамъ.

Россія, повторяю я, доказала, что она разрушить Турцію не ищетъ. Это давно уже стали повторять между собою тайкомъ и христіане;

въ послѣднее время, хотя и немногіе, но умные Турки стали тоже подозрѣвать, что *это можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ правда.*

Да, это такъ. Но вотъ въ чемъ дѣло:

Положеніе Турецкой имперіи (особенно по сю сторону Босфора) справедливо могло внушать опасенія, справедливо могло подать поводъ назвать Турцію „больнымъ человѣкомъ".

Но больной человѣкъ не значитъ еще человѣкъ *умирающій*; больные выздоравливаютъ, и даже неизлѣчимыя, въ сущности, болѣзни какъ у людей, такъ и у государственныхъ организмовъ, имѣютъ свои послабленія и улучшенія, до того иногда долгія, что организмъ проживаетъ обыкновенную длину жизни, погибая, однако, но гораздо позднѣе, иногда отъ той же или сходной болѣзни, а иногда вовсе неожиданно отъ иной случайности.

Могли ли мы оставаться равнодушны при видѣ подобнаго состоянія дѣлъ въ Европейской Турціи, и не имѣли ли мы, я не говорю *права* (мы устали отъ этихъ *разныхъ правъ*, которыя каждый толкуетъ по-своему!), а *необходимости*, спросить себя: „владѣтель этого сосѣдняго государственнаго зданія богатъ; съ нимъ мы жили попеременно то дурно, то дружески; его отношенія къ намъ мы уже знаемъ; но въ виду столькихъ опасныхъ и могучихъ соперниковъ (если не всегда враговъ) нашихъ на Западѣ, намъ надо знать *на всякій случай*, въ какое отношеніе станутъ къ намъ его *возможные* наслѣдники, эти мѣстныя племена, соединенныя, къ тому же, съ нами кто исторіей нашею, а кто и кровью?"

Вотъ почему Россія всегда поддерживала христіанъ на Востокѣ; она знала, что если *не она*, такъ *другіе* будутъ поддерживать ихъ *на всякій случай.*

Россія можетъ не искать разрушенія Турецкой имперіи, но она не могла и стать *поручителемъ* за ея существованіе въ ея теперешнихъ предѣлахъ, когда въ нѣдрахъ ея были безпрестанныя волненія, бунты, когда жалобы то на притѣсненія, то на слабость власти раздавались со всѣхъ сторонъ, когда финансы были постоянно разстроены, когда западные агенты командовали въ этой имперіи, какъ въ завоеванной странѣ.

Давно ли французскіе консулы, подъ предлогомъ союзничества и добрыхъ совѣтовъ, оскорбляли ежедневно самыхъ почтенныхъ и полезныхъ пашей? Они смягчились только послѣ Седана. Турки это знаютъ хорошо, и потому, разъ оправившись отъ потрясенія, произведеннаго въ ихъ средѣ извѣстіемъ о пораженіяхъ французскихъ войскъ Германцами, за которыми они думали видѣть возстающую изъ мирнаго отдыха своего Россію, — разъ оправившись отъ этого перваго и неосновательнаго испуга своего, Турки всѣ въ одинъ голосъ стали *невольно*, инстинктивно радоваться добрымъ урокамъ, которые получала

отъ потсдамскихъ юнкеровъ зазнавшаяся и наглая французская буржуазія.

Англичане лично вели себя въ Турціи всегда лучше Французовъ, просто вслѣдствіе лучшаго *личнаго* воспитанія, но въ дѣла мѣшались не менѣе Французовъ и готовы были всегда поддерживать въ чемъ угодно и христіанъ, лишь бы не въ открытыхъ возстаніяхъ. Всякій искалъ обратить Турцію въ какую-то чуть не вассальную страну. Съ какой же стати одна Россія, видѣвшая все это, оставалась бы бездѣйственною и не старалась бы, то тѣмъ, то другимъ путемъ, привлечь къ себѣ сердца *возможныхъ* наслѣдниковъ безпрестанно потрясаемой державы?

Съ какой же стати русскіе агенты оставались бы равнодушными, когда Англія почти дарила Греціи Іоническіе острова, когда Франція явно ласкала Болгаръ, обѣщая имъ *все*, чего они хотятъ, за переходъ въ уніатство, когда Австрія, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, до того явно возбуждала національныя страсти сербскаго племени, что простое мусульманское населеніе сербскихъ странъ было доведено до изступленія и Турки *не разъ* стрѣляли въ австрійскаго консула въ Мостарѣ.

Не *самой* Турціи, не султану Россія была и должна быть враждебна; она была и должна быть враждебна западнымъ интригамъ, которыя до сихъ поръ такъ безпрепятственно разыгрывались въ нѣдрахъ организма Турецкой имперіи,—организма сложнаго и потрясеннаго развитіемъ новыхъ, постороннихъ Исламу народностей.

Россія и по исторіи своей, и по географическому положенію, и по религіи своей, и по племеннымъ особенностямъ имѣла гораздо болѣе другихъ державъ основанія искать привлечь къ себѣ сердца *возможныхъ* наслѣдниковъ, въ случаѣ *возможнаго* (я не говорю *неизбѣжнаго* или *желательнаго*, а въ случаѣ лишь *возможнаго*) ухода Турокъ за Босфоръ.

Всегдашняя опасность для Россіи—на Западѣ; не естественно ли ей искать и готовить себѣ союзниковъ на Востокѣ? Если этимъ союзникомъ захочетъ быть и мусульманство, тѣмъ лучше. Но если Турцію никогда сила Запада не допускала до этого союза, должна ли была Россія смиряться предъ Западомъ?

Кто же потребуетъ этого?

Россія думала найти естественныхъ союзниковъ въ молодыхъ христіанскихъ націяхъ Востока. Она поставила себѣ правиломъ: *поддерживать и защищать гражданскія права христіанъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣрять по возможности пылъ ихъ политическихъ стремленій.*

Такова была разумная и умѣренная дѣятельность *оффиціальной* Россіи на Востокѣ. *Неоффиціальная* Россія,—Россія газетъ, книгъ и частныхъ сборищъ, была, правда, менѣе широка и умѣренна; въ ней

дѣйствительно замѣчался *узкій славизмъ*. Такъ, напримѣръ, славянскій съѣздъ 67 года надо было бы замѣнить *все-Восточнымъ* съѣздомъ; это было бы и величавѣе и менѣе оскорбительно для *не*-Славянъ... Но ошибки общественной недальновидности легко исправимы въ тѣхъ странахъ, гдѣ сильная власть, *внимая иногда и* „общественному мнѣнію", не вынуждена, однако, униженно ползать предъ нимъ. Россія, говорю я, искала сколько могла *исполнить желанія христіанъ*. Болгары вначалѣ *просили* только школъ и литургіи славянской, Россія помогала имъ и *просила* грековъ быть помягче и посправедливѣе. Греки мѣстами *просили* тоже помощи на школы (напримѣръ, для женскихъ школъ въ Превезѣ, въ Халки, въ Буюкъ-Дере),—эту помощь имъ давали. Греки *просили* ризъ и утвари церковной,—имъ посылали ризы и утварь. Греческіе монахи маленькихъ и бѣдныхъ монастырей въ Эпирѣ и другихъ мѣстахъ Турціи посылали старые хрисовулы московскихъ царей въ Россію,—и имъ высылали по хрисовуламъ денегъ сколько могли. *Бѣднѣйшія греческія* обители на Аѳонѣ жили и живутъ русскими добровольными подаяніями и наперерывъ испрашиваютъ себѣ право на сборы въ Россіи; *богатѣйшіе греческіе* монастыри на томъ же Аѳонѣ (Ватопедъ и Иверъ) живутъ: одинъ доходами съ богатыхъ бессарабскихъ имѣній, другой доходами съ монастыря св. Николая въ Москвѣ.

Греки желали присоединить себѣ Критъ; Россія *просила* Турцію отдать имъ Критъ. Болгары *просили* сначала полунезависимую іерархію у грековъ, Россія *просила* Грековъ и Турокъ хоть сколько-нибудь удовлетворить ихъ.

У Россіи особая политическая судьба: счастливая ли она или несчастная не знаю. Интересы ея носятъ *какой-то нравственный характеръ* поддержки слабѣйшаго, угнетеннаго. И всѣ эти слабѣйшіе, и всѣ эти угнетенные, до поры до времени, по крайней мѣрѣ, стоятъ за нее.

Въ Польшѣ за правительство крестьяне-Мазуры, а не дворянство; въ Бѣлоруссіи еще больше... Въ Финляндіи, кто за Россію? не столько шведское *дворянство*, сколько завоеванный *финскій народъ*. Въ балтійскихъ провинціяхъ сельскіе Эсты и Латыши, по мнѣнію многихъ, надежнѣе для насъ чѣмъ владѣтельные Нѣмцы. Въ Туркестанѣ, говорятъ, полевое кочующее населеніе полуязычниковъ Киргизовъ, плебейство Туркестана, довольнѣе русскими, чѣмъ владѣтельнымъ племенемъ Сартовъ, мусульманъ. Греки жаловались на угнетеніе отъ Турокъ: Россія защищала ихъ; Болгары жаловались на притѣсненія отъ Грековъ: Россія защищала ихъ. Даже въ Индіи, слышно, и мусульмане и индусы имѣютъ предсказанія въ пользу *Уруса* и противъ *Инглеза*... Имя *Бѣлаго* царя, говорятъ, извѣстно въ Индіи.

Такова особая, любопытная политическая судьба этой *деспотической* Россіи.

Интересы этой державы вездѣ болѣе или менѣе совпадаютъ съ *желаніемъ* слабѣйшихъ. По крайней мѣрѣ, на время, то тамъ, то сямъ, по очереди. Это вовсе и не искусство, это историческій *fatum*. Это выходитъ иногда противъ воли. Правительство наше сначала опиралось больше на дворянство польское, чѣмъ на народъ. Дворянство это взбунтовалось, и правительство обратилось къ народу.

Каковы же теперь желанія турецкихъ христіанъ, Болгаръ и Грековъ?

Въ чемъ состоятъ ихъ *существенные* ближайшіе интересы? Что̀ имъ нужно прежде всего — не для матеріальнаго существованія, конечно, а для ихъ національнаго развитія?

Паденіе Турціи? О, нѣтъ! напротивъ: и Грекамъ и Болгарамъ нужно удержаніе Турокъ на Босфорѣ, нужно сохраненіе цѣлости Турецкой имперіи; Турки нужны теперь и тѣмъ и другимъ. И нужны они не *съ моей* личной или какой-нибудь теоретической только точки зрѣнія, и не съ точки зрѣнія какихъ-нибудь дальновидныхъ *русскихъ* интересовъ. Нѣтъ, Турки нужны и Грекамъ и Болгарамъ съ точки зрѣнія именно *крайней эллинской* и *крайней болгарской*.

А если такъ, то, сообразно *желаніямъ* единовѣрцевъ нашихъ, Турки необходимы и для русской политики, этой всегда *фаталистически умѣренной*, всегда *инстинктивно средней*.

Основательнѣе доказать все это я постараюсь въ слѣдующемъ письмѣ.

III.

Грекамъ Турки на Босфорѣ нужны, какъ *средство предохранительное отъ развитія того панславистическаго государства*, котораго они такъ опасаются.

Пока Турокъ на Босфорѣ, говоритъ себѣ теперь крайній Грекъ, панславизмъ невозможенъ; и намъ бороться противъ него легче при существованіи Турецкой имперіи въ ея нынѣшнемъ составѣ. Дѣйствовать противъ панславизма всѣми путями въ Константинополѣ даже несравненно легче, чѣмъ въ Элладѣ. Наши конституціонныя формы имѣютъ свои стѣснительныя стороны; въ Турціи, въ послѣднее время, стало удобнѣе для широкаго веденія подобныхъ дѣлъ. Съ одной стороны, возможность народныхъ движеній, подобныхъ тѣмъ, которыми мы терроризовали патріархію, заставивъ ее объявить *схизму;* съ другой—самодержавная власть, при которой, однажды расположивъ къ себѣ людей силы, можно скорѣй и вѣрнѣй обезпечить успѣхъ всѣхъ возможныхъ усилій.

Такъ говорятъ Греки. Болгары—подданные султана, и Греки тоже: Элладѣ принадлежитъ всего полтора милліона Грековъ, большинство

принадлежитъ Турціи. У Грековъ больше средствъ политическихъ, посредствомъ вліянія эллинской дипломатіи, которая теперь въ большомъ согласіи съ Турками; больше средствъ умственныхъ, посредствомъ открытія столькихъ литературныхъ обществъ, больше средствъ коммерческихъ и т. п.

Болгаръ въ Турціи за то гораздо больше; они, правда, не имѣютъ *внѣ Турціи* своего политическаго центра, какъ Греки въ Элладѣ; но это не всегда невыгода. Болгары не имѣютъ *своихъ* государственныхъ людей, *своей* дипломатіи, которая бы *извнѣ* помогла имъ; но за то они *цѣльнѣе; они всѣ вмѣстѣ* подъ властью султана, и потому интересы ихъ не раздроблены; они не имѣютъ *двухъ* сильныхъ центровъ, подобныхъ Фанару и Аѳинамъ, которые сегодня согласны, но завтра могутъ придти въ столкновеніе по какимъ-либо отдѣльнымъ интересамъ.

И такъ, при существованіи Турціи, борьба довольна равна, и Греки, справедливо столь гордые своимъ дарованіемъ и своею энергіей, могутъ еще надѣяться, если не на торжество (то-есть на ниспроверженіе новыхъ болгарскихъ порядковъ), то, по крайней мѣрѣ, на долгій и серіозный отпоръ развивающемуся во всѣхъ отношеніяхъ болгарству.

Турція, одна Турція, думаютъ Греки, можетъ не допустить сербовъ слиться съ Болгарами, можетъ покровительствовать несправедливымъ притязаніямъ Болгаръ на сербское племя въ старой Сербіи, и, такимъ, образомъ держать эти два сосѣднія славянскія племени въ долгомъ антагонизмѣ. Турція, подъ эллинскимъ руководствомъ, можетъ препятствовать Россіи слишкомъ вліять на Болгаръ и т. д.

— Союзъ съ Турціей, съ Германіей, съ Англіей, съ кѣмъ угодно, чтобы только охранить себя отъ всесокрушающаго потока панславизма!

Вотъ что̀ восклицаютъ самые крайніе Греки.

Они и правы отчасти, если стать на ихъ недовѣрчивую къ Славянамъ точку зрѣнія и если предположить, съ другой стороны, что Турціи грозитъ какая-нибудь рѣшительная опасность отъ Славянъ.

Но дѣло въ томъ, что именно самые пылкіе и крайніе Болгары тоже желаютъ сохраненія Турціи.

Я началъ второе письмо мое словами греческаго епископа; приведу здѣсь *съ натуры* слова одного болгарскаго архимандрита, человѣка, жившаго долго въ Россіи, умнаго, ученаго и въ высшей степени энергическаго.

— Намъ одно желательно, — сказалъ онъ мнѣ, — чтобы султанъ сталъ современемъ *и царь Болгарскій*. Это выгоднѣе всего для нашей незрѣлой народности; это лучше всего можетъ предохранить ее не только отъ Грековъ, но и отъ поглощенія Сербами и... отъ другихъ, — прибавилъ онъ, смѣясь и взявъ меня за руку.

Въ одномъ печальномъ и грязномъ хану, въ глухомъ болгарскомъ городкѣ, посѣтилъ меня одинъ скромный, но очень порядочный учитель.

— Намъ, Славянамъ, прежде всего, надо опасаться Австріи,—сказалъ онъ. — Греки теперь намъ уже не страшны. Но Нѣмецъ своею высшею цивилизаціей, — цивилизаціей христіанскою, во всякомъ случаѣ, — можетъ гораздо глубже вредить намъ *духомъ* чѣмъ, Турокъ. Отъ Турокъ религія отдѣляетъ насъ глубоко: Турки могутъ вредить намъ *вещественно;* но̀ что̀ дѣлать! Надо терпѣть нѣкоторыя неудобства для высшей цѣли.

Дальше ничего онъ мнѣ не сказалъ, мы съ нимъ видѣлись первый разъ; но я понялъ *и дальше.*

И такъ, если Греки въ послѣднее время стали смотрѣть на Турцію какъ на лучшій оплотъ панславизму, то Болгары смотрятъ на нее какъ на охранительный покровъ, подъ которымъ вѣрнѣе можетъ окрѣпнуть ихъ зеленая и еще слабая народность, не страдая отъ духовнаго и сглаживающаго вліянія народностей сосѣднихъ и родственныхъ имъ, но болѣе ихъ зрѣлыхъ, просвѣщенныхъ и крѣпкихъ.

— Безъ Турокъ, въ настоящее время и надолго, мы *слабѣе* всѣхъ на свѣтѣ; вмѣстѣ съ Турками мы сильнѣе и Грековъ и Сербовъ, ибо насъ *больше*, ибо мы *всѣ вмѣстѣ райя*, и не разбиты ни какъ Греки на *двѣ половины*, турецкую и свободную, ни какъ Сербы на *четыре* части: турецкую, австрійскую, черногорскую и бѣлградскую. Мы никогда не бунтовали какъ Греки и Сербы, мы *сознательно* не хотѣли помочь имъ во время ихъ движеній. Поэтому мы имѣемъ право на довѣріе правительства. У насъ нѣтъ независимыхъ центровъ, въ родѣ Цетинья, Аѳинъ и Бѣлграда, изъ которыхъ, при случаѣ, можетъ грозить Туркамъ война; у насъ нѣтъ *династій* своихъ, намъ *нечего* присоединять къ независимому центру; у насъ нѣтъ ни Крита, ни Босніи, ни Эпира, ни Ѳессаліи, ни Герцеговины. Мы всѣ вмѣстѣ *райя*. Да здравствуетъ же Абдъ-Улъ-Азизъ-ханъ, султанъ нашъ *и царь Болгарскій!*

— Что̀ дѣлать, мы свыклись съ Турками,—сказалъ мнѣ, смѣясь, однажды еще третій Болгаринъ.—Какъ-нибудь проживемъ. Этнографія же говоритъ, что мы отчасти одной породы съ ними. И славянскіе ученые этого не могутъ вполнѣ отрицать.

Относительно чувствъ Болгаръ къ Россіи вотъ что можно сказать: большинство Болгаръ образованныхъ, Россіи не враждебны; напротивъ того, они ей желаютъ всякаго добра, даже гордятся ея успѣхами, не прочь при случаѣ отъ ея помощи (впрочемъ, *очень осторожной;* смѣлая помощь не нравится имъ и вредитъ въ глазахъ Турокъ, по ихъ мнѣнію). Но и *политически* и, такъ сказать, *культурно* они желаютъ быть какъ можно болѣе *Болгарами*, какъ можно менѣе Греками, Сербами или Русскими.

— Если Россія желаетъ намъ безкорыстно того добра, котораго мы сами себѣ желаемъ, то она пойметъ, что сближеніе съ Турками было бы для насъ выгоднѣе всего.

— Россія, то-есть благоразумная часть Россіи, — отвѣтилъ бы я этакому Болгарину, — желаетъ вамъ блага и не желаетъ, конечно, Туркамъ зла; у нея есть соперники опаснѣе Турокъ, и ей въ пору лишь думать о своихъ западныхъ границахъ и своихъ внутреннихъ дѣлахъ.

Дѣйствительно, кто же у насъ этого не знаетъ, опасности у Россіи есть серьезныя.

Государственные люди и сами націи, если они не ослѣплены заносчивою небрежностью, берутъ мѣры заблаговременно, и тогда еще, когда обстоятельства, повидимому, *весьма* благопріятны.

Разсчетъ будущаго ведется не на счастливыя условія, а на худыя.

Дѣло германскаго объединенія еще не кончено. Голландія, быть можетъ цѣлая Данія, наши балтійскія и завислинскія провинціи, нѣмецкая часть Австріи, вотъ еще сколько разныхъ добычъ могутъ имѣть въ виду германскіе патріоты. Мы ихъ за это и не осуждаемъ: политика международная не есть сентиментальная идиллія, которой бы желали иные сердобольные фразеры и столь многіе дѣльцы, воображающіе, что весь міръ и въ самомъ дѣлѣ созданъ только для спокойнаго процвѣтанія *ихъ* торговли и для развитія *ихъ* благоденствія, *ихъ* капиталовъ.

Международная политика есть неизбѣжная въ исторіи игра силъ, такъ сказать, механическихъ силъ народной жизни. Вопросъ ея—вопросъ о взаимной *пондераціи* этихъ народныхъ силъ. Смотря по эпохѣ, по внѣшнимъ обстоятельствамъ, по внутренней организаціи своей, всякая нація бываетъ завоевательною, насильственною, или мирною, оборонительною, выжидающею. Но иныя націи, иныя государства чаще судорожны и буйны; другія очень рѣдко и лишь въ крайности. Германія нынѣ вступила въ тотъ же періодъ, въ которомъ была Франція при Наполеонѣ I. Разница въ томъ, что у Франціи *было тогда, что сказать свѣту*; свѣтъ европейскій, видно, нуждался тогда въ урокахъ демократической силы. У Германіи нашего времени нѣтъ *своего слова всемірнаго*. Все, что у нея есть, извѣстно и безъ нея. Нельзя же *величавые* (я не хочу сказать *великіе*) принципы 89 года какъ бы они ни были ошибочны и для самой Франціи смертоносны, сравнивать съ такими сухими утилитарными мелочами, какъ всеобщая мелкая *принудительная* грамотность и тому подобныя нѣмецкія вещи.

Поэтому-то Франція, увлекаемая своею міровою идеей, и переступала, такъ далеко и безплодно для себя, но не безъ временной пользы для другихъ, естественныя границы своего племени; Германіи же нѣтъ ни нужды, ни призванія переходить за предѣлы того, что она основательно или нѣтъ можетъ считать *германствомъ*.

Но эта самая бѣдность современной германской идеи и составляетъ ея силу; идея проще и яснѣе и имѣетъ даже болѣе подходящую къ *правдѣ* и къ *праву* физіономію.

Чтобы понять восточный вопросъ въ его новой фазѣ, надо стать на мѣсто Нѣмцевъ и спросить себя: „Что для нихъ выгоднѣе всего въ смыслѣ преобладанія?“

Ясно, что лучшая комбинація для нихъ была бы вотъ какая:

1. Ослабить Россію въ Балтійскомъ морѣ и на Дунаѣ.

2. Завладѣть частію западныхъ окраинъ Россіи и Германскою Цислейтаніей.

3. Создать себѣ на югѣ союзника достаточно сильнаго, чтобы онъ годился ей противъ Россіи, и достаточно слабаго, чтобы онъ повиновался германскому руководству.

Допустимъ счастливыя условія для осуществленія такого плана: Россія побѣждена; положеніе самаго Петербурга становится нестерпимымъ, такъ близко къ границѣ враждебнаго государства. Нынѣшняя Австрія, союзникъ Германіи въ этой борьбѣ, по условію отдаетъ ей свои нѣмецкія провинціи и Богемію. Династія Габсбурговъ переноситъ свою столицу изъ Вѣны въ Пештъ и вознаграждается на первый разъ Молдо-Валахіей съ Добруджей. Молдо-Валаховъ можно привлечь всегда въ подобную сдѣлку, присоединивъ къ нимъ всѣхъ австрійскихъ Румыновъ и турецкую Добружду, въ которой румынскихъ селъ очень много. Боснія съ Герцеговиной также могутъ быть отданы Австріи: у нея у самой много людей сербскаго племени, которые могутъ радоваться перенесенію центра сербской тяжести изъ Бѣлграда въ Загребъ, Дубровникъ или какую-нибудь иную сербо-католическую мѣстность.

Образованіе этой юго-славянской конституціонной федераціи, съ примѣсью мадьяръ и румыновъ, на развалинахъ Турціи, обезпечило бы за Германіей на долгія времена страшный перевѣсъ надъ всѣмъ, не только европейскимъ, но и ближайшимъ азіатскимъ міромъ.

Конфедерація эта была бы *именно настолько сильна*, чтобы сокрушить съ помощью Германіи вліяніе Россіи на дѣла Юго-Востока, и *достаточно слаба*, вслѣдствіе сепаратистскихъ наклонностей племенъ ее составившихъ, чтобы повиноваться Германіи. Дунай сталъ бы тогда дѣйствительно рѣкой германскою. Болгарія принуждена была бы волей-неволей раздѣлить судьбы другихъ юго-славянъ, „и“ *царь Болгарскій* ушелъ бы далеко за Босфоръ; *полу-татарская* Московія была бы отброшена къ Сибири и Кавказу.

Австрія на устьяхъ Дуная, у воротъ Царьграда или, лучше сказать, въ самомъ Царьградѣ, быть можетъ и въ Варшавѣ, Австрія угрожающимъ разсыпнымъ строемъ опоясывала бы Московію отъ береговъ Балтійскихъ до Чернаго моря и Дарданеллъ, а за нею виднѣлись бы сплошныя и твердыя германскія колонны.

Прекрасное бы тогда было положеніе Эллиновъ! О, какъ эти бѣдные эллины простирали бы тогда руки то въ Багдадъ или Брусу, къ тѣмъ умѣреннымъ и терпѣливымъ людямъ, которыхъ такъ недавно еще звали „варварами“, „нечестивыми агарянами“, „звѣрями въ образѣ человѣческомъ“, то къ дальней Сибири, къ Уралу и къ Москвѣ.

Съ одной стороны, великія войны 66 и 71 года, съ другой,—повидимому, столь скромный вопросъ Греко-Болгарскій, одинаково измѣнили физіономію европейской политики.

Австрія становится естественнымъ, физіологическимъ врагомъ Россіи, Турціи и Грековъ. Турція—естественнымъ союзникомъ Россіи по дѣламъ австро-германскимъ, и Грековъ, вслѣдствіе ихъ антиславянской паники.

Быть можетъ даже и большинство Славянъ турецкихъ, въ минуту грознаго рѣшенія, станутъ на сторону султана противъ *духовнаго* преобладанія нѣмцевъ, какъ говорилъ мнѣ тотъ почтенный учитель болгарскій въ уединенномъ и глухомъ хану.

Въ уединенныхъ, грязныхъ и глухихъ ханахъ Болгаріи и Ѳракіи есть нынче люди, которые понимаютъ эти вопросы.

Австро-германскія дѣла—вотъ исходная точка того политическаго переворота, который, несмотря *не всѣ частныя* распри, ранѣе или позднѣе, долженъ хоть по времени объединить въ одной высшей, настоятельной потребности всѣ или почти всѣ народности и государства европейскаго Востока.

Я сказалъ, что̀ выгодно для Германіи и Австріи. Сказалъ, что̀ выгодно для Грековъ и Болгаръ. Сказалъ, наконецъ, что̀ выгодно для Россіи въ настоящую минуту.

Повторю все это.

Для Германіи и Австріи выгодно было бы (еслибъ это было возможно) ослабленіе Россіи и разрушеніе Турціи.

Для Россіи *постепенное, осторожное* развитіе Грековъ и юго Славянъ подъ владычествомъ султана; сохраненіе добрыхъ отношеній и съ Турками, и болѣе или менѣе со всѣми восточными христіанами, прежде всего на случай какой-нибудь западной грозы.

Всевозможное миролюбіе и всевозможное искусство правителей не можетъ навѣрное ручаться, что съумѣетъ измѣнить, по своей волѣ, *въ корнѣ* теченіе историческихъ судебъ.

Я выше говорилъ что расчетъ, государственный долженъ вестись не на одни счастливые случаи, но и, на несчастные. Это вѣрнѣе. Россія миролюбивѣе другихъ великихъ державъ не по какой-то гуманной монополіи. Есть люди очень гуманные, но гуманныхъ государствъ не бываетъ. Гуманно можетъ быть *сердце* того или другаго правителя; но нація и государство — не человѣческій организмъ. Правда, и они организмы, но другаго порядка; они суть *идеи*, воплощенныя въ

извѣстный общественный строй. У *идей* нѣтъ гуманнаго сердца. Идеи неумолимы и жестоки, ибо онѣ суть ничто иное, какъ ясно или смутно сознанные законы природы и исторіи. „L'homme s'agite, mais Dieu le mène"!

Россія миролюбива вслѣдствіе широты своей, и вещественной и духовной. Эта широта есть ея историческій fatum.

Но Русскіе справедливо хвалятся что всѣ завоеватели: Монголы, Поляки, Карлъ XII, Наполеонъ I и самъ Фридрихъ прусскій — разбились объ ихъ спокойную грудь.

Вотъ поэтому-то Россія и не боится Германіи; но правителямъ Россіи предстоитъ удалить и устранить, съ своей стороны, всякую возможность столкновенія. Они хотятъ, чтобы *совѣсть была чиста у Россіи*.

Россіи нечего *отнимать* у Германіи. Нѣмцы найдутъ, что отнять у насъ, если захотятъ. Нѣмцы, и преимущественно Нѣмцы духа *не чисто прусскаго*, а болѣе *либеральнаго*, увлекаемые какимъ-то злымъ духомъ своимъ, не могутъ видѣть балтійскихъ соотчичей своихъ въ рукахъ Россіи.

Рано или поздно, этотъ кровавый призракъ встанетъ предъ нами, мы это знаемъ, хотя и отдаемъ всю должную честь мудрому миролюбію нашихъ опытныхъ правителей.

И такъ, все соединяется, въ настоящее время, къ тому, чтобы Турція была не только сохранна, но и по возможности расположена къ намъ.

Турки, быть можетъ, этого *еще не поняли;* быть можетъ, и долго не поймутъ; привычки недовѣрія вкрались смутно въ ихъ души. Немногіе у насъ въ Россіи понимаютъ это. Греки, тѣ уже вовсе, кажется, не понимаютъ и поймутъ это, я думаю, позднѣе Турокъ и позднѣе нашего *общества* (я говорю, *общества*, а не правительства).

Мнѣ кажется, Болгары ближе всѣхъ къ истинѣ, когда, предчувствуя *молодымъ* инстиктомъ своимъ естественное, неизбѣжное теченіе дѣлъ, они говорятъ „*и царь Болгарскій*". Они какимъ-то наитіемъ, мнѣ кажется, угадываютъ ту *среднюю діагональ силъ*, по которой уже движется Восточный вопросъ, вступившій въ совершенно новую фазу послѣ Седанскаго погрома и... послѣ болгарской литургіи 6 января 72 года.

Литургію эту съ точки зрѣнія православія, конечно, хвалить нельзя, точно такъ же какъ и объявленіе *раскола*.

И тѣ и другіе неправы въ томъ, что слишкомъ безцеремонно употребляютъ орудіемъ своихъ племенныхъ препирательствъ великую святыню *личнаго*, *сердечнаго* православія.

Но можно надѣяться что съ перемѣною нѣкоторыхъ лицъ и обстоятельствъ, *слово расколъ* будетъ взято назадъ, и этотъ *частный* вопросъ кончится тѣмъ, что усталый отъ собственнаго напряженія эллинизмъ войдетъ въ свои естественные эпиро-ѳессалійскіе берега.

IV.

Повторяю здѣсь вкратцѣ тѣ заключенія, къ которымъ привели меня (ошибочно или нѣтъ—не знаю) мое безпристрастіе, мое знакомство съ современнымъ Востокомъ и его политическими дѣлами. Болгаръ противъ Грековъ я не защищаю. Это и не нужно. Схизма принесла Болгарамъ болѣе пользы, чѣмъ Грекамъ.

Болгары, *сравнительно съ прежнимъ положеніемъ* своимъ, будутъ крѣпнуть; Греки, несмотря на всѣ свои усилія сравнительно *съ прежними претензіями* своими, будутъ ослабѣвать.

Положеніе Болгаръ въ Турціи выгодно, и они просятъ только объ одномъ, чтобъ имъ не *мѣшали жить хорошо съ Турками.*

Но Греки, говорю я, напрасно *нападаютъ на Россію.* Это имъ вовсе невыгодно, и они скоро образумятся. Это несомнѣнно.

Я становился по очереди на точку зрѣнія греческихъ опасеній и на точку зрѣнія русскихъ интересовъ.

И тѣ и другіе совпали, во-первыхъ, въ томъ, что *узкій славизмъ* былъ бы *одинаково* опасенъ и для эллинскаго племени и для *великорусскаго* царизма.

Я сказалъ, что, предполагая даже самое худшее въ настоящее время съ крайне эллинской точки зрѣнія, именно предполагая *неожиданное удаленіе* Турокъ за Босфоръ, все-таки, *Русское государство*, *великорусскій царизмъ* (отъ котораго и общество русское ждетъ еще многаго) будетъ вынужденъ *нерѣдко*, если не *постоянно*, поддерживать всѣми силами своими иноплеменниковъ и этнографическихъ *сиротъ* Востока Грековъ, Румынъ, быть можетъ Мадьяръ и азіатскихъ мусульманъ.

Здравая, вполнѣ законная потребность, или болѣе чѣмъ потребность, *обязанность* самосохраненія *вынудитъ* такую политику. Чтобы понять, стоитъ лишь внимально *поглядѣть* на карту Европы и вспомнить исторію Россіи.

Я старался показать, сверхъ того, что историческая судьба Россіи склоняла ее всегда къ защитѣ слабѣйшаго или младшаго, или устарѣвшаго, однимъ словомъ, того, кто былъ недоволенъ своими *ближними* и сильнѣйшими: Греки, конечно, были бы *слабѣйшими* не только противъ всего юго-славянства, но и противъ двоихъ сосѣдей своихъ, Сербовъ и Болгаръ.

Они, еще не чувствуя этого, уже и теперь во многомъ, какъ я указывалъ, слабѣе даже *однихъ Болгаръ*.

Подобно тому, какъ Россія никогда не имѣла и не хотѣла потворствовать Грекамъ въ эллинизаціи Болгаръ, она не допуститъ никогда, *пока у нея будетъ сила,* стереть національность Грековъ.

Только въ немыслимомъ случаѣ *распаденія царства нашего*, у Грековъ не осталось бы надежды на спасеніе отъ потока односторонняго славизма.

Это я говорилъ, допуская возможность скораго удаленія Турокъ за Босфоръ.

Я дѣлалъ это для изображенія лишь *самой крайней возможности*, не болѣе. Я поступилъ такъ, какъ поступаютъ въ геометріи, допуская, что у линіи есть только длина и *нѣтъ ширины*, которая въ природѣ есть всегда у всякой реальной линіи.

Я бралъ Востокъ Европы, не принимая въ разсчетъ австро-германскихъ интересовъ.

Картина стала *реальнѣе*, *ближе къ современной истинѣ*, *практичнѣе*, когда была взята и эта сторона въ разсчетъ. *Оказалось тогда, что Туркамъ и не нужно скоро уходить за Босфоръ* *).

Наконецъ, если мы прибавимъ еще два слова и позволимъ себѣ упомянуть здѣсь, хотя вскользь, о *глубинѣ* соціальнаго европейскаго вопроса, то общая перспектива современныхъ дѣлъ откроется еще яснѣе; расширяясь, мысль получитъ плоть. Картина современности станетъ еще нагляднѣе и вѣрнѣе.

Съ одной стороны, *весь Западъ*, *малоземельный*, *промышленный*, *крайне торговый и пожираемый глубоко рабочимъ вопросомъ*. Съ другой, весь *Востокъ*, *многоземельный*, *мало-промышленный и не имѣющій рабочаго вопроса*, *по крайней мѣрѣ*, *въ томъ* разрушительномъ смыслѣ, какъ онъ является на всемъ Западѣ, латинскомъ и германскомъ,—Востокъ, имѣющій громоотводъ ему въ своей общей многоземельности.

Одинъ американскій дипломатъ сказалъ такъ на какомъ-то обѣдѣ:

— Восточный вопросъ объемлетъ всѣ дѣла Востока, отъ береговъ Китая и Японіи до Средиземнаго моря и Египта... Всѣ державы могутъ быть заинтересованы въ такихъ дѣлахъ... Но задача въ томъ, что Соединенные Штаты и Россія на всѣ эти дѣла смотрятъ иначе, чѣмъ державы и націи западной Европы.

(Я не помню въ точности *выраженій* этого американскаго посланника, но за *смыслъ* ручаюсь.)

Да! пока у Запада есть *династіи*, пока у него есть хоть какой-нибудь порядокъ, пока остатки прежней великой и благородной христіанской и классической Европы не уступили мѣста грубой и невѣрующей рабочей республикѣ, которая одна въ силахъ *хоть на короткій срокъ* объединить весь Западъ, до тѣхъ поръ Европа и не слишкомъ страшна намъ, и достойна и дружбы, и уваженія нашего...

*) *Прим. авт.* Я прошу попомнить, что это писано въ 1873 году, т.-е. до послѣдней войны.

А если?...

Если весь *Востокъ*, многоземельный и могущій произвести охранительныя реформы тамъ, гдѣ у Европы загорится опять *петролій*... и, конечно, шире и страшнѣе прежняго; если Востокъ этотъ не захочетъ отдать свои *вѣрованія* и надежды на пожраніе тому, что тогда назовется, вѣроятно, тоже *прогрессомъ?*...

Если Западъ не найдетъ силы отстоять у *себя* то, что дорого въ немъ было для всего человѣчества; развѣ и тогда Востокъ обязанъ идти за нимъ?

О, нѣтъ!

Если племена и государства Востока имѣютъ смыслъ и залоги жизни самобытной, за которую они каждый въ свое время проливали столько своей крови, то Востокъ встанетъ весь *заодно*, встанетъ весь оплотомъ противъ безбожія, анархіи и всеобщаго огрубѣнія.

И гдѣ бы ни былъ тогда центръ славянской тяжести, какъ бы ни были раздражены Греки за то, что судьба осудила племя ихъ на малочисленность, *гдѣ бы ни была, наконецъ, тогда столица Ислама*, на Босфорѣ, въ Багдадѣ или Каирѣ, всѣ тогда, и Греки, и Болгары, и Русскіе (а за ними и Турки), будутъ заодно противъ безбожія и анархіи, какъ была заодно когда-то вся Европа противъ насилующаго мусульманства.

Соединенные тогда въ одной высокой цѣли народы Востока вступятъ дружно въ спасительную и долгую, быть можетъ духовную, быть можетъ и кровавую борьбу съ огрубѣніемъ и анархіей, въ борьбу для обновленія человѣчества...

Славяне *одни* не въ силахъ рѣшить этого ужаснаго и великаго вопроса. И если мы уйдемъ отъ него, то не уйдутъ отъ него эти бѣдныя дѣти наши, которыя растутъ теперь на нашихъ глазахъ.

Вотъ это, друзья Эллины, дѣйствительно „великая идея", вотъ это настоящій *Восточный вопросъ*, за который, пожалуй, и стоитъ страдать и жертвовать жизнью и всѣмъ достояніемъ!

А вашъ частный вопросъ—босфоро-балканскій, вашъ этотъ малый вопросъ, онъ кончится только тѣмъ, что племя ваше устанетъ въ борьбѣ съ упорными и ловкими Болгарами, *постигнетъ лучше* свои законные предѣлы и пойметъ *очень скоро*, повторяю, что самый вѣрный, самый твердый другъ этого *законнаго эллинизма* пребудетъ все-таки, столь оклеветанная и всепрощающая Россія.

II.

ПАНСЛАВИЗМЪ НА АѲОНѢ.

ПАНСЛАВИЗМЪ НА АӨОНѢ.

(„Русск. Вѣстн.“ 1873.)

II.

Въ предъидущихъ письмахъ моихъ, подъ заглавіемъ *Панславизмъ и Греки*, я изложилъ вамъ свои взгляды на Восточный вопросъ и на новую фазу, въ которую, мнѣ кажется, онъ вступилъ послѣ пораженія Французовъ германскими войсками и еще болѣе послѣ насильственнаго разрѣшенія греко-болгарскаго вопроса. Послѣ этого мнѣ легче будетъ говорить о святой Аѳонской горѣ и о томъ, какъ и въ это глухое и тихое убѣжище *чистаго* православія пытается проникнуть національный фанатизмъ эллинской политики.

Прежде всего, надо для тѣхъ, кто мало знакомъ съ Востокомъ и святыми мѣстами, объяснить, хоть кратко, что такое Аѳонская гора и въ какихъ отношеніяхъ состоитъ она къ Турціи и вселенской патріархіи.

Аѳонская гора есть особая привилегированная провинція Турецкой имперіи.

Я не буду говорить о ея географическомъ положеніи: всякій самъ можетъ взглянуть на карту.

Отношенія Аѳона къ Турціи можно уподобить вассальнымъ отношеніямъ, ибо самоуправленіе у него почти полное и *de jure* и *de facto*.

Но монахи, населяющіе его, считаются подданными султана, а не какой-либо мѣстной особой власти, какъ жители тѣхъ областей, которыя имѣютъ съ имперіей лишь чисто вассальную связь.

Въ случаѣ общихъ гражданскихъ тяжбъ или обыкновенныхъ уголовныхъ дѣлъ, монахи аѳонскіе подчинены высшимъ судебнымъ и административнымъ учрежденіямъ Македонскаго вилайета.

На Аѳонѣ живетъ особый каймакамъ, турецкій чиновникъ, состоящій подъ начальствомъ у салоникскаго генералъ-губернатора, то-есть македонскаго, ибо по-турецки Македонская область называется теперь *Селаникъ-вилайетъ*.

Каймакамъ на Аѳонѣ имѣетъ, собственно говоря, только полицейскую власть, да и то употребляетъ ее преимущественно лишь по требованію монашескаго мѣстнаго синода, называемаго *Аѳонскій Протатъ* (отъ греческаго слова πρῶτος—первый).

Въ церковномъ отношеніи, каноническомъ и духовно-административномъ, Аѳонъ зависитъ отъ константинопольскаго патріарха, и всѣ монастыри его суть монастыри патріаршіе, ставропигіальные, то-есть независимые отъ мѣстныхъ или сосѣднихъ епископовъ и митрополитовъ, напримѣръ, салоникскаго. Всѣми мѣстными дѣлами правитъ *Протатъ*, который состоитъ изъ двадцати членовъ или представителей двадцати аѳонскихъ монастырей *).

*) Изъ этихъ 20 монастырей нѣкоторые *общежительные* (киновіальные, *cénobies*), другіе *своеобычные* (по-гречески ἰδιόρρυθμα). Разница въ томъ, что въ *общежительныхъ* царствуетъ строжайшій коммунизмъ; никто не имѣетъ ни права личной собственности, ни денегъ при себѣ, ни пищи въ своей комнатѣ безъ особаго на то разрѣшенія начальства, да и то очень рѣдко, въ случаѣ путешествія, болѣзни или вообще чего-нибудь исключительнаго. Напротивъ, въ *идіоритмахъ*, то-есть *своеобычныхъ*, подчиняясь въ главныхъ основаніяхъ монастырской жизни общему уставу, монахи имѣютъ право жить гораздо свободнѣе, чѣмъ въ киновіяхъ; общаго обязательнаго стола нѣтъ; каждый можетъ ѣсть въ своей кельѣ (хотя въ трапезѣ каждый день готовится какое-нибудь самое простое кушанье для неимущихъ посѣтителей, для работниковъ и для монаховъ, не желающихъ ѣсть у себя). Сверхъ того, одинъ монахъ можетъ быть *лично* очень богатъ, а другой не имѣть ничего, и т. д. Всѣхъ своихъ денегъ отдавать въ общую кассу, какъ въ *киновіяхъ*, монахъ своеобычнаго монастыря не обязанъ. Всѣмъ выдается изъ монастырскихъ кладовыхъ и погребовъ *нѣчто* общее, масло, мука и т. п.; а сверхъ того, каждый можетъ пріобрѣтать и издерживать свои средства какъ хочетъ, — конечно, не на какія-нибудь вовсе недопустимыя въ обители вещи. Иные русскіе писатели, печатавшіе объ Аѳонѣ, называютъ эти монастыри *штатными*, потому что въ Россіи подобные своеобычные монастыри имѣютъ опредѣленный *штатъ*, опредѣленное *число* монаховъ; на Аѳонѣ этого нѣтъ: монастырь принимаетъ сколько ему угодно людей. Иные также думаютъ, что всѣ *киновіи* на Аѳонѣ болѣе или менѣе бѣдны или, лучше сказать, что всѣ небогатые монастыри киновіальны, а всѣ богатые своеобычны. Это ошибка. Болгарскій *Зографъ*—киновія, однако, онъ второй по богатству монастырь на Аѳонѣ; онъ имѣетъ до 50—60 тысячъ дохода только изъ Бессарабіи; напротивъ того, греческій своеобычный монастырь *Филоѳей*, напримѣръ, въ настоящее время крайне бѣденъ. Болгарскій *Хилендарь* тоже небогатый, имѣетъ, однако, своеобычный уставъ. Есть еще и другіе ложные или односторонніе взгляды на аѳонскіе монастыри. Напримѣръ, иные думаютъ, что если *своеобычный ватопедскій* греческій монастырь очень богатъ, то значитъ *всѣ* монахи въ немъ богачи, наслаждаются жизнью, тунеядцы и т. п. Совсѣмъ не такъ. Богаты, положимъ, отецъ Іаковъ, отецъ Ананія, отецъ Панкратій и т. д. Они, точно, занимаютъ въ монастырѣ по пяти, шести и десяти хорошихъ комнатъ; имѣютъ въ банкахъ гдѣ-нибудь или въ своихъ сундукахъ свои большія деньги, сверхъ того вклада, который они внесли въ кассу обители для полученія лучшихъ комнатъ и другихъ привилегій. Они, это правда, сидятъ въ шелковыхъ рясахъ на широкой софѣ турецкой, курятъ наргиле, ѣдятъ мясо въ скоромные дни, *представляютъ* обитель, ѣздятъ изрѣдка въ Аѳины, Стамбулъ, Одессу, Кишиневъ и т. д. Такихъ людей найдется (въ Ватопедѣ, напримѣръ) на 200 слишкомъ монаховъ *не болѣе десяти или двѣнадцати*.

По внутреннему, административному, своему устройству, Аѳонъ похожъ на аристократическую республику, гдѣ аристократическій элементъ представляютъ, однако, не лица, а корпораціи.

Эти корпораціи суть двадцать привилегированныхъ монастырей, имѣющихъ право посылать въ Протатъ представителей.

Вотъ ихъ имена:

Остальные—люди бѣдные, которые исполняютъ въ обители различныя работы (или, говоря по-монашески, *послушанія*), служатъ при церкви, варятъ кушанье, мѣсятъ хлѣбы, рубятъ дрова и т. д. Всѣ они получаютъ, кромѣ опредѣленной провизіи, еще небольшое жалованье изъ монастырской кассы, и *на сторону* поэтому работать не могутъ. Прибавимъ еще вотъ что,—и это очень важно. Богатый *проэстосъ* аѳонскаго *идіоритма* на многихъ, и набожныхъ и невѣрующихъ людей, производитъ дурное впечатлѣніе... „Что это за монахъ!“ говорятъ люди, „это не инокъ; это какой-то богатый и лицемѣрный прелатъ“. Правда, эти люди больше похожи на прелатовъ или на богатыхъ мірянъ, у которыхъ набожность соединяется съ любовью къ роскоши и независимости. Но что же въ этомъ худаго, во-первыхъ? А во-вторыхъ, именно своею свѣтскостью, своимъ богатствомъ, вѣсомъ и связями эти люди иногда въ высшей степени полезны остальному Аѳону. „Это столбы наши!“ говорилъ мнѣ про нихъ одинъ русскій игуменъ. Не аскетъ, который не выходитъ изъ пещеры своей, будетъ отстаивать аѳонскія права, а проэстосъ, въ шелковой рясѣ, курящій наргиле. За проэстосомъ и аскету свободнѣе совершать свои подвиги. Еще вопросъ: какія же удобства находитъ бѣдный монахъ въ своебычномъ монастырѣ противъ киновіи, гдѣ всѣ болѣе равны? Онъ имѣетъ больше свободы. Во-первыхъ, онъ не обязанъ ходить на всевозможныя службы въ церковь, подобно киновіату; можетъ, не спросясь, прочесть молитвы дома, это предоставляется его совѣсти; во-вторыхъ, онъ свободенъ въ выборѣ пищи, одежды, общества и т. п. Въ киновіяхъ, безъ разрѣшенія духовника, монахи не имѣютъ права бесѣдовать по двое, по трое въ кельяхъ своихъ,—и за этимъ смотрятъ строго, особенно относительно молодыхъ; въ своеобычной обители одинъ монахъ можетъ пригласить другаго пообѣдать съ нимъ вмѣстѣ въ кельи, побесѣдовать, помолиться вмѣстѣ. Въ киновіяхъ, особенно въ греческихъ, которыя съ иныхъ сторонъ еще строже русскихъ, не позволено, напр., имѣть вечеромъ лампы или свѣчи безъ спроса для чтенія, даже іеромонахамъ, которые, благодаря своему сану и постоянному утомительному подвигу долгаго богослуженія, всегда имѣютъ кой-какія привилегіи. Въ своебычныхъ никого не станутъ въ этомъ стѣснять. Въ киновіяхъ нельзя безъ спроса духовника или игумена выйти за ворота; въ своебычныхъ можно гулять, когда кончатъ работу, сколько угодно; нельзя только, не спросясь у начальства, пойти въ другой монастырь или въ аѳонскій городокъ Карею. Нельзя, разумѣется, не содержать постовъ, нельзя слишкомъ часто не присутствовать при церковномъ богослуженіи и т. п. И богатый *проэстосъ*, и бѣдный рабочій монахъ обязаны ходить въ церковь хотя настолько, чтобы не было соблазна другимъ, и т. д., однимъ словомъ, *въ киновію* идетъ тотъ, кто, предпочитаетъ *равенство*, а въ *идіоритмъ* тотъ, кто, предпочитаетъ *свободу*.

Многіе, и изъ мірскихъ людей и изъ монаховъ, слишкомъ уже возвышаютъ киновіальную жизнь въ ущербъ своеобычной и желали бы, чтобъ и въ Россіи и на Аѳонѣ всѣ обители были киновіи. Но толковый почитатель монашеской жизни не долженъ забывать, что слишкомъ натянутая струна рвется. Не всякій изъ желающихъ искренно постриженія и удаленія отъ мірской жизни можетъ *понести* сразу всѣ стѣсненія коммунизма киновіальнаго. Иные люди, болѣзненные, вспыльчивые или непостоянные, при всей искренности своей, на всю жизнь остаются негодными для киновій. Аѳонъ именно тѣмъ и хорошъ, что въ немъ оттѣнки монашества безчисленны. *Примѣч. авт.*

Греческіе монастыри.

1) *Ватопедъ*; 2) *Иверъ;* 3) *Эсфигменъ;* 4) *Ставро-Никита;* 5) *Филоѳей;* 6) *Котломушъ;* 7) *Каракаллъ;* 8) *Григоріатъ;* 9) *Діонисіатъ;* 10) *свв. Павла и Георгія;* 11) *Дохіаръ;* 12) *Ксенофъ;* 13) *Симо-Петръ;* 14) *лавра св. Аѳанасія;* 15) *Пантократоръ;* 16) *Ксиропотамъ;* 17) *Костамонитъ.*

Болгарскіе.

18) *Зографъ;* 19) *Хилендарь (Хилендарь* вначалѣ былъ сербскій, но, мало по малу, Болгары, какъ сосѣдніе по мѣстности, заняли ихъ мѣсто, а Сербы стали все рѣже и рѣже являться на Аѳонъ).

и 20) *русскій св. Пантелеймона.* (Въ немъ, если не ошибаюсь, на пятьсотъ человѣкъ около полутораста Грековъ, и самъ игуменъ, отецъ Герасимъ, столѣтній Грекъ, извѣстный издавна въ тѣхъ краяхъ умомъ своимъ и безукоризненною святостью своей долгой и многотрудной жизни. Русскими онъ чрезвычайно почитаемъ и любимъ).

Всего монашескаго населенія на Аѳонѣ полагается около 8 — 10 тысячъ, не считая подвижнаго населенія—поклонниковъ и наемныхъ работниковъ изъ сосѣднихъ мѣстностей. Населеніе двадцати вышеназванныхъ монастырей составляетъ меньшинство. Остальные монахи разселены: 1) по скитамъ, то-есть по обителямъ меньшимъ, неимѣющимъ права голоса въ Протатѣ, построеннымъ на землѣ котораго-нибудь изъ *дѣйствительныхъ*, привилегированныхъ монастырей и болѣе или менѣе зависящихъ отъ него (таковы, напримѣръ, *русскій скитъ св. Андрея* или *Серайскій скитъ*, зависящій отъ Ватопеда; скитъ *св. Иліи*, тоже русскій, населенный выходцами изъ южной Россіи, зависимый отъ Грековъ Пантократора; *Молдавскій* скитъ и др.); 2) по *келіямъ* и *каливамъ*, то-есть по отдѣльнымъ домикамъ въ лѣсу, тоже на монастырской землѣ и подъ начальствомъ монастыря. *Келья* есть жилище съ домовою церковью; *калива*—домикъ безъ церкви; 3) *по наемнымъ квартирамъ* въ небольшомъ аѳонскомъ городкѣ, называемомъ *Карея,* гдѣ живетъ каймакамъ турецкій и засѣдаетъ Протатъ, и, наконецъ, 4) по *шалашамъ въ лѣсу* и по *скаламъ и пещерамъ*, иногда едва доступнымъ.

Въ племенномъ отношеніи греки преобладаютъ далеко надъ всѣми другими элементами. Русскихъ не насчитается и 1,000 человѣкъ, Болгаръ не болѣе того, а Молдо-Валаховъ, Грузинъ и Сербовъ очень мало.

Едва ли на 9,000 монаховъ аѳонскихъ найдется двѣ съ половиною тысячи *не-Грековъ.*

Оффиціальный языкъ на Аѳонѣ греческій. Уставы вездѣ хранятся византійскіе и вообще хранятся строго. Въ славянскихъ монастыряхъ, Хилендарѣ и Зографѣ, ничего нѣтъ особаго, кромѣ языка и церкви.

Убранство церквей, общій чинъ обителей, родъ иконописи, церковный напѣвъ, образъ жизни, образъ мыслей,—все такое же, какъ и у грековъ. Зографъ и Хилендарь просто переводъ греческой монастырской жизни на славянскій языкъ.

Нѣсколько иначе живутъ Русскіе въ монастырѣ св. Пантелеймона и въ Св. Андреевскомъ скиту. У нихъ другое пѣніе, иное убранство храмовъ; есть свои оттѣнки въ уставѣ, пищѣ, порядкѣ, занятіяхъ, привычкахъ; эти обители, по *внѣшности своей*, напоминаютъ во многомъ великорусскіе монастыри.

Обще-аѳонскому уставу и мѣстнымъ преданіямъ эти русскія обители подчиняютъ себя строго и безпрекословно.

Напримѣръ, въ монастырѣ св. Пантелеймона всенощныя бдѣнія выдерживаются по древнему византійскому порядку: около 4 часовъ каждый день, послѣ полуночи, а подъ нѣкоторые праздники по 10—12 и болѣе часовъ, отъ захожденія солнца и до разсвѣта, напримѣръ, во всю длину долгой зимней ночи.

Относительно избранія игуменовъ и тому подобныхъ вопросовъ внутренняго управленія, Русскіе сообразуются также вполнѣ съ аѳонскими обычаями.

Прибавимъ даже, что въ языкъ свой русскіе монахи допустили множество греческихъ и даже турецкихъ словъ, напримѣръ, *фортья*—ноша, мѣрка хвороста дровъ, и т. п. *архондарикъ* ἀρχονταρικὸν, пріемная для гостей, мѣсто гдѣ принимаются *архонты*, именитые посѣтители. Нѣтъ нужды, что русскіе ужасно искажаютъ и уродуютъ греческія и турецкія слова,—изъ благозвучнаго турецкаго *тэскерé* (паспортъ, видъ) дѣлаютъ *дишкѝръ*; греческое слово ὁ ἐργάτης (работникъ) превращаютъ иные въ *аргатъ*, а другіе еще красивѣе—въ *рогатый*; тὸ *архондарикòн* становится у нашихъ *фондарѝкъ* или даже *фондаричокъ-съ*.

И такъ, за Грековъ все: власть, численность, языкъ, уставы, привычки и въ особенности сосѣдство ихъ племени.

Русскіе отдалены отъ своей земли большимъ пространствомъ и обширнымъ моремъ. Греческое племя со всѣхъ сторонъ окружаетъ Аѳонъ. Сосѣднія села между Салониками и Святою горой все греческія. Острова Эгейскаго моря, Тассо, напримѣръ, который видѣнъ съ Аѳона, и столькіе другіе—недалеко; границы Ѳессаліи и самой Эллады близко, весь морской берегъ сосѣдней Ѳракіи есть даже больше греческій, чѣмъ болгарскій. Города: Кавалла, Эносъ, Силиврія, Дарданеллы, Галлиполи—все греческіе города по духу и населенію.

Самые богатые монастыри на Аѳонѣ: Ватопедъ, Зографъ и Иверъ. Ватопедъ получаетъ съ бессарабскихъ имѣній своихъ, по счету однихъ, около 90,000 руб. сер. въ годъ, а по другимъ—гораздо болѣе, до 150,000 р. Зографъ получаетъ, кажется, около 20,000 р. У Ивера

тоже большіе доходы. Кромѣ этихъ монастырей, еще *Ксиропотамъ* и *Святопавловская* обитель имѣютъ въ Россіи имѣнія съ обезпеченными доходами.

Итакъ, между нѣсколькими греческими обителями, имѣющими *постоянные*, *вѣрные* и большіе доходы, мы встрѣчаемъ одинъ только *славянскій*: Зографъ.

Монастырь св. Пантелеймона, который называется *Русскимъ* или *Руссикомъ*, хотя правильнѣе его слѣдовало бы звать греко-русскимъ, имѣній въ Россіи не имѣетъ; онъ процвѣтаетъ, благодаря лишь однимъ постояннымъ и добровольнымъ приношеніямъ вкладчиковъ, и потому средства его далеко не такъ велики и не такъ вѣрны какъ поземельные доходы греческаго Ватопеда.

Итакъ, къ *сосѣдству* роднаго племени, ко *власти*, *къ численности*, *къ характеру уставовъ и обычаевъ, къ языку* надо прибавить и еще *одну силу*, находящуюся въ рукахъ греческаго племени на Аѳонѣ, силу не маловажную—*богатство*.

Есть и еще одна греческая сила на Аѳонѣ, о которой надо упомянуть. Сама новѣйшая *соціологія* беретъ въ разсчетъ всѣ *реальныя*, то-есть всѣ имѣющіяся въ дѣйствіи силы, а не однѣ лишь силы вещественныя, матеріальныя. Есть у греческаго племени на Аѳонѣ сила, которая тому, кто знаетъ монаховъ, поклонниковъ и Аѳонъ, является силой весьма важною; это примѣры *высшаго аскетизма*.

Въ Кіевѣ, въ 1871 году, издана небольшая книжка подъ заглавіемъ: *Письма съ Аѳона о современныхъ подвижникахъ аѳонскихъ*. Авторъ ея—русскій монахъ на Аѳонѣ, отецъ Пантелеймонъ, въ міру Сапожниковъ. Въ этой книжкѣ изображена очень вѣрно жизнь нѣкоторыхъ аѳонскихъ монаховъ, удалившихся изъ обителей въ неприступныя скалы или хижины, построенныя въ самыхъ дикихъ мѣстахъ.

Оставляя въ сторонѣ собственно духовную часть этого небольшаго, но крайне любопытнаго сочиненія, въ которой говорится о чудесахъ, совершившихся надъ этими аскетами или надъ другими людьми, имъ преданными,—ибо размѣры моей статьи не позволяютъ мнѣ отвлекаться отъ главнаго предмета моего,—я могу засвидѣтельствовать здѣсь только о полной исторической вѣрности этого изображенія.

Отшельники эти дѣйствительно живутъ *сурово*, уединенно и добровольно нищенски, проводя все время въ поражающемъ постничествѣ и молитвахъ.

Нѣкоторыхъ изъ нихъ я видѣлъ самъ и говорилъ съ ними. Люди эти вовсе не одичалые, какъ готовы, я думаю, предполагать многіе невѣжественные порицатели монашества, а, напротивъ того, большею частію свѣтлые, ласковые, младенчески-благодушные и при этомъ весьма самосознательные, то-есть понимающіе что они дѣлаютъ.

Большинство этихъ людей Греки; есть и Болгары между ними, но

если устранить вопросъ чисто-политическій, который сдѣлалъ Болгаръ врагами Грековъ, то мы найдемъ между ними и Греками очень мало разницы въ привычкахъ и психическомъ характерѣ, особенно же на почвѣ церковной; эти націи представляются какъ бы двумя тѣлами, заряженными одинаковымъ электричествомъ, и которыя поэтому взаимно отталкиваются. *Культурно* эти націи до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, были схожи другъ съ другомъ, гораздо болѣе, нежели, напримѣръ, съ нами, Русскими.

Образованный по-европейски Болгаринъ болѣе похожъ на такого же Грека, чѣмъ на Русскаго того же воспитанія; простолюдинъ-Болгаринъ большею частію больше похожъ на греческаго простолюдина, чѣмъ на русскаго; монахъ болгарскій и монахъ греческій болѣе близки другъ къ другу (не по сочувствію, а, такъ-сказать, *объективно*, по нравственной физіономіи), чѣмъ къ монаху русскому.

Къ тому же, всѣ эти аѳонскіе Болгары-подвижники суть Болгары стараго поколѣнія, то-есть дѣти *чисто-греческаго* воспитанія, сыны того времени, когда для турокъ всѣ христіане въ имперіи были одно: *Румъ Миллетй* (то-есть *ромейскій, римскій* народъ), а Болгары и Греки, вмѣстѣ неся иновѣрную власть, знали себѣ только названіе *православныхъ*. И такъ, высшая степень монашескаго *аскетизма* на Аѳонѣ принадлежитъ, также какъ и *власть*, *языкъ*, *богатство*, *численность*, греческому племени и отчасти его воспитанникамъ Болгарамъ.

Русскій набожный поклонникъ, котораго сердце рвалось на Аѳонъ, слушая древніе разсказы о подвижникахъ, встрѣчаетъ здѣсь свой идеалъ отреченія и возвращается на далекую родину свою успокоенный. „Подвижничество, добровольная нищета тѣла и духа, не погибли еще на землѣ!“

И этому идеалу его, сами не зная того, послужили преимущественно Греки и родственные имъ по прежнему воспитанію Болгары.

— Какая *польза* въ этомъ фанатизмѣ?!—восклицаетъ либеральный прогрессистъ.—Понятіе *пользы* присуще всѣмъ людямъ, и русскій богомолецъ не виноватъ, что онъ *идеальнѣе* прогрессистовъ въ пониманіи *пользы*. Онъ видитъ пользу себѣ въ посѣщеніи такого пустынника; онъ видитъ въ примѣрахъ его жизни и его удаленіи пользу всей церкви; онъ ждетъ отъ его молитвъ пользы всякому человѣку и всему человѣчеству.

Это опять *реальные факты*, противъ которыхъ не можетъ сказать никакой матеріализмъ.

Таково положеніе Святой горы.

Почему же *внѣшніе* Греки такъ испуганы и ожесточены?

Какой панславизмъ увидали они на Аѳонѣ?

Прежде чѣмъ передать вкратцѣ печальную повѣсть мірскихъ, политическихъ интригъ, искавшихъ поселить національную вражду на

Святой горѣ, которая живетъ своею особою, не греческою и не русскою, а *православною* жизнью, я разскажу небольшую исторію, случившуюся прошлымъ лѣтомъ въ окрестностяхъ Аѳона.

Въ ней играютъ роль Греки, Русскіе и отчасти Турки.

Она, какъ бы въ миніатюрѣ, изображаетъ современное положеніе дѣлъ на христіанскомъ Востокѣ. Въ ней мы найдемъ всѣ тѣ черты, которыя, въ крупномъ видѣ, находимъ, разбирая нынѣшнія отношенія Грековъ къ Россіи.

Часахъ въ десяти-двѣнадцати (то-есть верстахъ въ пятидесяти) отъ границы Святой горы (за которую не переступаютъ уже женщины), на пути въ Солунь, есть греческое селеніе *Ровяникъ*. Хотя имя его и славянское, но населено оно Греками, какъ и всѣ села, лежащія къ югу отъ Солуня на томъ гористомъ и лѣсномъ полуостровѣ, который выступаетъ въ Эгейское море тремя длинными косами: Саккой, Кассандрой и Аѳономъ.

Ровяникъ отстроенъ очень недурно, имѣетъ церкви, порядочную школу народную и вообще представляетъ тотъ веселый и вовсе не бѣдный видъ, какимъ отличается большинство греческихъ селъ въ Турціи. Одинъ изъ приматовъ (главъ ходжабашей) Ровяника достраиваетъ себѣ огромный и высокій каменный домъ, какой годился бы во всякую столицу. Вблизи отъ села начинается прекрасный лѣсъ широкихъ и могучихъ каштановъ, покрывающій на далекое пространство сосѣднія горы. Въ получасѣ ходьбы отъ села, въ этомъ прекрасномъ каштановомъ лѣсу находится церковь Божіей Матери, обыкновенно называемой *Панагія* (всесвятая) *въ Ровеникахъ*. Церковь эта имѣетъ икону, прославившуюся въ странѣ чудесными исцѣленіями. Не только христіане изъ дальнихъ селъ, но и Турки нерѣдко приходятъ молиться сюда или привозятъ своихъ больныхъ родственниковъ. Для отдыха этихъ больныхъ, построено около церкви небольшое и плохое зданіе о нѣсколькихъ комнатахъ, изъ нихъ же только двѣ крошечныя кельи обитаемы зимой. Въ этихъ двухъ маленькихъ кельяхъ живутъ двѣ русскія монахини, обѣ женщины уже въ лѣтахъ. Одна изъ нихъ пріѣхала сюда и поселилась около Панагіи уже около десяти лѣтъ тому; другая не такъ давно. Онѣ обѣ имѣютъ, хотя и очень скромныя, но, все-таки, свои, средства, и условились съ сельскими Греками, которымъ принадлежитъ эта земля и эта церковь, чтобъ имъ позволено было занимать тѣ двѣ комнатки.

Сверхъ того, при самой церкви есть небольшая пристройка, гдѣ особо живетъ старая Гречанка, тоже монахиня.

Эта Гречанка—женщина необыкновеннаго простодушія и самой искренней доброты.

Ея набожность и благочестіе были единственною причиной возвышенія этого храма. Ей приснилось, когда она еще была бѣдною мірян-

кой, что въ одномъ высохшемъ колодцѣ неподалеку скрыта древняя икона Божіей Матери, которую надо отыскать и поставить въ храмѣ. Надъ ней долго смѣялись тогда селяне; наконецъ, она убѣдила ихъ начать поиски; икону отрыли, и построили церковь; вскорѣ икона эта стала привлекать много богомольцевъ и больныхъ. Ровяникскіе Греки, правда, украсили церковь на первый разъ; но потомъ, по всегдашнему обычаю всѣхъ восточныхъ христіанъ (и Грековъ одинаково), стали смотрѣть на нее, какъ на источникъ общественныхъ доходовъ села и на средство для содержанія школъ своихъ, эллинскихъ учителей и т. п. (Всѣ греческіе селяне, замѣтимъ, очень любятъ учиться грамотѣ, преимущественно затѣмъ, что легче будто бы сдѣлать коммерческую карьеру или, какъ они выражаются, *чтобы другой меня не провелъ*). Всѣ деньги, которыя кладутся поклонниками и богатыми въ кружку церковную, селяне берутъ себѣ и на церковь не оставляютъ почти ничего.

Русскія монахини, матери Евпраксія и Маргарита, постриглись недавно; обѣ онѣ прежде жили простыми богомолками, и Греки ихъ не безпокоили. Около двухъ лѣтъ тому назадъ, пришла съ Дуная третья русская женщина, монахиня, давно уже постриженная, мать Магдалина изъ Малороссіи. Она была безъ всякихъ средствъ, очень больна, хотя и не стара, и рѣшилась поселиться тутъ потому, что отецъ ея, старикъ и тоже монахъ, недавно переселился на Аѳонъ, гдѣ и живетъ кой-какъ трудами рукъ своихъ въ какой-то хижинѣ.

Первыя двѣ русскія женщины неграмотны и не знаютъ ни пѣнія, ни устава церковнаго.

Съ появленіемъ бѣдной и больной Магдалины, которой иногда, безъ прибавленія, ѣсть было нечего, завелся кой-какой порядокъ въ молитвахъ; она знала уставъ монашескій, пѣла по-русски и читала по-славянски въ церкви и прожила, больная и молясь всю зиму, въ одной полуразрушенной комнатѣ строенія.

Отецъ ея, самъ крайне нуждаясь, могъ существовать иногда только благодаря помощи русскихъ духовниковъ Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ, и потому не въ силахъ былъ ей помогать. Къ тому же, разстояніе отъ Аѳона до Ровяниковъ около шестидесяти верстъ тяжелаго горнаго пути и лѣса, зимой нерѣдко цѣлый мѣсяцъ и два, бываютъ завалены на высотахъ снѣгомъ.

Мать Магдалина разказывала мнѣ, какъ она иногда голодала и болѣла въ то же время лихорадкой.

Разъ ей нестерпимо хотѣлось ѣсть, хлѣба давно не было. Евпраксія и Маргарита были въ отлучкѣ гдѣ-то. Мать Магдалина питалась около недѣли зеленью. Пошла она въ пустую церковь и, упавъ предъ иконой, просила Божію Матерь или напитать ее, или ужь послать ей смерть.

„Только что я заплакала и помолилась,—разсказываетъ Магдалина,—слышу я, звонятъ колокольчики на мулахъ и голоса. Вышла, вижу старикъ одинъ, іеромонахъ, Грекъ съ Аѳона, проѣзжаетъ куда-то. Онъ зналъ меня и сейчасъ говоритъ: „А! что ты, бѣдная, какъ живешь? Терпишь, должно быть, нужду все“. Благословилъ меня и велѣлъ послушнику своему достать для меня два большихъ и хорошихъ хлѣба изъ мѣшка. И поѣхалъ. А я уже ѣла, ѣла этотъ хлѣбъ; ѣмъ и молюсь за Грека-старичка и плачу! И ѣмъ, и плачу!“

Наконецъ, отецъ прислалъ ей немного денегъ, изъ консульства Солунскаго ей помогли, и она задумала построить себѣ около самой церкви маленькую, темную, особую хижину. Приходилъ на Аѳонъ какой-то русскій поклонникъ, служившій при русскихъ постройкахъ въ Іерусалимѣ. Онъ вызвался даромъ, „во славу Божію“, построить ей хижинку, нужно было только согласіе сельскихъ старшинъ; сельскіе старшины почему-то долго не рѣшались, и вообще, какъ она и прежде замѣчала, смотрѣли на нее хуже чѣмъ на двухъ другихъ, *безграмотныхъ*, монахинь; но, наконецъ позволили.

Купивъ доски, поклонникъ русскій началъ ей строить; вдругъ прибѣгаютъ изъ села пять-шесть греческихъ старшинъ и съ ними какой-то неизвѣстный человѣкъ въ европейскомъ платьѣ. Они, подъ предводительствомъ этого *Европейца*, кидаются на бѣдную постройку, ломаютъ ее, ломаютъ въ дребезги доски; гонятся за Магдалиной въ церковь, ее выгоняютъ и вмѣстѣ съ ней старушку Гречанку, которая хочетъ отстоять Магдалину; схватываютъ нѣкоторыя русскія (однако, недорогія) иконы и всѣ славянскія церковныя книги и выкидываютъ ихъ вонъ изъ церкви. Старушку Гречанку даже, которой сама церковь обязана своимъ существованіемъ, изгоняютъ изъ ея убогаго уголка, за *потворство панславизму*, какъ оказалось, и запираютъ двери церковныя. Все это происходило прошлымъ лѣтомъ послѣ греко-болгарскаго разрыва.

Что же это было такое?

Пока жили тутъ только безграмотныя русскія женщины, *эллинизмъ* дремалъ. Съ появленіемъ грамотной Магдалины, которая и понятія, разумѣется, о политическихъ интересахъ не имѣла и распѣвала въ церкви и читала часы и вечерню для спасенія души, эллинизмъ слегка потревожился. Во всякомъ селѣ у Грековъ есть какой-нибудь болѣе или менѣе плачевный *дáскалъ*, учитель, который всегда съумѣетъ указать старшинамъ на опасность.

Но Греки турецкіе подданные все не то, что свободные *Европейцы!* Явился таковой въ лицѣ греческаго подданнаго, нѣкоего купца Панайотаки, который занимался въ этой сторонѣ лѣсною торговлей. Онъ возбудилъ старшинъ ровяникскихъ разрушить хижину и выбросить славянскія книги и русскіе образа.

Подлому *Европейцу* этому не поздоровилось, однако, черезъ нѣсколько дней. Нашлись Греки иныхъ убѣжденій.

Дня черезъ два-три послѣ побѣды надъ голодною и больною панславистской, гордый *Европеецъ* сидѣлъ въ кофейнѣ сосѣдняго богатаго села Ларигова и хвалился: „Такъ-то мы ее, эту скверную бабу, проучили; такъ ихъ надо всѣхъ, и Русскихъ и Болгаръ; особенно Русскихъ, они все Болгаръ научаютъ." Въ кофейнѣ были и Греки, и Турки, сельскіе стражники. Всѣ слушали молча. Только одинъ заговорилъ. Это былъ эпирскій Грекъ, въ бѣлой фустанеллѣ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, атлетической наружности, щегольски одѣтый и съ оружіемъ за поясомъ. Онъ сидѣлъ, закутанный въ бурку, въ углу, потому что его въ это время трясла лихорадка. Имя его было Сотири.

— Перестань ругать Русскихъ и эту бѣдную женщину; что она тебѣ сдѣлала?—сказалъ Грекъ-паликаръ Греку-Европейцу.

Тотъ всталъ.

— А ты кто такой, — воскликнулъ онъ, — чтобы меня учить?! Ты какой-нибудь турецкій райя, а я, знаешь кто? Я свободный Эллинъ!

— Не пугай меня,—отвѣчалъ ему паликаръ,—хоть у тебя и большіе усы, а у меня ихъ нѣтъ еще, а я тебя не боюсь. Я не хочу, чтобы при мнѣ обижали Русскихъ; я ѣмъ русскій хлѣбъ и русскаго имени позорить не дамъ.

Сотири служилъ слугой на ничтожномъ содержаніи у одного русскаго консула, который въ это время былъ на Аѳонѣ.

— Чортъ побери и тебя, и Россію, и всѣхъ Русскихъ, и всѣхъ турецкихъ подданныхъ!...

Съ этими словами онъ схватилъ стулъ и поднялъ его.

Тогда паликаръ всталъ, сбросилъ бурку и выстрѣлилъ ему въ грудь въ упоръ изъ пистолета. Пистолетъ осѣкся; паликаръ бросилъ его и выхватилъ ятаганъ. Жандармы-Турки удержали Сотири за руку и стали уговаривать; онъ отдалъ имъ ятаганъ и вырвавъ у Европейца-Грека стулъ, началъ бить его такъ, что растерянный завоеватель, убѣгая, упалъ на порогѣ кофейни и едва ушелъ.

Турки, отнявъ у Сотири опасное оружіе, успокоились и не безъ удовольствія смотрѣли, какъ онъ наказывалъ эллинскаго патріота и только слегка уговаривали его. Турки, особенно простые, пока не возбудятъ въ нихъ религіознаго фанатизма, къ Русскимъ естественно расположены; къ тому же, они находили, что Сотири правъ, ибо Панайотаки грубѣйшими словами разбранилъ и всѣхъ турецкихъ подданныхъ, и консула, у котораго Сотири служилъ, и все правительство русское. Турки же любятъ, чтобы люди уважали начальство и чтили правительство.

Панайотаки ушелъ, наконецъ... Сотири закричалъ ему вслѣдъ, „что дѣло ихъ еще не кончено и что онъ убьетъ его"... Панайотаки рано

утромъ уѣхалъ въ Солунь, увѣряя, что ѣдетъ жаловаться; вѣроятно же, отъ страха.

Недѣли черезъ двѣ появилась въ цареградскихъ газетахъ такого рода корреспонденція:

Ларигово, такого-то числа, около села Ровяникъ... и т. д... „*Русскіе, желающіе завладѣть издавна церковью Панагіи*, начали воздвигать себѣ жилища... и т. д... Жители села Ровяникъ, подъ руководствомъ г. Панайотаки, негоціанта и т. п. Во время этого спора, кавассъ русскаго консула, Сотири, выстрѣлилъ изъ пистолета въ г. Панайотаки; но Русскіе, благодаря дружнымъ усиліямъ, принуждены были, наконецъ, уступить... Воздадимъ должную честь и т. д...“

Вскорѣ послѣ этого пришлось и мнѣ самому проѣзжать черезъ Ровяникъ. Ко мнѣ пришелъ одинъ изъ священниковъ села и сказалъ мнѣ, что сельскіе люди поручили ему просить меня, чтобъ я защитилъ ихъ предъ русскимъ консуломъ, г. Якубовскимъ, если онъ будетъ преслѣдовать село за обиды учиненныя Магдалинѣ; ибо это все дѣло греческаго подданнаго Панайотаки и пяти или шести старшинъ, отъ злоупотребленій которыхъ терпятъ иногда и сами селяне. „Мы люди небогатые и смотримъ только какъ бы намъ спокойнѣе прожить, какъ прокормиться. Чѣмъ намъ помѣшала эта бѣдная монахиня? Пускай себѣ живетъ и молится. Но эти богатые люди, старшины, сильнѣе насъ!“ Такъ говорили и иные изъ селянъ слугамъ моимъ, помимо священника. Они удивлялись и грѣху, который позволилъ себѣ Панайотаки, бросая книги.

Магдалина ходила къ лариговскому епископу и прежде еще не разъ просила у него помощи; епископъ очень соболѣзновалъ и хвалилъ ея усердіе, и утѣшалъ, и обѣщалъ, но ни въ чемъ никогда не помогъ и не защитилъ противъ ровяникскихъ старшинъ, которые, однако, состоятъ въ его вѣдѣніи по церковнымъ дѣламъ.

Въ этой исторіи есть рѣшительно все, что въ болѣе широкихъ размѣрахъ видимъ и въ нынѣшнихъ аѳонскихъ дѣлахъ, и въ греко-русскихъ отношеніяхъ вообще, послѣ объявленія *схизмы*, или послѣ того, какъ Греки вообразили, что Бусскіе и Болгары непремѣнно одно и то же и дѣйствуютъ по уговору. Тутъ есть все, что нужно для нагляднаго изображенія нынѣшнихъ дѣлъ на Востокѣ, и особенно на Аѳонѣ. Есть богомольныя, простѣйшія русскія души, едва ли умѣющія отличить Болгарина отъ Грека, люди, не знающіе даже о чемъ идетъ дѣло; есть греческія сердца столь же простыя и честныя, подобныя старой монахинѣ-гречанкѣ, священнику, который пришелъ передавать мнѣ объ огорченіи и безпокойствѣ большинства селянъ, іеромонаху аѳонскому Греку, который такъ жалѣлъ Магдалину и заботился объ ея нуждахъ; есть невѣрующій патріотъ Панайотаки, хамъ, трусъ, негоціантъ, который кощунственно выбрасываетъ даже образа и молитвен-

ныя книги; есть глупые и алчные старшины, которыхъ онъ увлекъ угрозой, что Русскіе послѣ завладѣютъ этимъ лѣсомъ и церковью. Есть Сотири, который помнитъ русскій хлѣбъ и подвергаетъ изъ-за Русскихъ себя величайшей отвѣтственности, есть хитрый и осторожный прелатъ греческій, который какъ будто ласкаетъ Магдалину, но, вѣроятно, поддерживаетъ старшинъ въ ихъ подозрѣніяхъ; есть, наконецъ, нерѣшительная толпа селянъ греческихъ, которые не принимаютъ участія въ разореніи хижины, но и не рѣшаются помѣшать старшинамъ, а подсылаютъ потомъ ко мнѣ священника сказать, что виноваты только пять-шесть человѣкъ, и чтобъ я заступился за село въ русскомъ консульствѣ въ Солунѣ, если консулъ за это будетъ преслѣдовать...

Несчастіе въ томъ, что въ дѣлахъ греко-славянскихъ *теперь слышны только громкіе голоса разныхъ Панайотаки, алчныхъ старшинъ и хитрыхъ, осторожныхъ прелатовъ...*

Но зная Грековъ коротко, я могу увѣрить, что и теперь между ними много и такихъ, какъ Сотири, какъ добрый іеромонахъ, какъ Гречанка-монашенка...

Что касается *нерѣшительной толпы* селянъ... то прекрасное, породистое, храброе населеніе безчисленныхъ острововъ Эгейскаго и Средиземнаго моря еще свѣжо и не успѣло извратить въ себѣ православныхъ чувствъ. Еще искренни и просты, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, толпы молодцовъ эпиротовъ и ѳессалійскихъ селянъ; на Аѳонѣ, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ, есть сотни и сотни монаховъ Грековъ, которые подобны доброй и честной монашенкѣ, защищавшей Магдалину.

Все это люди, которые большею частію и не поняли еще хорошо о чемъ идетъ рѣчь...

Есть между Греками даже *учителя* (я знаю нѣсколькихъ), которые теперь лишились своихъ должностей за умѣренность своихъ мнѣній, благодаря интригамъ людей, подобныхъ опозоренному Европейцу и завоевателю Панайотаки...

Нѣтъ причины думать, чтобы греческія толпы были навѣки въ рукахъ этихъ послѣднихъ и что они никогда не перейдутъ въ руки добросовѣстныхъ учителей, или благородныхъ головорѣзовъ, въ родѣ Сотири, или добрыхъ пастырей, подобныхъ аѳонскому іеромонаху, помнящему о нуждахъ набожной Магдалины...

Разсказывая всю эту небольшую исторію, я полагаю, что она живѣе всякаго сухаго перечня главныхъ событій изобразитъ именно то состояніе дѣлъ и умовъ на Аѳонѣ и внѣ его, о которомъ я буду говорить дальше. Сходства много.

Хотя очень трудно прослѣдить начало и первыя причины того гоненія, которое чуть-чуть было не подняли Греки на Русскихъ аѳон-

цевъ однако, несомнѣнно, то, что первые признаки этого гоненія появились прошедшею зимой въ греческой цареградской газетѣ *Неологосъ* вскорѣ послѣ той неканонической литургіи, которую отслужили Болгары въ Богоявленіе, 6-го января. Гнѣвъ, охватившій тогда всю Греческую націю, искалъ лишь повода и пищи.

Поводъ, какъ всегда въ этихъ случаяхъ бываетъ, явился немедленно.

Есть на Аѳонѣ греческій монастырь свв. Павла и Георгія. Онъ не богатъ и не слишкомъ бѣденъ, и, между прочимъ, имѣетъ земли въ Бессарабіи. Братія этого монастыря, ведущая строгую киновіальную жизнь, была давно недовольна своимъ игуменомъ за то, что онъ не жилъ въ монастырѣ, и если возвращался на Аѳонъ, то каждый разъ не надолго, и проживалъ въ Константинополѣ монастырскіе доходы, подъ предлогомъ разныхъ хлопотъ по дѣламъ.

Братія говорила: „Если ты игуменъ,—живи здѣсь и начальствуй надъ нами; если ты хочешь жить на сторонѣ,—мы можемъ избрать тебя въ *эпитропы* (повѣренные для дѣлъ), и тогда уѣзжай. Игуменомъ же ты больше быть надъ нами не можешь“.

Игуменъ прибѣгъ къ защитѣ патріарха. Патріархъ прислалъ на Аѳонъ отъ себя экзарха, который, съ помощію аѳонскаго протата (синода) и одного незначительнаго турецкаго чиновника изъ христіанъ, приступилъ къ разбирательству этого дѣла. Святопавловскіе монахи, большею частью пылкіе Кефалониты, горячо отстаивали свое исконное право мѣнять игуменовъ. Протатъ раздѣлился. Представители значительнаго большинства монастырей были въ пользу братіи святопавловской, имъ хотѣлось поддержать независимость Аѳона въ его внутреннихъ вопросахъ. Иверъ, богатый и вліятельный Ватопедъ, болгарскій Зографъ и Руссикъ были въ пользу святопавловской братіи. Нѣкоторые изъ бѣднѣйшихъ греческихъ киновій перешли на сторону игумена и патріархіи.

Борьба была продолжительна; святопавловская братія была рѣшительно осаждена въ своей обители. Монахи-Кефалониты заперлись и не хотѣли пускать ни игумена, ни экзарха, ни турецкаго чиновника. Одно время слышно было, что патріархъ потребуетъ у Порты отрядъ войска для усмиренія крамольныхъ иноковъ. Но этотъ слухъ, конечно, былъ ложный.

Дѣло это, кажется, и теперь еще не совсѣмъ кончено. Но оно на одно время нѣсколько утихло. Послѣ того, какъ экзархъ патріаршій уѣхалъ съ Аѳона, Святопавловцы поставили на своемъ и выбрали себѣ игумена не изъ своей среды, но одного Грека, который въ послѣднее время жилъ въ особой кельи и когда-то принадлежалъ къ числу братій греко-русскаго монастыря св. Пантелеймона.

Какъ нарочно, почти въ то же самое время, въ смежномъ съ рус-

скимъ монастыремъ, греческомъ киновіальномъ монастырѣ Ксенофѣ, скончался старый игуменъ, и ксенофскіе иноки, подобно святопавловскимъ, предпочли избрать себѣ въ игумены одного Грека іеромонаха изъ того же монастыря св. Пантелеймона.

Чѣмъ же виноваты Русскіе, что Греки, живущіе съ ними въ одной обители, нравятся другимъ Грекамъ? Мірскихъ Грековъ и нѣкоторыхъ полумірскихъ монаховъ это возмущаетъ; они говорятъ: «Это панславизмъ!»

Случились минувшею зимою и весной и другія событія на Аѳонѣ, которыя въ другое время прошли бы незамѣченными, ибо они были совершенно случайны и вовсе незначительны; но въ эту эпоху племенной борьбы они въ глазахъ раздраженнаго мірскаго эллинизма приняли неестественные размѣры.

Во-первыхъ, надо сказать два слова о русскомъ Св. Андреевскомъ скитѣ.

Андреевскій скитъ, какъ мы сказали во второмъ письмѣ, построенъ на землѣ греческаго монастыря Ватопеда и зависитъ отъ него. Онъ возникъ на мѣстѣ большой кельи, въ которой покоился патріархъ Аѳанасій Лубскій (мощи его въ Лубнахъ въ Россіи).

Стараніями игумена Ѳеодорита и помощниковъ его, іеромонаховъ Паисія и Дороѳея, этотъ скитъ скоро разросся, и по объему своему и по количеству населенія превосходитъ, правда, многіе греческіе привилегированные монастыри. Одинъ изъ посѣтителей Аѳона выразился про Андреевскій скитъ такъ: „Здѣсь иноки живутъ въ нестрогой киновіи“. Это до извѣстной степени правда. Общежитіе Андреевское менѣе строго, не столько по уставу, сколько по обычаю, чѣмъ общежитіе Пантелеймоновской греко-русской обители; но эта разница служитъ на пользу людямъ набожнымъ или желающимъ постричься на Святой горѣ. Тѣ, что сразу не въ силахъ вынести суровый уставъ Руссика и нѣкоторыхъ греческихъ киновій, поступаютъ въ Андреевскій скитъ. Тотъ же, кто ищетъ болѣе трудной жизни, найдетъ и ее на Аѳонѣ.

Нынѣшній вселенскій патріархъ Анѳимъ занималъ патріаршій престолъ въ то время, когда Серайская келья стала скитомъ; онъ, такъ сказать, открывалъ этотъ скитъ и всегда сохранялъ къ нему особое расположеніе. Онъ не разъ во времена удаленія своего отъ патріаршаго престола говаривалъ, какъ слышно, что непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь для Сераевцевъ, когда будетъ опять патріархомъ.

Прошедшею зимой онъ вспомнилъ свое обѣщаніе. Онъ прислалъ игумену Ѳеодориту крестъ, архимандричью мантію и грамоту, въ которой объявлялъ Андреевскій скитъ ставропигіальнымъ или патріаршимъ скитомъ. Отецъ Ѳеодоритъ названъ былъ въ этой грамотѣ не *дикеемъ*, какъ обыкновенно на Аѳонѣ называютъ настоятелей зависи-

мыхъ скитовъ, а *игуменомъ* (титулъ, присвоенный здѣсь лишь начальникамъ двадцати независимыхъ монастырей).

Всѣ эти знаки патріаршаго благоволенія къ отцу Өеодориту и его обители не освобождали, однако, Андреевскій скитъ отъ его зависимости отъ Ватопеда. Ватопедское духовное начальство предъ этимъ само не задолго сдѣлало отца Өеодорита архимандритомъ (прибавимъ, къ большей радости Св. Андреевской простодушной русской братіи, которая сердечно утѣшалась, видя въ митрѣ своего добраго и умнаго пастыря), и все обошлось бы на этотъ разъ въ средѣ монаховъ дружески и братски, если бы опять не то же вліяніе фанатизированнаго и до ребячества подозрительнаго *мірскаго* эллинизма.

Въ константинопольскихъ газетахъ началась тотчасъ же между самими Греками по этому поводу полемика. Одна газета обзывала панславистами аөонскихъ Грековъ за то, что они опираются на русское вліяніе, за то, что живутъ русскими подаяніями, за то, что многіе изъ нихъ расположены къ Россіи и поддаются *внушеніямъ* русскихъ духовниковъ Пантелеймоновскаго монастыря, отцовъ Іеронима и Макарія, размѣщающихъ будто бы по своей волѣ игуменовъ по греческимъ киновіямъ на Святой горѣ (Ксенофъ и св. Павелъ). Противники этой газеты, затронутые за живое, обращали противъ нея тоже самое оружіе и звали чуть не самого патріарха панславистомъ за то, между прочимъ, что онъ сдѣлалъ Свято-Андреевскій русскій скитъ патріаршимъ и какъ будто бы пытался этимъ оскорбить начальствующій Ватопедъ и за то, что онъ принялъ сторону аөонской оппозиціи въ Святопавловскомъ дѣлѣ.

Раздраженіе у Грековъ расло, но преимущественно въ городахъ, а на Аөонѣ все это для большинства монаховъ, занятыхъ молитвой, постомъ, богослуженіемъ, работою и мелкимъ рукодѣліемъ, было незамѣтно и, прибавимъ, для многихъ... для очень многихъ, даже и неважно. Личные религіозные вопросы объ отношеніяхъ нашего ума и сердца къ Богу, церкви и жизни занимаютъ большинство Аөонцевъ, какъ и слѣдуетъ, гораздо больше, чѣмъ споръ Грековъ съ Юго-Славянами за политическое преобладаніе въ Турціи, или вопросы внѣшней церковной дисциплины, въ родѣ отношенія экзархата болгарскаго къ патріархіи Константинопольской.

Я былъ въ это время на Аөонѣ и глядѣлъ на это множество людей разныхъ націй, простыхъ или ученыхъ, бѣдныхъ и когда-то богатыхъ въ міру, которые столько молятся и трудятся, такъ мало спятъ, такъ много поютъ по ночамъ въ церкви и постятся,—я думалъ часто, какъ оскорбительно должно быть многимъ изъ нихъ это внѣдреніе сухихъ политическихъ страстей въ ихъ отшельническую жизнь!

Къ счастію, большинство этихъ людей, Русскіе, Греки и Болгары, живутъ, попрежнему, своею *особою аөонскою*, не русскою, не греческою

и не болгарскою жизнью, и до нихъ едва доходятъ отголоски этой борьбы, исполненной столькихъ клеветъ и несправедливостей.

Не ангелами во плоти я хочу представить монаховъ. О, нѣтъ! И у нихъ есть свои интересы, свои ошибки, свои паденія и страсти. Распри въ обителяхъ, разстройства въ средѣ братіи, возстанія происходили въ монастыряхъ въ самыя цвѣтущія времена христіанства— во времена отцовъ православной церкви; житія святыхъ наполнены подобными событіями; даже такой монашескій наставникъ, какъ знаменитый Іоаннъ Лѣствичникъ, предполагаетъ въ монахѣ возможность развитія всѣхъ страстей и пороковъ, при нерадѣніи или при самоувѣренности.

Идеалъ монаховъ можетъ быть и состоитъ въ томъ, чтобы приблизиться къ безплотности и безстрастію ангела; многіе изъ нихъ могутъ и достигать почти полнаго безстрастія долгою борьбой, но большинство монашества всегда было и не можетъ не быть лишь *колеблющимся и нетвердымъ резервомъ высшаго подвижничества*. Безъ нерѣшительной толпы невозможны герои *аскетизма*, и если на Аѳонѣ, напримѣръ, изъ 8,000 иноковъ найдется тысячи 2—3 *очень хорошихъ*, добрыхъ и искреннихъ, хотя и слабыхъ иногда, и 500 людей высшаго разряда, достигающихъ образцовой жизни въ различныхъ положеніяхъ, игумена, духовника, пустынножителя или хотя бы обыкновеннаго рабочаго монаха въ многолюдной обители, то Аѳонъ можетъ быть признанъ достаточно исполняющимъ свое назначеніе. Онъ таковъ и есть. И если, при этомъ, случаются ссоры и несправедливости, то безъ нихъ нѣтъ жизни духовной, нѣтъ испытаній, нѣтъ борьбы съ дурными страстями. Я хотѣлъ всѣмъ этимъ сказать вотъ что: на Аѳонѣ всегда, какъ и вездѣ, могли быть раздоры, могли совершаться несправедливости и проступки, но всѣ эти несогласія и раздоры имѣли до сихъ поръ въ виду не эллинизмъ, не болгарство, не руссизмъ, а тѣ изъ временныхъ интересовъ, которые прямо и непосредственно относятся къ монашескому быту. Вопросы объ избраніи игумена болѣе строгаго или болѣе мягкаго, вопросъ о насущномъ хлѣбѣ для братіи, о воздвиженіи новаго храма, о распоряженіи кассы монастырской, о храненіи древняго чина и устава.... Вотъ предметы, которые могли и могутъ быть причинами распрей или борьбы между монахами, живущими не въ пещерахъ или отдѣльныхъ кельяхъ, а въ многолюдныхъ общинахъ.

Самыя дурныя страсти, которыя могутъ временно волновать монастыри и монаховъ, менѣе вредятъ *общему духу* и *общему строю* монашества, чѣмъ высокіе принципы, если ихъ вносятъ не кстати въ монашескую жизнь.

Что̀ можетъ быть лучше и благороднѣе патріотизма, и можно ли запретить человѣку сочувствовать какимъ-либо успѣхамъ народа изъ,

котораго онъ вышелъ, любить свое отечество оттого только, что онъ надѣлъ монашескую рясу и далъ искренній обѣтъ отреченія? Невозможно! Въ этомъ чувствѣ и нѣтъ ничего дурнаго, пока оно не становится въ противорѣчіе съ долгомъ монашескимъ.

Мы говоримъ о монашествѣ, но то же можно сказать и о христіанствѣ вообще. Патріархія константинопольская была вполнѣ права, изобрѣтая новый терминъ: *филетизмъ*, для обозначенія столь вредной и неосторожной склонности нынѣшнихъ людей вносить въ дѣла религіи племенные или политическіе интересы. Неправота патріархіи или, лучше сказать, тѣхъ мірскихъ Грековъ, которые слишкомъ сильно вліяли на дѣла, была не въ осужденіи *филетизма*, а въ осужденіи однихъ только Болгаръ. Прежде Болгаръ, и еще больше ихъ, сами греки грѣшили всегда этимъ филетизмомъ; имъ давно хотѣлось погречить Болгаръ Македоніи и Ѳракіи вліяніемъ греческой литургіи, греческой іерархіи и т. п.

Болгарскій филетизмъ, какъ сказалъ я въ моихъ первыхъ замѣткахъ (*Панславизмъ и греки* *), есть филетизмъ оборонительный, а греческій — завоевательный, стремящійся перейти свои естественные, этнографическіе предѣлы.

Вносить сознательно и систематически племенныя стремленія въ церковныя дѣла значитъ вредить и церкви и личнымъ потребностямъ православія; значитъ, осуждать самого себя на множество несправедливостей и заблужденій.

Недавно въ Царьградѣ былъ тому поразительный примѣръ. Одинъ изъ сильныхъ и вліятельныхъ Болгаръ, человѣкъ съ состояніемъ и выгоднымъ положеніемъ, нѣкто Гавріилъ-эффенди Христаки, въ началѣ разгара греко-болгарскихъ дѣлъ, былъ, естественно, на сторонѣ своихъ одноплеменниковъ. Но онъ — человѣкъ лично-вѣрующій, а не политикъ православія, какъ большинство архонтовъ и греческихъ и болгарскихъ въ наше время. Жена у него гречанка, съ которою онъ живетъ счастливо. Отверженный патріархіей вмѣстѣ съ другими, онъ не былъ покоенъ; быть можетъ и жена уговаривала его, но кончилось тѣмъ, что онъ около Рождества явился къ патріарху, палъ ему въ ноги и просилъ себѣ лично разрѣшенія и причастія отъ вселенскаго престола.

Кто же, имѣющій сердце и умъ, броситъ камнемъ въ этого человѣка?

Если его мучилъ духовный страхъ раскола,—что ему было смотрѣть на другихъ Болгаръ? Они проживутъ и безъ него.

Со стороны болгарской, конечно, посыпались обвиненія *въ измѣнѣ*, въ предательствѣ, выдумали даже, что онъ это сдѣлалъ боясь отче-

*) *Русскій Вѣстникъ*, № 2.

го-то Турокъ, — какъ будто Турки входятъ въ такія частныя дѣла! Послѣднее обвиненіе, впрочемъ, сами Болгары скоро бросили, понявъ, что оно глупо.

А намъ этотъ человѣкъ, въ которомъ боролись два высокія чувства, племенной патріотизмъ и религіозность, и у котораго побѣдило чувство не современное, не модное, *на Востокѣ въ высшихъ классахъ* вдобавокъ гораздо менѣе идеальное и менѣе распространенное, чѣмъ у насъ въ высшемъ обществѣ, — намъ этотъ человѣкъ, не побоявшійся клеветъ и насмѣшекъ, внушаетъ уваженіе.

Въ *Courrier d'Orient*, почти настолько же пристрастномъ къ Болгарамъ, насколько *Phare du Bosphore*, напримѣръ, пристрастенъ къ Грекамъ, появилась недавно по этому поводу слѣдующая корреспонденція:

„Nous lisons dans le numéro d'aujourd'hui du journal bulgare *Turtzia:*

„Ces jours derniers, nous avons reçu quelques lettres de l'intérieur dans lesquelles Gavril effendi Christidis (Chrestovitch) est pris à partie. Ces lettres blâment-sévèrement la démarche qu'il a faite en dernier lieu auprès du patriarche grec. Nous n'avons par cru devoir publier les lettres en question, d'abord parce que nous n'attachons aucune importance à l'acte inqualifiable de Gavril-effendi et ensuite parce que nous savions qu'il était capable d'une telle démarche. Nous dirons seulement que, il y a deux ans (voir la *Turtzia* sixième année, numéros 11, 12, 13 et 14), nous avions émis quelques doutes *sur le patriotisme* de cette personne et nous regrettions vivement que notre voix n'ait pas été écoutée à cette époque.

Видите, все дѣло въ *патріотизмѣ*, въ *болгарской* идеѣ; до *православныхъ* чувствъ никому и дѣла нѣтъ.

Болгары въ этомъ дѣлѣ не чище Грековъ, съ точки зрѣнія церковной. Духъ одинъ и тотъ же.

Въ самомъ началѣ борьбы Болгары были правѣе, конечно; они просили себѣ независимой іерархіи и славянской литургіи. Греки отказывали; они были не правы. Болгары, разсвирѣпѣвъ, совершили рѣшительный шагъ 6 января прошедшаго года. Въ свою очередь они поступили не православно. Не по-христіански поступили и Греки вынудивъ свою патріархію объявить расколъ *).

И крайніе Болгары, и красные Греки потомъ обрадовались этому расколу одинаково. Первые вздохнули, что оторвали, наконецъ, свою народность отъ эллинскаго вліянія. Вторые восхитились тою мыслью, что расколъ, отреченіе отъ всякаго родства съ славянами склонитъ въ ихъ сторону Западъ и особливо *будто бы навѣкъ уже* (sic!) всемогущую Германію. Теперь же и различить уже невозможно кто правъ и кто виноватъ въ этой ожесточенной свалкѣ.

*) Это ошибка моя; Греки правы. Авг. 1884.

Конечно, еслибъ и со стороны Болгаръ и со стороны Грековъ мірскихъ, вліявшихъ на то и другое духовенство, было больше людей подобныхъ Гавріилу-эффенди, то разрывъ не произошелъ бы такъ грубо и свирѣпо. Само духовенство на Востокѣ можетъ имѣть свои *нравственные* пороки, но грѣшить, такъ сказать, *догматически* или *канонически* оно остереглось бы скорѣе вліятельныхъ мірянъ. Греческихъ епископовъ обвиняли иные въ томъ, что они ищутъ удержать Болгаръ за собою изъ личнаго сребролюбія, ибо эта паства приносила церкви доходъ. Это не нравственно, конечно, если это правда, но это менѣе грѣхъ противъ церкви, противъ основъ православія, чѣмъ то рѣшительное проклятіе и восторженное объявленіе схизмы, которое мы видѣли со стороны Грековъ прошлою зимой. Точно также и съ болгарской стороны. Извѣстно, что Болгаринъ Словейковъ, воспитанный во Франціи, и другіе ему подобные, набрали и подбили цѣлую толпу болгарскихъ лавочниковъ, конюховъ, слугъ и подобныхъ людей, чтобы застращать епископовъ Панарета, Иларіона и другихъ, не рѣшавшихся служить 6 января прошлаго года литургію, вопреки патріарху.

Одинъ греческій архіерей, говоря со мною, еще два года тому назадъ, о греко-болгарскихъ дѣлахъ, сказалъ мнѣ вотъ что:

— Болгары, въ числѣ своихъ жалобъ на наше духовенство, приводили, между прочимъ, грубое, жестокое обращеніе прежнихъ архіереевъ со своею паствой, ихъ вымогательства, и т. п. Въ этомъ много правды, но повѣрьте, что старики эти нисколько и не думали о племенномъ притѣсненіи. Они дѣлали то же самое и въ Эпирѣ, и въ Критѣ, и въ другихъ греческихъ земляхъ. Это была всеобщая жестокость нравовъ, это было отсутствіе хорошаго нравственнаго воспитанія, а не тираннія національная. Были всегда между высшимъ духовенствомъ и люди славянскаго племени, и они тогда дѣлали то же.

И это совершенная правда. Несмотря на то, за послѣдній десятокъ лѣтъ явилось почти повсемѣстно новое поколѣніе греческихъ епископовъ, ученыхъ, благовоспитанныхъ, нерѣдко обученныхъ философіи и богословскимъ наукамъ въ Германіи, но есть еще много и старыхъ архіереевъ. Самъ патріархъ Анѳимъ, конечно, изъ этихъ старыхъ, и потому мы не ошибаемся, думая, что если бы прежній лично грубый, но менѣе національный духъ имѣлъ перевѣсъ въ дѣлахъ патріархіи и экзархіи, то дѣла приняли бы иныя, болѣе мягкія формы.

Если бы между Греками и Болгарами было нѣсколько болѣе такихъ людей, какъ Гавріилъ-эффенди, вскормленныхъ въ духѣ личнаго православія, и поменьше такихъ, какъ плохой поэтъ Словейковъ, воспитанный въ Парижѣ, раздѣленіе произошло бы постепенно, безъ разрыва и раскола.

Старое, жесткое, но догматически и серьезно вѣрующее поколѣніе

восточныхъ христіанъ больше побоялось бы взять на душу свою этотъ грѣхъ церковнаго расторженія.

Всѣмъ этимъ, повторяю еще разъ, я хотѣлъ сказать, что личныя страсти, пороки, заблужденія, распри и несправедливости не могутъ такъ глубоко потрясти основы церковныхъ принциповъ, *какъ принципы другіе, очень высокіе быть можетъ, но чуждые церкви.*

Церковь признала святымъ Кирилла, епископа Александрійскаго, за его борьбу противъ Несторіанской ереси, имѣвшей высшія философскія притязанія, а исторія свѣтская представляетъ намъ его человѣкомъ страстнымъ, даже жестокимъ въ иныхъ случаяхъ.

Церковь въ этомъ вполнѣ послѣдовательна, и уроковъ ея не надо забывать, если мы хотимъ быть, въ самомъ дѣлѣ, православными, а не какими-то воздушными, фантастически летающими и порхающими христіанами, принимая французскую утилитарную гумманность и нѣмецкій сентиментализмъ за истинное христіанство.

Повторяю это еще и еще разъ, и желалъ бы повторять безпрестанно: не въ личныхъ проступкахъ христіанъ, не въ грубыхъ вещественныхъ побужденіяхъ, не въ корыстныхъ распряхъ, даже не въ преступленіяхъ, которыя могутъ иногда совершить и отличные люди подъ вліяніемъ увлеченій и соблазна—гибель и вредъ православному принципу, а въ *постепенномъ вырожденіи его* въ другіе принципы, напримѣръ, въ принципъ утилитарности экономической, какъ мы видимъ у столь многихъ соціальныхъ реформаторовъ, или въ принципъ политическій, какъ мы видѣли это въ греко-болгарскомъ вопросѣ, или у католическихъ священниковъ въ польскихъ дѣлахъ.

Грубыя побужденія смягчаются, въ преступленіяхъ люди каются, или бываютъ наказаны за нихъ, караемы духовно, вещественно и граждански, временная и своекорыстная борьба утихаетъ, уступая, при другихъ условіяхъ, лучшимъ вліяніямъ, но *царящій* надъ всѣми этими дурными и грубыми страстями чистый принципъ остается не тронутымъ, и исправительная, примиряющая сила его снова нисходитъ побѣдоносно на отуманенныхъ людей.

Принципъ не убивается вещественною корыстью и временными страстями; только другой принципъ можетъ вступить въ борьбу съ нимъ и исказить или уничтожить его.

Люди не звѣри, и безъ принциповъ жить въ обществѣ не могутъ. Какъ бы ни были они порочны, если не дадите имъ другаго принципа, они возвратятся къ старому и преклонятся предъ нимъ, умоляя о прощеніи.

Если все, что я сказалъ, вполнѣ приложимо ко *всей* церкви,—къ церкви, живущей въ мірѣ и съ мірянами, въ государствѣ и въ тѣсной связи съ его администраціей, не примѣнимо ли это еще болѣе къ аѳонскому обществу монаховъ, которые избрали себѣ не дѣятельный въ

міру, а аскетическій, молитвенный и созерцательный путь христіанства?

Аѳонская гора до тѣхъ поръ будетъ горою святою, пока жители ея будутъ одинаково чужды болгаризму, эллинству, руссизму и какимъ бы то ни было племеннымъ и другимъ отвлеченнымъ и быть можетъ безкорыстнымъ стремленіямъ. Его безкорыстіе, его идеализмъ долженъ быть идеализмъ только иноческій, личная доблесть *подвижничества*, молитвы и добраго общественнаго монашества.

Къ счастію, самая разнородность племенъ, его населяющихъ, съ одной стороны, взаимно будетъ парализовать, кажется, всякую національную исключительность. Съ другой стороны, присутствіе надъ всѣмъ этимъ, *безъ прибавленія* въ высшей степени (по этимъ дѣламъ) либеральной и безпристрастной турецкой власти, также крайне спасительно для чистоты и ширины аѳонскаго православія. Наконецъ, и то, что я сказалъ еще прежде: большинство монаховъ аѳонскихъ, какой бы націи они ни были, живутъ, слава Богу, не греческою, не русскою, не болгарскою, а особою аѳонскою жизнію... Это главное. Большинство это гораздо больше интересуется своимъ личнымъ *сердечнымъ* мистицизмомъ, или своими скромными вещественными нуждами, или внутреннимъ управленіемъ своего монастыря и скита, чѣмъ эллинскимъ или болгарскимъ патріотизмомъ.

Мы нашли подтвержденіе мысли нашей въ статьѣ, которую приписываютъ ученому и молодому сирскому епископу Ликургу, недавно возвратившемуся въ Грецію изъ поѣздки своей на Аѳонъ (Νεόλογος, константинопольская газета).

Авторъ этой статьи тоже говоритъ, что политическими вопросами на Аѳонѣ занимаются очень немногіе монахи идіоритмовъ. Остальные къ нимъ равнодушны. Изъ частныхъ источниковъ мы слышали, что преосвященный Ликургъ, будучи на Аѳонѣ, говорилъ и тамъ объ этомъ и *радовался* такой чистотѣ святогорскаго православія.

Изъ статьи *Неологоса* явствуетъ, однако, нѣчто другое. Изъ нея оказывается, что преосвященный Ликургъ радуется, напротивъ того, существованію на Аѳонѣ ученыхъ, богатыхъ и независимыхъ *проэстосовъ* въ *идіоритмахъ*, ибо они имѣютъ гораздо болѣе досуга, силы и умѣнья для *политической борьбы*, для *охраненія вѣковаго наслѣдія эллиновъ* отъ чуждыхъ захватовъ.

Существованію этихъ *проэстосовъ* на Аѳонѣ рады и мы; это уже было сказано прежде; и рады мы почти по той же причинѣ... *Почти*... а не совсѣмъ по той же! Намъ бы нравилось чтобы *проэстосы* занимались политикой лишь для охраненія *особаго святогорскаго вѣковаго наслѣдства* отъ всякаго односторонняго вліянія, болгарскаго, русскаго и греческаго, одинаково. Всякое одностороннее вліяніе того или другаго племени было бы крайне вредно для Аѳона.

Преосвященный Ликургъ (или спутникъ его, авторъ статьи) говоритъ, между прочимъ, что Русскіе желали бы всѣ аѳонскіе монастыри видѣть *киновіями*, потому что въ киновіяхъ меньше досуга заниматься политикой, и, при обращеніи всѣхъ своеобычныхъ обителей въ общежительныя, Аѳонъ легче бы поддался русскому вліянію. Вопросъ—*какіе Русскіе*? Русскіе монахи на Аѳонѣ? Или духовное начальство въ Россіи? Или дипломатія русская?

Если это только *монахи* русскіе, то можно быть увѣреннымъ, что они нисколько не претендуютъ *національно* или государственно вліять на Аѳонъ. Они даже по многимъ причинамъ, которыя намъ ниже придется объяснить, имѣютъ личныя основанія предпочитать здѣшніе порядки инымъ сторонамъ великорусской администраціи; вліянія иные изъ нихъ могутъ желать, быть можетъ, духовнаго, личнаго. Но это дѣло ихъ совѣсти, и до націи и государства не касается. Если же авторъ говоритъ о правительствѣ русскомъ или о святѣйшемъ синодѣ, то и тутъ ошибка. Въ самой Россіи теперь стараются всѣ *идіоритмы* (штатные монастыри, кромѣ лавръ) обратить въ киновіи; объ этомъ печаталось и въ газетахъ. Я уже сказалъ выше, что мѣрѣ этой, вообще, сочувствовать безусловно нельзя; она стѣснительна и, при всемъ искреннемъ желаніи блага, можетъ, мнѣ кажется, посягнуть на внутреннюю свободу иноческаго призванія. Но какъ бы то ни было, если мѣра эта принимается въ *Россіи*, то ясно, что въ ней нѣтъ никакого *русскаго филетизма*, и если есть *политика*, то политика внутренняя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чисто *церковная*, а никакъ не *національная* въ смыслѣ вліянія *на другихъ*. Объ этой статьѣ *Неологоса* мнѣ придется, вѣроятно, упомянуть еще не разъ.

Изъ тѣхъ событій на Аѳонѣ въ теченіе прошлой зимы и весны, которыя обратили на себя вниманіе и греческихъ газетъ, именно во время сильнѣйшаго раздраженія греко-болгарскихъ страстей, я упомянулъ лишь о трехъ: о Святопавловскомъ дѣлѣ, о патріаршей грамотѣ отцу Ѳеодориту, игумену русскаго Андреевскаго скита, и о небольшомъ эпизодѣ избранія ксенофскаго игумена изъ греческихъ иноковъ Руссика, который въ другое время прошелъ бы совершенно незамѣченнымъ.

Надо здѣсь разсказать еще о двухъ обстоятельствахъ, раздражившихъ Грековъ: о посѣщеніи Аѳона русскими консулами, битольскимъ и солуньскимъ, и о дѣлѣ русскаго казачьяго скита св. Иліи, состоящаго въ зависимости отъ греческаго монастыря Пантократоръ.

Имена этихъ двухъ консуловъ, особенно солуньскаго, безпрестанно являлись за послѣднее время въ газетахъ. То одинъ изъ этихъ консуловъ изображается пламеннымъ панславистскимъ *писателемъ*, тогда какъ у насъ, въ Россіи, нѣтъ *ни одной* не только всеславянской, но и какой бы то ни было политической статьи или книги, подписанной его именемъ. То, располагая огромною какою-то суммой, онъ подкупилъ въ

пользу Россіи всѣ бѣднѣйшія греческія обители на Аѳонѣ. То онъ живетъ въ Андреевскомъ скиту, гдѣ ему помогаютъ *десять русскихъ монаховъ-писарей*; тогда какъ тамъ очень трудно найти хоть одного свободнаго монаха для переписки. То онъ послалъ куда-то статью, доказывающую, что весь Аѳонъ есть добыча русскихъ. То онъ агентъ Каткова въ Македоніи.

То одинъ консулъ (битольскій) спѣшитъ къ другому на Аѳонъ изъ Солуня, и оба они совѣщаются тамъ о панславизмѣ, тогда какъ намъ здѣсь извѣстно, что эти оба чиновника *на Аѳонѣ никогда вмѣстѣ не были* и что солуньскій консулъ лежалъ больной, почти умирающій въ городѣ Каваллѣ, верстахъ въ 150 или 200 отъ Аѳона, въ то время когда битольскій консулъ посѣтилъ одинъ Святую гору.

Мнѣ, какъ русскому, живущему теперь въ Царьградѣ, многое изъ этого всего извѣстно коротко.

Мы всѣ знаемъ вотъ что... Солуньскій консулъ очень заболѣлъ и уѣхалъ на Аѳонъ, не только не съ согласія посла, но даже вопреки его волѣ. Посолъ находилъ, что присутствіе консула было *тогда* необходимо въ Солунѣ, какъ по количеству накопившихся тяжебныхъ дѣлъ у русско-подданныхъ въ томъ городѣ, такъ и по значительной стоимости счетныхъ дѣлъ въ консульской канцеляріи; ибо черезъ это консульство идутъ на Аѳонъ безпрестанныя частныя пожертвованія на больныхъ русскихъ людей, всякаго званія и всякаго состоянія, отъ процентовъ, напримѣръ, съ капитала въ 25,000 руб. сер., пожертвованнаго прошедшаго года г-жей Киселевой, до какихъ-нибудь *трехъ рублей* отставнаго солдата или бѣдной крестьянки!

Солуньскій консулъ, совершенно разстроенный болѣзнью и пользуясь тѣмъ, что Аѳонъ находится въ округѣ его юрисдикціи, уѣхалъ *несмотря на запрещеніе* посла.

Посолъ, однако, имѣлъ снисходительность не тревожить болѣе больнаго человѣка, во вниманіе къ его прежнимъ трудамъ по службѣ.

На Аѳонѣ не только Русскіе, но и Греки и Болгары знаютъ, что этотъ консулъ жилъ все время почти запершись, рѣдко кого принималъ и только просилъ ни *о какихъ дѣлахъ,* ни политическихъ, ни тяжебныхъ, съ нимъ не говорить.

Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отпускъ, и г. Якубовскій (битольскій консулъ) замѣнилъ его въ Солунѣ. Въ настоящее время онъ вышелъ, по болѣзни, въ отставку.

На Востокѣ умы и сердца не заняты серьезно ничѣмъ, кромѣ политики и торговли, поэтому ни одинъ мірской Грекъ (или, пожалуй, и Болгаринъ) не можетъ предположить, чтобы русскій чиновникъ могъ жить гдѣ-нибудь безъ цѣли государственной. Если прибавить къ этому ту сухость и тотъ внутренній религіозный индифферентизмъ, который такъ свойственъ современнымъ единовѣрцамъ нашимъ на Востокѣ и

при которомъ трудно понять, чтобы больной, знающій грамоту и даже европейскіе языки, могъ въ болѣзни предпочесть Аѳонъ Баденъ-Бадену или Швейцаріи, то безпокойство, овладѣвшее не аѳонскими, а *внѣшними* людьми и газетами, станетъ болѣе понятно и, пожалуй, даже и простительно, если не забывать, въ какую эпоху все это такъ случайно совпало.

И прежніе русскіе консулы изъ Солуня и сосѣдней Битоліи ѣздили на Аѳонъ, говѣли тамъ, гостили, даже мирили споровшіе между собою за земли монастыри, по ихъ собственному желанію. Но вскорѣ послѣ пріѣзда нынѣшняго солуньскаго консула Болгары отслужили 6-го января свою болгарскую обѣдню въ Цареградѣ, — и все послѣ этого озарилось въ глазахъ *мірскихъ* Грековъ инымъ свѣтомъ.

Теперь о дѣлѣ скита св. пророка Иліи.

Большинство Ильинцевъ, придунайскіе казаки (изъ потомковъ Запорожцевъ), люди хотя и весьма простые и усердные къ церкви, но нѣсколько по природѣ *республиканцы* или, по крайней мѣрѣ, либералы.

У нихъ тогда только что умеръ игуменъ отецъ Паисій, изъ бессарабскихъ Болгаръ, человѣкъ, который умѣлъ держать ихъ въ порядкѣ и вести дѣла скита, не раздражая пантократорскихъ Грековъ, которые чрезвычайно любили и уважали его.

Послѣ его смерти большинство братіи, подстрекаемое тремя монахами, изъ коихъ одинъ хотѣлъ, повидимому, самъ быть игуменомъ, отвергли завѣщаніе отца Паисія, духовно повелѣвшаго имъ не избирать никого изъ среды своей, ибо нѣтъ достойнаго для управленія, а искать на сторонѣ, изъ другихъ обителей или изъ пустынныхъ келій. Были указаны и лица.

Меньшинство, болѣе толковое, поддерживало завѣщаніе и хотѣло избрать одного изъ русскихъ же іеромонаховъ, живущаго въ особой кельи, въ лѣсу.

Началась борьба. За меньшинство былъ умъ, за большинство, конечно вещественная сила. Греческій монастырь Пантократоръ, на землѣ котораго скитъ построенъ, поддерживалъ меньшинство и объявилъ прямо, что излюбленнаго братіей зависимаго скита отца Андрея (Запорожца) онъ не допуститъ до игуменства. Произошелъ бунтъ. Пріѣхалъ протатъ въ самый скитъ. Ильинцы, руководимые отцомъ Андреемъ, бушевали и грозили самому протату. Солуньскій консулъ въ это время только что пріѣхалъ больной на Аѳонъ. Вожди Ильинской оппозиціи прибѣгли къ нему за помощью. Онъ напомнилъ имъ, что они находятся подъ властью турецкою и подъ начальствомъ греческаго протата и что онъ можетъ вмѣшаться лишь дружески, съ согласія протата. При этомъ сказалъ имъ: „Богъ еще знаетъ, кто правѣе: вы или греки“. Протатъ принялъ посредничество консула, повидимому, охотно. Консулъ заключилъ дѣло противъ простодушнаго большинства, про-

тивъ запорожца отца Андрея, въ пользу Грековъ Пантократора и болѣе толковаго меньшинства, во главѣ котораго стоялъ, не менѣе отца Андрея, упорный Болгаринъ, давнишній казначей скита и другъ покойнаго игумена. Консулъ, конечно, не позволялъ себѣ дѣлать ничего оффиціально и даже долго не хотѣлъ ѣхать самъ въ скитъ, боясь оскорбить Грековъ и турецкую власть. Онъ поѣхалъ, лишь когда Греки прислали сказать ему, что съ хохлами просто нѣтъ слада и придется чуть не войско просить. При консулѣ все кончилось тихо. Игумена провозгласили, и братія, повергшись ницъ, выслушала разрѣшительную молитву архіерея: таковъ обычай послѣ смутъ въ обителяхъ. Консулъ взялъ наканунѣ слово съ вождей оппозиціи, что они переночуютъ въ другой обители и предоставятъ братію его вліянію. Безъ нихъ братія была безгласна, хотя никто бы не помѣшалъ ей опять и шумѣть и гнать всѣхъ вонъ, и архіерея, и игумена, и даже консула.

Ильинскіе вожди послѣ говорили, что консулъ взялъ 2,000 рублей съ казначея-Болгарина, чтобы дѣйствовать въ пользу Грековъ; греческіе органы разузнали и объ этомъ дѣлѣ и сказали, что и *это панславизмъ въ Македоніи*. Разумѣется, это вздоръ, что консулъ взялъ взятку, но, все-таки, оказалось, что простые и разсерженные хохлы-монахи какъ-то логичнѣе въ своихъ клеветахъ, чѣмъ тоже разсерженные, но воспитанные *по-европейски*, газетные Греки въ своихъ обвиненіяхъ.

Можно, пожалуй, осуждать солуньскаго консула вообще за то, что онъ вмѣшался въ дѣло, которое не было его *неизбѣжною* обязанностью; пусть бы Греки боролись съ хохлами, какъ знаютъ! Войска турецкаго, все-таки, и Турки имъ не дали бы, ибо этому, какъ нарушенію всѣхъ аѳонскихъ древнихъ правъ, воспротивился бы самъ греческій протатъ.

Можно также находить, что онъ злоупотребилъ своимъ вѣсомъ, чтобы произвести такъ называемое *нравственное давленіе* на Русскихъ въ пользу греческаго начальства.

Говорятъ, будто кто-то изъ русскихъ поклонниковъ на Аѳонѣ и укорялъ его за это, указывая на *права большинства*, и будто бы этотъ консулъ отвѣчалъ: „Если сами Русскіе меня вмѣшали, я не виноватъ; я дѣйствовалъ по совѣсти, и что-жъ мнѣ дѣлать, если *право умной силы я предпочитаю силѣ глупыхъ правъ!*“

Все это такъ; но гдѣ же тутъ *панславизмъ?*

Рѣшено, теперь *все панславизмъ!*

Греческій монастырь св. Пантелеймона бѣденъ, разорился до того, что у монаховъ, наконецъ, нѣтъ ни бобовъ, ни чечевицы, скоро не будетъ хлѣба. Протатъ оффиціально объявляетъ его банкротомъ.

Игуменъ вспоминаетъ про одного суроваго и умнаго іеродіакона, Русскаго изъ Стараго Оскола, который живетъ на Аѳонѣ у моря, въ

пустынной кельи, и въ безмолвіи молится и разводитъ цвѣты. „Онъ принесетъ намъ благословеніе", говорятъ Греки. Зовутъ его. Онъ соглашается. Самъ онъ не такъ богатъ; но онъ мужественъ, ума необычайнаго, онъ музыкантъ, онъ иконописецъ, онъ строитель, онъ богословъ хорошій, сталъ іеромонахомъ, онъ церкви подвижникъ сталъ неутомимый, онъ исповѣдникъ тонкости и опыта рѣдкихъ.

Вслѣдъ за его поселеніемъ, монастырь наполняется Русскими, монастырь строится, богатѣетъ, цвѣтетъ; воздвигается соборъ въ строгомъ греческомъ вкусѣ, обрабатываются запущенные хутора въ окрестностяхъ, выростаютъ снова пышные порубленные отъ бѣдности лѣса; люди просвѣщеннаго общества (Русскіе, конечно, ибо *просвѣщенные* Греки никогда не ѣздятъ на Аѳонъ) находятъ отраду въ его бесѣдѣ и уѣзжаютъ съ Аѳона примиренные съ монашествомъ.

Когда эти русскіе міряне чего-нибудь не понимаютъ на Аѳонѣ и осуждаютъ что-нибудь византійское у Грековъ, отецъ Іеронимъ обличаетъ ихъ односторонность или слишкомъ французское, модное пониманіе христіанства, которое должно быть милостиво, но должно быть и грозно по духу самаго Евангелія.

Русскій свѣтскій человѣкъ уѣзжаетъ, понявъ лучше аѳонскихъ Грековъ и цѣня ихъ древнюю суровость.

Что же это такое?—Это панславизмъ.

Пріѣзжаетъ на Аѳонъ, на поклоненіе, богатый купеческій сынъ; онъ и дома былъ мистикъ и колебался давно что̀ предпочесть: клобукъ и рясу, или балы, театры, трактиры, торговлю и красивую добрую жену? Онъ заболѣлъ на Аѳонѣ; онъ умоляетъ Грека-игумена и русскаго духовника постричь его хоть предъ смертью. Игуменъ и духовникъ колеблются, добросовѣстность ихъ опасается обвиненія въ іезуитизмѣ... Молодой человѣкъ въ отчаяніи, положеніе его хуже, жизнь его въ опасности... Онъ опять проситъ. Его наконецъ постригаютъ. Онъ выздоравливаетъ, онъ іеродіаконъ, іеромонахъ, архимандритъ; онъ служитъ каждый день литургію, онъ исповѣдуетъ съ утра до вечера, онъ вездѣ, у всенощной, на мулѣ, на горахъ, на лодкѣ въ бурную погоду; онъ спитъ *по три* часа въ сутки, онъ безпрестанно въ лихорадкѣ, онъ въ трапезѣ каждый день ѣстъ самыя плохія постныя блюда, онъ, котораго отецъ и братья милліонеры; его доброту, умъ и щедрость выхваляютъ даже недруги его, Греки совѣтуются съ нимъ, идутъ къ нему за помощью... Иные, напротивъ того, чѣмъ-нибудь на него раздосадованные, говорятъ: *все онъ съ Греками, все онъ за Грековъ...*

Что это значитъ?—Панславизмъ!

Молодой офицеръ еще на скамьѣ кадетской мечталъ о монашествѣ; онъ бѣжалъ изъ корпуса въ одинъ монастырь; его вернули и наказали. Онъ кончилъ курсъ ученья, сражался въ Севастополѣ, по окончаніи войны постригся. Но подъ Москвой ему кажется слишкомъ много раз-

влеченій. Онъ еще молодъ и цвѣтетъ здоровьемъ... Онъ бѣжитъ въ Турцію, на Аѳонъ...

Какъ? офицеръ?! Офицеръ, который даже знаетъ по-французски? Нѣтъ! онъ не можетъ вѣрить; онъ атеистъ! онъ панславистъ!

Старый извощикъ, тамбовскій зажиточный троечникъ, молотитъ себѣ овесъ и гречиху, обмѣриваетъ, по собственному признанію, народъ, живетъ уже вдовый въ свое удовольствіе, но у него есть сынъ молодой.

— Батюшка, брось гречиху, слышь, гласъ Божій къ обѣднѣ зоветъ.

— Ахъ ты, такой сякой, а гречиха не *гласъ?* Вотъ я тебя!...

— Батюшка, батюшка, не обмѣривай людей овсомъ... Грѣхъ великій! Пойдемъ на Аѳонъ, пострижемся вмѣстѣ.

— Не хочу я въ монахи.

— Батюшка, выпей водки,—говоритъ сынъ.

— Давай.

— Ну, теперь, вотъ къ тебѣ попъ нашъ пришелъ сельскій, выпей и съ нимъ для праздника... Теперь, батюшка, я хочу звать тебя на Аѳонъ, только на поклоненіе.

— Пойдемъ.

— А ты, батюшка, поклянись на образѣ.

Ямщикъ клянется. На другой день онъ трезвѣе и вздыхаетъ. Но ужь поздно: клятва дана. Онъ теперь монахъ на Аѳонѣ, любимый всѣми, добрый, честный старецъ, все такой же простой и безграмотный, но, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, неутомимый работникъ и пчеловодъ на живописномъ, очаровательномъ пчельникѣ, осѣненномъ душистыми соснами и покрытомъ розовымъ верескомъ, съ котораго пчела беретъ медъ...

Видите! Русскій пчелъ разводитъ на Святой Горѣ, можетъ быть по русской методѣ... Онъ панславистъ! А сынъ его? Сынъ, почти обманомъ сманившій его сюда, о! сынъ его, конечно, агентъ Игнатьева, Фадѣева, Каткова...

Уважаютъ Греки русскихъ духовниковъ? Панславизмъ.

Берутъ Греки другихъ монастырей изъ греческихъ иноковъ Руссика, живущихъ дружно съ Русскими, игумена? Панславизмъ.

Берутъ скитскіе Андреевцы въ свою русскую среду одного Грека монаха ученаго, чтобъ учить русскую молодежь свою по-гречески... Какова хитрость! Каковъ панславизмъ!

Богатъ Зографъ болгарскій?

Панславизмъ,—потому что Болгары и Русскіе одно и то же.

Богатъ Ватопедъ греческій?

Панславизмъ,—потому что имѣнія его въ Россіи.

Бѣдны греческіе монастыри Ксенофъ, Симо-Петръ, Эсфигменъ,— *опасно*; ихъ подкупятъ.

Волнуются Запорожцы? Бунтъ! Интрига! Панславизмъ!

Покорны русскіе монахи Грекамъ: „А! Политика покорности, мы это знаемъ, интрига, панславизмъ“.

Помогъ русскій консулъ Грекамъ: дурно сдѣлалъ. Зачѣмъ вмѣшался?

Не помогъ,—еще хуже. „Видите, и права Грековъ не хотятъ поддержать!“

Боленъ русскій консулъ... Онъ ничего почти не ѣстъ, говорятъ люди; слухи ходятъ даже, что онъ хочетъ постричься.

Вздоръ! Больной человѣкъ, воспитанный по-европейски, какъ всѣ эти проклятые русскіе чиновники, не смѣетъ болѣть на Аѳонѣ; для этого есть воды всеспасительной Германіи... Возможно ли вѣрить, что ему пріятно съ монахами? Что за скука! Мы, Эллины, вотъ тоже Европейцы, однако, никогда туда не ѣздимъ, хотя отъ насъ Аѳонъ и ближе. Кто-жь нынче уважаетъ монашество? Кто-жь вѣритъ въ мощи, благодать, чудеса, въ исповѣдь и покаяніе?...

О, бѣдные, бѣдные Греки! О, прекрасное населеніе греческихъ горъ, острововъ Эгейскихъ, увѣнчанныхъ оливами, и ты, мой живописный и суровый, до сихъ поръ еще полугомерическій Эпиръ, въ молодецкой фескѣ и бѣлой одеждѣ! Какъ мнѣ васъ жаль! И такъ, для того лилась когда-то кровь столькихъ красавцевъ-паликаръ, чтобы надъ ними воцарились *нынѣшніе* Греки *міра сего*...

Нѣтъ! Никакой деспотизмъ, никакая иноземная власть, никакое иго не можетъ исказить такъ человѣка, какъ исказитъ его авторитетъ недоученыхъ риторовъ и продажныхъ паяцовъ газетной клеветы!

IV.

Главная цѣль нѣкоторыхъ греческихъ газетъ одна—внушить какъ можно болѣе подозрѣній Туркамъ, увѣрить ихъ всѣми средствами, что Болгары и Русскіе одно и то же и что они самые опасные враги и Турціи, и Эллады. Я сказалъ: *всѣми средствами*... Не всѣ, конечно, редакціи таковы. Есть органы подозрительные и, при всемъ томъ, однако, разумно патріотическіе.

Но въ Цареградѣ издается теперь одна газета, которой имя *Phare du Bosphore*. Издается она на французскомъ языкѣ, но въ какомъ-то особенно германо-греческомъ духѣ и отличается чрезвычайнымъ безстыдствомъ своихъ клеветъ и искаженій.

Недавно въ четырехъ довольно длинныхъ и недурно написанныхъ статьяхъ, подъ заглавіемъ *Русскіе на Аѳонѣ*, газета эта представила Святую Гору совершенно преданною въ руки Славянъ.

Въ первой статьѣ перечисляются разныя мѣры, принимаемыя какимъ-то панславистскимъ комитетомъ Россіи для скорѣйшей славизаціи Аѳона и для усиленія прилива русскихъ поклонниковъ на Востокъ.

Во второй изображаются успѣхи русской колонизаціи на Аѳонѣ съ 1818 года и до сихъ поръ.

Третья статья трактуетъ о высшихъ политическихъ цѣляхъ Россіи во Ѳракіи, Македоніи и вообще на Балканскомъ полуостровѣ, указывая на то, что Россія отказалась отъ *боеваго* завоеванія Турціи только для того, чтобы медленнѣе, но гораздо вѣрнѣе достичь своей цѣли посредствомъ *славизаціи* Ѳракіи и Македоніи... Какъ будто эти страны и безъ того почти не вполнѣ болгарскія, то-есть не славянскія! Еслибы Россія искала и имѣла возможность сдѣлать Болгаръ вполнѣ Русскими, по чувствамъ, интересамъ и быту, тогда подобныя нападки еще имѣли бы смыслъ; но Болгары преслѣдуютъ свои болгарскія, а вовсе не русскія цѣли, и теперь именно настаетъ періодъ ихъ новой исторіи, когда, отдѣлавшись отъ Грековъ, они начнутъ болѣе и болѣе выяснять свои отдѣльныя болгарскія цѣли, которыя, быть-можетъ, очень разочаруютъ тѣхъ писателей и ораторовъ русскихъ, которые неопредѣленными и общими фразами „о сочувствіи Славянамъ“ и тому подобными неполитическими нѣжностями сбиваютъ съ толку общественное мнѣніе Россіи, раздражаютъ и безъ того огорченнныхъ Грековъ и, внушая неумѣстныя подозрѣнія Туркамъ, вредятъ не только русскимъ интересамъ на Востокѣ, но и самимъ Болгарамъ. Болгары, повѣрьте, отлично бы устроились въ Турецкой имперіи безъ этого непрошенаго сердобольнаго братскаго нытья.

Наконецъ, въ своей 4-й статьѣ, *Phare du Bosphore* печатаетъ отрывки изъ какого-то донесенія или частнаго письма одного „панславистскаго агента въ Македоніи“, изъ которыхъ явствуетъ, что Аѳонъ долженъ скоро обрусѣть, и, наконецъ, указываетъ, какія именно грозныя и энергическія мѣры должны принять правительство Оттоманское и вселенская патріархія для пресѣченія этого зла.

Оставляя безъ особаго вниманія первую и третью статьи *Фара*, которыя наполнены общими мѣстами и декламаціями противъ панславизма на Балканскомъ полуостровѣ, разберемъ повнимательнѣе двѣ другія: прежде вторую, изобилующую самою безстыдною клеветой, а потомъ четвертую, предлагающую Портѣ и патріархіи самыя глупыя, хотя и грозныя, мѣры противъ Русскихъ и Болгаръ на Аѳонѣ.

„Теперь,—говоритъ авторъ второй статьи,—мы разберемъ успѣхи русской колонизаціи на Святой Горѣ съ 1818 года.

„Русскіе монахи обладаютъ нынѣ слѣдующими обителями:

„1) *Монастырь святаго Пантелеймона*, населенный *исключительно Русскими*“.

Ложь! На 500 человѣкъ братіи, Грековъ около 150; игуменъ Грекъ и представитель въ протатѣ Грекъ.

„2. *Зографъ* (болгарскій монастырь), коего игуменъ, отецъ Климентъ (*M. Climis*!), недавно объѣхалъ всю Македонію, возбуждая бол-

гарское населеніе противъ вселенской патріархіи, и далъ 500 ливровъ вспоможенія болгарской общинѣ Константинополя“.

Двойная ложь! Во-первыхъ, отецъ Климентъ по всей Македоніи не ѣздилъ, а ѣздилъ, говорятъ знающіе люди, только по хозяйству въ монастырскія свои имѣнія. Объ его отношеніи къ патріархіи я не могу ничего сказать; давалъ ли онъ деньги константинопольскимъ болгарамъ тоже не могу ни утверждать, ни отрицать, но я слышалъ вотъ что изъ вѣрныхъ источниковъ: Прошедшею зимою болгарское училище въ Солунѣ надѣялось пріобрѣсти отъ Зографа около 500 турецкихъ лиръ на покупку земли подъ церковь и школу. Зографъ отказалъ, говоря, что не будетъ больше помогать Болгарамъ, пока они не помирятся съ патріархомъ. Можетъ-быть съ тѣхъ поръ и зографскіе Болгары увлеклись племенными чувствами... Этого я не знаю.

А во-вторыхъ, что же общаго между болгарскимъ Зографомъ и русскими монахами? Русскіе до того *не обладаютъ* Зографомъ, что зографскіе Болгары вытѣснили мало-по-малу изъ своего монастыря всѣхъ Русскихъ и полу-русскихъ бессарабскихъ Болгаръ. Остались только три, четыре человѣка изъ крайне безотвѣтныхъ или ужь очень нужныхъ монастырю по письмоводству и хозяйственнымъ дѣламъ.

Вообще замѣчательно, что Русскіе съ Греками и Греки съ Русскими уживаются легче въ аѳонскихъ обителяхъ, чѣмъ, напримѣръ, Русскіе съ Болгарами, Болгары съ Греками, чѣмъ даже Великороссы съ Малороссами, или Греки мало-азійскіе съ Греками Эллады и острововъ.

Тутъ нѣтъ никакого сознательнаго *систематическаго филетизма*, тутъ есть нѣкоторая *физіологическая* несовмѣстимость личныхъ характеровъ или историческихъ привычекъ. Греки горды и самолюбивы, Русскіе уступчивѣе и уклончивѣе; при столкновеніяхъ русскіе монахи смиряются, и Греки, понявъ это, скоро каются. Болгары же превосходятъ упорствомъ и способностью пассивной оппозиціи всѣ другія племена Востока. „Съ ними,—говорятъ Русскіе,—гораздо труднѣе имѣть дѣло, чѣмъ съ Греками. Грекъ быстрѣе, онъ все скоро пойметъ, и худое и хорошее, и можно съ нимъ сговориться; съ Болгариномъ, если онъ недоволенъ, почти уже никакого слада“. Такъ точно демагогическій духъ казаковъ и паликарство эллинскихъ Грековъ плохо уживаются съ неограниченною властью игуменовъ и духовниковъ, которымъ такъ охотно подчиняются и Великороссы, и мало-азійскіе или ѳракійскіе Греки.

Что же тутъ общаго между зографскими Болгарами и Русскими?

Третья русская добыча, *Хилендарь* (тоже болгарскій), былъ до того не добыча Русскихъ, что ни за какую сумму не хочетъ дозволить Русско-Андреевскому скиту, совершенно безземельному, взять небольшой клочекъ земли съ одною келіей на склонѣ горы по сосѣдству скита. Андреевцы даютъ за этотъ клочекъ около 6,000 рублей, но хилендар-

скіе Болгары не уступили даже ходатайству самого генерала Игнатьева, который просилъ ихъ объ этомъ, въ бытность свою на Аѳонѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Кажется это много значитъ; вѣсъ генерала Игнатьева, представляющаго Россію и лично весьма вліятельнаго, всѣмъ здѣсь извѣстенъ. Но Болгары, я сказалъ уже, упорнѣе всѣхъ восточныхъ и славянскихъ племенъ, и Русскимъ поддаваться вовсе не любятъ.

Четвертая добыча: „монастырь св. Иліи", говоритъ авторъ. Эта обитель, правда, населена почти исключительно русскими изъ Добруджи, но это не монастырь, а *безгласный скитъ,* зависимый *отъ греческаго* монастыря *Пантократоръ*, который хоть и бѣденъ, какъ справедливо говоритъ авторъ, но *строгъ,* какъ то мы видѣли въ дѣлѣ избранія ильинскаго игумена.

Пятая добыча: скитъ *св. Андрея*. Это, мы уже знаемъ, совсѣмъ русскій скитъ, и въ немъ, дѣйствительно, около 200 монаховъ. Но и онъ есть зависимый отъ Ватопеда *скитъ*, а не *монастырь.*

Къ тому же, все, что говоритъ авторъ о времени его постройки, о происхожденіи его названія *Серай,* о времени, когда ватопедскій монастырь разрѣшилъ серайской патріаршей келіи *повыситься* въ званіе скита, все это вздоръ, незнаніе и ложь. Исторія совсѣмъ не та. Разрѣшеніе стать этой кельи скитомъ выхлопоталъ отъ Ватопеда не великій Князь Алексѣй, а А. Н. Муравьевъ, гораздо раньше. Великій Князь положилъ камень будущаго собора, на постройку котораго Андреевцы до сихъ поръ не имѣютъ средствъ. (Вотъ, какъ искажаетъ все эта безстыжая публицистика! Бызстыдство и ложь по тенденціи во всѣхъ странахъ нынче сдѣлались до того обычными, что никто уже и не оскорбляется ими... За что же нападать на іезуитовъ послѣ этого?... Развѣ за то, что они *другаго направленія?*)

Что касается шестой и седьмой обителей, попавшихъ въ руки Русскимъ, то надо только дивиться, до чего люди рѣшаются печатно лгать.

Шестая добыча есть какой-то *монастырь Богородица около лавры св. Аѳанасія*, *въ немъ теперь 180 русскихъ монаховъ* и т. д.

Но *монастыря Богородица* вовсе нѣтъ *на Аѳонѣ.* Тутъ смѣшаны, вѣроятно, двѣ совершенно различныя и отдѣльныя вещи: 1) *скитъ Богородицы Ксилургу,* населенный Болгарами, а не Русскими, и построенный *на землѣ греко-русскаго монастыря св. Пантелеймона* и зависимый отъ него, и 2) *келья св. Артемія*, въ которой живетъ 15—18 русскихъ монаховъ. Эта келья стоитъ на землѣ *греческой* лавры св. Аѳанасія и зависитъ отъ ея начальства. Между тѣмъ скитомъ и этою кельей, по крайней мѣрѣ, 12 часовъ (то-есть *60 верстъ*) самаго тяжкаго горнаго пути. А у редактора *Фара* они географически слились во-едино, почти такъ, какъ всѣ Болгары исторически и пси-

хически слились во-едино съ Русскими, чего ни тѣ, ни другіе вовсе, быть-можетъ, не желаютъ.

Седьмая добыча, это чисто греческій *Ксенофъ*, который признанъ Русскимъ лишь за то, что осмѣлился избрать игуменомъ *Грека* изъ братіи Руссика! Авторъ, ужь вовсе не стѣсняясь, называетъ его просто *русскимъ*.

Остальная половина второй статьи наполнена извѣстіями о похищеніяхъ библіотекъ, объ отнятіи земель у Грековъ, объ *особомъ* флагѣ, черномъ съ бѣлымъ крестомъ, который развѣвается на трехъ корабляхъ русскаго монастыря, и т. д.; о типографіяхъ, наконецъ, будто бы открытыхъ и въ Руссикѣ и въ Андреевскомъ скиту, *даже объ арсеналахъ*... Утомительно и скверно!

Русскіе монахи грабятъ греческихъ монаховъ, отнимаютъ у нихъ землю! Пусть спросятъ у самихъ греческихъ монаховъ, правда ли это?

Руссикъ, напримѣръ, какъ слышно, имѣетъ документы на часть сосѣдней ему Ксенофской земли... Однако, онъ и не думаетъ начинать тяжбу... Руссикъ славится на Аѳонѣ тѣмъ, что *избѣгаетъ всякихъ тяжбъ за землю*, несмотря на то, что у него нѣтъ ни въ Турціи, ни въ Россіи доходныхъ имѣній, и что если онъ и цвѣтетъ, то лишь вкладами своихъ монаховъ и приношеніями небогатыхъ людей изъ Россіи.

Типографій, разумѣется, никакихъ нѣтъ. Руссикъ и Андреевскій скитъ издаютъ иногда книги духовнаго содержанія, но они печатаютъ и издаютъ ихъ въ Россіи. Это всѣмъ извѣстно, и о политикѣ въ этихъ изданіяхъ обыкновенно ни слова.

Флагъ черный съ бѣлымъ крестомъ принадлежитъ всѣмъ аѳонскимъ судамъ: это ихъ старая привилегія. Если паша солунскій велѣлъ поднять красный турецкій флагъ на кораблѣ Св. Пантелеймона, то это ничего: одинъ флагъ—частный аѳонскій, а другой—общій флагъ имперіи... Но если паша серьозно думалъ, что это особый флагъ монастыря Руссика, какъ утверждаетъ (я думаю притворно) *Фаръ*, то очень стыдно ему не знать условій и обычаевъ страны, которая ему ввѣрена султаномъ.

Но, я думаю, *Фаръ* все вретъ.

Что сказать теперь о самомъ *ужасномъ* обвиненіи, объ *арсеналѣ*, который намѣревается пріобрѣсти Андреевскій скитъ?

Ни въ чемъ, какъ въ выборѣ этого слова *арсеналъ*, такъ не видна бѣшеная злоба редакціи *Фара*... Это уже не греческій племенной фанатизмъ; это какое-то *личное* изступленіе. Не такъ пишутъ благородные греческіе патріоты. Не такъ говоритъ, напримѣръ, объ Аѳонѣ статья *Неологоса*, статья однако патріотическая, которую приписываютъ преосвященному Ликургу Сирскому... Здѣсь есть *нѣчто иное*...

И къ счастью многіе разумные Греки знаютъ хорошо цѣну мнѣніямъ и доводамъ *Фара*.

Дѣло вотъ въ чемъ. Встарину, когда Аѳонъ подвергался набѣгамъ пиратовъ, у иныхъ монастырей, построенныхъ у моря, вблизи пристаней ихъ, воздвигались высокія башни для защиты пристани и для наблюденія за моремъ. Тогда эти башни и пристани звались *арсеналами* или по-аѳонски *арсана*. Теперь эти башни имѣютъ простое хозяйственное значеніе, и многія пристани вовсе и не имѣютъ ихъ; но привычное названіе *арсана* перешло и къ Русскимъ.

Свято-Андреевскій скитъ желалъ, какъ слышно, купить у одного греческаго монастыря подобную простую пристань для своихъ небольшихъ судовъ, которыя снабжаютъ его провизіей изъ Россіи. Но невинная пристань эта обратилась подъ перомъ нашего автора, обуреваемаго яростью, въ грозный арсеналъ.

Въ 4-й статьѣ *Фара* предлагаются Портѣ и патріархіи различныя радикальныя противъ панславизма мѣры.

Разберемъ каждую изъ этихъ мѣръ особо.

4. Чтобы Порта вознаградила аѳонскіе греческіе монастыри значительною суммой денегъ или поземельною собственностью за утраты, которыя они понесли въ Молдо-Валахіи черезъ конфискацію ихъ имѣній Кузою. Эта мѣра обезпечила бы ихъ и сдѣлала бы менѣе зависимыми отъ Русскихъ.

Эта мѣра прекрасная, и дай Богъ, чтобы Порта скѣлала это для бѣдныхъ аѳонскихъ обителей. Все что даетъ поддержку православію, хотя бы и вещественную, не можетъ не радовать добрыхъ христіанъ какой бы то ни было націи. Что касается русскаго правительства, то всѣмъ извѣстно, что оно *вмѣстѣ съ Портой* защищало нѣсколько лѣтъ подрядъ права греческихъ монастырей въ Румыніи на эти такъ называемыя „преклоненныя“ имѣнія. Значитъ Россія не боится обогащенія греческихъ обителей. Но какъ распредѣлить между обителями эту огромную сумму, которую турецкое правительство должно пожертвовать, несмотря на всѣ другія крайне настоятельныя нужды свои, для противодѣйствія весьма сомнительному обрусенію Аѳона? Ватопеду, Иверу, Ксиропотаму, Зографу давать не зачѣмъ; они и безъ того не бѣдны, и надо дать, напримѣръ, Ватопеду по крайней мѣрѣ 150,000 руб. годоваго дохода, чтобъ онъ самъ *согласился отказаться* отъ своихъ бессарабскихъ имѣній и такимъ образомъ отвергнуть всякую вещественную связь свою съ Россіей.

Значитъ, чтобы достичь цѣли, надо разомъ обогатить всѣ бѣднѣйшія обители аѳонскія, надо, чтобы Григоріатъ, Симо-Петръ, Эсфигменъ и другія киновіи получали по крайней мѣрѣ по 20—25 т. руб. ежегоднаго дохода (около 3—4 т. турецкихъ золотыхъ лиръ).

Но и тогда они едва ли будутъ отказываться отъ добровольныхъ русскихъ приношеній и вкладовъ.

Каждый отдѣльно взятый монахъ въ киновіи или въ пещарѣ можетъ быть *безсребренникомъ*, но обитель *не имѣетъ права* лишать людей возможности *приносить жертвы*, если это имъ отрадно и утѣшительно. Иной больной человѣкъ, или считающій себя многогрѣшнымъ придетъ въ отчаяніе и сочтетъ, пожалуй, себя проклятымъ, еслибъ обитель, на которую онъ захотѣлъ бы пожертвовать, отринула его лепту.

Къ тому же одинаковое, равномѣрное распредѣленіе вещественныхъ средствъ испортило бы, вѣроятно, Аѳонъ.

Аѳонъ, въ томъ видѣ какимъ онъ теперь, именно тѣмъ и хорошъ что въ немъ на небольшомъ пространствѣ сосредоточено множество различныхъ формъ и оттѣнковъ монашеской жизни.

Отъ жизни отшельника въ неприступной пещерѣ до жизни проэстоса, обитающаго въ десяти комнатахъ съ шестью послушниками,— множество оттѣнковъ.

Жизнь Грековъ и Болгаръ въ малыхъ келіяхъ и каливахъ (хижинахъ) отличается нѣсколько отъ жизни Русскихъ въ подобныхъ же жильяхъ. Есть общежитія очень суровыя, есть общежитія не строгія; есть общежитія богатыя, и есть общежитія бѣдныя; идіоритмы богатые, и бѣдные; есть скиты (два русскіе и одинъ румынскій) общежительные, построенные корпусами на подобіе монастырей; есть скиты своеобычные, которые, не зная Аѳона, вы примите издали за небольшія села въ лѣсу или на горѣ: всякій живетъ въ особомъ домикѣ, но очень сурово (такіе скиты всѣ греческіе, хотя и въ нихъ есть Рускіе и Болгары).

Замѣтимъ еще вотъ что:

Выше я говорилъ что одна изъ главныхъ *реальныхъ* силъ привлекающихъ на Святую Гору поклонниковъ и приношенія ихъ есть сила высшаго *аскетизма*, и что самые строгіе отшельники и представители этаго *аскетизма* суть Греки и Болгары (прежняго греческаго воспитанія, греческаго духа).

Эти свойства строгаго *аскетизма* принадлежатъ, впрочемъ, не однимъ пустынножителямъ Аѳона, въ жилища коихъ и проникнуть очень трудно и проникаютъ немногіе; они принадлежатъ также большинству греческихъ киновій (имена ихъ перечислены были прежде).

Суровый образъ жизни этихъ общежитій—постъ, долгія ночныя бдѣнія, холодныя кельи, въ которыхъ большею частію нѣтъ ничего кромѣ иконъ, рогожки на полу и какой-нибудь гвоздь чтобы повѣсить толстую рясу,—все это внушаетъ сильное уваженіе и Русскому пришедшему издалека, и греческому сосѣднему простолюдину, посѣтившему Аѳонъ. Если набожному и чѣмъ нибудь огорченному русскому поклоннику видъ этой строгости внушаетъ охоту остаться на Святой

Горѣ, точно также дѣйствуетъ этотъ видъ и на вѣрующаго Грека.

Вообще же поклонникъ и желающій постричься имѣетъ на Аѳонѣ обширный выборъ и богатый запасъ примѣровъ и поученій.

Еслибы всѣ обители были одинаково бѣдны или одинаково умѣренно богаты, еслибы всѣ были киновіи или всѣ идіоритмы, еслибы населенъ былъ Аѳонъ только Русскими или только Греками,—было бы хуже: Аѳонъ упалъ бы и можетъ-быть запустѣлъ бы. Развилось бы какое-нибудь исключительное вмѣшательство, педантство, односторонность, искусственность. Не было бы уже той жизни, того духовнаго разнообразія, того богатаго развитія, тѣхъ антитезъ, тѣхъ взаимныхъ возбужденій и примѣровъ, которые теперь придаютъ столько нравственной силы аѳонской жизни.

Греки и Болгары схожи въ томъ напримѣръ, что они и къ себѣ и къ другимъ суровѣе Русскихъ, особенно тѣлесно; Русскіе за то добрѣе, милосерднѣе Грековъ и Болгаръ.

Греки и Болгары крѣпче—они болѣе *выносятъ*; Русскіе мягче—они легче *милуютъ*.

Русскій поклонникъ хвалитъ Грековъ и Болгаръ за ихъ аскетизмъ.

Греческій и болгарскій мірской простолюдинъ любитъ русскихъ монаховъ за ихъ доброту. Такимъ образомъ восточные христіане и наши Русскіе, взаимно дополняя здѣсь другъ друга, развиваютъ успѣшно обѣ главныя основы христіанскаго ученія—*аскетизмъ* и *милосердіе*.

Однообразіе Аѳона, даже въ денежномъ отношеніи, повліяло бы дурно на православный міръ.

Далѣе говоритъ авторъ: «Порта и патріархія должны немедленно приступить къ полному изгнанію всѣхъ Русскихъ съ Аѳона".

Относительно этого изгнанія (expulsion pure et simple) русскихъ монаховъ съ Аѳона слѣдуетъ сказать вотъ что: Можетъ быть инымъ *чисто* политическимъ Грекамъ пріятна была бы *полная* эллинизація Аѳона, но этому есть много препятствій.

Во-первыхъ, сама нынѣшняя патріархія, проклявшая *филетизмъ*, не можетъ, оставаясь вѣрною себѣ, гнать съ Аѳона русскихъ монаховъ за то только, что они Русскіе.

Во-вторыхъ, общественное монашеское мнѣніе Аѳона глубоко возмутилось бы этимъ. Русскіе монахи въ средѣ аѳонскихъ Грековъ очень любимы за свое добродушіе, простоту, уступчивость и набожность. Многіе бѣдные монахи, обладатели небольшихъ хижинъ, шалашей и т. п., большинство бѣдныхъ киновій греческихъ и скитовъ (напримѣръ, Ксенофскаго скита, сосѣдняго Руссику), привыкли видѣть добро и помощь отъ русскихъ монаховъ.

На Аѳонѣ много честныхъ и простыхъ Грековъ-монаховъ, имѣющихъ правила, благодарное сердце и чуждыхъ еще, какъ я говорилъ

уже не разъ, племенной исключительности, обуревающей нынче до гадости крайнихъ политиковъ обѣихъ борющихся сторонъ—и греческой, и болгарской.

Въ-третьихъ, разсчетливые люди на Аѳонѣ побоятся оскорбить Россію и Русскихъ, потворствуя сколько-нибудь явно изверженію Русскихъ. Наконецъ (и это главное), откуда взяли крайніе Греки, будто для Турціи была бы выгодна полная эллинизація Аѳона? Для Турціи чѣмъ разнороднѣе его племена, тѣмъ выгоднѣе.

Будь на Аѳонѣ все одни Греки, племенная политика Эллады могла бы, наконецъ, восторжествовать надъ мѣстными аѳонскими интересами и убѣжденіями; исключительно греческій *филетизмъ* могъ бы легче заразить постепенно и тѣхъ монаховъ-Грековъ, которые до сихъ поръ были чужды ему и которые теперь гораздо больше думаютъ о спасеніи своей души или о скромныхъ вещественныхъ нуждахъ своихъ, чѣмъ о „великой идеѣ“ и объ эллинизаціи Турціи.

Будь на Аѳонѣ одни лишь Греки, Аѳонъ, подготовленный сперва дѣятельною эллинскою пропагандой, расположенный столь близко отъ греческихъ острововъ и Ѳессаліи, могъ бы легче, въ минуту какихъ-нибудь замѣшательствъ, отпасть отъ Турціи къ Элладѣ.

Какая же въ этомъ выгода для Турціи?

Точно также неудобно было бы для Турціи, еслибъ Аѳонъ былъ весь болгарскій. Болгарскія земли тоже близко, и духовенство болгарское совершенно въ рукахъ своего народа. Оно вовсе не свободно. Я полагаю даже, что близость странъ болгарскихъ, или стремящихся къ болгаризму, какъ напримѣръ Македонія, дѣлаетъ то, что для турокъ можетъ казаться неудобнымъ не только полная болгаризація Аѳона, но и просто численный перевѣсъ Болгаръ надъ Греками на Святой Горѣ.

Я разсматриваю дѣло теперь съ точки зрѣнія крайней турецкой подозрительности и, становясь искренно на мѣсто турецкихъ политиковъ, говорю себѣ такъ: за Грековъ теперь на Аѳонѣ *число*, за Болгаръ—*географическое положеніе* (ибо все-таки Ѳессалія, Эллада и острова Греческіе гораздо удаленнѣе отъ Аѳона, чѣмъ Македонія, *которой Аѳонъ есть часть* и географически, и административно). У Русскихъ же на Аѳонѣ можетъ быть, скорѣе чѣмъ у кого бы то ни было, сильная поддержка извнѣ. Но за то они удаленнѣе всѣхъ другихъ отъ своего племени, отъ своей родины, и не имѣютъ никакихъ, сравнительно съ Греками и Болгарами, мѣстныхъ политическихъ интересовъ. Русское правительство или двигатели русскаго общественнаго мнѣнія, еслибъ и желали имѣть *вліяніе* на дѣла Аѳона черезъ посредство русскихъ монаховъ, какъ увѣряютъ насъ Греки, то это имъ не легко издали, а мы, Турки, легко можемъ противопоставить имъ всегда и Грековъ и Болгаръ, которые близко. Не оскорбляя никого и не по-

творствуя исключительно никому ни внутри имперіи, ни внѣ ея, мы лучше удержимъ за собою то болѣе самобытное и приличное великой державѣ положеніе, которое мы пріобрѣли теперь, съ одной стороны благодаря униженію Франціи и сравнительному ослабленію Англіи, а съ другой—благодаря особымъ взаимнымъ отношеніямъ Германіи и Россіи, въ которыхъ взаимныя опасенія и нѣкоторыя общія выгоды парализуются и уравновѣшиваются взаимно. За русскихъ монаховъ на Аѳонѣ—деньги русскія и незримый, но всегда ощутительный вѣсъ великой державы; за Болгаръ—мѣстность и полная солидарность ихъ новаго духовенства съ ихъ народомъ, который держитъ все свое духовенство въ рукахъ и можетъ внушить ему что̀ угодно, когда ему вздумается сдѣлать какой-нибудь политическій *volte-face*. За Грековъ на Аѳонѣ—число, языкъ оффиціальный, преданія и власть патріархіи. За Грековъ—больше реальныхъ силъ, и даже русскія деньги въ ихъ рукахъ на Аѳонѣ. Другія племена поэтому, примѣшанныя къ Грекамъ на Аѳонѣ, вредить *мнѣ*, *Турціи*, не могутъ; они, напротивъ, полезны тѣмъ, что могутъ однимъ пассивнымъ, безсознательнымъ сопротивленіемъ своимъ или даже равнодушіемъ къ эллинизаціи Аѳона противодѣйствовать національной пропагандѣ мірскихъ Грековъ, теперь столь полюбившихъ насъ, Турокъ, страха ради всеславянскаго.

Такъ должны думать умные Турки.

Divide et impera! Не правда ли? Но будемъ же, наконецъ, справедливы и мы. Чѣмъ виноваты эти Турки, столь безпощадно и безсовѣстно оклеветанные въ разныхъ органахъ либеральнаго и прогрессивнаго фразерства? Чѣмъ виноваты турки въ томъ, что *люди иной вѣры* сами ищутъ разрыва и сепаратизма? Если *внѣшній* видъ справедливости, безпристрастія и своего рода невмѣшательства совпадаетъ у Турокъ со *внутреннимъ* сознаніемъ, что буйные раздоры мірскихъ христіанъ и мирная пестрота аѳонскаго населенія для цѣлости имперіи выгодна, то кто же можетъ за это осудить ихъ?

Странное было бы дѣло, еслибы государственные люди, которыхъ предки мечемъ и кровью своею завоевали во время оно и разстроенную по собственной винѣ Византію, и грубыя, не культурныя племена сосѣднихъ ей славянъ, не имѣвшихъ никакой солидной организаціи,—еслибъ эти государственные люди Турціи пренебрегли своимъ долгомъ, въ угоду кому же?—*Фаръ-дю-Босфору* съ одной стороны, или публицистамъ лже-славянскимъ, въ родѣ сотрудниковъ *Вѣстника Европы*, воображающихъ, что они понимаютъ восточныя дѣла и знаютъ, въ какомъ именно духѣ дѣйствуетъ генералъ Игнатьевъ, котораго обязанности такъ важны и такъ сложны!

Впрочемъ, чтобы русскіе монахи не черезчуръ размножились на Аѳонѣ, объ этомъ Туркамъ и заботиться нечего; объ этомъ позаботятся разными путями *внѣшніе Греки*, мірскіе члены патріаршаго си-

нода, даже нѣкоторые политикующіе проэстосы аѳонскихъ богатыхъ обителей въ шелковыхъ рясахъ, курящіе наргиле или жертвующіе Богъ знаетъ съ какой стати свои деньги на Аѳинскій университетъ, до котораго и православію вообще, и Аѳону нѣтъ никакого дѣла.

Сирскій епископъ Ликургъ, молодой іерархъ свободной Греціи, котораго слова уже одинъ разъ я приводилъ, прошедшею осенью прибылъ на Аѳонъ. Слухъ прошелъ, что онъ ѣдетъ туда съ цѣлью противодѣйствовать Русскимъ.

И дѣйствительно, разсказываютъ, будто бы онъ предостерегалъ аѳонскихъ Грековъ отъ *излишествъ* русскаго вліянія; но, тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ серьезно образованный, какъ христіанинъ добросовѣстный, онъ отдалъ честь Аѳону за то именно, за что и мы его хвалимъ, именно за *чистоту* и прямоту его православія. Въ статьяхъ газеты Νεολογος онъ говоритъ также о томъ, что чрезмѣрнаго усиленія Русскихъ на Аѳонѣ бояться не слѣдуетъ болѣе; это обрусеніе возможно было бы встарину, но что теперь Греки слишкомъ зорки, чтобы допустить его.

Вотъ это не клевета и не ложь, а спокойное сужденіе человѣка, въ которомъ греческій патріотизмъ не убилъ вполнѣ ни православія, ни чести, ни ума.

Вторая мѣра, которую должна-де принять Порта противъ Русскихъ на Аѳонѣ: запретить имъ, какъ русско-подданнымъ, имѣть въ Турціи земельную собственность и вынудить русскіе монастыри возвратить греческимъ то, что они у нихъ купили или отняли посредствомъ разныхъ интригъ.

Во-первыхъ, любопытно замѣтить, что *русскаго* монастыря на Аѳонѣ собственно и нѣтъ ни одного. Есть два русскіе *скита*, Св. Иліи и Св. Андрея, у которыхъ на Аѳонѣ нѣтъ ни пяди своей земли; оба, какъ мы уже знаемъ, построены на земляхъ монастырей греческихъ (свободныхъ, *дѣйствительныхъ* монастырей, имѣющихъ голосъ въ протатѣ и всѣ ставропигіальныя права), именно: первый скитъ, Св. Иліи, на землѣ Пантократора, а второй, Св. Андрея, на Ватопедской землѣ. Они зависятъ отъ этихъ греческихъ обителей и не смѣютъ даже дровъ себѣ брать изъ лѣса безъ спроса этихъ монастырей (отказа, впрочемъ, со стороны Грековъ въ этомъ не бываетъ).

Что касается знаменитаго *Руссика* или монастыря Св. Пантелеймона, то у него на Аѳонѣ есть земля и хорошій лѣсъ, и есть еще подъ Солониками небольшое имѣніе, Каламарья, которое едва-едва окупаетъ трудъ земледѣльческій.

Но какъ же отнять эти земли у Русскихъ, когда, несмотря на имя свое, монастырь этотъ все-таки считается греческимъ, а отнять земли у греческой братіи (составляющей, положимъ, хоть бы и меньшинство) значитъ оказать ей весьма плохую услугу. Положеніе между

Сциллой и Харибдой! Выгнать всѣхъ Русскихъ изъ Св. Пантелеймона,— но монастырь этотъ, до поселенія въ немъ Русскихъ, нуждался въ насущномъ хлѣбѣ, собора не было, въ церковной утвари былъ недостатокъ... Съ Русскими явились и хлѣбъ, и соборъ, и облаченія, и почесть. Старый и благочестивый, добрый отецъ Герасимъ, игуменъ этой обители, грекъ, но онъ первый будетъ за Русскихъ горою; онъ не разъ говорилъ греческой братіи объ униженіяхъ и крайности, которыя терпѣлъ этотъ монастырь до наполненія его Русскими.

Не выгоняя Русскихъ, отнять у нихъ землю?—Но вѣдь земля принадлежитъ не Русскимъ, а собственнику идеальному, то-есть обители, и отнять ее у русскихъ пришлецовъ значитъ ограбить и туземныхъ Грековъ, живущихъ съ ними.

Св. Андреевскій скитъ, правда, пріобрѣлъ недавно хорошую землю внѣ Аѳона, около города Кавалды; эту бы можно отнять у *русско-подданныхъ*, по совѣту *Phare du Bosphor*, но вѣдь сама же эта газета говоритъ ниже вотъ что:

„Недавно монахъ, управляющій чифтликомъ Св. Андрея около „Кавалды, явился къ губернатору съ драгоманомъ русскаго консуль-„ства. Паша не принялъ ихъ и сказалъ: *всѣ монахи здѣсь подданные „султана*".

Я знаю управителя Св. Андреевскаго хутора или скита у Кавалды. Если это правда, что онъ пошелъ по оффиціальному дѣлу къ пашѣ или каймакаму съ драгоманомъ русскаго консульскаго агенства въ Кавалдѣ, то онъ поступилъ, конечно, безъ такта. Но, съ другой стороны, что-нибудь одно: или русскіе монахи подданные султана, тогда они могутъ владѣть землею; или они русско-подданные, тогда они могутъ прибѣгать по трактатамъ и законно къ защитѣ консульской.

Я, впрочемъ, вполнѣ согласенъ какъ съ тѣмъ, что давно пора признать права мѣстныхъ турецкихъ трибуналовъ (подобно тому какъ, мы признаемъ ихъ въ Египтѣ), такъ и съ тѣмъ что нынѣ съ каждымъ годомъ становится иностранцу все выгоднѣе и выгоднѣе быть турецкимъ подданнымъ въ Турціи, чѣмъ иностраннымъ.

Я разкажу здѣсь объ одномъ любопытномъ дѣлѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ.

Пріѣхалъ прошлымъ лѣтомъ на Аѳонъ бельгійскій консулъ въ Салоникахъ. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и агентъ пароходной компаніи *Messageries*. Онъ просилъ русскаго архимандрита, отца Макарія, способствовать дѣламъ этой французской компаніи, направляя русскихъ богомольцевъ на ея пароходы.

Архимандритъ Макарій отвѣчалъ, что не можетъ этого сдѣлать, ибо русскихъ богомольцевъ привозитъ на Аѳонъ компанія турецкихъ пароходовъ.

— Мы не находимъ приличнымъ,—сказалъ архимандритъ, — дѣйствовать въ ущербъ интересамъ компаніи, находящейся подъ покровомъ правительства, къ тому же турецкіе пароходы возятъ богомольцевъ очень аккуратно и покойно. Прежде ѣзжали сюда французскіе пароходы, но на нихъ очень грубо обращались съ поклонниками, бросали какъ попало вещи, отъѣзжали отъ берега скоро, не трудясь брать карантинной практики, и мы не знали имѣемъ ли право принимать людей къ себѣ или нѣтъ. Жалобы оставались всѣ безъ вниманія. Турецкою же компаніею мы довольны.

Агентъ *Messageries*, самъ человѣкъ весьма впрочемъ порядочный, удивился, что *нынѣшніе* Турки вѣжливѣе *нынѣшнихъ* Французовъ. Турки просвѣтились больше; Французы огрубѣли противъ прежняго.

Позднѣе прошелъ слухъ, что Русское Общество Пароходства и Торговли согласилось съ *Messageries* для перевозки поклонниковъ, но русскіе монахи немедленно приняли мѣры, чтобы это соглашеніе разстроилось и чтобы наше Общество вошло въ сношеніе съ турецкимъ.

Какія же еще мѣры предлагаетъ эллино-германская редакція *Фара* противъ ни въ чемъ политически неповинныхъ русскихъ купцовъ, отставныхъ офицеровъ и чиновниковъ, семинаристовъ, солдатъ и крестьянъ, простодушно ушедшихъ не Аѳонъ *спасаться* и не подозрѣвавшихъ никогда, что они, бѣдные, такъ страшны.

Третья мѣра вотъ какая: игуменамъ быть избираемымъ только изъ Грековъ и никогда изъ Русскихъ. Но ни въ одномъ аѳонскомъ монастырѣ не было ни разу и нѣтъ теперь русскаго игумена. Св. Андреевскій скитъ и Св. Ильинскія обители зависятъ отъ грчееских начальствующихъ монастырей; въ тѣхъ зависимыхъ обителяхъ, правда, теперь игуменами Русскіе, но прошлаго года, въ Ильинскомъ скиту, скончался игуменъ отецъ Паисій *родомъ Болгаринъ*, а не Русскій.

Къ тому же, изъ краткаго очерка волненій въ этомъ Ильинскомъ скиту, мы видѣли до чего сильно могутъ вліять начальствующіе монастыри на Аѳонѣ на избраніе или утвержденіе игуменовъ въ скитахъ.

Въ Пантелеймоновскомъ независимомъ монастырѣ, или въ Руссикѣ, я говорилъ уже не разъ, игуменъ Грекъ, отецъ Герасимъ.

Далѣе, четвертая мѣра: *Запретить иностраннымъ поклонникамъ посѣщать Аѳонъ безъ особаго разрѣшенія патріархіи.*

Это осуществимо, конечно; но не скажетъ за это весь Аѳонъ спасибо эллинскому патріотизму. Я говорю не о Русскихъ только, а обо всемъ Аѳонѣ, на которомъ большинство Греки же.

Но Греки эти—монахи; они имѣютъ свои *особыя* преданія, свои особыя нужды, свои отдѣльныя отъ эллинскихъ интересовъ духовныя и вещественныя потребности.

Неизвѣстно еще, понравится ли аѳонскому протату, привыкшему въ теченіе столькихъ вѣковъ къ самоуправленію, покориться безусловно такимъ внушеніямъ племенной и мірской эллинской пропаганды?

Аѳонъ прежде всего хочетъ быть Аѳономъ. Таковъ онъ былъ до сихъ поръ.

Пусть спросятъ откровенно мнѣнія аѳонцевъ объ Элладѣ и Турціи, напримѣръ. Всѣ греческіе монахи, если только они будутъ *искренни*, отвѣтятъ, что принадлежать Элладѣ было бы гибелью для Святой Горы, что Эллины не о томъ думаютъ, какъ бы пожертвовать деньги изъ личнаго благочестія на монастыри, а какъ бы съ монастырей взять деньги на свои мірскія потребности. Что въ Турціи церковь свободнѣе, чѣмъ въ Греціи, что монашество у Турокъ (которые вообще религіознѣе Грековъ) въ большемъ уваженіи, чѣмъ въ свободной Элладѣ, что въ 1854 году, наконецъ, Аѳонъ отъ турецкихъ войскъ почти вовсе не страдалъ, а отъ эллинскихъ волонтеровъ и отъ повстанцевъ сосѣднихъ греческихъ селъ едва спасся,—это дѣло извѣстное.

Такъ говорятъ теперь аѳонскіе Греки и будутъ долго такъ говорить, если Турки не дадутъ слишкомъ усилиться на Святой Горѣ эллинской пропагандѣ.

Русскіе монахи тоже довольны турецкимъ начальствомъ. Я нарочно распрашивалъ нѣкоторыхъ простыхъ русскихъ монаховъ, которыхъ сужденія не искажены никакими предвзятыми идеями или тенденціями. Они всѣ Турокъ очень хвалили и говорили: „Сказать по правдѣ, такъ Турки будутъ помилосерднѣе и посправедливѣе всѣхъ здѣшнихъ народовъ. *Турокъ жалостливъ*“.

Это до такой степени вѣрно, что я бы могъ здѣсь привести этому бездну примѣровъ, еслибы позволило мѣсто. Сверхъ того, особенность положенія аѳонскаго населенія—это широкое самоуправленіе подъ властью султана дѣйствуетъ и на Русскихъ.

Отчего русскій монахъ остался на Аѳонѣ? Отчего онъ предпочелъ постричься здѣсь? Во-первыхъ, женщинъ нѣтъ за чертой Аѳона. Во-вторыхъ, постричься легко; въ Россіи же положено этому тысяча препятствій, вслѣдствіе рекрутчины и тому подобныхъ условій, которыхъ для христіанъ въ Турціи нѣтъ. Въ-третьихъ, на Аѳонѣ можно жить какъ хочешь, въ богатомъ монастырѣ, въ бѣдномъ, въ особомъ домикѣ съ церковью, зная надъ собой одинъ лишь нравственный судъ — избраннаго духовника; въ пещерѣ, въ шалашѣ среди лѣса, подъ скалой на открытомъ воздухѣ—никто не мѣшаетъ. Увидитъ Турокъ, полицейскій или жандармъ, похвалитъ и скажетъ: „Святой человѣкъ, пророку Иссѣ и пророчицѣ Маріамъ служитъ; и у насъ, *в'Аллахъ*! есть такіе хорошіе дервиши“. Правда, что и въ Россіи иные рады видѣть *человѣка Божія* въ лѣсу; но вдругъ возьмется от-

куда-то становой или какой-нибудь другой просвѣщенный человѣкъ и обнаружитъ предупредительное усердіе. „Зачѣмъ это голый человѣкъ въ лѣсу? Это безпорядокъ!“ Отшельнику русскому и тяжелы такія просвѣщенныя заботы...

Помнятъ русскіе монахи свою милую родину, вздыхаютъ иногда о ней, благодарятъ ее за помощь, молятся за нее, и сами, конечно, ничего подобнаго приведенному выше не скажутъ безъ вызова; но если ихъ поставить *au pied du mur*, то они признаются, что эти соображенія вѣрны. „Исправились, много исправились нечестивые Агаряне, и лучше многихъ—увы, многихъ!—христіанъ умѣютъ чтить чужую святыню!“

Пятая мѣра: приказать болгарскимъ монастырямъ Хилендарю и Зографу признать *схизму*, или выгнать вонъ съ Аѳона болгарскихъ монаховъ.

По послѣднимъ слухамъ, эти оба монастыря встрѣтили *безмолвіемъ* патріаршее отлученіе. Неизвѣстно только, читали ли они его въ церквахъ своихъ. Впрочемъ, еслибъ они и не прочли его, то хотя это было бы явное ослушаніе духовнаго начальства, хотя это былъ бы *филетизмъ*, но, во всякомъ случаѣ, турецкое правительство опять-таки не совсѣмъ солидарно съ патріархіей и съ эллинизмомъ, точно также какъ оно не солидарно во всемъ и съ экзархатомъ, и съ болгарскими чувствами.

Выгнать Болгаръ съ Аѳона безъ согласія Турокъ нельзя, а Туркамъ, повторяемъ, выгоднѣе Аѳонъ, *пестрый*, чѣмъ Аѳонъ *однородный*.

Прибавимъ здѣсь кстати и то, что въ греко-русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ прочли въ церкви объявленіе схизмы, которое не хотятъ читать въ Хилендарѣ и Зографѣ.

Вотъ и еще новое доказательство тому, что я утверждалъ не разъ, именно, что Болгары—одно, а Русскіе—другое. Эту разницу видимо признаетъ и статья *Неологоса*, которую приписываютъ преосвященному Ликургу.

Наконецъ, *шестая и послѣдняя* мѣра, предлагаемая газетой, вовсе вздорная.

Она совѣтуетъ уничтожить аристократическое преобладаніе *пяти какихъ-то монастырей*, и дать всѣмъ двадцати монастырямъ право голоса въ Протатѣ. Это ужь Богъ знаетъ что такое! Въ Протатѣ и теперь всѣ двадцать монастырей (изъ которыхъ семнадцать греческихъ, два болгарскихъ и одинъ греко-русскій по населенію) имѣютъ право голоса.

Во всѣхъ газетахъ константинопольскихъ напечатано недавно, что въ патріархіи начались засѣданія коммиссіи, приготовляющей проектъ дѣйствій на Святой Горѣ.

Лица, изъ которыхъ она состоитъ, Варнскій и Ларисскій епископы, и свѣтскіе члены, гг. Антопуло и Психари, пользуются общимъ уваженіемъ въ Константинополѣ, и потому можно быть увѣрену, что справедливость и здравый смыслъ возьмутъ верхъ въ этомъ вопросѣ. Къ тому же, не надо забывать объ иновѣрной власти, которая не увлечена ничѣмъ исключительно.

По странной игрѣ политическихъ событій, по исходу греко-болгарскаго вопроса, непредвидѣнному для многихъ людей, даже очень умныхъ и знающихъ Востокъ, оказывается, что въ наше время *чистѣйшіе интересы православія* (не политическаго, а духовнаго) тѣсно связаны *съ владычествомъ мусульманскаго государя.*

Власть Магометова наслѣдника есть залогъ охраненія и *свободы* для христіанскаго аскетизма.

Я кончилъ.

Я желалъ, съ одной стороны, оправдать русскихъ Аѳонцевъ предъ турецкимъ правительствомъ; съ другой—я хотѣлъ показать что всему совокупному Аѳону выгодно теперешнее его положеніе *самоуправленія подъ султанскою властью.*

Политическая власть Турокъ, церковная зависимость отъ Вселенской греческой патріархіи, денежная постоянная помощь изъ Россіи: вотъ тройная зависимость, заключающая въ себѣ наилучшіе залоги внутренней свободы для Святой Горы.

Подвластная Туркамъ и населенная разноплеменными монахами, она сохранитъ свой истинный характеръ—быть самымъ вѣрнымъ иноческимъ убѣжищемъ и очагомъ чистаго православія. Аѳонъ будетъ достигать только при такомъ порядкѣ дѣлъ своей особенной цѣли. Всякая племенная исключительность, русская, греческая, болгарская, одинаково погубитъ аѳонскую жизнь и лишитъ Аѳонъ смысла.

Мнѣ хотѣлось бы также оправдать аѳонскихъ Грековъ предъ рускимъ обществомъ.

Поверхностное знакомство нашего общества съ Востокомъ, туманъ и неотчетливость, съ которыми являются подобныя дѣла издали, пугаютъ меня.

Было бы очень прискорбно, еслибы, по незнанію, благочестивые русскіе люди смѣшали крики аѳинскихъ демагоговъ, слабости греческихъ епископовъ (насилуемыхъ отчасти крайними мнѣніями мірянъ) съ мирными и добрыми монахами Греками, живущими па Аѳонѣ.

Повторяю, большинство ихъ еще не успѣло исказить своихъ церковныхъ убѣжденій племенными стремленіями; большинство ихъ живетъ попрежнему или жизнію строго аскетическою, или, по крайней мѣрѣ, мирною мѣстною жизнію, оставаясь равно чуждымъ и мірскому эллинству, и крайнему славизму.

Пусть попрежнему посылаются на Аѳонъ денежныя приношенія и всякіе дары личной набожности, пусть Россія останется попрежнему „столбомъ православія“, какъ зовутъ ее многіе еще до сихъ поръ на Востокѣ.

Не всѣ Греки одинаково *красны* и неразумны.

Греки—*enfants terribles* Востока. Они образумятся. *Дальше имъ некуда идти...* Россія же должна быть спокойна и простить *пророчески*, не дожидаясь *обращенія*, которое не замедлитъ.

Дополненіе къ двумъ статьямъ о панславизмѣ.

(1884 года).

Съ того времени, когда я писалъ эти двѣ статьи, прошло *одиннадцать лѣтъ*. Онѣ были обѣ напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 73-го года, вскорѣ послѣ помѣстнаго Константинопольскаго Собора, объявившаго Болгаръ «схизматиками». Понятно, какъ измѣнилось многое съ тѣхъ поръ и у насъ, и въ Турціи... Теперь церковнаго разрыва Русскихъ съ Греками опасаться уже нельзя, какъ можно было его опасаться въ 70-хъ годахъ. Болгарія почти вся свободна, объединеніе ея отложено не на долго; дни турецкаго владычества по сю сторону Босфора сочтены. Русскіе люди все болѣе и болѣе начинаютъ, повидимому, разочаровываться въ пользѣ и цѣлесообразности политики чисто-эмансипаціонной, и можно надѣяться, что близокъ часъ, когда мы не только всѣ поймемъ, но и скажемъ громко, что *присоединеніе* Царьграда, напр., гораздо необходимѣе и государственнѣе, чѣмъ платоническое освобожденіе Славянъ.

Понятное дѣло, что и мои взгляды, какъ на Церковный вопросъ, такъ и вообще на дѣла Православно-Турецкаго Востока, не могли не измѣниться въ частностяхъ и оттѣнкахъ, оставаясь въ основаніяхъ неизмѣнными.

Я вѣрилъ и тогда, вѣрю и теперь, что Россія, имѣющая стать во главѣ какой-то ново-восточной государственности, должна дать міру и *новую культуру*, замѣнить этой новой Славяно-Восточной цивилизаціей *отходящую* цивилизацію Романо-Германской Европы. Я и тогда былъ ученикомъ и ревностнымъ послѣдователемъ нашего столь замѣчательнаго и (увы!) до сихъ поръ одиноко стоящаго мыслителя Н. Я. Данилевскаго, который въ своей книгѣ «Россія и Европа» сдѣлалъ такой великій шагъ на пути русской науки и русскаго самосознанія, обосновавши такъ твердо и ясно теорію *смѣны культурныхъ типовъ* въ исторіи человѣчества.

Но, какъ г. Данилевскій въ своей книгѣ слишкомъ вѣритъ въ Славянъ, слишкомъ исключительно надѣется на нихъ, такъ и я самъ въ то время,

когда писалъ эти двѣ первыя статьи, живя въ Царьградѣ,—слишкомъ въ нихъ вѣрилъ, слишкомъ надѣялся на самобытность ихъ духа. Позднѣе, и даже очень скоро, я понялъ, что всѣ Славяне, южные и западные, именно въ этомъ, столь дорогомъ для меня *культурно-оригинальномъ смыслѣ*, суть для насъ, Русскихъ, ничто иное, какъ *неизбѣжное политическое зло*, ибо народы эти до сихъ поръ въ лицѣ „интеллигенціи" своей ничего, кромѣ самой пошлой и обыкновенной *современной буржуазіи*, міру не даютъ.

Это я пытаюсь изобразить и доказать въ позднѣйшихъ моихъ статьяхъ, и особенно въ слѣдующей за ними „Византизмъ и Славянство".

Но и кромѣ подобныхъ, по тому же пути дальше ушедшихъ общихъ взглядовъ на Восточный вопросъ и на Великорусское культурное призваніе, самыя отношенія мои къ Греко-Болгарской церковной распрѣ измѣнились довольно скоро при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ и при новомъ положеніи моемъ въ Константинополѣ, особенно благопріятнымъ для освѣщенія всѣхъ недавнихъ событій. Изучая здѣсь дѣло ближе, узнавши и роль многихъ тайныхъ пружинъ, я понялъ, что Болгары не только отложились *своевольно* отъ Патріарха (т.-е. вопреки его запрещенію), чего не сдѣлали въ свое время ни Россія, ни Сербія, ни Румынія, но и *преднамѣренно* искали *раскола*, преднамѣренно всячески затрудняли мирный исходъ, чтобы произвести больше политическихъ захватовъ; я понялъ, что они безтрепетно готовы потрясти всю церковь и нарушить весьма существенные и важные уставы ея въ пользу своей неважной и видимо ни къ чему замѣчательному не призванной народности. Они хотѣли имѣть Экзархатъ не *административный, не топографическій* въ опредѣленныхъ границахъ, но экзархатъ *племенной*, „филетическій"—какъ выразилось греческое духовенство на Соборѣ 72-го года. Экзархатъ или даже Патріархію административную или топографическую Вселенскій Патріархъ могъ бы имъ дать и былъ бы вынужденъ обстоятельствами сдѣлать это позднѣе... но Болгары желали Экзархата „племеннаго", т.-е. чтобы всѣ Болгары, гдѣ бы они ни находились, зависѣли бы прямо и во всѣхъ отношеніяхъ отъ своего національнаго духовенства. Конечно, Патріархъ *не имѣлъ* даже и *права* уступить ихъ желаніямъ въ *такой формѣ*. Болгары тогда отдѣлились самовольно; а Соборъ объявилъ ихъ отдѣленными, т.-е. отщепившимися, отщепенцами, „раскольниками"... Вотъ и все.

И такъ, когда я въ 73 году писалъ эти двѣ предъидущія статьи о Панславизмѣ, я, во 1-хъ, еще до многаго не додумался, до чего додумался въ Царьградѣ, нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе; а во 2-хъ, я былъ стѣсненъ и тѣмъ, что, состоя тогда на консульской службѣ,—обязанъ былъ не по необходимости только, но и по совѣсти, въ печати являться болѣе дипломатомъ или политикомъ *завтрашняго дня*, чѣмъ *соціологомъ* или политикомъ болѣе широкаго грядущаго;—и еще

моей авторскою зависимостью отъ той Редакціи, для которой я писалъ *изъ-за полуторы тысячи верстъ*, не зная навѣрное со всѣми ли моими взглядами она будетъ согласна.

По всѣмъ этимъ причинамъ и подписался я тогда подъ обѣими статьями этими—псевдонимомъ (Н. Константиновъ).

И несмотря на всю сдержанность мою и на всю *изворотливость* моего выраженія, Редакція „Русскаго Вѣстника" сочла необходимымъ напечатать слѣдующую вставку на первой страницѣ. „Печатая эти „письма, доставленныя намъ лицомъ, долгое время живущимъ на Во„стокѣ и составившимъ себѣ опредѣленныя воззрѣнія на нынѣшнее „положеніе дѣлъ какъ тамъ, такъ и вообще въ Европѣ, мы не беремся „защищать все, что въ нихъ сказано. Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ мы „можемъ оказаться несогласными съ авторомъ, но не можемъ, во вся„комъ случаѣ, не признать большаго интереса за его письмами, воз„буждающими мысль, живо характеризующими положеніе дѣлъ и наст„роеніе умовъ, и приводящими вопросы времени къ обдуманному вы„раженію". Я упоминаю объ этомъ вовсе не для того, чтобы выразить какое-нибудь неудовольствіе на столь уважаемую мною Редакцію г. Каткова, а скорѣе для того, чтобы оправдать себя и объяснить, что эти обѣ первыя статьи мои *не только теперь*, но и тогда выражали не вполнѣ то, что я думалъ и что я сталъ печатать позднѣе. *Знамя мое* было еще тогда не совсѣмъ развернуто...

И при всемъ томъ, что оно было не совсѣмъ развернуто, иные Русскіе либерально-славянскаго духа уже и тогда сильно возмущались тѣмъ, что я въ Болгарахъ осмѣливаюсь не быть ослѣпленнымъ и называю вещи по имени. Они, кажется, даже презирали меня за эту прямоту и ясность, какъ за какую-то политическую наивность.

Я же въ этой прямотѣ выраженій вижу и политическую пользу.

Я понимаю, что въ политикѣ нерѣдко полезно или необходимо обманывать словами и фразами другихъ, чужеземцевъ;—но зачѣмъ же обманывать самихъ себя и свое, русское, общество этими фразами и словами,—это мнѣ непонятно!

ВИЗАНТИЗМЪ И СЛАВЯНСТВО.

(Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ).

1875 г.

ВИЗАНТИЗМЪ И СЛАВЯНСТВО.

I.

Византизмъ древній.

Что такое Византизмъ?

Византизмъ есть прежде всего особаго рода образованность или культура, имѣющая свои отличительные признаки, свои общія, ясныя, рѣзкія, понятныя начала и свои опредѣленныя въ исторіи послѣдствія.

Славизмъ, взятый во всецѣлости своей, есть еще сфинксъ, загадка.

Отвлеченная идея Византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея слагается изъ нѣсколькихъ частныхъ идей религіозныхъ, государственныхъ, нравственныхъ, философскихъ и художественныхъ.

Ничего подобнаго мы не видимъ во Всеславянствѣ. Представляя себѣ мысленно Всеславизмъ, мы получаемъ только какое-то аморфическое, стихійное, неорганизованное представленіе, нѣчто подобное виду дальнихъ и обширныхъ облаковъ, изъ которыхъ по мѣрѣ приближенія ихъ, могутъ образоваться самыя разнообразныя фигуры.

Представляя себѣ мысленно Византизмъ, мы, напротивъ того, видимъ передъ собою какъ бы строгій, ясный планъ обширнаго и помѣстительнаго зданія. Мы знаемъ, напримѣръ, что Византизмъ въ Государствѣ значитъ—самодержавіе. Въ Религіи онъ значитъ Христіанство съ опредѣленными чертами, отличающими его отъ Западныхъ Церквей, отъ ересей и расколовъ. Въ нравственномъ мірѣ мы знаемъ, что Византійскій идеалъ не имѣетъ того высокаго и во многихъ случаяхъ крайне преувеличеннаго понятія о земной личности человѣческой, которое внесено въ исторію Германскимъ феодализмомъ; знаемъ наклонность Византійскаго нравственнаго идеала къ разочарованію во всемъ земномъ, въ счастьи, въ устойчивости нашей собственной чистоты, въ способности нашей къ полному нравственному совершенству здѣсь, долу. Знаемъ, что Византизмъ (какъ и вообще Христіанство) отвергаетъ всякую надежду на всеобщее благоденствіе народовъ;

что она есть сильнѣйшая антитеза идеѣ всечеловѣчества въ смыслѣ земнаго всеравенства, земной всесвободы, земнаго всесовершенства и вседовольства.

Византизмъ даетъ также весьма ясныя представленія и въ области художественной или вообще эстетической: моды, обычаи, вкусы, одежду, зодчество, утварь, все это легко себѣ вообразить нѣсколько болѣе, или нѣсколько менѣе, Византійскимъ.

Византійская образованность смѣнила Греко-Римскую и предшествовала Романо-Германской. Воцареніе Константина можно считать началомъ полнаго торжества Византизма (IV вѣкъ по Р. Х.). Воцареніе Карла Великаго (IX вѣкъ), его вѣнчаніе Императорское, которое было дѣломъ Папства, можно считать первой попыткой Романо-Германской Европы *выдѣлить* рѣзко свою образованность изъ обще-Византійской, которая до тѣхъ поръ подчиняла себѣ, хотя бы только духовно, и всѣ Западныя страны...

Именно, вслѣдъ за распаденіемъ искусственной Имперіи Карла, все яснѣе и яснѣе обозначаются тѣ признаки, которые составятъ, въ совокупности своей, картину особой, Европейской культуры, этой въ свое время новой всемірной цивилизаціи.

Начинаютъ яснѣе обозначаться будущіе предѣлы позднѣйшихъ Западныхъ Государствъ и частныхъ культуръ Италіи, Франціи, Германіи, близятся крестовые походы, близится цвѣтущая эпоха рыцарства, феодализма Германскаго, положившаго основы чрезмѣрному самоуваженію лица (самоуваженію, которое, перейдя путемъ зависти и и подражанія сперва къ буржуазіи, произвело демократическую революцію и породило всѣ эти нынѣшнія фразы о безпредѣльныхъ правахъ лица, а потомъ, дойдя до нижнихъ слоевъ Западнаго общества, сдѣлало изъ всякаго простаго поденщика и сапожника существо, исковерканное нервнымъ чувствомъ собственнаго достоинства). Вскорѣ послѣ этого раздаются и первые звуки романтической поэзіи. Потомъ развивается Готическое зодчество, создается вскорѣ Католическая поэма Данта и т. д. Папская власть ростетъ съ того времени.

И такъ воцареніе Карла Великаго (9 вѣкъ)—вотъ приблизительная черта раздѣла, послѣ которой на Западѣ стала болѣе и болѣе выясняться своя цивилизація и своя государственность.

Византійская цивилизація утрачиваетъ съ этого вѣка изъ своего круга всѣ обширныя и населенныя страны Запада, но за то пріобрѣтаетъ своему генію на Сѣверо-Востокѣ Юго-Славянъ, а потомъ и Россію.

Вѣка XV, XVI, XVII суть вѣка полнаго разцвѣта *Европейской* цивилизаціи и время полнаго паденія Византійской государственности на той почвѣ именно, гдѣ она родилась и выросла.

Этотъ же самый XV вѣкъ, съ котораго началось цвѣтеніе Европы, есть вѣкъ *перваго* усиленія Россіи, вѣкъ изгнанія Татаръ, сильнѣй-

шаго противу прежняго пересажденія къ намъ Византійской образованности, посредствомъ укрѣпленія Самодержавія, посредствомъ большаго умственнаго развитія мѣстнаго духовенства, посредствомъ установленія придворныхъ обычаевъ, модъ, вкусовъ и т. д. Это пора Іоанновъ, паденія Казани, завоеваній въ Сибири, вѣкъ постройки Василія Блаженнаго въ Москвѣ, постройки странной, неудовлетворительной, но до крайности своеобразной, Русской, указавшей яснѣе прежняго на свойственный намъ архитектурный стиль, именно на Индійское многоглавіе, приложенное къ Византійскимъ началамъ.

Но Россія, по многимъ причинамъ, о которыхъ я не нахожу возможности здѣсь распространяться, *не вступила тогда же въ періодъ цвѣтущей сложности и многообразнаго гармоническаго творчества*, подобно современной ей Европѣ Возрожденія.

Скажу лишь кратко.

Обломки Византизма, разсѣянные Турецкой грозой на Западъ и на Сѣверъ, упали на двѣ разныя почвы. На Западѣ все свое, Романо-Германское, было уже и безъ того въ цвѣту, было уже развито, роскошно, подготовлено; новое сближеніе съ Византіей и, черезъ ея посредство, съ античнымъ міромъ, привело немедленно Европу къ той блистательной эпохѣ, которую привыкли звать Возрожденіемъ; но которую лучше бы звать эпохой *сложнаго цвѣтенія* Запада; ибо такая эпоха подобная Возрожденію была у всѣхъ государствъ и во всѣхъ культурахъ, эпоха *многообразнаго и глубокаго развитія, объединеннаго въ высшемъ духовномъ и государственномъ единствѣ всего, или частей.*

Такая эпоха у Медо-Персовъ послѣдовала за прикосновеніемъ къ разлагающимся мірамъ Халдейскому и Египетскому, т.-е. эпоха Кира, Камбиза и особенно Дарія Гистаспа, у Эллиновъ во время и послѣ первыхъ Персидскихъ войнъ, у Римлянъ послѣ Пуническихъ войнъ и все время первыхъ Кесарей, у Византіи во времена Ѳеодосіевъ, Юстиніана, и вообще во время борьбы противу ересей и варваровъ, у насъ Русскихъ со дней Петра Великаго.

Соприкасаясь съ Россіей въ XV вѣкѣ и позднѣе, Византизмъ находилъ еще безцвѣтность и простоту, бѣдность, неприготовленность. Поэтому онъ глубоко переродиться у насъ не могъ, какъ на Западѣ, онъ всосался у насъ общими чертами своими чище и безпрепятственнѣе.

Нашу эпоху Возрожденія, нашъ XV вѣкъ, начало нашего болѣе сложнаго и органическаго цвѣтенія, наше, такъ сказать, единство въ многообразіи, надо искать въ XVII вѣкѣ, во время Петра І-го или, по крайней мѣрѣ, первые проблески при жизни его отца.

Европейскія вліянія (Польское, Голландское, Шведское, Нѣмецкое, Французское) въ XVII и потомъ въ XVIII вѣкѣ играли ту же роль (хотя и дѣйствовали гораздо глубже), какую играли Византія и древній Эллинизмъ въ XV и XVI вѣкѣ на Западѣ.

Въ Западной Европѣ старый, первоначальный, по преимуществу религіозный, Византизмъ долженъ былъ прежде глубоко переработаться сильными мѣстными началами Германизма: рыцарствомъ, романтизмомъ, готизмомъ (не безъ участія и Арабскаго вліянія), а потомъ тѣ же старыя Византійскія вліянія, чрезвычайно обновленныя долгимъ непониманіемъ, или забвеніемъ, падая на эту, уже крайне сложную, Европейскую почву XV и XVI вѣковъ, пробудили полный разцвѣтъ всего, что дотолѣ таилось еще въ нѣдрахъ Романо-Германскаго міра.

Замѣтимъ, что Византизмъ, падая на Западную почву въ этотъ второй разъ дѣйствовалъ уже не столько религіозной стороной своей (не собственно Византійской, такъ сказать), ибо у Запада и безъ него своя религіозная сторона была уже очень развита и безпримѣрно могуча, а дѣйствовалъ онъ косвенно, преимущественно Эллино-художественными и Римско-юридическими сторонами своими, *остатками классической* древности сохраненными имъ, а не *спеціально* Византійскими началами своими. Вездѣ тогда на Западѣ болѣе или менѣе усиливается Монархическая власть нѣсколько въ ущербъ природному Германскому феодализму, войска вездѣ стремятся принять характеръ государственный (болѣе Римскій, диктаторіальный, монархическій, а не аристократически областной, какъ было прежде), обновляются несказанно мысль и искусство. Зодчество, вдохновляясь древними и Византійскими образцами, производитъ новыя сочетанія необычайной красоты и т. д.

У насъ же со временъ Петра принимается все это уже до того переработанное по своему Европой, что Россія, повидимому, очень скоро утрачиваетъ Византійскій свой обликъ.

Однако это не совсѣмъ такъ. Основы нашего, какъ государственнаго, такъ и домашняго, быта остаются тѣсно связаны съ Византизмомъ. Можно бы, если бы мѣсто и время позволяли, доказать, что и все художественное творчество наше глубоко проникнуто Византизмомъ въ лучшихъ проявленіяхъ своихъ. Но такъ какъ здѣсь дѣло идетъ почти исключительно о вопросахъ государственныхъ, то я позволю себѣ только напомнить о томъ, что Московскій дворецъ нашъ хотя и неудаченъ, но *по намѣренію* своеобразнѣе *Зимняго*, и былъ бы и лучше его, если бы былъ пестрѣе, а не бѣлый, какъ сначала, и не песочный, какъ теперь, потому что пестрота и своеобразіе болѣе Византійской (чѣмъ Петербургъ) Москвы плѣняетъ даже всѣхъ иностранцевъ. Cyprien Robert говоритъ съ радостью, что Москва есть единственный Славянскій городъ, который онъ видѣлъ на свѣтѣ; Ch. de Mazade, напротивъ того, говоритъ съ бѣшенствомъ, что самый видъ Москвы есть видъ Азіятскій, чуждый муниципально-феодальной картинѣ Запада и т. д. Кто изъ нихъ правъ? Я думаю оба, и это хорошо. Я напомню еще,

что наша серебрянная утварь, наши иконы, наши мозаики, созданія нашего Византизма, суть до сихъ поръ почти единственное спасеніе нашего эстетическаго самолюбія на выставкахъ, съ которыхъ пришлось бы намъ безъ этого Византизма бѣжать, закрывши лицо руками.

Скажу еще мимоходомъ, что всѣ наши лучшіе поэты и романисты: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ, оба Графа Толстые (и Левъ и Алексѣй), заплатили богатую дань этому Византизму, той, или другой, его сторонѣ, государственной, или церковной, строгой, или теплой...

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божіей Матери [1])

Это точно также Русскій Византизмъ, какъ и возгласъ Пушкина:

Иль Русскаго Царя безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль мало насъ?...

Семья?... Но что-жь такое семья безъ Религіи? Что такое Русская семья безъ Христіанства? Что такое, наконецъ, Христіанство въ Россіи безъ Византійскихъ *основъ* и безъ Византійскихъ *формъ*?...

Я удержусь и больше ничего здѣсь не скажу ни объ эстетическомъ творчествѣ Русскихъ, ни о семейной нашей жизни.

Я буду говорить нѣсколько подробнѣе лишь о государственной организаціи нашей, о нашей государственной дисциплинѣ.

Я сказалъ, что у насъ при Петрѣ принялось многое цивилизующее, до того уже по своему переработанное Европой, что Государственная Россія какъ будто бы вовсе утратила не только обликъ Византизма, но и самыя существенныя стороны его духа.

Однако, сказалъ я, это не совсѣмъ такъ. Конечно, при видѣ нашей *гвардіи* (la guarde), *обмундированной* и *марширующей* (marschiren) по Марсову полю (Champ de Mars) въ *Санктпетербургѣ*, не подумаешь сейчасъ же о Византійскихъ легіонахъ.

При взглядѣ на нашихъ Флигель-Адъютантовъ и Камергеровъ, не найдешь въ нихъ много сходства съ крещеными преторіянцами, палатинами [2]) и евнухами Ѳеодосія, или Іоанна Цимисхія. Однако это войско, эти придворные (занимающіе при этомъ почти всѣ политическія и административныя должности), покоряются и служатъ одной идеѣ Царизма, укрѣпившейся у насъ со временъ Іоанновъ, подъ Византійскимъ вліяніемъ.

Русскій Царизмъ къ тому же утвержденъ гораздо крѣпче Византійскаго Кесаризма, и вотъ почему:

[1]) Кольцовъ.

[2]) Primicerius sacri cubiculi, castrensis и т. д.

Византійскій Кесаризмъ имѣлъ диктаторіальное происхожденіе, муниципальный избирательный характеръ.

Цинциннатъ, Фабій, Максимъ и Юлій Цезарь перешли постепенно и вполнѣ законно сперва въ Августа, Траяна и Діоклетіяна, а потомъ въ Константина, Юстиніяна, Іоанна Цимисхія.

Сперва диктатура въ языческомъ Римѣ имѣла значеніе законной, но временной, мѣры всемогущества, даруемаго священнымъ городомъ одному лицу; потомъ, посредствомъ законной же юридической фикціи священный городъ перенесъ свои полномочныя права, когда того потребовали обстоятельства, на голову пожизненнаго диктатора-Императора.

Въ IV же вѣкѣ Христіанство воспользовалось этой готовой властью, привычной для народа, нашло въ ней себѣ защиту и опору и помазало по Православному на новое царство этого пожизненнаго Римскаго Диктатора.

Естественность этой диктаторіальной власти была такова, привычка народовъ къ ней такъ сильна, что подъ властью этихъ крещеныхъ и помазанныхъ Церковью диктаторовъ Византія пережила Западный языческій Римъ на 1100 слишкомъ лѣтъ, т.-е. *почти на самый долгій срокъ государственной жизни народовъ*. (Болѣе 1200 лѣтъ ни одна государственная система, какъ видно изъ исторіи, не жила: многія государства прожили гораздо меньше).

Подъ вліяніемъ Христіанства законы измѣнились во многихъ частностяхъ; новое Римское Государство, еще и прежде Константина утратившее почти всѣ существенныя стороны прежняго конституціоннаго аристократическаго характера своего [1]), обратилось, говоря нынѣшнимъ же языкомъ, въ государство бюрократическое, централизованное, самодержавное и демократическое (не въ смыслѣ народовластія, а въ смыслѣ равенства; лучше бы сказать эгалитарное). Уже Діоклетіанъ, предшественникъ Константина, послѣдній изъ языческихъ Императоровъ, тщетно боровшійся противу наплыва Христіанства, былъ вынужденъ, для укрѣпленія дисциплины государственной, систематически организовать новое чиновничество, новую лѣстницу властей, исходящихъ отъ Императора (У Гизо можно найти въ „Histoire de la Civilisation" подробную таблицу этихъ властей, служившихъ градативно новому порядку).

Съ воцареніемъ Христіанскихъ Императоровъ, къ этимъ новымъ чиновническимъ властямъ прибавилось еще другое, несравненно болѣе сильное средство общественной дисциплины—власть Церкви, власть и привилегія Епископовъ. Этого орудія древній Римъ не имѣлъ; у него не было такого сильнаго жреческаго, привилегированнаго сосло-

[1]) Я нарочно для ясности называю эти вещи по нынѣшнему приблизительно.

вія. У Христіанской Византіи явилось это новое и чрезвычайно спасительное орудіе дисциплины.

И такъ, повторяю, Кесаризмъ Византійскій имѣлъ въ себѣ, какъ извѣстно, много жизненности и естественности, сообразной съ обстоятельствами и потребностями времени. Онъ опирался на двѣ силы: на новую религію, которую даже и большая часть не христіанъ (т.-е. атеистовъ и деистовъ) нашего времени признаетъ наилучшей изъ всѣхъ дотолѣ бывшихъ религій [1]), и на древнее государственное право, формулированное такъ хорошо, какъ ни одно до него формулировано не было (насколько намъ извѣстно, ни Египетское, ни Персидское, ни Аѳинское, ни Спартанское). Это счастливое сочетаніе очень древняго, привычнаго (т.-е. Римской диктатуры и муниципальности) съ самымъ новымъ и увлекательнымъ (т.-е. съ Христіанствомъ) и дало возможность первому Христіанскому Государству устоять такъ долго на почвѣ расшатанной, полусгнившей, среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Кесарей изгоняли, мѣняли, убивали, но святыни Кесаризма никто не касался. *Людей* мѣняли, но измѣнять *организацію въ основѣ* ея никто не думалъ.

Относительно Византійской исторіи надо замѣтить еще слѣдующее. Въ нашей образованной публикѣ распространены о Византіи самыя превратныя, или, лучше сказать, самыя вздорныя, одностороннія, или поверхностныя, понятія. Наша историческая наука была до послѣдняго времени незрѣла и лишена самобытности. Западные писатели почти всѣ долго страдали (иногда и безсознательнымъ) пристрастіемъ или къ республиканству, или къ феодализму, или къ католичеству и протестанству, и потому Византія самодержавная, Православная и вовсе уже не феодальная, не могла внушать имъ ни въ чемъ ни малѣйшаго сочувствія. Есть въ обществѣ, благодаря извѣстному складу школьнаго обученія, благодаря извѣстному характеру легкаго чтенія и т. п., привычка, не долго думая, чувствовать симпатію къ инымъ историческимъ явленіямъ и почти отвращеніе къ другимъ. Такъ, напр., и школа, и стихи, и множество статей и романовъ, пріучили всѣхъ насъ съ раннихъ лѣтъ съ содроганіемъ восторга читать о Мараѳонѣ, Саламинѣ и Платеѣ и, отдавая все сочувствіе наше Эллинскимъ республиканцамъ, смотрѣть на Персовъ почти съ ненавистью и презрѣніемъ.

[1]) Шопенгауеръ предпочитаетъ Буддизмъ Христіанству, и извѣстный компиляторъ Бюхнеръ поддерживаетъ его въ этомъ. Но интересно, что Буддизмъ, не признающій личнаго Бога, по словамъ его же защитниковъ, во многомъ другомъ болѣе, нежели всякая другая религія, приближается къ Христіанству. Напримѣръ: ученіемъ кротости, милосердія къ другимъ и строгости (аскетизма) къ себѣ. Христіанство содержитъ въ себѣ все, что есть сильнаго и хорошаго во всѣхъ другихъ религіяхъ.

Я помню, какъ я самъ, прочтя случайно (и у кого-же? — у Герцена!) о томъ какъ, во время бури, Персидскіе вельможи бросались сами въ море, чтобы облегчить корабль и спасти Ксеркса, какъ они поочередно подходили къ Царю и склонялись передъ нимъ прежде, чѣмъ кинуться за бортъ... Я помню, какъ прочтя это, я задумался и сказалъ себѣ въ первый разъ (а сколько разъ приходилось съ дѣтства и до зрѣлаго возраста вспоминать о классической Греко-Персидской борьбѣ!): „Герценъ справедливо зоветъ это Персидскими Ѳермопилами. Это страшнѣе и гораздо величавѣе Ѳермопилъ! Это доказываетъ силу идеи, силу убѣжденія, большую, чѣмъ у самихъ сподвижниковъ Леонида; ибо гораздо легче положить свою голову въ пылу битвы, чѣмъ обдуманно и холодно, безъ всякаго принужденія, рѣшаться на самоубійство изъ за религіозно-государственной идеи!»

Съ этой минуты, я сознаюсь, сталъ на древнюю Персію смотрѣть уже не такъ, какъ пріучила меня школа 40 и 50 годовъ, поэзія и большинство историческихъ, попадавшихся мнѣ, сочиненій. Я полагаю, что у многихъ есть какія нибудь подобнаго рода воспоминанія.

Мнѣ кажется главная причина тутъ въ томъ, что Персія не оставила намъ такихъ хорошихъ литературныхъ произведеній, какъ оставила Эллада. Греки умѣли изображать все реальнѣе и осязательнѣе, „теплѣе" такъ сказать, другихъ своихъ сосѣдей и современниковъ; и отъ того мы ихъ знаемъ лучше и любимъ больше, не смотря на всѣ ихъ пороки и ошибки.

Молчаніе не всегда есть признакъ безсодержательности. G. Sand хорошо называла иныхъ людей, исполненныхъ ума и души, но не одаренныхъ умѣньемъ выразить свою внутреннюю жизнь, les grands muets; къ такимъ людямъ она причисляла и извѣстнаго ученаго, G. S-t. Hilaire, который, повидимому, многое понималъ и предвидѣлъ глубже своего товарища и соперника, Кювье, но не могъ никогда восторжествовать надъ нимъ въ спорахъ. Наука, однако, во многомъ въ послѣдствіи оправдала St.-Hilair'а. Быть можетъ и Персія была, сравнительно съ Греціей, такой же Grand Muet. Есть примѣры и ближе къ намъ. Если разсматривать жизнь Россіи со временъ Петра I и до нашихъ временъ, развѣ она многосложностью своихъ явленій не драматичнѣе, не поэтичнѣе, не богаче, хотя бы исторіи однообразно-перемѣнчивой Франціи XIX вѣка? Но Франція XIX вѣка говоритъ о себѣ безпрестанно, а Россія до сихъ поръ еще не выучилась говорить о себѣ хорошо и умно, и все еще продолжаетъ нападать на чиновниковъ, или заботиться о всеобщей „пользѣ".

Римъ, средніе вѣка Европы, и тѣмъ болѣе Европа новѣйшаго, болѣе близкаго къ намъ, времени, оставили намъ также такую богатую, распространенную тысячами путей, литературу, что чувства, страданія, вкусы, подвиги и даже пороки Римлянъ, рыцарей, людей

Возрожденія, Реформы, людей пудры и фижмъ, людей Революціи и т. д., намъ знакомы, близки, болѣе, или менѣе, родственны. Отъ временъ Пизистрата, или даже отъ Троянской войны до временъ Бисмарка и Седанскаго плѣна, передъ нами проходитъ великое множество лицъ привлекательныхъ, или антипатичныхъ, счастливыхъ и несчастныхъ, порочныхъ и добродѣтельныхъ, но во всякомъ случаѣ множество лицъ живыхъ и понятныхъ намъ. Одинъ изъ насъ сочувствуетъ одному лицу, другой другому; одинъ изъ насъ предпочитаетъ характеръ аристократической націи, другому нравится демагогія; одинъ предпочитаетъ исторію Англіи временъ Елисаветы, другой Римъ въ эпоху блеска, третій Аѳины Перикла, четвертый Францію Людовика XIV, или Францію Конвента, но во всякомъ случаѣ, для большаго числа образованнаго общества, жизнь всѣхъ этихъ обществъ, жизнь живая, понятная хоть урывками, но понятная сердцу.

Византійское общество, повторяю, напротивъ того, пострадало отъ равнодушія, или недоброжелательства, писателей Западныхъ, отъ неприготовленности и долгой незрѣлости нашей Русской науки.

Византія представляется чѣмъ-то (скажемъ просто, какъ говорится иногда въ словесныхъ бесѣдахъ) сухимъ, скучнымъ, поповскимъ, и не только скучнымъ, но даже чѣмъ-то жалкимъ и подлымъ.

Между падшимъ языческимъ Римомъ и эпохой Европейскаго Возрожденія обыкновенно представляется какая-то зіяющая темная пропасть варварства.

Конечно, литература историческая уже обладаетъ нѣсколькими прекрасными трудами, которые населяютъ мало-по-мало эту скучную бездну живыми тѣнями и образами. (Таковы, напр., книги Амедея Тьерри).

Исторія цивилизаціи въ Европѣ Гизо написана и издана уже давнымъ давно. Въ ней мало повѣствовательнаго, бытоваго; но за то движеніе идей, развитіе внутренняго нерва жизни, изображено съ геніальностью и силой. Гизо имѣлъ въ виду преимущественно Западъ; однако, говоря о Церкви Христіанской, онъ долженъ былъ поневолѣ безпрестанно касаться тѣхъ идей, тѣхъ интересовъ, вспоминать о тѣхъ людяхъ и событіяхъ, которые были одинаково важны и для Западнаго и для Восточно-Христіанскаго міра. Ибо варвачства, въ смыслѣ совершенной дикости, простоты и безсознательности, вовсе не было въ эту эпоху, но была, какъ я въ началѣ уже сказалъ, общая Византійская образованность, которая переступала тогда далеко за предѣлы Византійскаго Государства, точно также, какъ переступала государственные предѣлы Эллады когда-то Эллинская цивилизація, какъ переступаетъ еще дальше теперь Европейская за свои политическія границы.

Есть и другія ученыя книги, которыя могутъ помочь намъ, если мы захотимъ восполнить тотъ недостатокъ представленій, которымъ

мы, люди неспеціальные, страдаемъ, когда дѣло касается Византіи.

Но искать охотниковъ мало, и до тѣхъ поръ, пока найдутся хоть между Русскими, напр., люди съ такимъ же художественнымъ дарованіемъ, какъ братья Тьерри, Маколей или Грановскій, люди, которые посвятили бы свой талантъ Византизму... пользы живой, сердечной пользы, не будетъ.

Пусть бы кто-нибудь, напр., передѣлалъ или даже перевелъ просто, но изящно, на современный языкъ Житія Святыхъ, ту старую Четь-Минею Димитрія Ростовскаго, которую мы всѣ знаемъ и всѣ не читаемъ, и этого было бы достаточно, чтобы убѣдиться, сколько въ Византизмѣ было искренности, теплоты, геройства и поэзіи.

Византія не Персія Зороастра; источники для нея есть, источники крайне близкіе намъ, но нѣтъ еще искусныхъ людей, которые съумѣли бы пріучить наше воображеніе и сердце къ образамъ этого міра, съ одной стороны столь далеко отошедшаго, а съ другой вполнѣ современнаго намъ и органически съ нашей духовной и государственной жизнью связаннаго.

Предисловіе къ одной изъ книгъ Амедея Тьерри (Derniers Temps de l' Empire d' Occident) содержитъ въ себѣ прекрасно выраженныя жалобы на пренебреженіе Западныхъ писателей къ Византійской исторіи. Онъ приписываетъ, между прочимъ, много важности пустой игрѣ словъ Bas-Empire (Нижняя Имперія, Имперія низкая, презрѣнная), и называетъ лѣтописца, который первый раздѣлилъ Римскую Исторію на Исторію Верхней (Италійской) и Нижней (Греческой) Имперіи, лѣтописцемъ неудачливымъ, неловкимъ, несчастнымъ (malencontreux).

„Не надо забывать,—говоритъ Тьерри,—что именно Византія дала человѣчеству совершеннѣйшій въ мірѣ религіозный законъ—Христіанство. Византія распространила Христіанство; она дала ему единство и силу".

„И между гражданами Византійской Имперіи,—говоритъ онъ далѣе, «были люди, которыми могли бы гордиться всѣ эпохи, всякое общество!"

ГЛАВА II.

Византизмъ въ Россіи.

Я сказалъ, что Римскій Кесаризмъ, оживленный Христіанствомъ, далъ возможность новому Риму (Византіи) пережить старый Италійскій Римъ на цѣлую государственную *нормальную* жизнь, *на цѣлое тысячелѣтіе*.

Условія Русскаго Православнаго Царизма были еще выгоднѣе.

Перенесенный на Русскую почву, Византизмъ встрѣтилъ не то, что онъ находилъ на берегахъ Средиземнаго моря, не племена, усталыя

отъ долгой образованности, не страны, стѣсненныя у моря и открытыя всякимъ враждебнымъ набѣгамъ... нѣтъ! онъ нашелъ страну дикую, новую, едва доступную, обширную, онъ встрѣтилъ народъ простой, свѣжій, ничего почти не испытавшій, простодушный, прямой въ своихъ вѣрованіяхъ.

Вмѣсто избирательнаго, подвижнаго, пожизненнаго диктатора, Византизмъ нашелъ у насъ Великаго Князя Московскаго, патріархально и наслѣдственно управлявшаго Русью.

Въ Византизмѣ царила одна отвлеченная юридическая идея: на Руси эта идея обрѣла себѣ плоть и кровь въ Царскихъ родахъ, священныхъ для народа.

Родовое монархическое чувство, этотъ Великорусскій легитимизмъ, былъ сперва обращенъ на домъ Рюрика, а потомъ на домъ Романовыхъ.

Родовое чувство, столь сильное на Западѣ въ аристократическомъ элементѣ общества, у насъ же въ этомъ элементѣ всегда гораздо слабѣйшее, нашло себѣ главное выраженіе въ монархизмѣ. Имѣя сначала вотчинный (родовой) характеръ, наше Государство этимъ самымъ развилось впослѣдствіи такъ, что родовое чувство общества у насъ приняло Государственное направленіе. Государство у насъ всегда было сильнѣе, глубже, выработаннѣе не только аристократіи, но и самой семьи. Я, признаюсь, не понимаю тѣхъ, которые говорятъ о семейственности нашего народа. Я видѣлъ довольно много разныхъ народовъ на свѣтѣ и читалъ, конечно, какъ читаютъ многіе. Въ Крыму, въ Малороссіи, въ Турціи, въ Австріи, въ Германіи, вездѣ я встрѣтилъ то же. Я нашелъ, что всѣ почти иностранные народы, не только Нѣмцы и Англичане (это уже слишкомъ извѣстно), но и столькіе другіе: Малороссы, Греки, Болгары, Сербы, вѣроятно (если вѣрить множеству книгъ и разсказовъ) и сельскіе или вообще провинціальные Французы, даже Турки, гораздо семейственнѣе насъ, Великороссовъ.

Обыкновенно принято, что Турецкая семья—не семья. Это легко сказать и успокоиться. Другое дѣло сказать, что Христіанскій идеалъ семьи выше Мусульманскаго идеала. Это, конечно, такъ, и у тѣхъ Христіанскихъ народовъ, у которыхъ есть прирожденный, или выработанный ихъ исторіей, глубокій фамилизмъ, какъ, наприм., у Германскихъ націй, онъ и выразился такъ сильно, твердо и прекрасно, какъ не выражался дотолѣ ни у кого и нигдѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ нагляднѣе, надо, съ одной стороны, вспомнить несравненную ни съ чѣмъ другимъ прелесть семейныхъ картинъ Диккенса, или Вальтеръ-Скотта, и съ менѣе геніальной силой у всѣхъ почти Англійскихъ писателей. А съ другой,—Германскую нравственную философію, которая первая развила строго идею семейнаго *долга для долга*, даже внѣ религіозной заповѣди. Можно ли вообразить себѣ великаго Вели-

корусскаго писателя, который *догадался бы прежде* Нѣмцевъ изложить такой взглядъ и изложилъ бы его хорошо, оригинально, увлекательно? Будемъ искренни и скажемъ, что это, можетъ быть, грустная правда, но правда.

Что касается до художественныхъ изображенiй, то пусть только сравнитъ кто-нибудь самыхъ даровитыхъ писателей нашихъ съ Англiйскими, и онъ увидитъ тотчасъ же, до чего я правъ. Развѣ можно сравнить семейныя картины Графа Л. Н. Толстого съ картинами Вальтеръ-Скотта, и особенно Диккенса? Развѣ теплота „Дѣтства и Отрочества“ можетъ сравниться съ теплотою, съ какимъ-то страстнымъ эѳическимъ лиризмомъ Копперфильда? Развѣ семейная жизнь „Войны и Мира“, семейные (весьма немногосложные) идиллическiе оттѣнки въ произведенiяхъ Тургенева и Гончарова равны по обилiю и силѣ идиллическихъ красотъ семейнымъ картинамъ Англiйской литературы? Развѣ можно вообразить себѣ великаго Русскаго поэта, который написалъ бы „Колоколъ“ Шиллера? Сильны ли семейныя чувства (сравнительно съ Германскимъ, конечно) у Пушкина, у Лермонтова и у самого полу-мужика Кольцова?

Совсѣмъ ли былъ неправъ Бѣлинскiй, когда надъ предисловiемъ своимъ къ стихамъ Кольцова поставилъ эпиграфомъ стихи Апол. Григорьева?

Русскiй бытъ—
Увы—совсѣмъ не такъ глядитъ,
Хоть о семейности его
Славянофилы намъ твердятъ
Уже давно, но, виноватъ,
Я въ немъ не вижу ничего
Семейнаго.

Отчего широкiй на всѣ руки „Питерщикъ“ Писемскаго и угрюмый, пострадавшiй въ семьѣ, „Бирюкъ“ Тургенева всѣмъ показались въ свое время естественнѣе, правдивѣе всѣхъ à la G. Sand сельскихъ идиллiй Григоровича? Григоровичъ зналъ хорошо языкъ крестьянъ, вѣрно изображалъ многiе типы, у него было чувство несомнѣнное, но онъ попалъ на ложную дорогу слишкомъ уже добраго и твердаго фамилизма, который—увы—въ удѣлъ Великоруссу не достался!

Я знаю, что многимъ высоконравственнымъ и благороднымъ людямъ больно слушать подобныя вещи; я знаю, что сознавать это правдой тяжело... Быть можетъ, мнѣ и самому это больно. Но развѣ мы поможемъ злу, скрывая его отъ себя и отъ другихъ?

Если это зло (и, конечно, зло большое), то лучше безпрестанно указывать на него, чтобы ему противодѣйствовать сколько есть силъ; а увѣрять самихъ себя, что мы семейственны, потому только, что попадаются и у насъ, тамъ и сямъ, согласныя, строго нравственныя по убѣжденiю, семьи, это было бы то же, что увѣрять: „Мы очень фео-

дальны въ общественной организаціи, потому что и у насъ есть древніе Княжескіе и Боярскіе многовѣковые роды, потому что и у насъ было и есть еще отчасти богатое благовоспитанное дворянство, недавно еще привилегированное, сравнительно съ другими классами народа". Это такъ; но, вѣдь, чтобы судить вѣрно общественный организмъ, необходимо сравнивать его съ другими такими же организмами; а рядомъ съ нами Германскіе народы развили, въ теченіе своей исторической жизни, такіе великіе образцы аристократичности, съ одной стороны, и фамилизма—съ другой, что мы должны сознаться: намъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи до нихъ далеко! Если мы найдемъ старинную чисто Великорусскую семью (т.-е., въ которой ни отецъ, ни мать не Нѣмецкой крови, ни Греческой, ни даже Польской, или Малороссійской), крѣпкую и нравственную, то мы увидимъ, во-первыхъ, что она держится больше всего Православіемъ, Церковью, Религіей, Византизмомъ, заповѣдью, понятіемъ грѣха, а не внѣ Религіи стоящимъ и даже переживающимъ ее ѳоическимъ чувствомъ, принципомъ отвлеченнаго долга, однимъ словомъ, чувствомъ, не признающимъ грѣха и заповѣди, съ одной стороны, но и не допускающимъ либеральнаго или эстетическаго эвдемонизма—съ другой, не допускающимъ той согласной взаимной терпимости, которую такъ любило дворянство Романскихъ странъ XVII и XVIII вѣк. и которое у насъ хотѣлъ проповѣдывать Чернышевскій въ своемъ романѣ: „Что дѣлать?" Романъ этотъ, отвратительный художественно, грубый, дурно написанный, сдѣлалъ, однако, своего рода отрицательную пользу: онъ показалъ впервые ясно, чего именно хотятъ люди этого рода. И въ этихъ людяхъ сказался отчасти Великоруссизмъ, хотя на этотъ разъ своими вредными сторонами, своими разрушительными выводами.

Всякое начало, доведенное односторонней послѣдовательностью до какихъ-нибудь крайнихъ выводовъ, не только можетъ стать убійственнымъ, но даже и самоубійственнымъ. Такъ, напримѣръ, еслибы идею личной свободы довести до всѣхъ крайнихъ выводовъ, то она могла бы, черезъ посредство крайней анархіи, довести до крайне деспотическаго коммунизма, до юридическаго постояннаго насилія всѣхъ надъ каждымъ, или, съ другой стороны, до личнаго рабства. Дайте право людямъ вездѣ продавать или отдавать себя въ вѣчный пожизненный наемъ изъ-за спокойствія, пропитанія, за долги и т. п., и вы увидите, сколько и въ наше время нашлось бы крѣпостныхъ рабовъ, или полурабовъ, по волѣ.

Слабосемейственность Великоруссизма сказалась ярко въ сочиненіяхъ нашихъ Нигилистовъ. Нигилисты старались повредить и Государству; но въ защиту государственности со всѣхъ сторонъ поднялись безчисленныя и разнородныя силы, а въ защиту семейственности раздавались больше даровитые и благородные голоса, чѣмъ поднимались

силы реальныя, фактическія... Я прошу только посмотрѣть внимательно и безстрашно на жизнь нашу и нашу художественную литературу *).

Если, напримѣръ, нѣкоторымъ извѣстнымъ Славянофиламъ посчастливилось вырости въ крѣпкихъ Великорусскихъ семьяхъ, то, во 1-хъ, всѣ эти семьи были крайне Православными, а во 2-хъ, имѣемъ ли мы логическое право всегда вѣрить въ то, что намъ нравится, въ то, что мы любимъ, находить и у другихъ то, что намъ въ самихъ насъ дорого?

Въ этомъ-то смыслѣ я, самъ Великороссъ вполнѣ, въ прошлой главѣ сказалъ: „Что такое семья безъ религіи? Что такое религія безъ Христіанства? Что такое Христіанство въ Россіи безъ Православныхъ формъ, правилъ и обычаевъ, т.-е. безъ Византизма?"

Кто хочетъ укрѣпить нашу семью, тотъ долженъ дорожить всѣмъ, что касается Церкви нашей!

Дай Богъ, чтобы я былъ неправъ, утверждая, что семейное начало у насъ слабо! Я буду очень радъ, если какая-нибудь точная статистика докажетъ мнѣ, что я ошибся, что я слишкомъ пессимистъ въ отношеніи нашего фамилизма. Но пока мнѣ этого не докажутъ, я буду стоять на своемъ, и находить, что не только у Германскихъ народовъ и у тѣхъ представителей Романскихъ, у которыхъ было больше случайнаго Германизма, но и у Малороссовъ, у Грековъ, Юго-Славянъ, у Турокъ даже, семейное начало глубже и крѣпче нашего.

Я говорю у Турокъ. Идеалъ Мусульманской семьи ниже Христіанскаго; но личный ли темпераментъ Турокъ, условія ли ихъ общественнаго развитія сдѣлали то, что они очень любятъ свою семью, свое родство, свой родъ, свой очагъ. У нихъ есть большое расположеніе къ семейному идиллизму.

*) Анархическій и антитеическій, но крѣпко семейственный, Прудонизмъ мало имѣлъ успѣха въ средѣ нашей молодежи; ей нравились болѣе утопіи сладострастія, Фурьеризмъ, вольныя сходки въ хрустальныхъ дворцахъ, чѣмъ атеистическая рабочая семья Прудона. Прудонъ Французъ Нѣмецкаго умственнаго воспитанія—Гегеліянецъ.

Вспомнимъ также о нашихъ сектантахъ, что у нихъ преобладаетъ: семейственность или общинность (т.-е. нѣчто въ родѣ государственности)? Въ собственно же половомъ отношеніи они всѣ колеблются между крайнимъ аскетизмомъ (скопчествомъ) и крайнею распущенностью.

Возможенъ ли въ Россіи соціалистъ, подобный спокойному Нѣмцу Струве (см. у Герцена: „Былое и Думы"), который такъ дорожилъ вѣрностью и добродѣтелью своей будущей жены, что обращался къ френологіи для выбора себѣ подруги? Еще примѣръ: Разъ я прочелъ въ какой-то газетѣ, что одна молодая Англичанка или Американка объявила слѣдующее: „Если женщинамъ дадутъ равныя права и у меня будетъ власть, я велю тотчасъ же закрыть всѣ игорные и кофейные дома,—однимъ словомъ всѣ заведенія, которыя отвлекаютъ мужчинъ отъ дома". Русская дама и дѣвица, напротивъ того, прежде всего подумала бы, какъ самой пойти скорѣе туда, въ случаѣ пріобрѣтенія всѣхъ равныхъ съ мужчинами правъ.

Итакъ, родовое чувство, повторяю, выразилось сравнительно у насъ и въ семьѣ слабѣе, чѣмъ у многихъ другихъ; въ аристократическомъ началѣ то же самое; всю силу нашего родоваго чувства исторія перенесла на Государственную власть, на Монархію, Царизмъ.

Когда я употребляю выраженіе: „аристократическое начало", надо понять, что я говорю въ самомъ обширномъ смыслѣ. Я понимаю очень хорошо, что хотятъ сказать тѣ, которые утверждаютъ, что у насъ никогда не было аристократіи; но нахожу, что этотъ оборотъ рѣчи не совсѣмъ правиленъ; онъ не исчерпываетъ явленія вполнѣ.

Аристократическое начало у насъ было (и даже есть) какъ и вездѣ *); но родовой и личный характеръ у него былъ (и есть) выраженъ гораздо слабѣе, чѣмъ во всѣхъ Западныхъ феодальныхъ аристократіяхъ, или чѣмъ одинъ родовой въ муниципальной аристократіи Древне-Римскихъ Патриціевъ и Оптиматовъ.

Привилегированные люди, единоличная власть, семья, разныя ассоціаціи, общины, все это есть вездѣ, все это реальныя силы, неизбѣжныя части всѣхъ общественныхъ организмовъ. Но они разнородно сопряжены и неравномѣрно сильны и ярки у разныхъ націй и въ разныя времена.

Такъ я не ошибусь, я думаю, если скажу, что въ началѣ развитія Государства всегда сильнѣе какое бы то ни было аристократическое начало. Къ серединѣ жизни Государственной является наклонность къ единоличной власти (хотя бы въ видѣ сильнаго президентства, временной диктатуры, единоличной демагогіи или тираніи какъ у Эллиновъ, въ ихъ цвѣтущемъ періодѣ), а къ старости и смерти воцаряется демократическое, эгалитарное и либеральное начало.

Смотря по тому какой оттѣнокъ, какая реальная сила преобладала въ томъ или другомъ народѣ, и всѣ другія окрашиваются имъ, проникаются его элементами.

У насъ родовой наслѣдственный Царизмъ былъ такъ крѣпокъ, что и аристократическое начало у насъ приняло подъ его вліяніемъ служебный, полу-родовой, слабо-родовой, несравненно болѣе Государственный, чѣмъ лично феодальный, и уже нисколько не муниципальный характеръ. Извѣстно, что Мѣстничество носило въ себѣ глубоко-служебный Государственный, чиновничій характеръ. Гордились Бояре службой Царской своихъ отцовъ и дѣдовъ, а не древностью самаго рода, не своей личностью, не городомъ, наконецъ, или замкомъ, съ которыми бы сопряжены были ихъ власть и племя.

Усилія Царей рода Романовыхъ и самыя рѣзкія преобразованія Петра измѣнили лишь частности, сущность не могла бы быть измѣнена.

*) Оно было и въ Америкѣ, въ лицѣ Южныхъ Рабовладѣльцевъ, Южныхъ помѣщиковъ-демократовъ.

Ранги, введенные Петромъ, казалось бы, демократизировали дворянство въ принципѣ. Всякій свободный человѣкъ могъ достичь чиновъ, служа Царю (т.-е. Государству). Но оказалось на дѣлѣ иное, Дворянство этимъ больше выдѣлилось изъ народа, фактически аристократизировалось, особенно въ высшихъ своихъ слояхъ.

До Петра было больше однообразія въ соціальной, бытовой картинѣ нашей, больше *сходства* въ частяхъ; съ Петра началось болѣе ясное, рѣзкое разслоеніе нашего общества, явилось то разнообразіе, безъ котораго нѣтъ полной жизни, нѣтъ творчества у народовъ. Петръ, какъ извѣстно, утвердилъ еще болѣе и крѣпостничество. Дворянство наше, поставленное между активнымъ вліяніемъ Царизма и пассивнымъ вліяніемъ подвластныхъ крестьянскихъ міровъ (ассоціацій), начало рости умомъ и властью, несмотря на подчиненіе Царизму.

Осталось только явиться Екатеринѣ II, чтобы обнаружился и досугъ, и вкусъ, и умственное творчество, и болѣе идеальныя чувства въ общественной жизни. Деспотизмъ Петра былъ прогрессивный и аристократическій, въ смыслѣ вышеизложеннаго разслоенія общества. Либерализмъ Екатерины имѣлъ рѣшительно тотъ же характеръ. Она вела Россію къ цвѣту, къ творчеству и росту. Она усиливала неравенство. Вотъ въ чемъ главная ея заслуга. Она охраняла крѣпостное право (цѣлость міра, общины поземельной *), распространяла даже это право на Малороссію и, съ другой стороны, давала льготы дворянству, уменьшала въ немъ служебный смыслъ и потому возвышала собственно аристократическія его свойства—родъ и личность; съ ея времени дворянство стало нѣсколько независимѣе отъ Государства, но попрежнему оно преобладало и господствовало надъ другими классами націи. Оно еще болѣе выдѣлилось, выяснилось, индивидуализировалось и вступило въ тотъ періодъ, когда изъ него постепенно вышли: Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Гоголь и т. п.

Людовикъ XIV и Петръ I-й были отчасти современниками. Но самодержавіе Людовика XIV значительно уравняло Францію: оно стерло послѣдніе слѣды могучей, прежней феодальной независимости. Франція слѣдующаго вѣка быстро пошла къ демократизаціи и политическому смѣшенію.

Самодержавіе Петра, напротивъ того, разслоило крѣпче прежняго Россію, приготовило болѣе прежняго аристократическія, разнообраз-

*) Власть помѣщика была стѣснительной, т.-е. крѣпкой охраной для цѣлости общины. Къ внутренней организаціи прививалось внѣшнее давленіе. Отсюда прочность міра крестьянскаго, надо опасаться, чтобы предоставленный только *внутреннему* деспотизму своему, онъ бы не разложился. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ *помѣщиковъ* не было, такъ, говорятъ, и случилось.

Авт.

ныя по содержанію эпохи Екатерины и Александра I. Съ теченіемъ времени непрочное, малородовое дворянство наше, отжившее свой естественный вѣкъ, утратило свое исключительное положеніе, которое могло бы, сохраняясь, привести къ какому-нибудь насильственному разгрому снизу. Аристократическая роль дворянства кончилась не столько пониженіемъ его собственныхъ правъ и вольностей, сколько дарованіемъ правъ и вольностей другимъ. Уравненіе неизбѣжное все-таки совершилось естественнымъ ходомъ развитія.

Мирный же характеръ этого уравненія произошелъ опять-таки отъ силы и прочности нашего родоваго наслѣдственнаго Царизма, отъ того прекраснаго, такъ сказать, историческаго воспитанія которое онъ намъ далъ; ибо въ созиданіи его соединились три могущественныхъ начала: Римскій Кесаризмъ, Христіанская дисциплина (ученіе покорности властямъ) и сосредоточившее всю силу свою на Царскомъ родѣ родовое начало наше, столь слабое (сравнительно) и въ семьѣ, и въ дворянствѣ нашемъ и, можетъ быть, въ самой общинѣ нашей *).

Съ самаго начала исторіи нашей мы видимъ странныя комбинаціи реальныхъ общественныхъ силъ, вовсе непохожія ни на Римско-Эллинскія, ни на Византійскія, ни на Европейскія. Удѣльная система наша соотвѣтствуетъ, съ одной стороны (если смотрѣть аналогически на начало всѣхъ Государствъ, извѣстныхъ исторіи), той первоначальной, простой по быту и понятіямъ, отличной отъ народа аристократіи, которую мы встрѣчаемъ при зарожденіи всѣхъ Государствъ, грубымъ Патриціямъ перваго Рима (и, вѣроятно, чему-нибудь подобному и у другихъ Итальянскихъ народовъ), Германскому первоначальному рыцарству и т. д.

Подвижность относительно мѣста, неподвижность и крѣпость относительно рода, перевѣсъ родоваго начала и надъ личнымъ и надъ избирательно-муниципальнымъ, которое представлялось народнымъ вѣчемъ городовъ.

Такова была наша удѣльная система, если ее разсматривать какъ первобытную аристократію. Она таила въ себѣ, однако, глубокія монархическія свойства, именно потому, вѣроятно, что внѣ одного рода Рюрика, внезапно столь размноженнаго, не было никакой другой сильной и организованной аристократіи. Самыя вѣчевыя конституціи наши

*) Юго-Славянскія сельскія задруги имѣли гораздо болѣе семейный характеръ, чѣмъ наша община; въ Юго-Славянскихъ задругахъ замѣтнѣе родовой принципъ; въ нашихъ мірахъ—какъ бы государственный, общинный.

Вообще у Юго-Славянъ и у Грековъ два начала, семейно-патріархальное и юридическо-муниципальное, больше какъ-то бросаются въ глаза, чѣмъ у насъ.

Еще прибавлю: на какихъ идеалахъ, на семейныхъ ли собственно, или на религіозныхъ, сосредоточилась поэтическая дѣятельность нашего простаго народа? У Малороссовъ, у Грековъ, у Сербовъ, у Болгаръ, нѣтъ мистическихъ стихотвореній, а Великороссы простаго званія (у Раскольниковъ) весьма богаты мистическими стихотвореніями.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

были, вѣроятно, такъ эгалитарны по духу своему, что ихъ отпоръ централизующей власти не могъ быть силенъ, какъ только все-Боярство выразило вполнѣ ясно и разъ навсегда, что оно и не феодально (не слишкомъ лично), и не муниципально, а служебно и все-государственно. Аристократія наша приняла, наконецъ, чиновный характеръ; чиновничество же, съ своей стороны,—родовой, наслѣдственный. Служба давала наслѣдственныя права. Изгнанное исторіей изъ дворянства, изъ аристократіи начало рода разлилось по различнымъ другимъ составнымъ частямъ общества, проникло въ купеческое сословіе *) и придало духовенству не бывшій въ Византіи *наслѣдственный левитизмъ*.

Подъ вліяніемъ внѣшнихъ враговъ и подъ вліяніемъ дружественнаго Византизма кровная удѣльная аристократія пала и перешла, вмѣстѣ съ новыми родами, въ это простое служилое дворянство. При всѣхъ этихъ передвиженіяхъ и переходахъ, жизнь Россіи разнообразилась, развивалась; крѣпъ Царизмъ центральный, воспитанный Византизмомъ, и Русь все росла и все умнѣла.

И такъ у насъ были всегда слабѣе, чѣмъ у многихъ другихъ, муниципальное начало, родовое, наслѣдственно-аристократическое и даже семейное, какъ я старался это показать.

Сильны, могучи у насъ только три вещи: Византійское Православіе, родовое и безграничное Самодержавіе наше и, можетъ быть, нашъ сельскій поземельный міръ (Такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ многіе о нашей общинѣ; такъ думаютъ наши охранители Православія и Самодержавія, Славянофилы, и, съ другой стороны, человѣкъ совершенно противоположный имъ, соціалистъ Испанскій, Эмиль Кастеларъ. Объ общинѣ я разсуждать здѣсь не буду; цѣль моя иная).

Я хочу сказать, что Царизмъ нашъ, столь для насъ плодотворный и спасительный, окрѣпъ подъ вліяніемъ Православія, подъ вліяніемъ Византійскихъ идей, Византійской культуры.

Византійскія идеи и чувства сплотили въ одно тѣло полудикую Русь. Византизмъ далъ намъ силу перенести Татарскій погромъ и долгое данничество. Византійскій образъ Спаса осѣнялъ на Великокняжескомъ знамени вѣрующія войска Димитрія на томъ бранномъ полѣ, гдѣ мы впервые показали Татарамъ, что Русь Московская уже не прежняя, раздробленная, растерзанная Русь!

Византизмъ далъ намъ всю силу нашу въ борьбѣ съ Польшей, со Шведами, съ Франціей и съ Турціей. Подъ его знаменемъ, если мы будемъ ему вѣрны, мы, конечно, будемъ въ силахъ выдержать натискъ и цѣлой интернаціональной Европы, еслибы она, разрушивши у себя все благородное, осмѣлилась когда-нибудь и намъ предписать гниль и смрадъ своихъ новыхъ законовъ о мелкомъ земномъ всеблаженствѣ, о земной радикальной всепошлости!

*) *Законы о состояніяхъ; сынъ почетнаго гражданина* и т. п.

Bayerische Staatsbibliothek München

Г. Костомаровъ, несомнѣнно талантливый Малороссъ, но кто же считаетъ его особенно пристрастнымъ къ Великоруссизму? Однако, стоитъ раскрыть его „Исторію Смутнаго Времени“ (не знаю, вѣрно ли я помню заглавіе этой книги) чтобы убѣдиться, до чего важенъ для насъ Византизмъ съ тѣмъ двойственнымъ характеромъ *Церкви* и *родоваго Самодержавія*, съ которымъ онъ утвердился на Руси. Поляки были въ Москвѣ; Царя или вовсе не было, или являлось нѣсколько Самозванцевъ въ разныхъ мѣстахъ, одинъ за другимъ. Войска были вездѣ разбиты. Бояре измѣняли, колебались, или были безсильны и безмолвны; въ самыхъ сельскихъ общинахъ царствовалъ глубокій раздоръ. Но стоило только Поляку войти въ шапкѣ въ церковь или оказать малѣйшее неуваженіе къ Православію, какъ немедленно распалялся Русскій патріотизмъ до страсти. „Одно Православіе объединяло тогда Русскихъ“, говоритъ г. Костомаровъ.

Церковное же чувство и покорность властямъ (Византійская выправка) спасли насъ и въ 12 году. Извѣстно, что многіе крестьяне наши (конечно, не всѣ, а застигнутые врасплохъ нашествіемъ) обрѣли въ себѣ мало чисто-національнаго чувства въ первую минуту. Они грабили помѣщичьи усадьбы, бунтовали противъ дворянъ, брали отъ Французовъ деньги. Духовенство, дворянство и купечество вели себя иначе. Но какъ только увидали люди, что Французы обдираютъ иконы и ставятъ въ нашихъ храмахъ лошадей, такъ народъ ожесточился, и все приняло иной оборотъ.

Къ тому же, и власти второстепенныя были тогда иныя: онѣ умѣли, не задумываясь, обуздывать неразумныя увлеченія.

А чему же служили эти власти, какъ не тому же полу-Византійскому Царизму нашему? Чѣмъ эти низшія власти были воспитаны и выдержаны, какъ не долгой Іерархической дисциплиной этой полу-Византійской Руси? Что, какъ не Православіе, скрѣпило насъ съ Малороссіей? Остальное все у Малороссовъ, въ преданіяхъ, въ воспитаніи историческомъ, было вовсе иное, на Московію мало похожее.

Что, какъ не сохраненіе въ Христіанствѣ Восточно-Византійскаго оттѣнка народомъ Бѣлой и Южной Руси дало намъ ту вещественную силу и то внутреннее чувство права, которыя рѣшили въ послѣдній разъ участь Польскаго вопроса?

Развѣ не Византизмъ опредѣлилъ нашу роль въ великихъ, по всемірному значенію, Восточныхъ дѣлахъ?

Даже Расколъ нашъ Великорусскій носитъ на себѣ печать глубокаго Византизма. За мнимую порчу этого Византійскаго Православія осердилась часть народа на Церковь и Правительство, за новшества, за прогрессъ. Раскольники наши считаютъ себя болѣе Византійцами, чѣмъ членовъ господствующей Церкви. И, сверхъ того (какъ явствуетъ изъ сознанія всѣхъ людей, изучавшихъ толково Расколъ нашъ), Рас-

кольники не признаютъ за собою права политическаго бунта; знакомые довольно близко съ Церковной старой Словесностью, они въ ней, въ этой Византійской Словесности, находятъ постоянно ученіе о строгой покорности предержащимъ властямъ. Лучше, *нагляднѣе* всѣхъ объ этомъ писалъ Вас. Кельсіевъ. Я самъ, подобно ему, жилъ на Дунаѣ и убѣдился, что онъ отлично понялъ это дѣло.

Если исключить изъ числа нашихъ разнообразныхъ сектантовъ малочисленныхъ Молоканъ и Духоборцевъ, въ которыхъ уже почти ничего Византійскаго не осталось, то главныя отрасли нестарообрядческаго раскола окажутся мистики: Хлысты и Скопцы.

Но и они не вполнѣ разрываютъ съ Православіемъ. Они даже большею частію чтутъ его, считая себя только передовыми людьми Вѣры, Иллюминатами, вдохновенными. Они вовсе не Протестанты. (Дервиши почти въ томъ же духѣ относятся къ Мусульманству; они не совсѣмъ оторванные сектанты; они, т.-е. дервиши, кажется, что-то среднее между нашими мистиками—Христовыми и Божьими Людьми—и нашими Православными отшельниками).

Византійскій духъ, Византійскія начала и вліянія, какъ сложная ткань нервной системы, проникаютъ насквозь весь Великорусскій общественный организмъ.

Даже всѣ почти большіе бунты наши никогда не имѣли ни Протестантскаго, ни либерально-демократическаго характера, а носили на себѣ своеобразную печать лже-легитизма, т.-е. того же родоваго и религіознаго монархическаго начала, которое создало все наше Государственное величіе.

Бунтъ Стеньки Разина не устоялъ, какъ только его люди убѣдились, что Государь несогласенъ съ ихъ Атаманомъ. Къ тому же, Разинъ постоянно старался показать, что онъ воюетъ не противу Крови Царской, а только противу Бояръ и согласнаго съ ними Духовенства.

Пугачовъ былъ умнѣе, чтобы бороться противъ Правительства Екатерины, котораго сила была несравненно больше силъ до-Петровской Руси; онъ обманулъ народъ, онъ воспользовался тѣмъ легитимизмомъ Великорусскимъ, о которомъ я говорилъ.

Нѣчто подобное же хотѣли пустить въ ходъ и наши молодые Европейскіе Якобинцы 20 годовъ.

Увѣряютъ многіе, что на подобныхъ же монархическихъ недоразумѣніяхъ держатся и теперь еще политическіе взгляды нѣкоторыхъ сектантовъ.

Что же хотѣлъ я этимъ сказать? Монархическое начало является у насъ единственнымъ организующимъ началомъ, главнымъ орудіемъ дисциплины, и это же самое начало служитъ знаменемъ бунтамъ? Да! Это такъ, и это еще невелико несчастіе. Безъ великихъ волненій не можетъ прожить ни одинъ великій народъ. Но есть разныя волненія.

Есть волненія *во время*, раннія, и есть волненія *не во время*, позднія. Раннія способствуютъ созиданію, позднія ускоряютъ гибель народа и Государства. Послѣ волненій плебеевъ Римъ вступилъ въ свой героическій періодъ; послѣ преторіанскихъ вспышекъ и послѣ *мирнаго движенія Христіанъ* Римъ разрушился.

Протестантская *ранняя* революція Англіи создала ея величіе, укрѣпила ея аристократическую конституцію. А Якобинская *поздняя* революція Французовъ стала залогомъ ихъ паденія.

Послѣ 30-лѣтняго религіознаго междоусобія въ Германіи явились Фридрихъ II, Гёте, Шиллеръ, Гумбольдтъ и т. д., а послѣ ничтожной и даже смѣшной борьбы 48 года,—Бюхнеры, Бюхнеры и Бюхнеры! (Развѣ это не упадокъ?) Что касается до геніальнаго Бисмарка, еще неизвѣстно, что онъ такое для Германіи, дѣйствительный ли возродитель, или одно изъ тѣхъ шумныхъ и блестящихъ лицъ, которыя являются всегда у народовъ наканунѣ ихъ паденія, чтобы собрать воедино и израсходовать навсегда всѣ послѣднія запасныя силы общества. Мнѣ кажется, вопросъ можетъ быть спорнымъ только на какую-нибудь четверть вѣка, т.-е., можно спрашивать себя, что такое эпоха Бисмарка? Эпоха Наполеона I, или Наполеона III? *Послѣднее, я думаю, вѣрнѣе.*

Германія не моложе Франціи, ни по годамъ, ни по духу, ни по строю; если же Пруссія была моложе, то гдѣ-жь теперь эта Пруссія?

До сихъ поръ всѣ наши волненія пришлись во время и съ ними именно потому и можно было справиться, что въ душахъ бунтующихъ были глубокія консервативныя начала, потому что всѣ наши бунты имѣли болѣе или менѣе самозваннический или мнимо-легитимный характеръ.

Это разъ. А съ другой стороны, тутъ и неестественнаго ничего нѣтъ. Если какое-нибудь начало такъ сильно, какъ у насъ Монархическое, если это начало такъ глубоко проникаетъ всю національную жизнь, то понятно, что оно должно, такъ сказать, разнообразно извиваться, изворачиваться и даже извращаться иногда, подъ вліяніемъ разнородныхъ и переходящихъ условій.

Русскіе Самозваническіе бунты наши доказываютъ только необычайную жизненность и силу нашего родоваго Царизма, столь тѣсно и неразрывно связаннаго съ Византійскимъ Православіемъ.

Я осмѣлюсь даже, не колеблясь, сказать, что никакое Польское возстаніе и никакая Пугачовщина не могутъ повредить Россіи такъ, какъ могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституція.

О демократическихъ конституціяхъ я скажу подробнѣе позднѣе; здѣсь же остановлюсь еще немного на Мусульманахъ.

Любопытно, что съ тѣхъ поръ, какъ Мусульмане въ Турціи ближе ознакомились и съ Западомъ, и съ нами, мы, Русскіе, несмотря настолько войнъ и на старый политическій антагонизмъ нашъ съ Турціей, больше нравимся многимъ Туркамъ и личнымъ и государственнымъ характеромъ нашимъ, чѣмъ Западные Европейцы. Церковный характеръ нашей Имперіи внушаетъ имъ уваженіе; они находятъ въ этой чертѣ много сходнаго съ религіознымъ характеромъ ихъ собственной народности. Наша дисциплина, наша почтительность и покорность плѣняютъ ихъ; они говорятъ, что это наша сила, завидуютъ намъ и указываютъ другъ другу на насъ, какъ на добрый примѣръ. Если бы завтра Турецкое Правительство ушло съ Босфора, а Турки бы ушли не всѣ за нимъ съ Балканскаго полуострова, то, конечно, они всегда бы надѣялись на насъ, какъ на защитниковъ противъ тѣхъ неизбѣжныхъ притѣсненій и оскорбленій, которымъ бы подвергались они отъ вчерашнихъ рабовъ своихъ, Юго-Славянъ и Грековъ, вообще довольно жестокихъ и грубыхъ.

Турки и теперь, по личному вкусу, предпочитаютъ насъ и Болгарамъ, и Сербамъ, и Грекамъ. Чиновники наши на Востокѣ, монахи Аѳонскіе и Раскольники Дунайскіе (Турецкіе подданные), вообще Туркамъ нравятся больше чѣмъ Европейцы Западные и чѣмъ, подвластные имъ, Славяне и Греки.

Здѣсь нѣтъ мнѣ больше мѣста, но гдѣ-нибудь, въ другой разъ, я опишу подробно любопытные разговоры, которые я очень недавно имѣлъ объ Россіи съ однимъ Пашею, знавшимъ довольно хорошо Русскихъ, и еще съ двумя простыми, но умными, Мало-Азіатскими Старообрядцами. Эти послѣдніе удивлялись Нечаевскому дѣлу и съ негодованіемъ говорили мнѣ о тѣхъ людяхъ, которые хотѣли бы въ Россіи Республику сдѣлать.

„Помилуйте!“ сказали они мнѣ, съ силой во взглядѣ и голосѣ. „Да это всѣ должны за Царя встать. Мы вотъ и въ Турціи живемъ, а и намъ скверно объ этомъ слышать“.

Два пріѣзжихъ изъ Россіи монаха были при этомъ.

— „Удивительно, сказали они, что съ этими молодыми господами двое, никакъ изъ мѣщанъ, студенты попались. Другое дѣло, если господскіе дѣти сердятся на Государя за освобожденіе крестьянъ. А этимъ-то что!“ Я изъ *политическаго* чувства не сталъ ихъ увѣрять, что между „господами“ и „нигилистами“ нѣтъ ничего общаго. Это *недоразумѣніе* тѣмъ спасительно, что *мѣшаетъ сближенію анархистовъ съ народомъ).*

Что касается до умнаго Паши, то онъ, прочтя Гоголя во Французскомъ переводѣ, хотя и смѣялся много, но потомъ важно сталъ развивать ту мысль, что у всѣхъ этихъ комическихъ героевъ Гоголя одно хорошо и очень важно. Это ихъ почтеніе къ высшимъ, по чину

и званію, къ начальству и т. п. „Ваше Государство очень сильно, прибавилъ онъ. Если Чичиковъ таковъ, что же должны быть умные и хорошіе люди?“

— „Хорошіе люди, Паша мой, отвѣчалъ я, нерѣдко бываютъ хуже худыхъ. Это иногда случается. Личная честность, вполнѣ свободная, самоопредѣляющаяся нравственность могутъ *лично же* и нравиться и внушать уваженіе, но въ этихъ непрочныхъ вещахъ *нѣтъ ничего политическаго, организующаго.* Очень хорошіе люди иногда ужасно вредятъ Государству, если политическое воспитаніе ихъ ложно, и Чичиковы, и Городничіе Гоголя несравненно иногда полезнѣе ихъ для цѣлаго („pour l'ensemble politique“, сказалъ я“).“

Паша согласился. Онъ говорилъ мнѣ много еще поучительнаго и умнаго о Русскихъ, о Раскольникахъ, о Малороссахъ, которыхъ онъ звалъ: „Ces bons Hohols. Je les connais bien les Hohols“, говорилъ онъ; „mais les Lipovanes *) Russes sont encore mieux. Ils me plaisent davantage. Они отличные граждане, гораздо лучше Грековъ и Болгаръ; и Малороссы, и Липоване ваши заботятся лишь о Религіи своей. А у Грековъ и у Болгаръ только одно на умѣ обезьянство политическое, конституція и т. п. вздоръ. Вѣрьте мнѣ,—*Россія будетъ до тѣхъ поръ сильна, пока у васъ нѣтъ конституціи.* Я боюсь Россіи, не скрою этого отъ васъ и, съ точки *зрѣнія моего Турецкаго патріотизма, отъ всего сердца желалъ бы, чтобы у васъ сдѣлали конституцію. Но боюсь, что у васъ Государственные люди всегда какъ-то очень умны.* Пожалуй, никогда не будетъ конституціи, и это для насъ, Турокъ, довольно страшно!“

Ко мнѣнію Паши и Мало-Азійскихъ Раскольниковъ прибавлю еще мнѣніе глубокомысленнаго Карлейля о Русскомъ народѣ:

„Что касается до меня (писалъ онъ Герцену), я признаюсь, что никогда не считалъ, а теперь (если это возможно) еще меньше, чѣмъ прежде, считаю благомъ всеобщую подачу голосовъ во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. Если она можетъ принести что-нибудь хорошее, то это такъ, какъ воспаленія въ нѣкоторыхъ смертныхъ болѣзняхъ. Я несравненно больше предпочитаю самый Царизмъ или даже великій Туркизмъ чистой анархіи (а я ее такой, по несчастію, считаю), развитой Парламентскимъ краснорѣчіемъ, свободой книгопечатанія и счетомъ голосовъ. Вашу обширную родину (т.-е. Россію) я всегда уважалъ, какъ какое-то огромное, темное, неразгаданное дитя Провидѣнія, котораго внутренній смыслъ еще неизвѣстенъ, но который очевидно не исполненъ въ наше время; она имѣетъ талантъ, въ которомъ она первенствуетъ и который даетъ ей мощь, далеко превышающую другія страны, талантъ, необходимый всѣмъ націямъ, всѣмъ суще-

*) Старообрядцы.

ствамъ и безпощадно требуемый отъ нихъ всѣхъ, подъ опасеніемъ наказаній,—талантъ повиновенія, который въ другихъ мѣстахъ вышелъ изъ моды, особенно теперь!“

И не только покорность, но и другія высокія и добрыя чувства выработались въ народѣ нашемъ отъ долгой дисциплины, подъ которой онъ жилъ.

Недавно я случайно встрѣтилъ въ одномъ Православномъ журналѣ слѣдующее замѣчаніе:

„При рѣшительномъ отсутствіи всякой свободы и самобытности въ жизни гражданской и общественной, нашему простолюдину естественно было пытаться вознаградить себя самобытностью въ жизни духовной, самодѣятельностью въ области мысли и чувства“ („Христіанское Чтеніе“, „О Русскомъ простонародномъ мистицизмѣ“, Н. И. Барсова).

Правда, это привело къ расколамъ и ересямъ, но за то привело, съ одной стороны, *къ поэтическому творчеству*, а съ другой—*къ равнодушію въ политическихъ внутреннихъ вопросахъ, къ высокой слабости* демагогическаго духа, именно къ тому, чего хотѣло всегда Христіанство: „Царство мое не отъ міра сего“.

Такое направленіе равно полезно и для практической мудрости народовъ въ политикѣ, и для развитія поэтическихъ наклонностей. Практическая мудрость народа состоитъ именно въ томъ, чтобы не искать политической власти, чтобы какъ можно менѣе мѣшаться въ общегосударственныя дѣла. Чѣмъ ограниченнѣе кругъ людей, мѣшающихся въ политику, тѣмъ эта политика тверже, толковѣе, тѣмъ самые люди даже всегда пріятнѣе, умнѣе.

Однимъ словомъ, съ какой бы стороны мы ни взглянули на Великорусскую жизнь и Государство, мы увидимъ, что Византизмъ, т.-е. Церковь и Царь, прямо или косвенно, но во всякомъ случаѣ глубоко проникаютъ въ самыя нѣдра нашего общественнаго организма.

Сила наша, дисциплина, исторія просвѣщенія, поэзія, однимъ словомъ, все живое у насъ сопряжено органически съ родовой Монархіей нашей, освященной Православіемъ, котораго мы естественные наслѣдники и представители во вселенной.

Византизмъ организовалъ насъ, система Византійскихъ идей создала величіе наше, сопрягаясь съ нашими патріархальными, простыми началами, съ нашимъ, еще старымъ и грубымъ въ началѣ, Славянскимъ матеріаломъ.

Измѣняя, *даже въ тайныхъ помыслахъ нашихъ*, этому Византизму, мы погубимъ Россію. Ибо тайные помыслы, рано или поздно, могутъ найти себѣ случай для практическаго выраженія.

Увлекаясь то какой-то холодной и обманчивой тѣнью скучнаго, презрѣннаго всемірнаго блага, то одними племенными односторонними чувствами, мы можемъ неисцѣлимо и преждевременно разстроить орга-

низмъ нашего Царства, могучій, но все-таки же способный, какъ и все на свѣтѣ, къ болѣзни и даже разложенію, хотя бы и медленному.

Идея всечеловѣческаго блага, религія всеобщей пользы,—самая холодная, прозаическая и вдобавокъ самая невѣроятная, неосновательная изъ всѣхъ религій.

Во всѣхъ положительныхъ религіяхъ, кромѣ огромной поэзіи ихъ, кромѣ ихъ необычайно организующей мощи, есть еще нѣчто *реальное*, осязательное. *Въ идеѣ всеобщаго блага реальнаго нѣтъ ничего* Во всѣхъ мистическихъ религіяхъ люди согласны, по крайней мѣрѣ, въ исходномъ принципѣ: „Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель"; „Римъ вѣчный священный городъ Марса"; „Папа непогрѣшимъ ex cathedra"; „Одинъ Богъ, и Магометъ Пророкъ его" и т. д.

А *общее благо*, если только начать о немъ думать (чего, обыкновенно, говоря о благѣ и пользѣ, въ наше время и не дѣлаютъ), что въ немъ окажется реальнаго, *возможнаго*?

Это самое сухое, ни къ чему хорошему, даже ни къ чему осязательному, не ведущее отвлеченіе, и больше ничего. Одинъ находитъ, что общее благо есть страдать и отдыхать поперемѣнно и потомъ молиться Богу; другой находитъ, что общее благо это—то работать, то наслаждаться, всегда и ничему не вѣрить идаальному; а третій—только наслаждаться всегда и т. д.

Какъ это примирить, чтобы всѣмъ намъ было полезно (т.-е. пріятно-полезно, а не поучительно-полезно)?

Если космополитизмъ и всеобщая польза есть ничто иное какъ фраза, уже начинающая въ наше время наводить скуку и внушать презрѣніе, то про племенное чувство нельзя того же сказать.

Однообразно настроенное и блаженное человѣчество—это призракъ, и вовсе даже некрасивый и непривлекательный, но племя, разумѣется,—явленіе очень реальное. Поэтому племенныя чувства и сочувствія кажутся сразу довольно естественными и понятными. Но и въ нихъ много необдуманности, моднаго суевѣрія и фразы.

Что такое племя безъ системы своихъ религіозныхъ и государственныхъ идей? За что его любить? За кровь? Но кровь, вѣдь, съ одной стороны ни у кого не чиста, и Богъ знаетъ, какую кровь иногда любишь, полагая, что любишь свою, близкую. И что такое чистая кровь? Безплодіе духовное! Всѣ великія націи очень смѣшанной крови.

Языкъ? Но языкъ что такое? Языкъ дорогъ особенно какъ выраженіе родственныхъ и дорогихъ намъ идей и чувствъ. *Анти-европейскія* блестящія выходки Герцена, читаемыя *на французскомъ языкѣ*, производятъ болѣе *русское* впечатлѣніе, чѣмъ по-русски написанныя статьи *Голоса* и т. п.

Любить племя за племя—натяжка и ложь. Другое дѣло, если племя родственное хоть въ чемъ нибудь согласно съ нашими особыми идеями, съ нашими коренными чувствами.

Идея же національностей въ томъ видѣ, въ какомъ ее ввелъ въ политику Наполеонъ III, въ ея нынѣшнемъ модномъ видѣ, есть ничто иное, какъ тотъ же *либеральный демократизмъ*, который давно уже трудится надъ разрушеніемъ великихъ культурныхъ міровъ Запада.

Равенство лицъ, равенство сословій, равенство (т.-е. однообразіе), провинцій, *равенство націй*,—это все одинъ и тотъ же процессъ; въ сущности, все то же всеобщее равенство, всеобщая свобода, всеобщая пріятная польза, всеобщее благо, всеобщая анархія, либо всеобщая мирная скука.

Идея національностей чисто племенныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ XIX вѣкѣ, есть идея, въ сущности, вполнѣ космополитическая, анти-государственная, противу-религіозная, имѣющая въ себѣ много разрушительной силы и ничего созидающаго, націй *культурой* не обособляющая; ибо культура есть ничто иное, какъ своеобразіе *); а своеобразіе нынѣ почти вездѣ гибнетъ преимущественно отъ политической свободы. *Индивидуализмъ* губитъ *индивидуальность* людей, областей и націй.

Франція погубила себя окончательно этимъ принципомъ; подождемъ хоть немножко еще, что станется съ Германіей! Ея поздніе лавры еще очень зелены, а организмъ едва ли моложе Французскаго.

Кто радикалъ отъявленный, то-есть разрушитель, тотъ пусть любитъ чистую племенную національную идею; ибо она есть лишь частное видоизмѣненіе космополитической, разрушительной идеи.

Но тотъ, кто не радикалъ, тотъ пусть подумаетъ хоть немного о томъ, что я сказалъ.

ГЛАВА III.

Что такое Славизмъ.

Отвѣта нѣтъ!

Напрасно мы будемъ искать какія-нибудь ясныя, рѣзкія черты, какія-нибудь опредѣленныя и яркія историческія свойства, которыя были бы общи всѣмъ Славянамъ.

Славизмъ можно понимать только какъ племенное этнографическое отвлеченіе, какъ идею общей крови (хотя и не совсѣмъ чистой) и сходныхъ языковъ.

Идея Славизма не представляетъ отвлеченія историческаго, т.-е. такого, подъ которымъ бы разумѣлись, какъ въ квинтъ-эссенціи, всѣ отличительные признаки религіозные, юридическіе, бытовые, художественные, составляющіе, въ совокупности своей, полную и живую историческую картину извѣстной культуры.

*) *Китаецъ* и *Турокъ* поэтому конечно *культурнѣе* Бельгійца и Швейцарца!

Скажите: Китаизмъ, Китайская культура всякому, болѣе или менѣе ясно.

Скажите: Европеизмъ, и, несмотря на всю сложность Западно-Европейской исторіи, есть нѣкоторыя черты, общія всѣмъ эпохамъ, всѣмъ Государствамъ Запада,—черты, которыхъ совокупность можетъ послужить для исторической классификаціи, для опредѣленія, чѣмъ именно Романо-Германская культура, взятая во всецѣлости, отличалась и отличается теперь отъ всѣхъ другихъ, погибшихъ и существующихъ, культуръ, отъ Японо-Китайской, отъ Исламизма, Древне-Египетской; Халдейской, Персидской, Эллинской, Римской и Византійской.

Частныя цивилизаціи: Англо-Саксонскую, Испанскую, Итальянскую, Германскую также не трудно опредѣлить въ совокупности ихъ отличительныхъ признаковъ. У каждой изъ этихъ частныхъ цивилизацій была одна общая литература, одна государственная форма выяснилась при началѣ ихъ цвѣтенія, одна какая-нибудь религія (Католическая или Протестантская) была тѣсто связана съ ихъ историческими судьбами; школа живописи, архитектурные стили, музыкальныя мелодіи, философское направленіе были у каждой свои, болѣе или менѣе выработанныя, ясныя, наглядныя, доступныя изученію.

Такимъ образомъ не только Германизмъ, Англо-Саксонство, Французская культура, Старо-Испанская, Итальянская культура временъ Данта, Льва X-го, Рафаеля и т. д., не только, я говорю, эти отвлеченныя идеи частныхъ Западныхъ культуръ соотвѣтствуютъ яснымъ историческимъ картинамъ, но и болѣе общая идея Европеизма, противопоставленная Византизму, Эллинизму, Риму, и т. д., кажется отъ подобнаго сравненія ясной и опредѣленной.

Такъ, напр., если бы на всю Европу, съ прошедшимъ ея и настоящимъ, смотрѣлъ какой-нибудь вполнѣ безпристрастный и наиболѣе развитой человѣкъ *не Христіанскаго исповѣданія*, онъ бы сказалъ себѣ, что нигдѣ онъ не видалъ еще такого сильнаго развитія власти духовной (а вслѣдствіе того и политическаго вліянія), какъ *у одного старшаго жреца*, *живущаго въ одномъ изъ южныхъ городовъ*; нигдѣ прежде не видѣлъ бы онъ, быть можетъ, такой пламенной, *одушевленной религіозности у Царей и народовъ*, нигдѣ такого нѣжнаго, кружевнаго, величественнаго и восторженнаго, такъ сказать, стиля въ постройкѣ храмовъ, нигдѣ не видалъ бы онъ такого высокаго, преувеличеннаго даже понятія о достоинствѣ личности человѣческой, о личной чести, о самоуправляющейся нравственности, сперва въ одномъ сословіи, а потомъ и въ другихъ, нигдѣ такого уваженія и такой любезности *къ женщинамъ* и т. д.

Потомъ увидалъ бы онъ атеизмъ, какого еще нигдѣ не бывало, демагогію страшнѣе Аѳинской демагогіи, *гоненія* повсемѣстныя *на*

прежде столь священнаго жреца, увидѣлъ бы, небывалыя нигдѣ дотолѣ, открытія реальной науки, машины и т. д.

И такъ, даже и столь общая идея Европеизма ясна и соотвѣтствуетъ одной, такъ сказать, органически связной исторической картинѣ.

Гдѣ же подобная ясная, общая идея Славизма? Гдѣ соотвѣтственная этой идеи яркая и живая историческая картина?

Отдѣльныя историческія картины Славянскихъ Государствъ довольно ясны (хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ все-таки менѣе ярки и богаты своеобразнымъ содержаніемъ, чѣмъ отдѣльныя историческія картины Франціи, Германіи, Англіи, Испаніи); но гдѣ же общая связь этихъ отдѣльныхъ, положимъ и живыхъ, при *близкомъ разсмотрѣніи*, картинъ? Она теряется въ баснословныхъ временахъ Гостомысловъ, Пястовъ, Аспаруховъ, Любушей и т. д.

Исторіи Древне-Болгарскаго и Древне-Сербскаго Царствъ очень безцвѣтны и ничего особеннаго, рѣзко характернаго, Славянскаго не представляютъ: онѣ очень скоро вошли въ потокъ Византійской культуры, „не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда"; а съ паденіемъ Византійскаго Государства пресѣклась и ихъ недозрѣлая до своеобразно-культурнаго періода Государственная жизнь.

Чехи? Чехи? О Чехахъ говорить у насъ очень трудно. У насъ принято за правило говорить имъ всякаго рода лестныя вещи *); писатели наши считаютъ долгомъ ставить Чеховъ непремѣнно выше Русскихъ. Почему? Я не знаю. Потому ли, что народъ ихъ грамотнѣе нашего; потому ли, что у нихъ когда-то были благородный Гусъ и страшный Жижка, а теперь есть только „чéстные" и „учéные" Ригеръ и Палацкій?

Конечно, Чехи—братья намъ; они полезны, не говорю, Славизму (ибо, какъ я сказалъ, Славизма нѣтъ), а Славянству, т. е. племенной совокупности Славянъ; они полезны какъ передовая баттарея Славянства, принимающая на себя первые удары Германизма.

Но, съ точки зрѣнія вышеприведенныхъ культурныхъ отличій, нельзя ли Чеховъ вообще назвать прекраснымъ орудіемъ Нѣмецкой фабрики, которое Славяне отбили у Нѣмцевъ, выкрасили чуть-чуть другимъ цвѣтомъ и повернули противъ Германіи?

Нельзя ли ихъ назвать, въ отношеніи ихъ быта, привычекъ, даже нравственныхъ свойствъ, въ отношеніи ихъ внутренняго, юридическаго, воспитанія Нѣмцами, переведенными на Славянскій языкъ?

Если они братья, то зачѣмъ же съ братьями эта вѣчная дипломатія, это гуманное церемонимейстерство, которое мѣшаетъ называть

*) Теперь, слава Богу, не такъ ужь! (1884 г.).

вещи по имени? У нынѣшнихъ Чеховъ есть, пожалуй, самобытность, но вовсе нѣтъ своеобразія. Высшая ученость, напр., есть большая сила, но ужь, конечно, эта сила не исключительно Славянская, она могла только способствовать *къ изученію*, къ пониманію Древне-Славянскихъ, хоть сколько-нибудь своебразныхъ началъ; но отъ пониманія прошедшаго и преходящаго до творчества въ настоящемъ и даже до прочнаго охраненія еще цѣлая бездна безсилія. Грамотность простаго народа многіе считаютъ необычайнымъ и несомнѣннымъ благомъ; но, вѣдь, нельзя же сказать, что это благо есть открытіе Славянъ или что пріобрѣтеніе его Славянамъ доступно болѣе, чѣмъ другимъ народамъ и племенамъ? „Краледворская Рукопись“, „Судъ Любуши“ и т. п. прекрасныя вещи, но эти археологическія драгоцѣнности мало приложимы теперь къ странѣ, въ которой уже давно тѣсно, которая обработана по-Европейски, гдѣ, за отсутствіемъ родовой аристократіи (она, какъ извѣстно, онѣмечилась, хотя и существуетъ), духомъ страны правитъ вполнѣ и до крайности современно, по-Западному правитъ ученая буржуазія. Гдѣ-же Любушѣ найти себѣ тутъ живое мѣсто?

Даже нравственными, личными свойствами своими Чехъ очень напоминаетъ Нѣмца, быть можетъ, съ нѣсколько Южно-Германскимъ, болѣе пріятнымъ оттѣнкомъ. Онъ скроменъ, стоекъ, терпѣливъ, въ семейной жизни расположенъ къ порядку, музыкантъ *).

Политическая исторія сдѣлала Чеховъ осторожными, искусными въ либеральной дипломатіи. Они вполнѣ по-Европейски мастера собирать митинги, дѣлать демонстраціи во время и не рискуя открытыми возстаніями. Они не хотятъ принадлежать Россіи, но крайне дорожатъ ею для устрашенія Австріи. Однимъ словомъ, все у нихъ какъ-то на мѣстѣ, все въ порядкѣ, все по модному вполнѣ.

Прибавимъ, что они все-таки Католики и воспоминанія о Гусѣ имѣютъ у нихъ, надо же согласиться, болѣе національный, чѣмъ религіозный, характеръ.

Я не говорю, что это все непремѣнно худо или что это все невыгодно для Славянства. Напротивъ того, вѣроятно глубокая германизація не чувствъ и стремленій политическихъ, а ума и быта національнаго, была необходима Чехамъ для политической борьбы противу Германизма.

*) S.-Rene Taillandier, человѣкъ умѣренно либеральный, и потому, естественно, *молящійся*, на, такъ называемый, tiers-état, вездѣ, гдѣ онъ его встрѣчаетъ или чуетъ, къ Чехамъ очень расположенъ и умоляетъ ихъ только быть подальше отъ этой деспотической, Византійской Россіи. „Вы не то, что Поляки съ ихъ возвышенными неосторожностями (imprudences sublimes); вы выработали у себя, благодаря близости Нѣмцевъ, tiers-état; ваши добродѣтели болѣе буржуазны. Зачѣмъ же вамъ необдуманные поступки и слова? Не нужно болѣе поѣздокъ въ Москву?“ говорилъ Чехамъ этотъ Французъ въ 70-мъ году, въ „Revue des deux mondes“. Я съ нимъ впрочемъ согласенъ:—на кой намъ прахъ—эти Чехи!

Вставленной въ Германское море малочисленной Славянской націи нужно было вооружиться jusqu'aux dents всѣми тѣми силами, которыми такъ богато было издавна это Германское море; сохраняя больше Древне-Славянскаго въ бытѣ и умѣ, она, можетъ быть, не устояла бы противъ болѣе зрѣлыхъ и сложныхъ Германскихъ рессурсовъ.

Такъ какъ здѣсь главная рѣчь идетъ не о томъ, что хорошо или что худо, а лишь о томъ, что особенно свойственно Славянамъ, о томъ, что въ нихъ оригинально и характерно, то можно себѣ позволить такого рода разсужденіе: если бы пораженіе Гуситовъ, Бѣлогорская битва и сдача Праги не сокрушили бы чешскую націю и не подчинили ее на столько вѣковъ Католицизму и Нѣмцамъ (т.-е. Европѣ), то, изъ соединенія полу-Православныхъ, полу-Протестантскихъ стремленій Гуситства съ коммунизмомъ Таборитовъ и съ мощью мѣстной аристократіи, могло бы выработаться нѣчто крайне своеобразное и, пожалуй, Славянское, уже потому одному Славянское, что такое оригинальное сочетаніе и примиреніе соціализма съ Византизмомъ и феодальностью не было ни у кого видано дотолѣ.

Но исторія судила иначе, и Чехи, войдя раньше всѣхъ Славянъ и надолго въ общій потокъ Романо-Германской цивилизаціи, раньше всѣхъ другихъ Славянъ пришли къ ученому сознанію племеннаго Славизма, но за то, вѣроятно, меньше всѣхъ другихъ Славянъ сохранили въ себѣ что-либо безсознательно, наивно, реально и прочно существующее Славянское.

Они подобны пожилому мужчинѣ, который утратилъ силы плодотворныя, но не утратилъ мужества и чувства. Они съ восторгомъ создали бы, вѣроятно, что-нибудь свое, если бы могли, если бы одной учености, если бы одного хорошаго знанія началъ и судебъ Славянскихъ было достаточно для творчества, для организаціи.

Но, увы! Ученый Австрійскій Консулъ Ханъ, который, долго обитая въ Эпирѣ, записывалъ тамъ Греко-Албанскія старыя и недавно созданныя эпическія пѣсни Эпиротовъ, самъ не творилъ ихъ! А сочиняютъ ихъ (и теперь еще, кажется, во всей ихъ наивной свѣжести) горные паликары Греки и Арнауты, полуграмотные или безграмотные мужики въ старыхъ фустанеллахъ.

Своеобразное народное творчество (какъ показываетъ намъ вся исторія) происходило совокупными дѣйствіями сознательныхъ умовъ и наивныхъ началъ, данныхъ жизнью: нуждами, страстями, вкусами, привязанностями, даже тѣмъ, что зовутъ обыкновенно невѣжествомъ. Въ этомъ смыслѣ можно позволить себѣ сказать, *что знаніе и незнаніе были* (до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ) *равносильными двигателями историческаго развитія*. Ибо подъ развитіемъ, разумѣется, надо понимать не одну ученость, какъ думаютъ (опять-таки *по незнанію*) многіе, а нѣкій, весьма сложный, процессъ народной жизни, процессъ

въ значительной степени безсознательный и до сихъ поръ еще не ясно постигнутый соціальной наукой. У Чеховъ, повторяю, очень сильно Славянское сознаніе, но гдѣ у нихъ, въ Чехіи и Моравіи, богатство и прочность древнихъ или, напротивъ того, *вовсе новыхъ*, Славянскихъ, Чешскихъ привычекъ, произведеній, вкусовъ и т. д.? Все Европейское! Итакъ я не знаю, кто можетъ отвергнуть то, что я выше сказалъ: Чехія есть орудіе Нѣмецкой работы, обращенное нынѣ Славянами противъ Германизма.

Гдѣ же тутъ славизмъ?

Теперь поговоримъ о Болгарахъ.

Болгары воспитаны Греками въ томъ смыслѣ, въ какомъ Чехи воспитаны Нѣмцами. Вѣра у Болгаръ съ Греками одна, привычки схожи; религіозныя понятія до послѣдняго времени были одинаковы. Въ сельскихъ обычаяхъ, въ повѣрьяхъ, постройкахъ и т. п. есть отличія, но эти отличія, такъ не велики (кромѣ языка), что во многихъ отношеніяхъ между Грекомъ Критскимъ и Грекомъ Эпирскимъ, Грекомъ Кефалонитомъ и Грекомъ Ѳракійскимъ, есть больше разницы бытовой и психической (личной, то есть), чѣмъ между Грекомъ Ѳракійскимъ и Болгариномъ той же страны, или между Грекомъ Македонскимъ и Болгариномъ.

Это я говорю о сельскомъ населеніи, которое еще гораздо рѣзче отличается одно отъ другаго, чѣмъ городское. Тотчасъ же по пріѣздѣ моемъ на Востокъ умѣлъ я по физіономіи, по пріемамъ, по одеждѣ, отличать Ѳракійскаго Грека отъ Эпирота и Грека островитянина, а потомъ и по характеру. Ѳракійскій Грекъ, сравнительно съ островитяниномъ и Эпиротомъ (Албанцемъ), робокъ, остороженъ и тяжелъ, вообще не слишкомъ красивъ, не особенно смуглъ, одѣтъ какъ Болгаринъ. Островитянинъ (Критянинъ, на пр.) изященъ, красивъ, отваженъ, гордъ, тонокъ и вмѣстѣ добродушенъ, ласковъ; онъ и по чувствамъ, не только по виду, романтичнѣе и Ѳракійскаго Грека и Албанца; онъ *морякъ*, наконецъ. Албанецъ, или Эпиротъ, вообще некрасивъ, очень блѣденъ, худъ, но обыкновенно граціозенъ, самолюбивъ и подвиженъ до нельзя, воинственъ; романтизмъ его чисто *военный*; *эротическаго* романтизма у него нѣтъ. Критянинъ влюбляется, Эпиротъ никогда. Народныя пѣсни Крита исполнены эротизма; пѣсни Эпира сухи и строго-воинственны. Вотъ какая разница! Различать же Ѳракійскаго Грека отъ Ѳракійскаго Болгарина, я, сознаюсь, въ 10 лѣтъ не выучился. Кто виноватъ: я, или данныя самыя, не знаю.

Что касается до городскаго населенія, до лавочниковъ, ремесленниковъ, докторовъ, учителей и купцовъ, которые составляютъ, такъ называемую, интеллигенцію и у Грековъ, и у Болгаръ, то между ними нѣтъ никакой разницы. Тѣ же обычаи, тѣ же вкусы, тѣ же качества и тѣ же пороки. Крѣпкая, болѣе или менѣе, строгая семейственность,

удаленіе женщинъ на второй планъ въ обществѣ, во время сборищъ и посѣщеній, религіозность вообще болѣе обрядовая, чѣмъ романтическая и глубоко-сердечная, если она искренна, или просто насильственная, лицемѣрная, для поддержанія національной церкви примѣромъ, чрезвычайное трудолюбіе, терпѣніе, экономія, расположеніе даже къ скупости, почти совершенное отсутствіе рыцарскихъ чувствъ и вообще мало наклонности къ великодушію. Демагогическій и конституціонный духъ воспитанъ и въ Грекахъ и въ Болгарахъ, съ одной стороны безсословностію Турціи (или крайне слабою сословностью, несравненно слабѣе еще Русской сословности выраженной, даже и въ старой Турціи), а съ другой тѣмъ подавленнымъ свободолюбіемъ, которое болѣзненно развивается въ народахъ завоеванныхъ, но не слившихся съ своими побѣдителями. Вообще и у Болгаръ и у Грековъ мы находимъ расположеніе къ такъ называемому, *прогрессу въ дѣлахъ Государственныхъ* и *сильный духъ охраненія во всемъ*, *что касается семьи.*

Выходитъ, что въ политическомъ, Государственномъ отношеніи и Юго-Славяне и Греки своимъ демагогическимъ духомъ больше напоминаютъ Французовъ, а въ семейномъ отношеніи—Германскіе народы; въ этомъ отношеніи городскіе Болгары и Греки, очень схожіе между собою, составляютъ какъ бы антитезу психическую съ Великоруссами, которые въ государственномъ отношеніи до сихъ поръ больше подходили, по здравому смыслу и по духу дисциплины, къ Старо-Германскому генію, а въ домашнихъ дѣлахъ, по пылкости и распущенности, къ Романцамъ, (которымъ большинство изъ насъ и теперь продолжаетъ въ этомъ *отношеніи* сочувствовать, вопреки всѣмъ справедливымъ увѣщаніямъ и урокамъ строго нравственныхъ людей!)

Итакъ, Болгаринъ, психически похожій на самаго солиднаго, терпѣливаго, расчетливаго Нѣмца, и ни чуть не похожій на веселаго, живаго, болѣе распущеннаго, но за то и болѣе добраго, болѣе великодушнаго Великоросса, воспитанъ Греками и по Гречески. Онъ точно также орудіе Греческой работы, какъ Чехъ орудіе Нѣмецкой, и точно также обращенъ противъ Новогрецизма, какъ Чехъ направленъ противу Германизма. Сходство между Чехами и Болгарами есть еще и другое. Чехи Католики, но Католицизмъ у нихъ не представляетъ существеннаго цвѣта на народномъ политическомъ знамени, какъ на пр., у Поляковъ. Онъ имѣетъ пока еще у многихъ лишь силу личныхъ привычекъ совѣсти, онъ имѣетъ силу религіозную, безъ поддержки политической; напротивъ того даже, Католицизмъ въ политическомъ отношеніи связанъ у Чеховъ съ воспоминаніями горькими для національной гордости, съ казнью Гуса, съ Бѣлогорской битвой, съ безпощадными распоряженіями Императора Фердинанда II-го въ 20 годахъ XVII вѣка. Демонстраціи въ честь Гуса, который боролся противу

Католицизма, являются теперь въ Чехіи національными демонстраціями. И у новыхъ Болгаръ, какъ у нынѣшнихъ Чеховъ, религія личной совѣсти населенія несовсѣмъ совпадаетъ съ религіей національнаго интереса. Большинство Болгаръ этого еще, вѣроятно, не чувствуетъ, по незнанію, но вожди знаютъ это.

Подобно тому, какъ Чехи кончили свою средневѣковую жизнь подъ антикатолическими знаменами Протестантства и Гуситизма, и возобновляютъ нынѣшнюю свою жизнь опять подъ знаменемъ послѣдняго, Болгары начинаютъ свою новую исторію борьбой не только противу Грековъ, но и противу Православной Церкви, воспитавшей ихъ націю. Они борятся не только противу *власти греческой* Константинопольской Патріархіи, но и противу нерушимости церковныхъ, весьма существенныхъ узаконеній.

Разсматривая же вопросъ съ Русской точки зрѣнія, мы найдемъ у нихъ съ Чехами ту разницу, что движеніе Чеховъ въ пользу Гуситизма приближаетъ ихъ хотя нѣсколько къ столь дорогому для насъ Византизму Вселенскому, а движеніе Болгаръ можетъ грозить и намъ разрывомъ съ этимъ Византизмомъ, если мы не остережемся во время *).

Конечно, изъ нѣсколькихъ народныхъ праздниковъ въ честь Гуса, изъ нѣсколькихъ личныхъ обращеній въ Православіе, нельзя еще заключать, чтобы Чехи склонялись къ общему переходу въ Церковь Восточную. Мы не имѣемъ права всегда слѣпо вѣровать въ то, что намъ было бы желательно. Другое дѣло желать, другое вѣрить. Но все таки мы видимъ въ этомъ старѣйшемъ по образованности Славянскомъ народѣ, хотя и легкую, а все же благопріятную нашимъ основнымъ началамъ, черту. Мы не лишены правъ надежды, по крайней мѣрѣ.

У Болгаръ же, напротивъ того, мы видимъ черту совершенно противоположную нашимъ Великорусскимъ основамъ. Самый отсталый, самый послѣдній изъ возродившихся Славянскихъ народовъ, является въ этомъ случаѣ самымъ опаснымъ для насъ; ибо только въ его новой исторіи, а не въ Чешской, не въ Польской и не въ Сербской, вступили въ борьбу тѣ двѣ силы, которыми мы, Русскіе, живемъ и движемся — племенное Славянство и Византизмъ. Благодаря Болгарамъ, и мы стоимъ у какого-то Рубикона.

Чтобы судить о томъ, чего можетъ желать и до чего можетъ доходить въ данную пору нація, надо брать въ расчетъ именно людей крайнихъ, а не умѣренныхъ. Въ руки первыхъ попадаетъ всегда народъ въ рѣшительныя минуты. Умѣренные же бываютъ обыкновенно

*) *1882 г.* Теперь опасность разрыва Русскихъ съ Греками миновала; но за то Болгары обнаружили еще больше демагогическаго духа.

двухъ родовъ: такіе, которые въ самой теоріи не хотятъ крайностей, или такіе, которые лишь на дѣлѣ отступаютъ отъ нихъ. Мнѣ кажется, что всѣ умѣренные Болгарскіе вожди, умѣрены лишь на практикѣ, но въ идеалѣ они всѣ почти крайніе, когда дѣло коснется Грековъ и Патріархіи.

Народъ Болгарскій простъ (не то, чтобы очень простодушенъ, или добродушенъ, какъ думаютъ у насъ, и не то, чтобы глупъ, какъ ошибочно думаютъ иные Греки, а именно простъ, т.-е., еще неразвитъ). Въ добавокъ онъ вовсе не такъ пылко и горячо религіозенъ, какъ простой Русскій народъ, который вообще гораздо впечатлительнѣе Болгарскаго. Народъ Болгарскій, особенно по селамъ, я говорю, простъ. Напротивъ того малочисленная интеллигенція Болгарская лукава, тверда, по видимому, довольно согласна и образована Греками же, Русскими, Европейцами и отчасти Турками, именно на столько, на сколько нужно для успѣшной національно-дипломатической борьбы. Этого рода борьба, пока дѣло не дошло до оружія, имѣетъ въ наше время какой-то механико-юридическій характеръ, и по тому не требуетъ ни философскаго ума, ни высокаго свѣтскаго образованія, ни даже обыкновенной дюжинной учености, ни воображенія, ни возвышенныхъ, героическихъ, вкусовъ и чувствъ. Хотя по всѣмъ этимъ перечисленнымъ пунктамъ и Ново-Греческая интеллигенція (за исключеніемъ патріотическаго героизма) занимаетъ далеко не первостепенное мѣсто во вселенной, но Болгарская, конечно, по незрѣлости своей и сравнительной малочисленности, стоитъ еще много ниже ея, но это равенству борьбы не слишкомъ мѣшаетъ; это имѣетъ свои выгоды и свои невыгоды. Простота же Болгарскихъ селянъ, я думаю, очень выгодна теперь для Болгарскаго дѣла *). Дѣло въ томъ, повторяю, что народъ Болгарскій и простъ и политически неопытенъ, и вовсе не такъ религіозенъ, какъ наприм., Русскій простой народъ. Это сознаютъ всѣ и на Востокѣ. Интеллигенція же его терпѣлива, ловка, честолюбива, осторожна и рѣшительна. Напримѣръ: замѣтивши зимою 71 года, что стараніями Русской дипломатіи (такъ

*) Нѣкоторыя изъ этихъ сравнительныхъ выгодъ и невыгодъ я перечислялъ въ статьѣ моей „Панславизмъ и Греки". Скажу здѣсь еще вотъ что:

1. Болгары всѣ вмѣстѣ подъ Турціей; Греки раздѣлены между двумя центрами, Аѳинами и Царьградомъ, которые не всегда согласны.

2. Болгары противъ Султана не бунтовали никогда; у нихъ есть партія, мечтающая о Султанѣ, какъ о царѣ Болгарскомъ, о Турко-Болгарскомъ дуализмѣ. Загнанность народа послужила ему въ пользу; онъ былъ непредпріимчивъ и робокъ, а вожди обратили эту слабость очень ловко въ силу. Пока Греки рыцарски проливали кровь въ Критѣ, Болгары лукаво подавали адресъ Султану. Это вдругъ двинуло ихъ дѣла.

3. Простолюдины Болгарскіе менѣе развиты умомъ, чѣмъ Греческіе; при ловкости старшинъ, и это оказалось силой. Ихъ легче обмануть, увѣрить, что расколъ,—

говорятъ здѣсь многіе, и даже иные болѣе умѣренные Болгары), дѣло между Патріархіей и Болгарами идетъ ко взаимнымъ уступкамъ, увидавши на Вселенскомъ престолѣ Анѳима, который прослылъ до извѣстной степени за человѣка, расположеннаго къ Болгарамъ, или къ примѣренію, вожди крайняго Болгаризма, Докторъ Чомаковъ (вѣроятно матеріалистъ), какой-то поэтъ Славейковъ и, вѣроятно, еще другія лица изъ тѣхъ солидныхъ и богатыхъ старшинъ, которые и у Грековъ и у Юго-Славянъ такъ вліятельны, благодаря отсутствію родовой и чиновной аристократіи, и т. п. люди, уговорили и принудили извѣстныхъ Болгарскихъ Архіереевъ, Иларіона, Панарета и друг., стать открыто противу Вселенскаго Патріарха и прервать съ нимъ всякую связь. Они рѣшились просить, ни съ того, ни съ сего, позволенія у Патріарха, ночью, подъ 6-е января, разрѣшенія отслужить на Крещенье по утру свою особую Болгарскую Литургію, въ видѣ ознаменованія своей церковной независимости. Они предвидѣли, что Патріарху Греки не дадутъ согласиться на это, и что, наконецъ, и трудно вдругъ, въ нѣсколько часовъ, ночью, второпяхъ, рѣшиться на такой важной шагъ, дать позволеніе служить Архіереямъ, которые были низложены Церковью и находятся теперь въ рукахъ людей, Церкви враждебныхъ.

Чомаковъ и К° знали, что будетъ отказъ, и требовали настойчиво разрѣшенія, чтобы, въ глазахъ несвѣдующихъ людей, сложить всю вину на Грековъ: „Греки намъ не даютъ воли: чѣмъ же мы виноваты?“

Чомаковъ и К° знали, что они поставятъ этимъ поспѣшнымъ требованіемъ Патріарха между Сцилой и Харибдой. Если, паче чаянія, Патріархъ благословитъ, то этимъ самымъ вопросъ разрѣшенъ, фирманъ Султанскій въ пользу Болгаръ признанъ Церковью, хотя въ немъ и есть вещи, дающія поводъ къ новымъ распрямъ. Если же Паріархъ откажетъ: „coup d'etat“ народный, и „Богъ дастъ“ и *расколъ*!

И Патріархъ отказалъ.

Этого только и желала крайняя Болгарская партія.

Она понимала многое; она знала, на пр., что прямо на опытную Русскую дипломатію повліять ей не удастся.

не расколъ, что Россія сочувствуетъ имъ безусловно, что весь міръ за нихъ и т. п. У Грековъ каждый больше мѣшается и шумитъ. У Болгаръ меньше.

4. Греки образованнѣе и гораздо богаче, но за Болгаръ мода этнографическаго либерализма, за нихъ должны быть всѣ прогрессисты, атеисты, демагоги, всѣ ненавидящіе авторитетъ Церкви, наконецъ всѣ, не знакомые съ узаконеніями Вселенской Церкви или не вникающіе въ ея духъ (а сколько этихъ не вникающихъ!).

5. Оружіе? Но оружія Грековъ Болгары не боятся: противъ этого есть Турки, въ крайности нашлись бы и другіе. Страхъ Болгаръ отчасти притворный страхъ, отчасти ошибочный... Можно было бы сказать и больше, но я пока воздержусь. (1874). *Пр. 1884.*—И черезъ 10 лѣтъ—мнѣ приходится мало что измѣнить въ этотъ примѣчаніи 74 года.—Сущность все таже.

Она знала, съ другой стороны, до чего заблуждаются многіе Греки, воображая, что Болгары ни придумать ничего не умѣютъ, ни сдѣлать ничего не рѣшатся безъ указанія Русскихъ. Она предвидѣла, что Греки все это припишутъ Русскимъ.

Болгарская крайняя партія предвидѣла, какое бѣшенство противъ Русскихъ возбудитъ въ Грекахъ поступокъ Болгаръ 6-го января, и какіе препирательства начнутся послѣ этого между Греками и Русскими.

Агитаторы Болгарскіе предвидѣли, въ какое затрудненіе поставятъ они и Синодъ, и дипломатію Русскую. Они думали, сверхъ того, что для Турціи выгодны и пріятны будутъ эти распри.

Къ тому же у Грековъ кто въ Россіи? Купцы, или монахи, за сборомъ денегъ, люди не популярные. У Болгаръ въ Россіи Студенты, Профессора. и т. п. люди, которые стоятъ ближе Грековъ къ печати Русской, къ вліятельнымъ лицамъ общества мыслящаго, къ прогрессу, къ модѣ, къ дамамъ Москвы!

Студенты плачутъ о бѣдствіяхъ угнетеннаго, робкаго, будто бы простодушнѣйшаго въ свѣтѣ, народа. Жинзифовы, Дриновы и подобные имъ пишутъ не особенно умно, но кстати и осторожно...

Греки объявляютъ схизму.

Греки въ изступленіи бранятъ Русскихъ, и Русскіе отвѣчаютъ имъ тѣмъ же...

Турки, улыбаясь, склоняются то въ ту, то въ другую сторону.... Это и нужно было Болгарамъ.

„На Русскую дипломатію, на Русскій Синодъ, мы прямо дѣйствовать не въ силахъ (сказали себѣ Болгары): мы подѣйствуемъ лучше на общество, менѣе опытное, менѣе понимающее, менѣе связанное осторожностью, а общество Русское повліяетъ, можетъ быть, потомъ косвенно и на Дворъ, и на Синодъ, и на здѣшнюю дипломатію... Когда нѣтъ силъ поднять тяжесть руками, употребимъ какой нибудь болѣе сложный, посредствующій, снарядъ!“.

Такъ думали, такъ еще думаютъ, конечно, Болгарскіе демогоги. И будущее лишь покажетъ, вполнѣ ли они все предвидѣли, или успѣхъ ихъ былъ только временный.

Болгарскіе демагоги не ошиблись, однако, во многомъ. Многое они предвидѣли вѣрно и знали обстоятельства хорошо. Напр., они знали очень хорошо вотъ что; во 1-хъ, что національная идея нынѣ больше въ модѣ, чѣмъ строгость религіозныхъ чувствъ; что въ Россіи, напр., всякій глупецъ легче напишетъ и легче пойметъ газетную статью, которая будетъ начинаться такъ: «Долголѣтнія страданія нашихъ братьевъ, Славянъ, подъ игомъ Фанаріотскаго духовенства», чѣмъ статья, которая будетъ развивать такую мысль: „Желаніе Болгаръ вездѣ, гдѣ „только есть нѣсколько Болгарскихъ семействъ, зависить не отъ мѣст-

„наго ближайшаго Греческаго Архіерея, а непремѣнно отъ Болгарска-
„го—потому только, что онъ Болгарскій, есть, само по себѣ, желаніе
„схизмы, раскола, совершенное подчиненіе церковныхъ правилъ при-
„дирчивому національному фанатизму. Это желаніе — поставить себя
„между Греками въ положеніе столь же особое, какъ положеніе Ар-
„мянъ, Католиковъ, Протестантовъ, Русскихъ Старообрядцевъ и т. п.
„Въ Солунѣ, Битоліи, Адріанополѣ и другихъ городахъ, по древнимъ
„Христіанскимъ Правиламъ, не могутъ быть два Православныхъ Епи-
„скопа вмѣстѣ, а могутъ быть Армянскій и Греческій (т. е., Право-
„славный), Католическій, и т. д.“

Эти люди (Чомаковъ и К⁰) очень хорошо знаютъ всѣ эти правила; они мудры, какъ зміи; но имъ дѣла нѣтъ до незыблемости Православія. Если они дорожатъ имъ нѣсколько, такъ развѣ только по тому, что оно нашлось подъ рукою, въ народѣ, а не другая религія. Мѣнять же явно религію неудобно, потому что въ средѣ простаго народа можетъ произойти разрывъ, а народа всего не очень много, около 5 милліоновъ, положимъ. И больше ничего!

Итакъ Болгарскій народъ, увлекаемый и отчасти обманутый своими вождями, начинаетъ свою новую исторію борьбой не только противу Грековъ, но, по случайному совпаденію, и противу Церкви и ея кановъ.

У Грека всѣ національныя воспоминанія соединены съ Православіемъ. Византизмъ, какъ продуктъ историческій, принадлежитъ Греку и онъ, сознавая, что въ первоначальномъ созиданіи Церкви принимали участіе люди разныхъ племенъ: Итальянцы, Испанцы, Славяне, уроженцы Сиріи, Египта, Африки, помнитъ однако, что преимущественно на Еллинскомъ языкѣ, съ помощью Еллинской цивилизаціи, строилось сложное и великое зданіе догмата, обряда и канона Христіанскихъ, и что безъ сложности этой, удовлетворяющей разнообразнымъ требованіямъ, не возможно было бы и объединить въ одной религіи столь разнородные элементы: племенные, сословные, умственные, и на столь огромномъ пространствѣ! Послѣднее возрожденіе Грецизма и революція 20-хъ годовъ совершились также подъ знаменемъ Православія; ребенокъ Греческій слышитъ объ этомъ въ пѣсняхъ съ дѣтства.

«Діá тý Христý тинъ пíстинъ тíнъ агíанъ!» поетъ Грекъ. А Христіанство, «Святая Христова Вѣра» (Пíсти агíа тý Христý) для Грека не значитъ голая и сухая утилитарная нравственность, польза ближняго, или, такъ называемаго, человѣчества. Христіанство для Грека значитъ Православіе, догматы, канонъ и обрядъ, взятые во всецѣлости.

Невѣрующій Грекъ и тотъ за все это держится, какъ за народное знамя.

У Болгарина, напротивъ того, половина воспоминаній, по крайней мѣрѣ, связана съ борьбой противъ Византизма, противу этихъ Право-

славныхъ Грековъ. У Болгарскаго патріота въ комнатѣ, рядомъ съ иконой Православныхъ Кирилла и Меѳодія, обучившихъ Болгаръ Славянской національной грамотѣ (это главное для нихъ, а не крещеніе), вы видите обыкновенно язычника Царя Крума, которому подносятъ на мечѣ голову Православнаго Греческаго Царя.

Ликургъ, Епископъ Сирскій, посѣщая, въ 73-мъ году, Аѳонъ, заѣхалъ и въ богатый Болгарскій монастырь, Зографъ, котораго монахи съ Патріархіей связь прерывать не желали, а вели себя очень осторожно между своими Болгарскими Комитетами и Цареградской Іерархій. Однако, и у нихъ, въ пріемной, Ликургъ увидалъ портреты отверженныхъ Церковью Болгарскихъ Епископовъ. На его вопросъ: „Почему они держатъ ихъ въ почетѣ?“ — „Они имѣютъ для насъ національное значеніе“, отвѣтили ему сухо Болгарскіе монахи.

Такова историческая противоположность Грековъ и Болгаръ съ точки зрѣнія Православія. У Грековъ вся исторія ихъ величія, ихъ паденія, ихъ страданій, ихъ возрожденія, связана съ воспоминаніемъ о Православіи, о Византизмѣ. У Болгаръ, напротивъ того, только часть; а другая часть, и самая новѣйшая, горячая, модная часть воспоминаній, въ слѣдующемъ поколѣніи будетъ связана со скептическимъ воспитаніемъ, съ племеннымъ возрожденіемъ, купленнымъ ожесточенной борьбой противу Церкви, противу того Византійскаго авторитета, который, если присмотрѣться ближе, составляетъ почти единственную, хоть сколько нибудь солидную, охранительную силу во всей Восточной Европѣ и въ значительной части Азіи.

Если сравнить другъ съ другомъ всѣ эти удачно возрождающіеся, либо неудачно возстающіе въ XIX вѣкѣ, мелкіе или второстепенные народы, то окажется, что ни у одного изъ нихъ, ни у Чеховъ, ни у Сербовъ, ни у Поляковъ, ни у Грековъ, ни у Мадьяръ, нѣтъ такого отрицательнаго, такого прогрессивнаго, знамени, какъ у этихъ отсталыхъ, будто-бы невинныхъ и скромныхъ, Болгаръ.

Начало исторіи кладетъ всегда неизгладимую печать на всю дальнѣйшую роль народа; и черта, по видимому, не важная, не рѣзкая въ началѣ, разростаясь мало по малу, принимаетъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе грозный видъ.

Для насъ же, Русскихъ, эта черта, эта органическая особенность Ново-Болгарской исторіи, тѣмъ болѣе важна, что Болгары случайнымъ и, отчасти для большинства ихъ самихъ неожиданнымъ, поворотомъ дѣла, вступили въ борьбу не съ авторитетомъ какимъ бы то ни было, а именно съ тѣмъ авторитетомъ, который для Россіи такъ дорогъ, именно, съ той Вселенской Церковью, правила и духъ которой создали всю нашу Великорусскую силу, все наше величіе, весь нашъ народно-Государственный геній.

Дѣло не въ томъ, сознательно ли всѣ Болгары вступили на этотъ

отрицательный, разрушительный, путь, или нѣтъ. Горсть людей, руководящихъ сознательно, сказала себѣ, и говоритъ и теперь во всеуслышаніе: „Пока не объединимъ весь народъ отъ Дуная до послѣдняго Македонскаго села, нѣтъ уступокъ никому, нѣтъ примиренія. Намъ никто не нуженъ, кромѣ Султана. И мы будемъ сектантами скорѣе, чѣмъ уступимъ хотя что бы то ни было!“ Но большинство, конечно, обмануто, увлечено и не можетъ даже представить себѣ всѣхъ послѣдствій подобнаго насильственнаго разрыва съ Восточными Церквами.

Положимъ такъ, большинство не виновато; но дѣло идетъ здѣсь не о нравственной свободной вмѣняемости, а о полуневольномъ, трудноисправимомъ политическомъ направленіи народной жизни.

Народъ послушался своихъ вождей, по этому и онъ отвѣтственъ; иначе нельзя было бы и войнъ вести, и возстанія усмирять. Вотъ въ чемъ дѣло!

У Болгаръ по этому мы не видимъ до сихъ поръ ничего Славянскаго въ смыслѣ зиждительномъ, творческомъ; мы видимъ только отрицаніе, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе.

Повторимъ еще разъ, что отрицаніе Болгарское относится именно къ тому авторитету, который правитъ уже нѣсколько вѣковъ самой великой силой Славянства—Русскимъ Государствомъ.

Что бы сталось со всѣми этими учеными и либеральными Славянами, со всѣми этими ораторами и профессорами, Ригерами, Палацкими, Сербскими Омладинами, Болгарскими докторами, если бы, на заднемъ фонѣ картины, не виднѣлись бы въ загадочной дали, Великорусскіе снѣга, Казацкія пики и топоръ Православнаго мужика бородатаго, которымъ спокойно и неторопливо правитъ полу-Византійскій Царь-Государь нашъ!? Хороши бы они были безъ этой пики и этого топора, либералы эти и мудрецы мѣщанскаго прогресса!

Для существованія Славянъ необходима мощь Россіи.

Для силы Россіи необходимъ Византизмъ.

Тотъ, кто потрясаетъ авторитетъ Византизма, подкапывается, самъ, быть можетъ, и не понимая того, подъ основы Русскаго Государства.

Тотъ, кто воюетъ противъ Византизма, воюетъ, самъ не зная того, косвенно и противу всего Славянства; ибо что такое племенное Славянство безъ отвлеченнаго Славизма?...

Неорганическая масса, легко расторгаемая въ дребезги, легко сливающаяся съ республиканской Всеевропой!

А Славизмъ отвлеченный, такъ, или иначе, но съ Византизмомъ долженъ сопрячься. Другого крѣпкаго дисциплинирующаго начала у Славянъ разбросанныхъ мы не видимъ. Нравится ли намъ это, или нѣтъ, худо ли это Византійское начало, или хорошо оно, но оно единственный надежный якорь нашего, не только Русскаго, но и Всеславянскаго, охраненія.

ГЛАВА IV.

Что такое Славянство? (Продолженіе).

Я сказалъ о Чехахъ и о Болгарахъ, остаются еще Словаки, Сербы, Поляки, Русскіе.

Словаковъ этнографически причисляютъ обыкновенно къ Чешской націи, но исторически они связаны съ Мадьярами, съ судьбами Угорскаго Царства, и культурно, конечно, такъ проникнуты Мадьярскими бытовыми началами, что ихъ, въ отношеніи быта и привычекъ, можно назвать Мадьярами, переведенными на Славянскій языкъ,[1] точно также, какъ Чехи, по всей организаціи своей, переведены съ Нѣмецкаго, а Болгары, по воспитанію своему до послѣдняго времени, переведены съ Греческаго языка на Славянское нарѣчіе.

Теперь о Сербахъ.

Ни одинъ изъ Славянскихъ народовъ не раздробленъ такъ и политически и культурно, какъ Сербскій народъ.

Болгары всѣ райя Султана, всѣ считаютъ себя и теперь Православными; всѣ до послѣдняго времени были воспитаны Греками и по Гречески. Поляки всѣ Католики, всѣ дѣти собственной падшей Польской цивилизаціи, Польской государственности. Хотя оня политически и раздѣлены между тремя Государствами, но всѣ тѣ изъ нихъ, которые не онѣмечились и не обрусѣли (т. е., большинство), схожи между собою по историческому воспитанію, и вельможа, и шляхта, и крестьяне; шляхта и крестьяне могутъ мало походить другъ на друга; но я говорю о томъ, что шляхта въ Россіи похожа на шляхту въ Австріи, что крестьяне Польскіе, по всему пространству прежней собственной Польши, тоже болѣе, или менѣе, схожи между собою.

Чехи съ Моравами тоже довольно однороднаго историческаго воспитанія.

Что касается до Сербовъ, то они раздѣлены, въ Государственномъ отношеніи, во 1-хъ, на 4 части: 1) Независимое Княжество; 2) Черногорія. 3) Турецкія владѣнія (Боснія, Герцеговина и Старая Сербія), и 4) Австрійскія владѣнія (Словинцы, Хорваты, Далматы и т. д.).

Они раздѣлены еще и на три половины по религіи: на Православную, Католическую и Мусульманскую.

[1]) Я разумѣю здѣсь не политическія симпатіи, или антипатіи Словаковъ, а только ихъ культурно-бытовыя привычки. Многіе смѣшиваютъ это, и напрасно. Малороссы, на примѣръ, доказали, что они предпочитаютъ соединеніе съ Великороссіей Польскому союзу, но нельзя не согласиться, что въ быту ихъ, въ культурныхъ привычкахъ, было всегда довольно много Польскаго, съ Московскимъ вовсе не схожаго. Такихъ примѣровъ много.

У Православныхъ Сербовъ двѣ царствующія династіи, въ Бѣлградѣ и Цетиньѣ.

Племя ихъ довольно равномѣрно раздѣлено пополамъ еще и географически Дунаемъ и большими горами; на Сѣверо-Западѣ—Австрійскіе Сербы, на Юго-Востокѣ—Турецкіе.

Австрійскіе Сербы, сверхъ того, раздѣлены между собою исторіей, Хорваты соединены политически съ Угріей, и теперь болѣе еще, чѣмъ прежде, по причинѣ дуализма.

Словинцы и Далматы находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Залитавскихъ Нѣмцевъ. Это въ административномъ отношеніи. По воспитанію вообще Хорваты естественно имѣютъ въ себѣ много Мадьярскаго, хотя ихъ роль и характеръ менѣе аристократическіе, чѣмъ у настоящихъ Мадьяръ. Далматы долго были подъ культурнымъ вліяніемъ Италіи, да и теперь еще подъ нимъ находятся.

Граничары имѣютъ въ привычкахъ своихъ и въ организаціи много Казацкаго. У нихъ до послѣдняго времени хранилась своеобразная община (Сербская задруга).

При такой, несоразмѣрной съ численностью народа, разнородности историческаго воспитанія, Сербы не только не могли выработать у себя какихъ нибудь новыхъ характерныхъ и особенныхъ культурныхъ признаковъ Славизма (юридическихъ, религіозныхъ, художественныхъ и т. д.), но стали утрачивать въ послѣднее время и тѣ Славянскія особенности, которыя у нихъ существовали издревле. Они до сихъ не только не явились творцами чего либо Ново-Славянскаго, но были и слабыми охранителями Древне-Сербскаго, своего. Они не довольствуются въ Княжествѣ старой скупщиной въ одну палату, а стремятся утвердить у себя двѣ законодательныя камеры, по демократическимъ Западномъ образцамъ. Они бросаютъ вовсе свои живописныя одежды и пляски: военные одѣваются почти по Австрійски, штатскіе и женщины по обще-Европейскимъ образцамъ. Убичини уже давно писалъ, что сельская коммунистическая задруга у Турецкихъ Славянъ распадается постепенно, подъ вліяніемъ того демократическаго индивидуализма, того безграничнаго освобожденія лица отъ всѣхъ стѣсняющихъ узъ, къ которому стремится, съ половины прошлаго вѣка, образованный по Европейски міръ.

Въ Австріи Славянскій охранительный коммунизмъ Граничаръ поддерживался до послѣдняго времени преимущественно интересами Нѣмецкаго Монархическаго Правительства.

По мѣрѣ большаго увлеченія самой оффиціальной Австріи на путь либеральнаго всерасторженія и всесмѣшенія, стала больше и больше расшатываться и эта знаменитая Славянская коммуна. Нѣмцы, изъ собственныхъ выгодъ, были долго лучшими хранителями Древне-Славянскихъ особенностей.

Я здѣсь, точно также, какъ по дѣлу Чеховъ, не убѣждаю никого находить сразу, что это худо. Я только заявляю данныя, чтобы подтвердить ими ту общую мысль мою, что есть Славянство, но что Славизма, какъ культурнаго зданія, или нѣтъ уже, или еще нѣтъ: или Славизмъ погибъ навсегда, растаялъ, вслѣдствіе первобытной простоты и слабости своей, подъ совокупными дѣйствіями Католичества, Византизма, Германизма, Ислама, Мадьяровъ, Италіи и т. п., или, напротивъ того, Славизмъ не сказалъ еще своего слова и таится, какъ огонь подъ пепломъ, скрытъ незримо въ аморфической массѣ племеннаго Славянства, какъ зародышъ архитектуры живаго организма въ сплошномъ желткѣ, и не доступенъ еще простому глазу.

Быть можетъ, все быть можетъ!

Но кто угадаетъ теперь особую форму этого организованнаго, проникнутаго общими идеями, своими міровыми идеями, Славянства? До сихъ поръ мы этихъ общихъ и своихъ всеміpно-оригинальныхъ идей, которыми Славяне бы отличались рѣзко отъ другихъ націй, и культурныхъ міровъ, не видимъ. Мы видимъ вообще что-то отрицательное, очень сходное съ Романо-Германскимъ, но какъ-то жиже, слабѣе все, бѣднѣе.

Это горько и обидно! Но развѣ это неправда?

Мы видимъ только общія стремленія, отчасти общіе племенные интересы и дѣйствія, но не видимъ общихъ своеобразныхъ идей, стоящихъ выше племеннаго чувства, порожденныхъ имъ, но послѣ вознесшихся надъ племенемъ, для вящаго всенароднаго, яснаго руководства и себѣ и чужимъ (человѣчеству).

Славянство есть, и оно численностью очень сильно; Славизма нѣтъ, или онъ еще очень слабъ и неясенъ.

Мнѣ возразятъ, что племенное чувство Славянства, сближаяСлавянъ письменно и политически между собою, можетъ способствовать выработкѣ этого культурнаго Славизма, этой органической системы своеобразныхъ идей, стоящихъ внѣ частныхъ, мѣстныхъ и личныхъ, интересовъ и надъ ними, но глубоко, тысячами корней связанныхъ съ этими интересами.

Я отвѣчу, что это возможно, и даже крайне желательно; ибо вовсе нелестно быть тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ были всѣ Славяне, не исключая даже Русскихъ и Поляковъ: чѣмъ-то средне-пропорціональнымъ, отрицательнымъ, во всемъ уступающимъ духовно другимъ, во всемъ второстепеннымъ.

Бываютъ примѣры, что подобная отрицательность становится залогомъ чего либо крайне положительнаго въ суммѣ, именно по тому, что оно было не совсѣмъ то, не совсѣмъ такъ характерно и рѣзко, какъ у другихъ. Дай Богъ!

Но вопросъ здѣсь, во 1-хъ, именно въ томъ, что такое будетъ

этотъ, надъ Славянствомъ взвинченный, Славизмъ? Какія особыя юридическія, государственныя, идеи послужатъ къ политическому сближенію и приблизительному объединенію Славянъ? А во 2-хъ, въ томъ, выгодны ли будутъ эти обще-Славянскія идеи для Русскаго Государства, усилятъ ли онѣ его мощь, или будутъ способствовать его паденію? Укрѣпятъ ли они его вѣковое зданіе, купленное нашими трудами, кровью и слезами? Или растворятъ онѣ его почти безслѣдно въ этой блѣдной и несолидной пестротѣ современнаго неорганическаго Славянства?

Вотъ два вопроса! И въ сущности эти два вопроса лишь двѣ стороны одного и того же.

Если Славяне призваны къ чему либо творческому, положительному, какъ особый ли міръ исторіи, или только какъ своеобразная часть Европейской цивилизаціи, и въ томъ и въ другомъ случаѣ имъ нужна сила.

Сила государственная выпала въ удѣлъ Великоруссамъ. Эту силу Великоруссы должны хранить, какъ священный залогъ исторіи, не только для себя, но и для Всеславянской независимости.

Быть можетъ, со временемъ, для пособія самой Европѣ, противъ пожирающей ее медленной анархіи.

И такимъ образомъ для всего человѣчества.

ГЛАВА V.

Продолженіе о Славянахъ.

О Польшѣ и Россіи можно и неговорить здѣсь подробно. О противоположностяхъ ихъ исторіи, объ относительномъ своеобразіи ихъ Государственныхъ организацій, объ ихъ долгомъ, естественномъ и неотвратимомъ антагонизмѣ у насъ такъ много судили и писали въ послѣднее время, что всѣ Русскіе люди, и не занимавшіеся особенно политикой, знакомы теперь съ этими вопросами недурно въ общихъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ.

Изъ всѣхъ Славянъ только Поляки и Русскіе жили долго независимой Государственной жизнью, и потому у нихъ и накопилось, такъ сказать, и удержалось больше своего собственнаго, чѣмъ у всѣхъ другихъ Славянъ (повторяю еще разъ, что я не настаиваю здѣсь, худо ли, или хорошо, это собственное: я только заявляю, напоминаю реальныя данныя).

Уже одно существованіе своего національнаго дворянства и у Поляковъ и у Русскихъ отличаетъ ихъ рѣзко отъ всѣхъ другихъ

Славянъ. Русское служилое сословіе и Польская шляхта очень несходны своей исторіей; они лишены теперь почти всѣхъ своихъ существенныхъ привилегій, но впечатлѣнія историческаго воспитанія въ дѣтяхъ этихъ двухъ сословій проживутъ еще долго. Аристократіи истинно феодальной, на подобіе Западно-Европейской, не было ни у Поляковъ ни у Русскихъ; аристократіи, въ смыслѣ какого бы то ни было рѣзко привилегированнаго класса, у нихъ теперь вовсе нѣтъ, ни у Русскихъ, ни у Поляковъ; есть нѣчто общее, не смотря на всѣ ихъ противоположности и несогласія: это *сословное воспитаніе націи, котораго слѣды слабѣе у Австрійскихъ Славянъ, и котораго вовсе нѣтъ въ въ нравахъ у Славянъ Турецкихъ*. Это будетъ яснѣе изъ сравненія.

Польское дворянское сословіе, вельможи и шляхта, остаются до сихъ поръ представителями своей націи: они свершаютъ всѣ національныя движенія Полонизма. Въ Россіи дворянство было гораздо слабѣе: оно зависѣло отъ Монархіи на столько, на сколько въ Польшѣ Монархія зависѣла отъ дворянства. Народъ въ Россіи чтитъ дворянство только, какъ сословіе Царскихъ слугъ, а не само по себѣ. Мы привыкли зря шутить надъ бюрократіей, а народъ нашъ смотритъ на нее серьезно, не комически, а трагически, или героически. За границей мундиръ чиновника Русскаго глубоко радуетъ Русскаго простолюдина. Это я на себѣ и на другихъ испыталъ. Но руководиться во всемъ дворянствомъ своимъ нашъ народъ не привыкъ; на прим., въ религіозныхъ вопросахъ онъ уже потому не послушаетъ насъ никогда, что мы господа, люди другаго класса, другаго воспитанія. Бѣднаго дворянина Базарова Русскіе крестьяне не признавали своимъ, а ученаго Инсарова простые Болгары слушались; ибо онъ былъ кость отъ костей ихъ, такой же Болгарскій мужикъ, какъ и они, но болѣе мудрый. То же и у Сербовъ. Чешская аристократія не связала своихъ именъ съ народнымъ дѣломъ нашего времени. Она дѣлаетъ оппозицію Вѣнѣ тогда, когда замѣчаетъ въ ней демократическія наклонности. Знамя Чешской знати болѣе Австро-феодальное, чѣмъ собственно Чешское, во чтобы то ни стало. Буржуазные вожди Неочехизма выходятъ изъ народа.

Вообще Юго-Славяне очень легко переходятъ, въ быту и общихъ понятіяхъ своихъ, изъ простоты эпической въ самую крайнюю простоту современной литературной буржуазности. Всѣ они, между прочимъ, выростаютъ въ слѣпомъ поклоненіи демократической либеральной конституціи. Австрійскіе Славяне привыкли дѣйствовать безъ помощи аристократіи или какого бы то ни было дворянства, ибо въ одномъ мѣстѣ господами у нихъ были Нѣмцы, въ другомъ Мадьяры, въ третьемъ онѣмеченные или омадьяренные Славяне, въ четвертомъ вражебные Поляки (какъ напр. у Малороссовъ въ Галиціи).

Они, особенно въ дѣлахъ чисто Славянскихъ, привыкли руково-

диться національной буржуазіей, профессорами, учителями, купцами, докторами и отчасти священниками, которые, впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ вопросахъ мало чѣмъ отличаются отъ людей свѣтскихъ.

У Турецкихъ Славянъ отсутствіе сословнаго воспитанія еще замѣтнѣе; ибо привилегированное сословіе представляли и представляютъ еще до сихъ поръ, въ Турецкой Имперіи Мусульмане, люди вовсе другой Вѣры, которые не слились съ завоеванными Христіанами.

Уравненіе, конечно, въ Турціи сравнительно съ прежнимъ, огромное: у Мусульманъ противу прежняго осталось очень мало привилегій и тѣ скоро падутъ; но реформы нынѣшнія состоятъ не въ томъ, чтобы часть Христіанъ возвысить до положенія Турокъ и дать имъ привилегіи относительно другихъ соотчичей ихъ, но въ томъ, чтобы Турокъ приравнять къ Христіанамъ, въ томъ, чтобы прежнюю, все-таки болѣе аристократическую, Монархію, въ которой всѣ Турки, равные между собою, составляли одинъ классъ высшій, а всѣ Христіане составили классъ зависимый, низшій, чтобы эту аристократическую и весьма децентрализованную прежнюю Монархію превратить въ эгалитарную и централизованную, въ томъ, чтобы какую-то Персію Кира и Ксеркса, полную разнообразныхъ Сатрапій, обратить въ гладкую Францію Наполеонидовъ. Таковъ идеалъ современной Турціи, къ которому она иногда и противъ воли стремится, вслѣдствіе давленія внѣшнихъ обстоятельствъ. И такъ, у Славянъ Турецкихъ нѣтъ ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ (ни въ будущемъ, вѣроятно), никакихъ ни воспоминаній, ни слѣдовъ, ни залоговъ, ни аристократическаго, ни общаго монархическаго воспитанія. Гораздо менѣе еще чѣмъ у Австрійскихъ. У Болгаръ дѣлами правитъ: докторъ, купецъ, адвокатъ, обучавшійся въ Парижѣ, учители. Епископы же Болгарскіе совершенно въ рукахъ этой буржуазіи. Буржуазія эта, вышедшая отчасти изъ городскаго, отчасти изъ сельскаго народа Болгаріи Дунайской, Ѳракіи и Македоніи, пользуется, какъ видно, полнымъ довѣріемъ народа. Эти люди: доктора, купцы и т. п., конечно лично сами отъ деспотизма Греческихъ Епископовъ не страдали; они дѣйствуютъ изъ побужденій патріотическихъ, національныхъ, но ихъ патріотическія идеи, ихъ національный фанатизмъ, ихъ желаніе играть роль въ Имперіи, въ Европѣ, быть можетъ и въ Исторіи, совпали какъ нельзя лучше съ тѣмъ неудовольствіемъ, которое справедливо могъ имѣть простой Болгарскій народъ противу прежнихъ Греческихъ Іерарховъ, сурово, по духу времени, обращавшихся съ народомъ [1]).

[1]). Хотя и тутъ надобно замѣтить нѣчто, если не въ полное оправданіе Греческаго духовенства, то, по крайней мѣрѣ, для болѣе яснаго пониманія Болгарскаго вопроса. Старые Восточные Епископы могли имѣть свои пороки, будучи не только духовными пастырями, но и свѣтскими начальниками надъ всѣми Православными людьми Турціи; они были поставлены въ положеніе трудное, часто опасное; за почетъ и вещественное

Лѣтъ 20—15 подъ рядъ Болгарскіе доктора, учителя, купцы твердили ежедневно народу своему одно и то же противъ Грековъ; молодое поколѣніе все взросло въ этомъ искуственно раздутомъ чувствѣ; народъ привыкъ, проснулся, повѣрилъ, что ему будетъ лучше безъ Грековъ; свое духовенство, избранное буржуазіей и руководимое ею, оказалось, конечно, во многомъ для народа лучше Греческаго. Лучшимъ оно оказалось не потому, что-бы по нравственному воспитанію оно было выше, или по какимъ-нибудь Славянскимъ душевнымъ качествамъ, особенно мягкимъ и хорошимъ. Вовсе нѣтъ. Воспитаніе нравственное у Болгаръ и у Грековъ, въ глазахъ свѣжаго, искренняго съ самимъ собою, человѣка, почти одно и то же (и это почти вовсе не въ пользу Болгаръ: у Грековъ нѣсколько болѣе романтизма, теплоты); а психически не надо воображать себѣ упорнаго, тяжелаго, хитраго Болгарина похожимъ на добродушнаго, легкомысленнаго Великоруса: они также мало похожи другъ на друга въ этомъ отношеніи, какъ южный Итальянецъ и сѣверный Нѣмецъ, какъ поэтъ и механикъ, какъ Байронъ и Адамъ Смитъ.

Болгарское духовенство вело и ведетъ себя противу народа лучше, чѣмъ вело себя Греческое, лишь потому, что оно своевольно создано самимъ этимъ народомъ, что у него внѣ народа нѣтъ никакой точки опоры.

У Русскаго духовенства есть внѣ народа могучее Правительство. Греческое духовенство Турціи болѣе нашего, быть можетъ, свободное со стороны административнаго вліянія, менѣе нашего за то свободно отъ увлеченій и страстей демагогіи, отъ тѣхъ поспѣшныхъ и неисправимыхъ ошибокъ, къ которымъ такъ склонны, особенно въ наше время, толпы, считающія себя просвѣщенными и умными. Это такъ. Но всетаки Греческое духовенство привыкло издавна къ власти, имѣетъ древнія, строгія преданія Вселенской Церкви, за которыя крѣпко держится и, наконецъ, въ иныхъ случаяхъ можетъ найти оффиціальную под-

вознагражденіе, которымъ они пользовались, они платили тяжкой отвѣтственностью. Иные заплатили и жизнью, и нерѣдко безъ вины. Такъ, напр., знаменитый Патріархъ Григорій былъ повѣшенъ Турками въ 20 годахъ, не смотря на всѣ увѣщанія небунтовать, съ которыми онъ обращался къ Грекамъ. Понятно, что такое положеніе, развивая въ Епископахъ извѣстнаго рода качества: силу воли, выдержку, административный и дипломатическій умъ, развивало и соотвѣтственные пороки: властолюбіе; корысть (иногда для самосохраненія, въ случаѣ бѣды), жестокость. Но жестокость обращенія направлена была у нихъ столько же и на Грековъ, сколько на Болгаръ. Національной идеи при этой прежней жестокости и въ поминѣ не было. Невѣжество, въ которомъ они оставляли Болгаръ, ни какъ нельзя считать плодомъ національнаго разсчета. Напротивъ, это была ошибка, или скорѣе безсиліе, недостатокъ средствъ. Если бы 50 лѣтъ тому назадъ большинство Болгаръ было обучено Греческой грамотѣ (о Болгарской тогда никто и не думалъ), то Болгарскаго вопроса не было бы вовсе. Большинство Болгаръ было бы погречено, по чувствамъ и убѣжденіямъ.

держку то въ Турецкомъ, то въ Еллинскомъ Правительствахъ, какъ нѣчто давно признанное и крѣпко организованное.

Новое же Болгарское духовенство, не имѣя около себя могучаго единовѣрнаго Правительства и начиная свою жизнь прямо борьбой противъ преданій, находится поэтому вполнѣ въ рукахъ Болгарскаго народа. И въ слѣдствіе этой полной зависимости отъ толпы, оно ведетъ себя не то чтобы лучше (это смотря по точкѣ зрѣнія), а угоднѣе народу, нѣсколько пріятнѣе для мужика и выгоднѣе для честолюбія Архонта Болгарскаго, чѣмъ вела себя, внѣ Болгарской націи стоявшая, Греческая Іерархія.

Что касается до лучшаго и до худшаго, то примѣры на глазахъ. Болгарская буржуазія могла заставить своихъ Епископовъ быть помягче, чѣмъ были нерѣдко Греческіе, съ селянами. Это, быть можетъ, лучше; но Болгарская же буржуазія принудила своихъ Епископовъ отслужить литургію 6 Января и отложиться отъ Патріарха, вопреки основнымъ, Апостольскимъ уставамъ Церкви. Это худшее.

Я хочу всѣмъ этимъ сказать, что хотя Болгарская нація не сложилась еще ни въ отдѣльное государство, ни даже въ полугосударственную область, съ опредѣленной какой нибудь автономіей*), но политическіе и соціальные контуры этой новой націи видны уже и теперь. Физіономія ея — крайне демократическая; привычки, идеалы, крайне эмансипаціонные**).

Рѣшись завтра Султанъ на этотъ дуализмъ, котораго бы желали иные пылкіе Болгары, объяви онъ себя Султаномъ Турецкимъ и „Царемъ Болгарскимъ“, вся область отъ южныхъ границъ до Дуная устроилась бы скоро и легко съ какимъ нибудь Совѣтомъ во главѣ крайне демократическаго характера и происхожденія.

Подобно Соединеннымъ Штатамъ и Швейцаріи, никто и ни что не будетъ стоять внѣ народа, кромѣ идеальнаго и спасительнаго отъ сосѣдей Султанскаго верховенства.

„Это избавило бы насъ отъ всякой иноземной династіи, и такъ какъ Республика есть наилучшая форма правленія, къ которой стремится вся образованная Европа, то даже, не очень долгое время, легкая подручная зависимость отъ Султана для насъ была бы лучше всего: можно будетъ народъ пріучить до поры до времени даже сражаться охотно за Султана. Мы же съ Турками несомнѣнно одной почти крови. Это не велика бѣда! а на религію кто черезъ 10—20 лѣтъ будетъ смотрѣть? Религія—удѣлъ невѣжества; обучимъ народъ и онъ все пойметъ. Подъ охраной безвреднаго Султанскаго знамени нація созрѣетъ прямо для Республики и изъ самой отсталой станетъ самой передовой націей Востока!“

*) Писано въ 1873—74 годахъ.

**) Современныя событія оправдали меня.

Вотъ что говорятъ себѣ не всѣ, конечно, но самые смѣлые и энергическіе Болгары.

Быть можетъ и воспитанники нашихъ Русскихъ училищъ не прочь отъ этого.

Я, впрочемъ, говорю, быть можетъ... Вообще, надо глубоко различать то, что говорятъ Болгары въ Россіи и при Русскихъ и то, что они думаютъ и говорятъ въ Турціи.

Прибавимъ же вотъ что о Турціи: хотя за послѣднее время обстоятельства внѣшней и внутренней политики были довольно благопріятны ей, но она все-таки очень разстроена и слаба.

Предположимъ же, что, паче чаянія, Турецкое владычество въ Европѣ пало скорѣе, чѣмъ мы ждемъ и даже желаемъ того, и допустимъ, что сосѣди Болгарамъ устроить Республику не позволили, въ такомъ случаѣ они пожелаютъ имѣть Монархію съ самымъ свободнымъ устройствомъ, съ самой ничтожной номинальной властью. Такова по крайней мѣрѣ теперь ихъ политическая физіономія.

Сербы, нечего и говорить, всѣ демократы; и у нихъ эпическая патріархальность переходитъ какъ нельзя легче въ самую простую буржуазную утилитарность. У нихъ есть военные и чиновники, сверхъ докторовъ, купцовъ и т. д. Но чиновники и военные нигдѣ не составляютъ родоваго сословія, которое воспитывало бы своихъ членовъ въ опредѣленныхъ впечатлѣніяхъ; они набираются гдѣ попало, и между ними могутъ быть люди всякаго образа мыслей. Вчерашній чиновникъ, или военный, завтра свободный гражданинъ и членъ оппозиціи, или даже явный предводитель бунта. Какъ воспитана вся интеллигенція Сербская, такъ воспитаны и служащіе Правительству люди. Залоговъ для неограниченной Монархіи мы въ Сербіи не видимъ. Сербы не съумѣли вытерпѣть даже и того самовластія, съ которымъ патріархально хотѣлъ управлять ими ихъ освободитель и національный герой, старый Милошъ. Еще при высшей степени патріархальности народной жизни они уже захотѣли конституціи, и взбунтовались. Исторія показываетъ даже, что революціи, которыя низвергли сперва Милоша, возвели на престолъ Александра Кара-Георгіевича, а потомъ низвергли этого послѣдняго опять въ пользу Обреновичей, были революціями чиновничьими. Это была борьба бюрократическихъ партій за преобладаніе и власть.

Итакъ, повторяю, у Сербовъ нѣтъ, повидимому, залоговъ для крѣпкой Монархіи. Что касается до какой бы то ни было аристократіи родовой, до какого бы то ни было дворянства, то въ Сербіи нѣтъ и слѣдовъ ничего подобнаго. «Всякій Сербъ—дворянинъ!» *) говоритъ съ гордостью Сербъ. Это шляхетское чувство собственнаго достоинства, распространенное на весь народъ.

*) Изъ *Дентона*.—Дентонъ радуется этому 1874.

Въ Турецкихъ провинціяхъ Сербскаго племени было до послѣдняго времени мѣстное Мусульманское дворянство Славянской крови; но оно численностью ничтожно, и обстоятельства ведутъ Турцію все больше и больше ко всеобщему уравненію правъ, и сами эти Беи Босанскіе, начиная нѣсколько болѣе противу прежняго сознавать свое Славянское происхожденіе, скоро впадутъ въ совершенное безсиліе отъ внутренняго разрыва, отъ противоположныхъ вліяній народности и Мусульманизма на ихъ совѣсть и на ихъ интересы.

Вообще этотъ дворянскій элементъ Мусульманства Славянскаго не важенъ.

Черногорія, быть можетъ, очень важна въ стратегическомъ отношеніи для Славянъ въ случаѣ борьбы съ Турціей или съ Австріей, но политически она такъ мала и государственно такъ проста и патріархальна, что о ней можно бы здѣсь и вовсе не говорить.

Дворянскаго элемента здѣсь тоже нѣтъ; воспитанія аристократическаго и тѣмъ болѣе; власть Князя очень ограничена. Черногорцы привыкли къ самоуправству, которому также не трудно перейти въ демократическое самоуправленіе, какъ воинственному горцу стать въ наше время горцомъ утилитарнымъ и буржуазнымъ, изъ юнака, или паликара, сдѣлаться, и не подозрѣвая ничего, самоувѣреннымъ демагогомъ- бюргеромъ.

Орлиное гнѣздо Черногоріи очень легко можетъ стать какимъ нибудь Славянскимъ Граубинденомъ, или Цюрихомъ.

Итакъ мы видимъ: 1) что ни у Чеховъ, ни у Хорватовъ и Далматовъ, ни у Русскихъ Галиціи, ни у Сербовъ Православныхъ, ни у Болгаръ, ни у Черногорцевъ нѣтъ теперь никакого прочнаго и національнаго привилегированнаго класса. 2) Что у всѣхъ у нихъ почти нѣтъ вовсе ни аристократическихъ преданій, ни сословнаго воспитанія. 3) Что Австрійскіе Славяне во всѣхъ дѣлахъ собственно Славянскихъ руководятся національной буржуазіей, купцами, учителями, докторами, писателями и т. д.; ибо у Чеховъ старые дворянскіе роды не соединили, подобно Польскимъ вельможамъ, своихъ именъ и своихъ интересовъ съ дѣломъ національной оппозиціи; оппозиція Чешской знати, какъ я уже сказалъ выше, имѣетъ феодальную цѣль. Словаки смѣшаны съ Мадьярами, трудно отдѣлимы отъ нихъ даже умственно; если же и отдѣлимы умственно отъ обще-Угорской жизни, то развѣ въ видѣ элемента болѣе демократическаго, чѣмъ элементъ Мадьярскій; у Русскихъ Галиціи аристократія — враждебные имъ Поляки и т. д. 4) Что у Турецкихъ Славянъ слѣды аристократическаго начала и сословнаго воспитанія еще гораздо слабѣе, чѣмъ у Австрійскихъ, и что вообще въ Турціи всѣ Христіане, и Славяне и Греки, очень легко переходятъ изъ патріархальнаго быта въ бурзуазно-либеральный, изъ героевъ Гомера и Купера въ героевъ Теккерея, Поль

де-Кока и Гоголя. 5) Ни у Чеховъ, ни у Хорватовъ, ни у Сербовъ, ни у Болгаръ нѣтъ въ характерѣ той долгой Государственной выправки, которую даетъ прочное существованіе національной популярной Монархіи. Они и безъ Парламента всѣ привыкли къ парламентарной дипломатіи, къ игрѣ разныхъ демонстрацій и т. п. У всѣхъ у нихъ уже крѣпко всосались въ кровь привычки и предразсудки, такъ называемаго, равенства и, такъ называемой, свободы.

Однимъ словомъ, общій выводъ тотъ, что, не смотря на всю разнородность ихъ прежней исторіи, не смотря на всю запутанность и противуположность ихъ интересовъ, не смотря на раздробленность свою и на довольно большое, хотя и блѣдное, разнообразіе тѣхъ уставовъ и обычаевъ, подъ которыми они живутъ еще и теперь въ Австріи и Турціи (включая сюда, по ихъ малости, и оба Княжества Сербію и Черногорію), всѣ Юго-Западные Славяне безъ исключенія демократы и конституціоналисты.

Черта общая всѣмъ, при всей ихъ кажущейся блѣдной разнородности, это—расположеніе къ равенству и свободѣ, т.-е. къ идеаламъ или Американскому, или Французскому, но ни какъ ни Византійскому и не Великобританскому.

Раздѣлять ихъ можетъ очень многое: 1) религія (Католичество; Православіе, Мусульманство въ Босніи, быть можетъ расколъ у Болгаръ, если онъ устоитъ). 2) Географическое положеніе и черезъ это торговые и другіе экономическіе интересы; такъ, напримѣръ, въ настоящее время Австрійскимъ подданнымъ выгодна свобода торговли въ Турціи и свободный ввозъ Австрійскихъ мануфактурныхъ контрафакцій. А Турецкіе подданные, и Славяне и Греки, постоянно на это жалуются и желали бы системы покровительственной для укрѣпленія и развитія мѣстной промышленности. 3) Нѣкоторыя историческія и военныя преданія. Такъ, напримѣръ, у Сербовъ вся ненависть въ народѣ сосредоточена на Туркахъ и Нѣмцахъ; противу Грековъ они почти ничего не имѣютъ, а съ Болгарами и говорить даже разумно о Грекахъ нельзя. Православные Сербы Турціи привыкли смотрѣть на Нѣмцевъ (Австріи), какъ на самымъ опасныхъ враговъ, а Католическіе Сербы Австріи (Хорваты, Далматы и др.) привыкли сражаться подъ знаменами Австрійскаго Государства. 4) Интересы чисто племеннаго преобладанія. Напримѣръ, Болгары, пользуясь тѣмъ, что они Турецкіе подданные, пытаются уже и теперь, посредствомъ своего духовенства и своихъ учителей, оболгарить Старую Сербію (провинцію Турецкую, лежащую къ югу отъ Княжества). Сербы Княжества хотятъ отстаивать свою націю въ этой странѣ противу Болгаръ, но имъ не такъ удобно дѣйствовать, какъ Болгарамъ, ибо послѣднимъ помогаетъ, какъ своимъ людямъ, Турецкая власть. Сербамъ, сверхъ того, не можетъ слишкомъ нравиться быстрое политическое созрѣваніе Бол-

гарской націи. Въ статьѣ моей: „Панславизмъ и Греки“ я старался доказать, что сохраненіе Турціи можетъ казаться одинаково выгоднымъ какъ для крайнихъ Грековъ, такъ и для крайнихъ Болгаръ, ибо Болгаре хотятъ еще укрѣпиться подъ духовно-безвредной для нихъ властью Турокъ, а крайніе Греки хотѣли бы соединиться съ Турками на Босфорѣ противу Панславизма.

Сербы въ другомъ положеніи. Церковной распри у нихъ съ Греками нѣтъ; а Болгаръ имъ бы удобнѣе было застать врасплохъ, безъ войска, безъ столицы, безъ опытныхъ министровъ, безъ династіи, безъ сильнаго народнаго совѣта и т. д. Сербамъ Турки и Турція менѣе нужны, чѣмъ Болгарамъ и Грекамъ. Понятно, что крайній Грекъ и крайній Болгаринъ, оба для пользы, для охраны своей національности, могутъ считать полезнымъ продленіе Турецкаго владычества, но крайній, пылкій Сербъ *воздерживается отъ нападенія на Турцію лишь изъ осторожности, изъ соображеній, скорѣе военныхъ, чѣмъ собственно политическихъ* *).

Не охрана національности, а сознаніе сравнительно военнаго безсилія своего—вотъ что удерживаетъ Сербію постоянно отъ несвоевременной войны съ Турціей. Сербіи очень было бы желательно стать Славянскимъ Піемонтомъ какъ для Австрійскихъ, такъ и для Турецкихъ Славянъ. И правда, что положеніе Сербіи очень похоже во многихъ отношеніяхъ на положеніе прежняго Піемонта. Малые размѣры ничего не значатъ сами по себѣ: и Римъ былъ малъ, и Бранденбургъ былъ малъ, и Московское Княжество было не велико. Нужна лишь благопріятная перестановка обстоятельствъ, счастливое сочетаніе политическихъ силъ. Вотъ однимъ-то изъ такихъ счастливыхъ сочетаній Сербы основательно могутъ считать (съ точки зрѣнія Сербизма своего) военное безсиліе и государственную неприготовленность сосѣдней, столь родственной, столь удобной для поглощенія и такъ великолѣпно у Босфора и при устьяхъ Дуная стоящей, Болгарской націи.

Болгары это чувствуютъ и Сербамъ не довѣряютъ; точно также, какъ мало довѣряютъ ихъ крайніе и вліятельные дѣятели и намъ, Русскимъ, не смотря на все, доказанное дѣлами, безкорыстіе нашей политики на Востокѣ **).

*) Не былъ ли я и въ этомъ пророкомъ? Черезъ годъ послѣ этой книги Сербы возстали. Они *начали* движеніе.

**) Я боюсь, чтобы какой нибудь тонкій мудрецъ не принялъ моихъ словъ о безкорыстіи Россіи за фразу, за „придворную штуку“, и не потерялъ бы довѣрія къ моей искренности. Разумѣется, безкорыстной политики нѣтъ и не должно быть. Государство не имѣетъ права, какъ лицо, на самопожертвованіе. Но дѣло въ томъ, что на востокѣ Европы корысть наша должна быть безкорыстна въ томъ смыслѣ, что въ настоящее время мы должны бояться присоединеній и завоеваній въ Европѣ не

Такихъ противоположныхъ интересовъ мы найдемъ много и у Австрійскихъ Славянъ. 5) У Православныхъ Сербовъ въ Турціи есть двѣ національныя династіи — Черногорская и Сербская. И хотя и у Сербовъ, и у Черногорцевъ, не замѣтно той сознательной привычки къ безусловной покорности роднымъ династіямъ, какая видна у Русскихъ, у Турокъ, и была видна до послѣдняго времени у Прусаковъ, но привязанность, уваженіе къ этимъ династіямъ, все-таки есть. Мы видимъ, что въ настоящее время и Черногорцы и Сербы свои династіи чтутъ. Поэтому самому очень трудно рѣшить, который изъ двухъ домовъ, Нѣгошей ли домъ, или домъ Обреновичей рѣшились бы принести въ жертву православные и независимые Сербы Задунайскіе? Оказывается, что даже и монархическія, лояльныя чувства, объединяющія народъ въ другихъ мѣстахъ, у Юго-Славянъ способствуютъ нѣкоторому сепаратизму.

Кажется я перечелъ всѣ тѣ главныя черты или историческія свойства, которыя могутъ препятствовать объединенію Юго-Западныхъ единоплеменниковъ нашихъ.

Мы видимъ, что все у нихъ разное, иногда противоположное, даже враждебное, все можетъ служить у нихъ разъединенію, все: религія, племенное честолюбіе, преданія древней славы, память вчерашняго рабства, интересы экономическіе, даже монархическія чувства направлены у однихъ на Князей Черногорскихъ, у другихъ на потомство Милоша, у третьихъ на мечты о коронѣ Вячеслава и Юрія Подѣбрадскаго, у иныхъ, наконецъ, это чувство состоитъ просто въ привычной, хотя и много остывшей уже, преданности Габсбургскому Дому, или оно направлено на временное охраненіе власти Султана.

Что же есть у нихъ у всѣхъ общаго историческаго, кромѣ племени и сходныхъ языковъ? Общее имъ всѣмъ въ наше время это—крайне демократическое устройство общества и очень значительная привычка къ конституціонной дипломатіи, къ искуственнымъ агитаціямъ, къ заказнымъ демонстраціямъ и ко всему тому, что происходитъ нынѣ изъ смѣси Старо-Британскаго, личнаго и корпоративнаго, свободолюбія съ плоской равноправностью, которую выдумали въ 89 году Французы прежде всего на гибель самимъ себѣ.

Раздѣлять Юго-Славянъ можетъ многое, объединить же ихъ и согласить безъ вмѣшательства Россіи можетъ только нѣчто общее

столько изъ человѣчности, сколько для собственной внутренней силы нашей. И чѣмъ ближе къ намъ націи по крови и языку, тѣмъ болѣе мы должны держать ихъ въ мудромъ отдаленіи, не разрывая связи съ ними. Идеаломъ надо ставить не сліяніе, а тяготѣніе на разсчитанныхъ разстояніяхъ. Это я надѣюсь объяснить дальше гораздо подробнѣе. Сліяніе и смѣшеніе съ Азіятцами поэтому или съ иновѣрными и иноплеменными гораздо выгоднѣе уже по одному тому, что они еще не пропитались Европеизмомъ.

имъ всѣмъ, нѣчто такое, что стояло бы на почвѣ нейтральной, внѣ Православія, внѣ Византизма, внѣ Сербизма, внѣ Католичества, внѣ Гуситскихъ воспоминаній, внѣ Юрія Подѣбрадскаго, внѣ Крума, Любуши и Марка Кралевича, внѣ крайнѣ-Болгарскихъ надеждъ. Это, внѣ всего этого стоящее, можетъ быть только нѣчто крайне демократическое, индефферентное, отрицательное, Якобински, а не старо-Британски конституціонное, быть можетъ даже федеративная Республика. Замѣтимъ еще въ добавокъ, что если бы такая Республика [14]) создалась по распаденіи Австріи и по удаленіи Турокъ за Босфоръ, то она вышла бы не изъ тѣхъ побужденій, изъ коихъ вышли Соединенные Штаты Америки, а изъ другихъ, въ охранительномъ смыслѣ гораздо худшихъ началъ.

Люди, которые ушедши изъ старой Англіи полагали основы Штатамъ Америки, были все люди крайне религіозные, которые уступать своей горячей личной вѣры не хотѣли и не подчинялись Государственной Англиканской Епископской Церкви не изъ прогрессивнаго равнодушія, а изъ набожности.

Католики, Пуритане, Квакеры, всѣ были согласны въ одномъ— во взаимной терпимости, не по холодности, а по необходимости. И потому Государство, созданное ими, для примиренія всѣхъ этихъ горячихъ религіозныхъ крайностей, нашло центръ тяжести своей внѣ религіи. Была вынужденная обстоятельствами терпимость, не было внутренняго индефферентизма.

Славяне, вступая въ подобную федерацію, не внесли бы въ нее тѣхъ высокихъ чувствъ, которыя на просторѣ Новаго Свѣта одушевляли прежнихъ Европейскихъ переселенцевъ Сѣверной Америки. Они вступили бы въ эту федерацію при иныхъ условіяхъ. Тамъ, въ Америкѣ, чтобы жить согласно, нужно было помнить о недавнихъ гоненіяхъ за личную вѣру. Здѣсь, и въ Австріи, и въ Турціи, никто уже не гонитъ серьезно ни Католичества Чеховъ и Хорватовъ, ни Право-

[14]) Не лишнимъ, можетъ быть, окажется здѣсь слѣдующій разсказъ, дошедшій до меня изъ вѣрныхъ источниковъ. Одинъ именитый Русскій человѣкъ, къ тому же и весьма ученый, имя котораго извѣстно и у насъ, и на Востокѣ, и въ Европѣ, имѣлъ не такъ давно разговоръ съ однимъ изъ главныхъ народныхъ Чешскихъ вождей (также какъ нельзя лучше, извѣстнымъ и у насъ и вездѣ).

Чешскій дѣятель разсыпался въ разговорѣ съ этимъ Русскимъ сановникомъ въ похвалахъ народу Русскому, особенно Правительству нашему: онъ говорилъ о своихъ симпатіяхъ къ намъ, о глубокомъ уваженіи къ нашей Монархіи.

„Но, разумѣется,—прибавилъ онъ съ увѣренностію,—монархическая форма есть временное состояніе; монархическая власть нигдѣ въ наше время не имѣетъ будущности.“

Удивительно! Откуда у людей мыслящихъ и даровитыхъ это ослѣпленіе, вѣра въ демократическій прогрессъ, какъ во что-то несомнѣнно хорошее? Какъ же не похвалить при этомъ Герцена, за его насмѣшки надъ республиканской ортодоксіей! Противорѣчія Герцена самому себѣ въ подобныхъ случаяхъ дѣлаютъ ему великую честь.

славія Сербовъ и Болгаръ. Напротивъ того, въ послѣднее время даже турецкіе министры, напр., такъ изучили нашъ церковный вопросъ, что дѣлаютъ нерѣдко Болгарамъ очень основательныя каноническія возраженія, когда тѣ слишкомъ спѣшатъ. Туркамъ иногда, для спокойствія Имперіи, приходится защищать Православіе отъ увлеченія Славянскихъ агитаторовъ.

И такъ не религіозныя же гоненія, не общія страданія могутъ объединить въ демократической федераціи нынѣшнихъ Юго-Славянъ, а только общеплеменное сознаніе, лишенное всякаго положительнаго организующаго содержанія, лишенное всякой сложной системы особо Славянскихъ идей.

Въ наше время легче всего помириться на Бюхнерѣ, Дарвинѣ и Молешотѣ. Передовые люди, зная штуку, по держась черни, по незабвенному выраженію Третьяковскаго, могутъ, для назиданія тѣхъ соотчичей своихъ, которые къ тому времени будутъ еще вѣрить въ ту, или другую Церковь, всегда притвориться, сходить къ обѣднѣ, причаститься, похвалить старину, даже изрѣдка и съ трудомъ великимъ недѣлю попоститься.

Такъ дѣлаютъ давно уже и теперь многіе вліятельные люди на Востокѣ, и Греки, и Славяне одинаково. Есть такіе, которые на 1-й недѣлѣ Великаго Поста и на Страстной дома, для дѣтей и слугъ, ѣдятъ и постное, а потихоньку потомъ заходятъ въ гостинницу и подкрѣпляютъ мясомъ свои просвѣщенные и прогрессивные купеческіе, учительскіе и лѣкарскіе, желудки.

То же по своему могутъ дѣлать и Католики, пока народъ простъ, и то, если это занадобится для чего-нибудь.

Но строго говоря, зачѣмъ и лицемѣрить долго? Въ наше время, „при быстротѣ сообщеній, при благодѣтельной гласности, при обученіи народа, при благородномъ, возвышенномъ стремленіи къ полной равноправности всѣхъ людей и народовъ“.

Увы! патріархальная и гомерическая поэзія Православнаго Востока угасаетъ быстро... Юнаки и паликары доживаютъ свой вѣкъ, разбойничая въ горахъ безъ идей. Христіанскими общинами самодержавно правитъ уже не безстрашный гайдукъ Кара-Георгій, не мудрый и стойкій свинопасъ Милошъ, не безграмотные герои Канарисъ и Боцарисъ, не Митрополиты Черногорскіе, которые умѣли сражаться и съ Турками и съ Французами.

Нынѣшній Христіанскій Востокъ вообще есть ничто иное, какъ Царство, не скажу даже скептическихъ, а просто невѣрующихъ épiciers, для которыхъ религія ихъ соотчичей низшаго класа есть лишь удобное орудіе агитаціи, орудіе племеннаго политическаго фанатизма въ ту или другую сторону. Это истина, и я не знаю, какое право имѣемъ мы, Русскіе, главные представители Православія во Вселенной, скры-

вать другъ отъ друга эту истину или стараться искусственно забывать ее!

Двадцать лѣтъ тому назадъ еще можно было надѣяться, что эпическія части народа у Славянъ дадутъ свою окраску прогрессивнымъ, но теперь нельзя обманывать себя болѣе!

Космополитическія, разрушительныя и отрицательныя идеи, воплощенныя въ кое-какъ по-Европейски обученной интеллигенціи, ведутъ всѣ эти близкіе намъ народы сначала къ политической независимости, вѣроятно, а потомъ? Потомъ, когда всѣ обособляющіе отъ космополитизма признаки блѣдны? Что будетъ потомъ? Чисто же племенная идея, я уже прежде сказалъ, не имѣетъ въ себѣ ничего организующаго, творческаго; она есть ничто иное, какъ частное перерожденіе космополитической идеи всеравенства и безплоднаго всеблага. Равенство классовъ, лицъ, равенство (т.-е. однообразіе) областей, равенство всѣхъ народовъ. Расторженіе всѣхъ преградъ, бурное низверженіе, или мирное, осторожное подкапываніе всѣхъ авторитетовъ—религіи, власти, сословій, препятствующихъ этому равенству, это все одна и та же идея, выражается ли она въ широкихъ и обманчивыхъ претензіяхъ Парижской демагогіи, или въ Уѣздныхъ желаніяхъ какого-нибудь мелкаго народа пріобрѣсти себѣ, во что бы то ни стало, равныя со всѣми другими націями Государственныя права.

Для насъ знаніе подобныхъ данныхъ важно. Хотимъ ли и мы предаться теченію, или желаемъ мы ревниво, жадно, фанатически, *сберегать все старое, для органическаго сопряженія съ неизбѣжно новымъ*, для исполненія призванія нашего въ мірѣ,—призванія, еще не выясненнаго намъ самимъ; во всякомъ случаѣ, мы должны знать и понимать, что такое эти Славяне, внѣ насъ стоящіе.

Хотимъ ли мы, по идеалу нашихъ нигилистовъ, найти наше призваніе въ передовой разрушительной роли, опередить всѣхъ и все на поприщѣ животнаго космополитизма; или мы предпочитаемъ по-человѣчески служить идеямъ организующимъ, дисциплинирующимъ,—идеямъ внѣ нашего, субъективнаго удовольствія стоящимъ, объективнымъ идеямъ Государства, Церкви, живаго добра и поэзіи; предпочитаемъ ли мы, наконецъ, нашу собственную цѣлость и силу, чтобы обратить эту силу, когда ударитъ, понятный всѣмъ, страшный и великій часъ, на службу лучшимъ и благороднѣйшимъ началамъ Европейской жизни, на службу этой самой великой, *старой* Европѣ, которой мы столько обязаны и которой хорошо бы заплатить добромъ? И въ томъ и въ другомъ случаѣ надо понять хорошо все, окружающее насъ.

Не льстить надо Славянамъ, не обращаться къ нимъ съ вѣчной улыбкой любезности; нѣтъ! надо изучить ихъ и если можно, если удастся, учить ихъ даже, какъ людей отсталыхъ по уму, несмотря на кажущуюся ихъ прогрессивность, и даже на ученость нѣкоторыхъ

изъ нихъ. Ученость сама по себѣ, одна, еще не есть спасеніе; иногда она залогъ отупѣнія.

Прежде всего не надо обманывать свое Русское общество; не надо оставлять его въ пріятномъ туманѣ, изъ-за какой-то, вовсе необязательной въ литературѣ, льстивой политики!

ГЛАВА VI.

ЧТО ТАКОЕ ПРОЦЕССЪ РАЗВИТІЯ?

Теперь мнѣ предстоитъ оставить на время и Славянъ и наше Русское Византійство и отвлечься отъ главнаго моего предмета очень далеко.

Я постараюсь, однако, насколько есть у меня умѣнья, быть краткимъ.

Я спрошу себя прежде всего: что значитъ слово „развитіе" вообще? Его недаромъ употребляютъ безпрестанно въ наше время. Человѣческій умъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно, на хорошей дорогѣ; онъ прилагаетъ, можетъ быть, очень вѣрно идею, выработанную реальными, естественными науками къ жизни психической, къ исторической жизни отдѣльныхъ людей и обществъ.

Говорятъ безпрестанно: „Развитіе ума, науки, развивающійся народъ, развитый человѣкъ, развитіе грамотности, законы развитія историческаго, дальнѣйшее развитіе нашихъ учрежденій" и т. д.

Все это хорошо. Однако, есть при этомъ и ошибки; именно, при внимательномъ разборѣ, видимъ, что слово развитіе иногда употребляется для обозначенія вовсе разнородныхъ процессовъ, или состояній. Такъ, напр., *развитый* человѣкъ часто употребляется въ смыслѣ *ученый*, *начитанный* или *образованный* человѣкъ. Но это совсѣмъ не одно и то же. Образованный, сформированный, выработанный разнообразно человѣкъ, и человѣкъ ученый—понятія разныя. Фаустъ—вотъ *развитый* человѣкъ, а Вагнеръ у Гете—*ученый*, *но вовсе не развитый.*

Еще примѣръ. *Развитіе* грамотности въ народѣ мнѣ кажется вовсе не подходящее выраженіе.

Распространеніе, *разлитіе* грамотности—дѣло другое. *Распространеніе* грамотности, *распространеніе* пьянства, *распространеніе* холеры, распространеніе благонравія, трезвости, бережливости, распространеніе желѣзныхъ путей и т. д. Всѣ эти явленія представляютъ намъ разлитіе чего-то *однороднаго*, *общаго*, *простаго*.

Идея же развитія собственно соотвѣтствуетъ въ тѣхъ реальныхъ, точныхъ наукахъ, изъ которыхъ она перенесена въ историческую область, *нѣкоему сложному процессу* и, замѣтимъ, *нерѣдко вовсе проти-*

воположному съ процессомъ распространенія, разлитія, процессу какъ бы враждебному этому послѣднему процессу.

Присматриваясь ближе къ явленіямъ органической жизни, изъ наблюденій которой именно и взялась эта идея развитія, мы видимъ, что процессъ развитія въ этой органической жизни значитъ вотъ что:

Постепенное восхожденіе отъ простѣйшаго къ сложнѣйшему постепенная индивидуализація, *обособленіе, съ одной стороны, отъ окружающаго міра, а съ другой—отъ сходныхъ и родственныхъ организмовъ, отъ всѣхъ сходныхъ и родственныхъ явленій.*

Постепенный ходъ отъ безцвѣтности, отъ *простоты къ оригинальности и сложности.*

Постепенное осложненіе элементовъ составныхъ, *увеличеніе богатства внутренняго* и въ то же время *постепенное укрѣпленіе единства.*

Такъ что *высшая точка развитія* не только въ органическихъ тѣлахъ, но и вообще въ органическихъ явленіяхъ, *есть высшая степень сложности, объединенная нѣкіимъ внутреннимъ деспотическимъ единствомъ.*

Самый ростъ травы, дерева, животнаго и т. д. есть уже осложненіе; только говоря ростъ, мы имѣемъ въ виду преимущественно количественную сторону, а не качественную, не столько измѣненіе формы, сколько измѣненіе размѣровъ.

Содержаніе при ростѣ количественно осложняется. Трава, положимъ, еще не дала ни цвѣтовъ, ни плода, но она поднялась, выросла значитъ, если намъ незамѣтно было никакого въ ней ни внутренняго (микроскопическаго), ни внѣшняго, видимаго глазу, морфологическаго измѣненія, обогащенія, но мы имѣемъ, все-таки, право сказать, что трава стала сложнѣе, ибо *количество* ячеекъ и волоконъ у нея умножилось.

Къ тому же, ближайшее наблюденіе показываетъ, что всегда при процессѣ развитія есть непрестанное, хоть какое-нибудь измѣненіе и формы, какъ въ частностяхъ (напр., въ величинѣ, видѣ самихъ ячеекъ и волоконъ), такъ и въ общемъ (т.-е., что появляются новыя вовсе черты, дотолѣ небывалыя въ картинѣ всецѣлаго организма).

То же и въ развитіи животнаго тѣла, и въ развитіи человѣческаго организма, и даже въ развитіи духа человѣческаго, характера.

Я сказалъ: не только цѣлые организмы, но и всѣ *органическіе процессы*, и всѣ *части организмовъ*, однимъ словомъ, всѣ органическія явленія подчинены тому же закону.

Возьмемъ, напр., картину какой-нибудь болѣзни [15]). Положимъ,—

[15]) Я опасаюсь здѣсь упрека за длинноту и подробность того, что иные готовы счесть обыкновеннымъ уподобленіемъ.

Уподобленіе не только краситъ рѣчь, но даже дѣлаетъ главный предметъ болѣе

Воспаленіе легкихъ (Pneumonia). Начинается оно большею частью *просто*, такъ просто, что его нельзя строго отличить въ началѣ отъ простой простуды, отъ Bronchitis, отъ Pleuritis и отъ множества другихъ и опасныхъ, и ничтожныхъ болѣзней. Недомоганіе, жаръ, боль въ груди или въ боку, кашель. Если бы въ эту минуту человѣкъ умеръ отъ чего-нибудь другаго (напр., если бы его застрѣлили), то и въ легкихъ нашли бы мы очень мало измѣненій, *очень мало отличій отъ другихъ лёгкихъ*. Болѣзнь *не развита*, *не сложна еще*, и потому и *не индивидуализирована* и *не сильна* (еще не опасна, не смертоносна, еще *мало вліятельна*). Чѣмъ сложнѣе становится картина, тѣмъ въ ней больше разнообразныхъ отличительныхъ признаковъ, тѣмъ она легче индивидуализируется, классифицируется, отдѣляется и, съ другой стороны, тѣмъ она все сильнѣе, все вліятельнѣе. Прежніе признаки еще остаются, жаръ, боль, горячка, слабость, кашель, удушье и т. д., но есть еще новые, мокрота, окрашенная, смотря по случаю, отъ кирпичнаго до лимоннаго цвѣта. Выслушиваніе даетъ, наконецъ, специфическій ronchus crepitans. Потомъ приходитъ минута, когда картина наиболѣе сложна: въ одной части легкихъ простой ronchus subcrepitans, свойственный и другимъ процессамъ, въ другой ronchus crepitans (подобный нѣжному треску волосъ, которые мы будемъ растирать медленно около уха), въ третьемъ мѣстѣ выслушиваніе груди даетъ бронхіальное дыханіе souffle tubaire, на подобіе дуновенія въ какую-нибудь трубку: это, опечененіе легкихъ, воздухъ не проходитъ вовсе. Наконецъ, можетъ случиться, что рядомъ съ этимъ будетъ и нарывъ, пещера, и тогда мы услышимъ и увидимъ еще новыя явленія, встрѣтимъ еще болѣе сложную картину. То же самое намъ дадутъ и вскрытія: 1) *силу*, 2) *сложность*, 3) *индивидуализацію*.

Далѣе, если дѣло идетъ къ выздоровленію организма, то *картина болѣзни упрощается*.

Если же дѣло къ побѣдѣ болѣзни, то, напротивъ, *упрощается*, или вдругъ, или постепенно, *картина самаго организма*.

доступнымъ и яснымъ, если оно умѣстно и *кратко*. *Длинныя же*, утомительныя уподобленія только путаютъ и отвлекаютъ мысль.

Но спѣшу сознаться, что я имѣю здѣсь претензію на нѣчто гораздо *большее, чѣмъ уподобленіе:* я имѣю претензію предложить нѣчто вродѣ гипотезы для соціальной или для исторической науки.

Правъ ли я, или нѣтъ, хорошо ли я выразилъ мою мысль, или худо, это другой вопросъ. Я хочу только предупредить, что дѣло здѣсь не въ уподобленіяхъ, а въ желаніи указать на то, что законы развитія и *паденія* Государствъ, повидимому, въ общихъ чертахъ однородные не только съ законами органическаго міра, но и вообще съ законами возникновенія, существованія и гибели (Enstehen, Daseyn und Vergehen) всего того сущаго, что намъ доступно. Всякій знаетъ, что *государство падаетъ*, но *какъ?* При *какихъ признакахъ?* И *есть ли теперь* такіе ужасные признаки?—У *кого?* Вотъ цѣль! (Примѣч. автора, 1874 года).

Если дѣло идетъ къ выздоровленію, то сложность и разнообразіе признаковъ, составлявшихъ картину болѣзни, мало по малу уменьшаются. Мокрота становится обыкновеннѣе (менѣе индивидуализирована); хрипы переходятъ въ болѣе обыкновенные, схожіе съ хрипами другихъ кашлей; жаръ спадаетъ, опечененіе разрѣшается, т.-е. легкія становятся опять *однороднѣе*, *однообразнѣе*.

Если дѣло идетъ къ смерти, *начинается упрощеніе организма*. Предсмертные, послѣдніе часы у всѣхъ умирающихъ сходнѣе, проще, чѣмъ середина болѣзни. Потомъ слѣдуетъ смерть, которая, сказано давно, всѣхъ равняетъ. Картина трупа малосложнѣе картины живаго организма; въ трупѣ все мало по малу сливается, просачивается, жидкости застываютъ, плотныя ткани рыхлѣютъ, всѣ цвѣта тѣла сливаются въ одинъ зеленовато-бурый. Скоро уже трупъ будетъ очень трудно отличить отъ другаго трупа. Потомъ упрощеніе и смѣшеніе составныхъ частей, продолжаясь, переходитъ все болѣе и болѣе въ процессъ разложенія, распаденія, расторженія, *разлитія* въ окружающемъ. Мягкія части трупа распадаясь, разлагаясь на свои химическія составныя части, доходятъ до крайней неорганической простоты углерода, азота, водорода и кислорода, *разливаются* въ окружающемъ мірѣ, *распространяются*. Кости, благодаря большей силѣ внутренняго сцѣпленія извести, составляющей ихъ основу, переживаютъ все остальное, но и онѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, скоро распадаются, сперва на части, а потомъ и на вовсе неорганическій и безличный прахъ.

И такъ, что бы *развитое* мы ни взяли, болѣзни ли (органическій сложный и единый процессъ), или живое, цвѣтущее тѣло (сложный и единый организмъ), мы увидимъ одно, что разложенію и *смерти втораго* (организма) и *уничтоженію первой* (процесса) предшествуютъ явленія: упрощеніе составныхъ частей, *уменьшеніе числа признаковъ*, *ослабленіе единства*, силы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *смѣшеніе*. Все постепенно *понижается*, *мѣшается*, *сливается*, а потомъ уже распадается и гибнетъ, переходя въ нѣчто общее, не собой уже и не для себя существующее.

Передъ окончательной гибелью индивидуализація, какъ частей, такъ и цѣлаго, слабѣетъ. Гибнущее становится и однообразнѣе внутренно, и ближе къ окружающему міру, и сходнѣе съ родственными, близкими ему, явленіями (т.-е. *свободнѣе*).

Такъ, яички всѣхъ самокъ и внутренно малосложны, и ближе къ организму матери, чѣмъ будутъ близки зародыши, и сходнѣе со всякими другими животными и растительными первоначальными ячейками.

Разные животные зародыши *отдѣльнѣе* яичекъ, имѣютъ *уже больше* ихъ микроскопическихъ *отличій* другъ отъ друга, они уже менѣе

сходны. Утробные зрѣлые плоды *еще разнороднѣе* и еще болѣе отдѣльны. Это оттого, что они и сложнѣе, и единѣе, т.-е. развитѣе.

Младенцы, дѣти еще сложнѣе и разнороднѣе; юноши, взрослые люди, до впаденія въ дряхлость, еще и еще развитѣе. Въ нихъ все больше и больше (по мѣрѣ и степени развитія) сложности и внутренняго единства, и потому больше отличительныхъ признаковъ, больше отдѣльности, независимости отъ окружающаго, больше своеобразія, самобытности.

И это, повторяемъ, относится не только къ организмамъ, но и къ частямъ ихъ, къ системамъ (нервной, кровеносной и т. д.), къ аппаратамъ (пищеварительному, дыхательному и т. д.); относится и къ процессамъ нормальнымъ и патологическимъ; даже и къ тѣмъ идеальнымъ, научнымъ, собирательнымъ единицамъ, которыя зовутся видъ, родъ, классъ и т. д. Чѣмъ выше, чѣмъ развитѣе видъ, родъ, классъ, тѣмъ разнообразнѣе отдѣлы (части, ихъ составляющія), а собирательное, цѣлое, все-таки весьма едино и естественно. Такъ, собака домашняя — животное весьма развитое; поэтому-то отдѣленіе млекопитающихъ, которое извѣстно подъ названіемъ домашняя собака, — отдѣленіе весьма полное, имѣющее чрезвычайно много разнообразныхъ представителей. Родъ кошекъ (въ широкомъ смыслѣ), четверорукія (обезьны), позвоночныя вообще — представляютъ, при всемъ своемъ необычайномъ разнообразіи, чрезвычайное единство общаго плана. Это все отдѣленія весьма развитыхъ животныхъ, весьма богатыхъ зоологическимъ содержаніемъ, индивидуализированныхъ, *богатыхъ признаками.*

То же самое мы можемъ наблюдать и въ растительныхъ организмахъ, процессахъ, органахъ, и въ растительной классификаціи по отдѣламъ, по собирательнымъ единицамъ.

Все въ началѣ просто, потомъ сложно, потомъ вторично упрощается, *сперва уравниваясь и смѣшиваясь внутренно*, а потомъ еще болѣе упрощаясь отпаденіемъ частей и общимъ разложеніемъ, до перехода въ неорганическую „Нирвану".

При дальнѣйшемъ размышленіи мы видимъ, что этотъ тріединый процессъ свойственъ не только тому міру, который зовется собственно органическимъ, но, можетъ быть, и всему, существующему въ пространствѣ и времени. Можетъ быть, онъ свойственъ и небеснымъ тѣламъ, и исторіи развитія ихъ минеральной коры, и характерамъ человѣческимъ; онъ ясенъ въ ходѣ развитія искусствъ, школъ живописи, музыкальныхъ и архитектурныхъ стилей, въ философскихъ системахъ, въ исторіи религій и, наконецъ, въ *жизни племенъ, государственныхъ организмовъ и цѣлыхъ культурныхъ міровъ.*

Я не могу распространяться здѣсь долго и развивать подробно мою мысль. Я ограничусь только нѣсколькими краткими примѣрами и объясненіями. Напримѣръ, для небеснаго тѣла: а) періодъ *первона-*

чальной простоты: расплавленное небесное тѣло, однообразное жидкое; б) періодъ срединный, то состояніе, которое можно назвать вообще цвѣтущей сложностью: планета, покрытая корою, водою, материками, растительностью, *обитаемая*, *пестрая*; в) періодъ *вторичной простоты;* остывшее или вновь, вслѣдствіе катастрофы, расплавленное тѣло и т. д.

Мы замѣтимъ то же и въ исторіи искусствъ: а) періодъ первоначальной простоты: циклопическія постройки, конусообразныя могилы Этрусковъ (послужившія, вѣроятно, исходнымъ образцомъ для куполовъ и вообще для круглыхъ линій *развитой* Римской архитектуры), избы Русскихъ крестьянъ, Дорическій орденъ и т. д., эпическія пѣсни первобытныхъ племенъ; музыка дикихъ, первоначальная иконопись, лубочныя картины и т. д.; б) періодъ цвѣтущей сложности: Парѳенонъ, храмъ Ефесской Діаны (въ которомъ даже *на колоннахъ* были изваянія), Страсбургскій, Реймскій, Миланскій Соборы, Св. Петра, Св. Марка, Римскія великія зданія, Софоклъ, Шекспиръ, Дантъ, Байронъ, Рафаэль, Микель-Анджело и т. д.; в) періодъ *смѣшенія*, перехода во вторичное упрощеніе, упадка, замѣны другимъ: всѣ зданія переходныхъ эпохъ, Романскій стиль (до начала Готическаго и отъ паденія Римскаго), всѣ нынѣшнія утилитарныя постройки, казармы, больницы, училища, станціи желѣзныхъ дорогъ и т. д. Въ архитектурѣ единство есть то, что зовутъ стиль. Въ цвѣтущія эпохи постройки разнообразны въ предѣлахъ стиля; нѣтъ ни эклектическаго смѣшенія, ни бездарной старческой простоты. Въ поэзіи тоже: Софоклъ, Эсхилъ и Еврипидъ— всѣ одного стиля; впослѣдствіи все, съ одной стороны, смѣшивается эклектически и холодно, понижается и падаетъ.

Примѣромъ вторичнаго упрощенія всѣхъ прежнихъ Европейскихъ стилей можетъ служить современный реализмъ литературнаго искусства. Въ немъ есть нѣчто и эклектическое, (т.-е. *смѣшанное*) *и приниженное*, количественно павшее, *плоское*. Типическіе представители великихъ стилей поэзіи всѣ чрезвычайно несходны между собою: у нихъ чрезвычайно много внутренняго содержанія, много отличительныхъ признаковъ, много индивидуальности. Въ нихъ много и того, что принадлежитъ вѣку (содержаніе), и того, что принадлежитъ имъ самимъ, ихъ личности, тому единству духа личнаго, которое они влагали въ разнообразіе содержанія. Таковы: Дантъ, Шекспиръ, Корнель, Расинъ, Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Гёте, Шиллеръ.

Въ настоящее время, особливо послѣ 48 года, все *смѣшаннѣе* и сходнѣе между собою: общій стиль—отсутствіе стиля и отсутствіе субъективнаго духа, любви, чувства. Диккенсъ въ Англіи и Жоржъ Сандъ во Франціи (я говорю про старыя ея вещи), какъ они ни различны другъ отъ друга, но были оба послѣдними представителями *сложнаго единства*, силы, богатства, теплоты. Реализмъ простой па-

блюдательности уже потому бѣднѣе, проще, что въ немъ уже нѣтъ автора, нѣтъ личности, вдохновенія, поэтому онъ пошлѣе, *демократичнѣе*, *доступнѣе всякому* бездарному человѣку и пишущему, и читающему.

Нынѣшній объективный безличный всеобщій реализмъ есть вторичное *смѣсительное упрощеніе*, послѣдовавшее за теплой объективностью Гёте, Вальтеръ-Скотта, Диккенса и прежняго Жоржъ Санда, больше ничего.

Пошлыя общедоступныя оды, мадригалы и эпопеи прошлаго вѣка были подобнымъ же упрощеніемъ, пониженіемъ предъидущаго Французскаго классицизма, высокаго классицизма Корнелей, Расиновъ и Мольеровъ.

Въ исторіи философіи то же: а) первобытная простота: простыя изреченія народной мудрости, простыя начальныя системы (Ѳалесъ и т. п.); б) цвѣтущая сложность: Сократъ, Платонъ, Стоики, Эпикурейцы, Пиѳагоръ, Спиноза, Лейбницъ, Декартъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель; в) вторичное упрощеніе, смѣшеніе и исчезновеніе, переходъ въ совершенно иное: эклектики, безличные *смѣсители* всѣхъ временъ (Кузенъ); потомъ Реализмъ феноменальный, отвергающій отвлеченную философію, метафизику: матеріалисты, деисты, атеисты. Реализмъ *оченъ простъ* ибо онъ даже и не система, а только методъ, способъ: онъ есть *смертъ* предъидущихъ системъ. Матеріализмъ же есть безспорно система, но, конечно, *самая простая*, ибо ничего не можетъ быть проще и грубѣе, малосложнѣе, какъ сказать, что все вещество и что нѣтъ ни Бога, ни духа, ни безсмертія души, ибо мы этого не видимъ и не трогаемъ руками. Въ наше время это вторичное упрощеніе философіи доступно не только образованнымъ юношамъ, стоящимъ еще, по лѣтамъ своимъ, на степени первобытной простоты, на степени незрѣлыхъ яблокъ, или семинаристамъ циклопической постройки, но даже Парижскимъ работникамъ, трактирнымъ лакеямъ и т. п. Матеріализмъ всегда почти сопровождаетъ реализмъ; хотя реализмъ самъ по себѣ еще и не даетъ права ни на атеизмъ, ни на матеріализмъ. Реализмъ отвергаетъ всякую систему, всякую метафизику; реализмъ есть отчаяніе, самооскопленіе, *вотъ почему онъ упрощеніе! На матеріалистическіе же выводы* онъ правъ, все-таки, не даетъ.

Матеріализмъ, съ своей стороны, есть послѣдняя изъ системъ послѣдней эпохи: онъ царствуетъ до тѣхъ поръ, пока тотъ же реализмъ не съумѣетъ и ему твердо сказать свое скептическое слово. За скептицизмомъ и реализмомъ обыкновенно слѣдуетъ возрожденіе: одни люди переходятъ къ новымъ идеальнымъ системамъ, у другихъ является пламенный поворотъ къ религіи. Такъ было въ древности; такъ было въ началѣ нашего вѣка, послѣ реализма и матеріализма XVIII столѣтія.

И метафизика и религія остаются *реальными силами*, дѣйствительными, несокрушимыми потребностями человѣчества.

Тому же закону подчинены и государственные организмы, и цѣлыя культуры міра. И у нихъ очень ясны эти три періода: 1) *первичной простоты*, 2) *цвѣтущей сложности* и 3) *вторичнаго смѣсительнаго упрощенія*. О нихъ я повторю особо, дальше.

ГЛАВА VII.

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФОРМѢ.

Я кончилъ предъидущую главу слѣдующей мыслью.

„Тріединый процессъ: 1) первоначальной простоты, 2) цвѣтущаго объединенія и сложности и 3) вторичнаго *смѣсительнаго* упрощенія, свойственъ точно такъ же, какъ и всему существующему, и жизни человѣческихъ обществъ, государствамъ и цѣлымъ культурнымъ мірамъ“.

Развитіе Государства сопровождается постоянно выясненіемъ, обособленіемъ свойственной ему политической формы; паденіе выражается разстройствомъ этой формы, большей *общностью съ окружающимъ*.

Прежде всего спрошу себя: „Что такое форма?“.

Форма вообще есть выраженіе идеи, заключенной въ матеріи (содержаніи). Она есть отрицательный моментъ явленія, матерія — положительный. Въ какомъ это смыслѣ? Матерія, напримѣръ, данная намъ, есть стекло, форма явленія—стаканъ, цилиндрическій сосудъ, полый внутри; тамъ, гдѣ кончается стекло, тамъ, гдѣ его уже нѣтъ, начинается воздухъ вокругъ, или жидкость внутри сосуда; дальше матерія стекла не можетъ идти, не смѣетъ, если хочетъ остаться вѣрна основной идеѣ своей полаго цилиндра, если не хочетъ перестать быть стаканомъ.

Форма есть деспотизмъ внутренней идеи, не дающій матеріи разбѣгаться. Разрывая узы этого естественнаго деспотизма, явленіе гибнетъ.

Шарообразная, или эллиптическая форма, которую принимаетъ жидкость при нѣкоторыхъ условіяхъ, есть форма, есть деспотизмъ внутренней идеи.

Кристаллизація есть деспотизмъ внутренней идеи. Одно вещество должно, при извѣстныхъ условіяхъ, оставаясь само собою, кристаллизоваться призмами, другое октаэдрами и т. п.

Иначе они не смѣютъ, иначе они гибнутъ, разлагаются.

Растительная и животная морфологія есть также ничто иное, какъ наука о томъ, какъ оливка *не смѣетъ* стать дубомъ, какъ дубъ *не*

смѣетъ стать пальмой и т. д.; имъ съ зерна *предуставлено* имѣть такіе, а не другіе листья, такіе, а не другіе цвѣты и плоды.

Человѣкъ, высѣкая изъ камня или выливая изъ бронзы (изъ матеріи) статую человѣка, вытачивая изъ слоновой кости шаръ, склеивая и сшивая изъ лоскутковъ искусственный цвѣтокъ, влагаетъ извнѣ въ матерію свою идею, подкарауленную имъ у природы.

Устроивая машину, онъ дѣлаетъ то же. Машина рабски повинуется, отчасти идеѣ, вложенной въ нее извнѣ человѣческой мыслью, отчасти своему внутреннему закону, своему физико-химическому строю, своей физико-химической основной идеѣ. Нельзя, напр., изъ льда сдѣлать такую прочную машину, какъ изъ мѣди и желѣза.

Съ другой стороны, изъ камня нельзя сдѣлать такой естественный цвѣтокъ, какъ изъ бархата или кисеи.

Тотъ, *кто хочетъ быть истиннымъ реалистомъ именно тамъ*, *гдѣ нужно*, *тотъ долженъ бы разсматривать и общества человѣческія съ подобной точки зрѣнія.* Но обыкновенно дѣлается не такъ. *Свобода*, *равенство*, *благоденствіе* (особенно это благоденствіе!) принимаются какими-то догматами вѣры, и увѣряютъ, что это очень раціонально и научно!

Да кто же сказалъ, *что это правда?*

Соціальная наука едва родилась, а люди, пренебрегая опытомъ вѣковъ и примѣрами ими же теперь столь *уважаемой природы*, не хотятъ видѣть, что между эгалитарно-либеральнымъ поступательнымъ движеніемъ и идеей развитія нѣтъ ничего логически родственнаго, даже болѣе: *эгалитарно-либеральный процессъ есть антитеза процессу развитія.* При послѣднемъ внутренняя идея держитъ крѣпко общественный матеріалъ въ своихъ организующихъ, деспотическихъ объятіяхъ и ограничиваетъ его разбѣгающіяся, расторгающія стремленія. Прогрессъ же, борющійся противу всякаго деспотизма—сословій, цеховъ, монастырей, даже богатства и т. п., есть *не что иное какъ процессъ разложенія*, процессъ того вторичнаго *упрощенія цѣлаго* и *смѣшенія составныхъ частей*, о которомъ я говорилъ выше, процессъ сглаживанія морфологическихъ очертаній, процессъ уничтоженія тѣхъ особенностей, которыя были органически (т.-е., деспотически) свойственны общественному тѣлу.

Явленія эгалитарно-либеральнаго прогресса схожи съ явленіями горѣнія, гніенія, таянія льда (менѣе воды *свободнаго*, ограниченнаго кристаллизаціей); они сходны съ явленіями, напр., холернаго процесса, который постепенно обращаетъ весьма различныхъ людей сперва въ болѣе однообразные трупы (равенство), потомъ въ совершенно почти схожіе (равенство) остовы и, наконецъ, въ свободные (относительно, конечно): азотъ, водородъ, кислородъ и т. д.

(„On est débordé", говорятъ многіе, это дѣло другое. „On est débordé"

и холерой. Но почему же холеру не назвать по имени? Зачѣмъ ее звать молодостью, возрожденіемъ, *развитіемъ*, *организаціей?)*.

При всѣхъ этихъ процессахъ гніенія, горѣнія, таянія, холернаго поступательнаго движенія замѣтны однѣ и тѣ же общія явленія.

а) Утрата особенностей, отличавшихъ дотолѣ деспотически сформированное цѣлое дерево, животное, цѣлую ткань, цѣлый кристаллъ и т. д. отъ всего *подобнаго* и *сосѣдняго*.

б) *Большее* противу прежняго *сходство составныхъ частей*, большее *внутреннее равенство*, большее однообразіе состава и т. п.

в) Утрата прежнихъ *строгихъ* морфологическихъ *очертаній*: все сливается, все *свободнѣе и ровнѣе*.

И такъ, какое дѣло честной, исторической реальной наукѣ до неудобствъ, до потребностей, до деспотизма, до страданій?

Къ чему эти не научныя сентиментальности, столь выдохшіяся въ наше время, столь прозаическія въ добавокъ, столь бездарныя? Что мнѣ за дѣло въ подобномъ вопросѣ до самихъ стоновъ человѣчества?

Какое научное право я имѣю думать о конечныхъ причинахъ, о цѣляхъ, о благоденствіи, напр., прежде серьезнаго, долгаго и безстрастнаго изслѣдованія?

Гдѣ эти не догматическія, безстрастныя, скажу даже, въ прогрессивномъ отношеніи, пожалуй безнравственныя, но научно-честныя изслѣдованія? Гдѣ они? Они существуютъ, положимъ, хотя и весьма несовершенные еще, но только именно не для демократовъ, не для прогрессистовъ.

Какое мнѣ дѣло, въ болѣе или менѣе отвлеченномъ изслѣдованіи, не только до чужихъ, но и *до моихъ собственныхъ неудобствъ*, до *моихъ собственныхъ стоновъ и страданій?*

Государство есть, съ одной стороны, какъ бы дерево, которое достигаетъ своего полнаго роста, цвѣта и плодоношенія, повинуясь нѣкоему таинственному, независящему отъ насъ, деспотическому повелѣнію внутренней, вложенной въ него, идеи. Съ другой стороны, оно есть машина, и сдѣланная людьми полусознательно, и содержащая людей, какъ части, какъ колеса, рычаги, винты, атомы, и наконецъ, машина, выработывающая, образующая людей. Человѣкъ въ Государствѣ есть въ одно и то же время и механикъ, и колеса или винтъ, и продуктъ общественнаго организма.

На которое бы изъ государствъ древнихъ и новыхъ мы ни взглянули, у всѣхъ найдемъ одно и то же общее: простоту и однообразіе въ началѣ, *больше равенства и больше свободы* (по крайней мѣрѣ фактической, если не юридической свободы), *чѣмъ будетъ послѣ*. Закрывши книгу на второй или третьей главѣ, мы находимъ, что всѣ начала довольно схожи, хоть и не совсѣмъ. Взглянувъ на растеніе, выходящее изъ земли, мы еще не знаемъ хорошо, что изъ

него будетъ. Различій слишкомъ мало. Потомъ мы видимъ большее или меньшее *укрѣпленіе власти* болѣе глубокое или менѣе рѣзкое (смотря по задаткамъ первоначальнаго строенія) *раздѣленіе сословій*, большее *разнообразіе* быта и *разнохарактерность областей*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивается, съ одной стороны, богатство, съ другой—бѣдность, съ одной стороны, рессурсы наслажденія разнообразятся, съ другой—разнообразіе и тонкость (развитость) ощущеній и потребностей порождаютъ больше страданій, больше грусти, больше ошибокъ и больше великихъ дѣлъ, больше поэзіи и больше комизма; подвиги образованныхъ—Ѳемистокла, Ксенофонта, Александра—крупнѣе и симпатичнѣе простыхъ и грубыхъ подвиговъ Одиссеевъ и Ахилловъ. Являются Софоклы, являются и Аристофаны, являются вопли Корнелей и смѣхъ Мольеровъ. У иныхъ Софоклъ и Аристофанъ, Корнель и Мольеръ, сливаются въ одного Шекспира, или Гёте.

Вообще въ эти сложныя цвѣтущія эпохи есть какая бы то ни было аристократія, политическая, съ правами и положеніемъ, или только бытовая (т.-е.) только съ положеніемъ безъ рѣзкихъ правъ, или еще чаще стоящая на грани политической и бытовой. Эвпатриды Аѳинъ, феодальные Сатрапы Персіи, Оптиматы Рима, Маркизы Франціи, Лорды Англіи, Воины Египта, Спартіаты Лаконіи, знатные Дворяне Россіи, Паны Польши, Беи Турціи.

Въ то же время, по внутренней потребности единства, есть наклонность и къ единоличной власти, которая по праву, или только по факту, но всегда крѣпнетъ въ эпоху цвѣтущей сложности. Являются великіе замѣчательные Диктаторы, Императоры, Короли или по крайней мѣрѣ геніальные Демагоги и Тираны (въ Древне-Эллинскомъ смыслѣ), Ѳемистоклы, Периклы и т. п.

Между Перикломъ диктаторомъ *фактическимъ* и между законнымъ Самодержцемъ по наслѣдству и религіи—помѣщается цѣлая лѣстница разнообразныхъ единоличныхъ властительствъ, въ которыхъ ощущается потребность вездѣ въ сложныя и цвѣтущія эпохи, для объединенія всѣхъ составныхъ частей, всѣхъ общественно-реальныхъ силъ, полныхъ жизни и броженія.

Провинціи въ это время также всегда разнообразны по быту, правамъ и законамъ. Дерево выразило вполнѣ свою внутреннюю морфологическую идею...

А страданія? Страданія сопровождаютъ одинаково и процессъ роста и развитія, и процессъ разложенія.

Все болитъ у древа жизни людской...

Болитъ начальное прозябаніе зерна. Болятъ первые всходы; болитъ ростъ стебля и ствола, развитіе листьевъ, и распусканіе пышныхъ цвѣтовъ—(аристократіи и искусства)—сопровождаются стонами и слезами. Болятъ одинаково эгалитарный быстрый процессъ гніенія и

процессъ медленнаго высыханія, застоя, нерѣдко предшествующій эгалитарному процессу. (Напр. въ Испаніи, Венеціанской Республикѣ— во всей Италіи *высыханіе* XVII и XVIII вѣковъ предшествовало *гніенію* XIX) *Боль для соціальной науки, это самый послѣдній изъ признаковъ самый неуловимый*; ибо онъ субъективенъ, и вѣрная статистика страданій, точная статистика чувствъ невозможна будетъ до тѣхъ поръ, пока для чувствъ радости, равнодушія и горя не изобрѣтутъ какое-нибудь графическое изображеніе, какое-нибудь объективное мѣрило, подобно тому, какъ, вовсе неожиданно, открыли, что спектральный анализъ можетъ обнаружить химическій составъ небесныхъ тѣлъ, отдаленныхъ на безконечныя отъ меня пространства!

Раскройте медицинскія книги, о, друзья реалисты! и вы въ нихъ найдете, до чего музыкальное, субъективное мѣрило боли считается маловажнѣе суммы всѣхъ другихъ, пластическихъ, объективныхъ признаковъ; картина организма, являющаяся передъ очами врача-физіолога, вотъ что важно, а не чувство непонимающаго и подкупленнаго больнаго! Ужасныя невралгіи, приводящія больныхъ въ отчаяніе, не мѣшаютъ имъ жить долго и совершать дѣла, а тихая, почти безболѣзненная гангрена сводитъ ихъ въ гробъ въ нѣсколько дней.

Вмѣсто того, чтобы или наивно, или нечестно становиться, въ виду какого-то конечнаго блага, на разныя предвзятыя точки зрѣнія, коммунистическую, демократическую, либеральную и т. д., научнѣе было бы подвергать всѣ одинаковой, безстрастной, безжалостной оцѣнкѣ, и если бы итогъ вышелъ либо либеральный, либо охранительный, либо сословный, либо безсословный, то не мы, такъ сказать, были бы виноваты, а сама наука.

Статистики нѣтъ никакой для субъективнаго блаженства отдѣльныхъ лицъ; никто не знаетъ, при какомъ правленіи люди живутъ пріятнѣе. Бунты и революціи мало доказываютъ въ этомъ случаѣ. Многіе веселятся бунтомъ. Современные намъ Критяне, напр., жили положительно лучше хоть бы Ѳракійскихъ Болгаръ и Грековъ и несравненно веселѣе и пріятнѣе небогатыхъ жителей какихъ бы то ни было большихъ городовъ. Человѣкъ добросовѣстный, живой, неподкупленный политикой, не слѣпой, наконецъ, былъ пораженъ цвѣтущимъ видомъ Критянъ, ихъ красотой, здоровьемъ, скромной чистотою ихъ жилищъ, ихъ прелестной, честной, семейной жизнью, пріятной самоувѣренностью и достоинствомъ ихъ походки и пріемовъ... И вотъ они, прежде другихъ Турецкихъ подданныхъ, возстали, воображая себя самыми несчастными, тогда какъ Ѳракійскіе Болгары и Греки жили гораздо хуже и терпѣли тогда несравненно больше личныхъ обидъ и притѣсненій и отъ дурной полиціи, и отъ собственныхъ лукавыхъ старшинъ; однако, они не возставали, а Болгарскіе старшины, тѣ даже

подавали Султану адресы и предлагали оружіемъ поддерживать его противу Критянъ.

Никакой нѣтъ статистики для опредѣленія, что въ республикѣ жить лучше частнымъ лицамъ, чѣмъ въ монархіи; въ ограниченной монархіи лучше, чѣмъ въ неограниченной; въ эгалитарномъ государствѣ лучше, чѣмъ въ сословномъ; въ богатомъ лучше, чѣмъ въ бѣдномъ. Поэтому, отстраняя мѣрило благоденствія, какъ недоступное еще современной соціальной наукѣ (быть можетъ, и навсегда, невѣрное и малопригодное), гораздо безошибочнѣе будетъ обратиться къ объективности, къ картинамъ, и спрашивать себя, нѣтъ ли какихъ-нибудь всеобщихъ и весьма простыхъ законовъ для развитія и разложенія человѣческихъ обществъ?

И если мы не знаемъ, возможно ли *всеобщее царство блага*, то, по крайней мѣрѣ, постараемся дружными усиліями постичь, по мѣрѣ нашихъ средствъ, что пригодно *для блага того* или *другаго, частнаго государства*. Чтобы узнать, что огранизму пригодно, надо, прежде всего, ясно понять самый организмъ. Для гигіены и лѣченія нужна прежде всего физіологія.

Форма (сказалъ я выше) есть выраженіе внутренней идеи на поверхности содержанія. Идея шара, напр., есть равное разстояніе всѣхъ точекъ поверхности отъ центра. Развѣ не выражается эта идея на поверхности шара, развѣ не она придаетъ кости, дереву, каплѣ, расплавленному небесному тѣлу и т. д., вообще содержанію, матеріи, эту форму?

Разумѣется, въ такомъ простомъ явленіи, какъ шаръ, это ясно; а въ такомъ сложномъ явленіи, какъ человѣческое общество, оно не такъ ясно.

Но, тѣмъ не менѣе, основа метафизическая одна и та же и для маленькаго шара, и для великаго Государства.

Государственная форма у каждой націи, у каждаго общества *своя;* она въ главной основѣ неизмѣнна до гроба историческаго, но мѣняется быстрѣе, или медленнѣе въ частностяхъ, отъ начала до конца.

Вырабатывается она не вдругъ и не сознательно сначала; не вдругъ понятна; она выясняется лишь хорошо въ ту среднюю эпоху наибольшей сложности и высшаго единства, за которой постоянно слѣдуетъ, рано или поздно, частная порча этой формы и затѣмъ разложеніе и смерть.

Такъ государственная форма древняго Египта была рѣзкосословная монархія, вѣроятно, глубоко ограниченная жреческой аристократіей и вообще религіозными законами.

Персія была, повидимому, болѣе феодальнаго, рыцарскаго происхожденія; но феодальность ея сдерживалась безграничнымъ въ принципѣ Царизмомъ, земнымъ выраженіемъ добра, Ормузда.

Исторія Греціи и Рима больше обработапа, и потому на нихъ все это еще яснѣе.

Аѳины именно въ цвѣтущій періодъ выработали свойственную имъ государственную форму.

Это — демократическая республика, однако, съ *привилегіями*, съ *Эвпатридами*, съ *денежнымъ цензомъ*, съ *рабами* и наконецъ, съ наклонностью къ фактической, неузаконенной, непрочной диктатурѣ Перикловъ, Ѳемистокловъ и т. д.

Форма эта, которой естественные залоги хранились, конечно, въ самихъ нравахъ и обстоятельствахъ, выработалась именно въ цвѣтущій сложный періодъ, отъ Солона до Пелопоннезской войны. Во время этой войны началась порча, начался эгалитарный *прогрессъ*.

Свободы было и безъ того много: захотѣлось больше равенства.

Спарта, отъ эпохи Ликурга до униженія ея Ѳиванцами, выработала также свою, чрезвычайно оригинальную, стѣснительную и деспотическую форму аристократическаго республиканскаго коммунизма съ чѣмъ-то вродѣ двухъ наслѣдственныхъ президентовъ.

Форма эта была несравненно стѣснительнѣе, деспотичнѣе Аѳинской, и поэтому жизни и творчества въ Аѳинахъ было больше, а въ Спартѣ меньше, но за то Спарта была сильнѣе и долговѣчнѣе.

Всѣ остальныя Государства Греческаго міра колебались, вѣроятно, между Дорической формой Спарты и Іонійской формой Аѳинъ. Потребность формы, стѣсненія, деспотизма, дисциплины, исходящей изъ нуждъ самосохраненія, была и въ этомъ распущенномъ и раздробленномъ Эллинскомъ мірѣ, такъ велика, что во многихъ Государствахъ демократическаго характера (т.-е., вѣроятно, тамъ, гдѣ выразился слабѣе деспотизмъ сословный) вырабатывалась тиранія, т.-е. дисциплина единоличной власти (Поликратъ, Періандръ, Діонисій Сиракузскій и друг.).

Феодализмъ сельскій, помѣщичій или рыцарскій былъ, повидимому, всегда ничтоженъ въ Элладѣ, почти такъ же, какъ и въ Римѣ; всѣ аристократіи Эллады и Рима имѣли городской характеръ; всѣ онѣ были, такъ сказать, муниципальнаго происхожденія.

Исторія Македоніи очень бѣдна и свѣдѣній о первоначальной организаціи Македонскаго Царства у насъ мало. Но нѣкоторые историки полагаютъ, что у Македонянъ былъ феодализмъ выраженъ сильнѣе муниципальности (и дѣйствительно, о городахъ Македонскихъ почти нѣтъ и рѣчи, а все слышно лишь о Царяхъ и *ихъ дружинѣ* о „Генералахъ“ Александра).

Ослабѣвшій Эллинскій муниципальный міръ, соединившись потомъ съ грубой, неясной (неразвитой, вѣроятно) феодальностью Македонянъ, дошелъ до мгновеннаго государственнаго единства при Филиппѣ и Александрѣ, и только тогда сталъ въ силахъ распространять свою

цивилизацію до самой Индіи и внутренней Африки. *Опять-таки значитъ, для наибольшаго величія и силы оказалась нужной бо́льшая сложность формы—сопряженіе аристократіи съ монархіей.*

Цвѣтущій періодъ Рима надо считать, я полагаю, со временъ Пуническихъ войнъ до Антониновъ приблизительно.

Именно въ это время выработалась та муниципальная, избирательная диктатура, императорство, которое такъ долго дисциплинировало Римъ и послужило еще потомъ и Византіи.

То же самое мы видимъ и въ Европейскихъ Государствахъ.

Италія, возросшая на развалинахъ Рима, около эпохи Возрожденія, и раньше всѣхъ другихъ Европейскихъ Государствъ, выработала свою государственную форму, *въ видѣ двухъ самыхъ крайнихъ антитезъ*—съ одной стороны, *высшую централизацію, въ видѣ государственнаго папства,* объединявшаго весь Католическій міръ далеко внѣ предѣловъ Италіи, *съ другой же—для самой себя, для Италіи собственно, форму крайне децентрализованную, муниципально-аристократическихъ малыхъ Государствъ,* которыя постоянно колебались между олигархіей (Венеція и Генуя) и монархіей (Неаполь, Тоскана и т. д.).

Государственная форма, прирожденная Испаніи, стала ясна нѣсколько позднѣе. *Это была монархія самодержавная* и *аристократическая,* но *провинціально мало сосредоточенная,* снабженная мѣстными и отчасти сословными вольностями и привилегіями, *нѣчто среднее между Италіей и Франціей.* Эпоха Карла V и Филиппа II есть эпоха цвѣта.

Государственная форма, свойственная Франціи, была *въ высшей степени централизованная, крайне сословная, но самодержавная монархія.* Эта форма выяснялась постепенно при Людовикѣ XI, Францискѣ I, Ришелье и Людовикѣ XIV; исказилась она въ 89 году.

Государственная форма Англіи была (и отчасти есть до сихъ поръ) ограниченная, *менѣе Франціи вначалѣ сословная, децентрализованная* монархія, или, какъ другіе говорятъ, аристократическая республика *съ наслѣдственнымъ президентомъ.* Эта форма выразилась почти одновременно съ Французской при Генрихѣ VIII, Елисаветѣ и Вильгельмѣ Оранскомъ.

Государственная форма Германіи была (до Наполеона I и до годовъ 48 и 71) слѣдующая: *союзъ Государствъ небольшихъ, отдѣльныхъ, сословныхъ, болѣе или менѣе самодержавныхъ, съ избраннымъ Императоромъ—сюзереномъ* (не муниципальнаго, а феодальнаго происхожденія).

Всѣ эти, уже выработанныя ясно, формы начали постепенно мѣняться у однихъ съ XVIII столѣтія, у другихъ въ XIX вѣкѣ. *Во всѣхъ открылся эгалитарный и либеральный процессъ.*

Можно вѣрить, что польза есть отъ этого какая-нибудь, общая

для Вселенной, но уже никакъ не для долгаго сохраненія самихъ этихъ отдѣльныхъ государственныхъ міровъ.

Реакція не потому неправа, что она не видитъ истины, нѣтъ! Реакція вездѣ *чуетъ эмпирически истину*; но отдѣльныя ячейки, волокна, ткани и члены организма стали сильнѣе въ своихъ эгалитарныхъ порывахъ, чѣмъ власть внутренней организующей деспотической идеи!

Атомы шара не хотятъ болѣе составлять шаръ! Ячейки и волокна надрубленнаго и высыхающаго дерева—*здѣсь горятъ, тамъ сохнутъ*, тамъ гніютъ *вездѣ смѣшиваются*, восхваляя *простоту грядущей*, новой организаціи и не замѣчая, что это *смѣшеніе* есть ужасный моментъ перехода къ *неорганической простотѣ*, свободной воды, безжизненнаго праха, не кристаллизованной, растаявшей, или растолченой соли!

До временъ Цезаря, Августа, Св. Константина, Франциска I, Людовика XIV, Вильгельма Оранскаго, Питта, Фридриха II, Перикла, до Кира, или Дарія Гистаспа и т. п. *всѣ прогрессисты правы, всѣ охранители неправы*. Прогрессисты тогда ведутъ націю и государство къ цвѣтенію и росту. Охранители тогда ошибочно не вѣрятъ ни въ ростъ, ни въ цвѣтеніе, или не любятъ этого цвѣтенія и роста, не понимаютъ ихъ.

Послѣ цвѣтущей и сложной эпохи, какъ только начинается процессъ вторичнаго упрощенія и *смѣшенія* контуровъ, т.-е. большее однообразіе областей, смѣшеніе сословій, подвижность и шаткость властей, приниженіе религіи, сходство воспитанія и т. п., какъ только деспотизмъ формологическаго процесса слабѣетъ, такъ, *въ смыслѣ государственнаго блага, всѣ прогрессисты становятся неправы въ теоріи, хотя и торжествуютъ на практикѣ*. Они неправы въ теоріи; ибо, думая исправлять, они разрушаютъ; они торжествуютъ на практикѣ; ибо идутъ легко по теченію, стремятся по наклонной плоскости. Они торжествуютъ, они имѣютъ громкій успѣхъ.

Всѣ охранители и друзья реакціи правы, напротивъ, *въ теоріи*, когда начнется процессъ вторичнаго упростительнаго смѣшенія; *ибо они хотятъ лѣчить и укрѣплять организмъ*. Не ихъ вина, что они не надолго торжествуютъ; не ихъ вина, что нація не умѣетъ уже выносить дисциплину отвлеченной государственной идеи, скрытой въ нѣдрахъ ея!

Они, все-таки, дѣлаютъ свой долгъ и, сколько могутъ, замедляютъ разложеніе, возвращая націю, иногда и насильственно, въ культу создавшей ее государственности.

До дня цвѣтенія лучше быть парусомъ, или паровымъ котломъ; послѣ этого *невозвратнаго дня* достойнѣе быть якоремъ или тормазомъ для народовъ, стремящихся внизъ подъ крутую гору, стремя-

щихся нерѣдко наивно, добросовѣстно, при кликахъ торжества и съ распущенными знаменами надеждъ, до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь Седанъ, Херонея, Арбеллы, какой-нибудь Аларихъ, Магометъ II, или зажженный петролеемъ и взорванный динамитомъ Парижъ не откроютъ имъ глаза на настоящее положеніе дѣлъ.

Я предвижу еще одно возраженіе: я знаю, мнѣ могутъ сказать, что предъ концомъ культурной жизни и предъ политическимъ паденіемъ государствъ замѣтнѣе *смѣшеніе*, чѣмъ *упрощеніе*. И въ древности, и теперь. Но, во первыхъ, самое смѣшеніе есть уже своего рода упрощеніе картины, упрощеніе юридической ткани и бытовой узорности. Смѣшеніе всѣхъ цвѣтовъ ведетъ къ сѣрому или бѣлому. А главное основаніе вотъ гдѣ. Я спрашиваю: просты ли нынѣшніе Копты, потомки Египтянъ или Арабы Сиріи? Просты ли были pagani, сельскіе идолопоклонники, которые держались еще, послѣ паденія и исчезновенія Эллинно-Римской религіозности и культуры въ высшихъ слояхъ общества? Просты ли были Христіане Греки подъ Турецкимъ игомъ до возстанія 20 годовъ? Просты ли Гебры, остатки огнепоклонниковъ культурнаго Персо-Мидійскаго міра?

Конечно, всѣ перечисленные люди, общины и народные остатки *несравненно проще, чѣмъ были люди, общины, націи въ эпоху цвѣта* Египта, Калифата, Греко-Римской цивилизаціи, чѣмъ Персы во времена Дарія Гистаспа, или Византійцы во времена Іоанна Златоуста. Люди проще лично, по мыслямъ, вкусамъ, по несложности сознанія и потребностей; общины и цѣлые національные или религіозные остатки проще потому, что люди въ ихъ средѣ *всѣ очень сходны* и *равны между собою*. И такъ, *прежде смѣшеніе* и *нѣкоторая степень вторичнаго приниженія* (то-есть *количественное* упрощеніе) потомъ *смерть своеобразной культуры въ высшихъ слояхъ* или *гибель государства* и, *наконецъ, переживающая свою государственность, вторичная простота національныхъ и религіозныхъ остатковъ*. Теперь (въ XIX вѣкѣ) эту *болѣзнь* предсмертную хотятъ считать идеаломъ *гигіены* будущаго! Идеалъ Прудоновъ и Кабе—полнѣйшее *однообразіе* людей по положенію, по воспитанію, и т. д.,—чего-же *проще* по идеалу.

ГЛАВА VIII.

О ДОЛГОВѢЧНОСТИ ГОСУДАРСТВЪ.

Возвращусь теперь къ тому, о чемъ я говорилъ мимоходомъ въ 1-й главѣ: о *долговѣчности* государствъ и культуръ.

Я сказалъ тогда, что наибольшая долговѣчность государственныхъ организмовъ, это 1,000 или много 1,200 съ небольшимъ лѣтъ.

Культуры же, соединенныя съ государствами, большею частію переживаютъ ихъ. Такъ, напр., Эллинская образованность и Эллинская религія боролись съ Христіанствомъ еще долго при Византійскихъ Императорахъ, тогда какъ послѣднія черты Эллинской государственности стерлись еще до Р. Х., отчасти во времена Римскаго Тріумвирата, отчасти еще прежде.

Религія Индусовъ и связанный съ ней бытъ живутъ давно безъ государства и въ наше время, не поддаваясь Англичанамъ.

Византіи, какъ государства, нѣтъ давно, а нѣкоторые Византійскіе уставы, понятія, вкусы и обычаи даже подъ Турецкимъ владычествомъ отстаиваютъ себя до сихъ поръ отъ натиска космополитическаго Европеизма. Въ семейной жизни, въ разговорахъ, въ литературѣ, въ постройкахъ, въ одеждахъ, во взглядахъ на приличія на Востокѣ еще много Византійскаго. Уваженіе къ званію, къ должности, къ положенію здѣсь гораздо замѣтнѣе, чѣмъ уваженіе къ роду, и у Турокъ, и у Грековъ, и у Славянъ, и у Армянъ, почти одинаково. Только у однихъ Албанцевъ феодальное чувство личности и рода, чуть-чуть замѣтнѣе, чѣмъ у другихъ.

Въ самомъ церковномъ вопросѣ, если забыть объ интересахъ и увлеченіяхъ, а смотрѣть, для ясности, на людей и націи, какъ на орудія идей и началъ, увидимъ, что Греки олицетворяютъ между собою въ этой борьбѣ Византійское начало, Византійскія идеи—подчиненія народа въ церковныхъ дѣлахъ духовенству, а Болгары—ново-Европейское демократическое начало личныхъ и собирательныхъ правъ. Греки олицетворяютъ въ этой борьбѣ авторитетъ организованной, а не личной и своевольной религіи, а Болгары суверенитетъ самоопредѣляющагося народа. (Я думаю, что ни другъ, ни врагъ Болгаръ не можетъ оспаривать этого объясненія).

И такъ, дѣло теперь не о культурахъ вообще, а лишь о государствахъ, о долговѣчности юридическихъ организмовъ, производящихъ, отдѣляющихъ эти культуры, или отчасти производимыхъ ими.

Начнемъ съ древняго Юго-Востока и мы найдемъ то, что намъ нужно, даже во всякомъ учебникѣ:

I. Египетъ.

Древній Египетъ и Китай могутъ, повидимому, своимъ примѣромъ опровергать ту мысль, что Государство живетъ вообще не болѣе 12 вѣковъ. Египту иные писатели приписываютъ огромную долговѣчность, около 40 вѣковъ, напр. У меня теперь подъ рукою статья Бюрнуфа („La science des religions“) и еще книга Бюхнера: „L'homme selon la science“, въ которой тоже говорится о древности Египта и приводятся ссылки на многихъ ученыхъ. Бюрнуфъ говоритъ о Египтѣ вотъ что: „D'après des documens hiéroglyphiques, les croyances de l' Egypte ne semblent pas avoir été fixées et systematisées avant la fin

de la IV-e dynastie; elles durèrent jusqu' à la conquête de ce pays par Cambyse et à partir de ce temps elles tombèrent dans une décadence rapide". О 40 вѣкахъ вѣроятныхъ онъ говорилъ дальше. Но, во 1-хъ, эта продолжительность принята далеко не всѣми учеными; во 2-хъ, эти 4000 лѣтъ относятся къ цѣлой религіозной культурѣ, а не къ такимъ отдѣльнымъ государственнымъ организмамъ, какъ Мемфисъ, царство Гиксовъ, Ѳивы, Саисъ; въ 3-хъ, примѣръ Египетской государственности (принимая даже, что всѣ отдѣльныя, смѣнявшія другъ друга въ этой странѣ государства были очень сходны по строю, по формѣ), не можетъ служить одинъ опроверженіемъ тому, что вообще государства живутъ не болѣе 12 вѣковъ. Мы увидимъ ниже, что это такъ, на Римѣ, Греціи, Персіи и т. д. Египетъ древній долго былъ одинокъ, въ сторонѣ, онъ долго не имѣлъ соперниковъ. Его поэтому трудно приравнивать по долговѣчности къ исторіи тѣхъ государствъ, которыя созидались позднѣе другъ за другомъ, и все на тѣхъ же почти мѣстахъ, не на дѣвственной почвѣ, а на развалинахъ предъидущей государственности. Если бы наука доказала, что при вовсе другихъ условіяхъ динотеріумы, птеродактили, мегалосауры, жили очень долго, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что нынѣшній слонъ, нынѣшній левъ, или быкъ, могутъ столько же прожить. О Китаѣ я скажу дальше. Онъ тоже ничего не опровергаетъ своимъ примѣромъ.

II. Халдейскія и вообще Семитическія Государства:

а) Древній Вавилонъ вмѣстѣ съ Ассиріей (ибо исторія обыкновенно принимаетъ, что если полумиѳическій Немвродъ и существовалъ около 2100 до Р. X., то, все-таки, чрезъ 100 лѣтъ послѣ него Нинъ (около 2000 лѣтъ до Р. X.) соединилъ Ассирію и Вавилонъ въ одно государство, которое существовало до смерти Сарданапала (т.-е. до 606) 1394 года.

Разумѣется, не слѣдуетъ забывать, что лѣтосчисленіе это можетъ быть, по сравнительной бѣдности источниковъ, и не точно. Что значитъ, напр., Нинъ около 2000 лѣтъ? Отнимите 190 лѣтъ, напр., или 200, останется 1800 до Р. X., вычтите—606 т. е. годъ паденія—и на долю этой первой Ассиро-Вавилонской государственности выпадетъ какъ разъ 12 вѣковъ, тѣ 12 вѣковъ, которые прожилъ классическій Римъ—вѣчный образецъ государственности.

б) Новѣйшій Вавилонъ всего 68 лѣтъ (отъ распаденія Ниневійскаго Царства въ 606 году до взятія Вавилона Киромъ въ 538 г. до Р. X.).

в) Карѳагенъ, 668 года.

(Отъ Дидоны (814) до разрушенія города Римлянами, т.-е. до 146 г. до Р. X.).

г) Еврейское Государство.

Исходъ изъ Египта около 1500 лѣтъ до Р. X.).

Но я полагаю, что государственную жизнь Евреевъ надо считать

не съ номадной жизни временъ Авраама, и даже не со дня пришествія Евреевъ въ Палестину, ибо это состояніе ихъ соотвѣтствуетъ, мнѣ кажется, состоянію Германскихъ народовъ во время такъ называемаго переселенія, состоянію Эллиновъ въ эпоху Троянской войны, вторженія Гераклидовъ, Римской исторіи въ эпоху догосударственную. Разница въ томъ, что объ Евреяхъ, напр., и Германцахъ у насъ есть источники болѣе достовѣрные, а объ Эллинскихъ, и еще болѣе о Римскихъ, первоначальныхъ движеніяхъ нѣтъ такихъ достовѣрныхъ источниковъ.

И такъ, если считать начало Еврейской государственности со временъ Судей, то это приходится за 1300 лѣтъ до Р. Х.

Распаденіе царства на Израильское и Іудейское произошло за 980 лѣтъ до Р. Х.

Стало быть, отъ основанія до распаденія всего только 310 лѣтъ.

Отъ распаденія до перваго Ассирійскаго плѣненія (т.-е. до паденія Израильскаго Царства) 260 лѣтъ.

Отъ распаденія до втораго или Вавилонскаго плѣненія (отъ 980 до 600 годовъ, послѣ битвы Навуходоносора съ Нехао, въ 404 году?) Іудеи прожили еще 376 лѣтъ.

Съ этого времени Еврейское Государство утратило самостоятельность навсегда и Палестина стала областью сперва Вавилона, потомъ Персіи, потомъ Греко-Македонскихъ Царствъ и, наконецъ, Римскаго Государства.

Поэтому, считая отъ Судей даже до конца болѣе долговѣчной Іудеи, мы получимъ отъ 1300 до 600 всего только 700 лѣтъ.

Ибо называть жизнь Евреевъ послѣ плѣненія жизнью государственной, это то же, если бы мы жизнь нынѣшней Грузіи, Польши, Чехіи, или Финляндіи назвали такъ оттого, что они еще имѣютъ свою физіономію, мѣстные, юридическіе и бытовые оттѣнки.

Что касается до волненій времени Маккавеевъ или до послѣдней борьбы Евреевъ противъ Римлянъ при Титѣ, то это были лишь возстанія подчиненныхъ, бунты, но государственности уже не было давно.

III. Персо-Мидяне.

Отъ Деіока, освободившаго Мидійское племя отъ владычества Ассиро-Вавилонскаго, т.-е. отъ 707 до Александра Македонскаго или до сраженія при Арбелахъ (въ 331 г. до Р. Х.) Итого только 376 лѣтъ первой Персо-Мидійской государственности.

Повидимому, однако, Македонское завоеваніе было не очень глубоко, а религія Зороастра (Маздеизмъ) была еще достаточно крѣпка; ибо Персидское государство возродилось впослѣдствіи съ той же религіей, при вліяніи свѣжаго и, вѣроятно, родственнаго племени, Парѳовъ, подъ династіями Арзасидовъ (отъ 250 до Р. Х.—226 по Р. Х.) и Сассанидовъ, отъ 226—636 по Р. Х., т.-е. всего 886 л.

И такъ, если мы даже соединимъ всю Мидо-Персидскую и Парѳянскую государственность въ одно цѣлое, несмотря на перерывъ, то выйдетъ отъ Деіока (отъ 707 до Р. Х.) до Царя Іездегерда, при которомъ царство Сассанидовъ было разрушено Мусульманами (въ 636 году по Р. Х.), 1262 года.

IV. Греческія республики, Греко-Македонскія царства, Греко-Скиѳскія, Греко-Сирійскія, Греко-Египетскія и т. д.

а) Аѳины отъ Кодра до Филиппа Македонскаго (1068 до 338), 730 лѣтъ.

б) Спарта отъ того же времени (ибо Кодръ былъ убитъ во время Дорическаго вторженія въ Аттику и Пелопоннисъ) до сраженія при Мантинеѣ (206), гдѣ Филопеменъ, предводитель Ахейскаго Союза, побѣдилъ окончательно Спартанцевъ, или до (188 г.) уничтоженія узаконеній Ликурга, всего 880, или 860 лѣтъ.

в) Ѳивы. Основаніе Ѳиванскаго Государства вѣроятно, около того же времени Дорійскихъ переселеній.

Паденіе ея, т.-е. разрушеніе Ѳивъ Александромъ Македонскимъ въ 335 году по Р. Х. Всего 733 года.

г) Сиракузы основаны въ 735 году; постепенное паденіе въ борьбѣ съ Карѳагеномъ вѣка за 3 до Р. Х. Присоединеніе Сициліи къ Риму въ 212 году, послѣ очищенія Сициліи отъ Карѳагенянъ. Всего 523 года.

Если же взять исторію всѣхъ Греческихъ Республикъ, отъ временъ баснословныхъ до Александра Македонскаго, то-есть отъ 1000 или отъ 1200 лѣтъ до Р. Х. (что будетъ очень много) до 320 годовъ, то выйдетъ и на всю, такимъ образомъ принятую, ихъ государственную жизнь 870 лѣтъ (пусть будетъ 900 даже).

д) Царство Сирійскихъ Селевкидовъ.

Отъ 323 года, т.-е. отъ распаденія кратковременной монархіи Александра до 64 года. (Уничтоженіе царства Помпеемъ). 259 лѣтъ.

е) Пергамское Царство отъ 282 до 133 года, т.-е. до присоединенія его къ Риму, подъ именемъ Азіи, 149 года.

ж) Египетское Царство Птолемеевъ отъ того же времени (323) до присоединенія къ Риму въ 30 году. И такъ менѣе 300 лѣтъ (293).

з) Македонское Царство отъ самаго начала до распаденія Великой Александровой Монархіи, т.-е. отъ Пердикки I (окол. 700 г.) до смерти Александра Великаго (до 323 года), 377 лѣтъ.

Отдѣльное же Македонское Царство отъ распаденія до обращенія Метелломъ Македоніи въ Римскую провинцію, т.-е. 148 года, только 175. Итого 552 года.

Теперь, если возьмемъ всю государственную жизнь Эллинскую и Македонскую вмѣстѣ и будемъ считать ея долготу весьма произвольно, снисходительно, съ самыхъ баснословныхъ и даже почти вовсе неиз-

вѣстныхъ временъ, т.-е. за 1100—1200 лѣтъ до Р. Х. и до присоединенія къ Риму Египта, самаго послѣдняго и счастливаго въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ тѣхъ Государствъ, гдѣ царила Эллино-Македонская образованность, то-есть до 30 г. передъ Р. Х., то у насъ получится опять классическая цифра около 1200 лѣтъ, около 12 вѣковъ.

V. Римъ. Въ этомъ государствѣ разсчетъ легче. Оно было безпрерывно одно, отъ начала до конца. Здѣсь не было ни раздробленія и разновременности, какъ у Греко-Македонянъ, ни перерывовъ, какъ у Персо-Мидянъ.

Считая отъ полу-миѳическихъ временъ Ромула до Ромула-Августула и Одоакра, получаемъ:

отъ 753 г. до Р. Х.
до 476 г. по Р. Х. } 1229 лѣтъ.

Если же считать отъ временъ болѣе извѣстныхъ, то около 1000 не болѣе.

VI. Византія отъ перенесенія столицы и торжества Христіанства до взятія Византіи Турками, (отъ 325 по Р. Х. до 1453)—1128 лѣтъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ вопросу о возрастѣ современныхъ Европейскихъ Государствъ, я нахожу необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о Китаѣ.

Не знаю, имѣемъ ли мы право разсматривать исторіи Китая, въ добавокъ столь еще темную, какъ исторію одного Государства, *непрерывно, прожившаго нѣсколько тысячъ лѣтъ*?

Китай справедливѣе, мнѣ кажется, разсматривать, какъ отдѣльный культурный міръ, вмѣстѣ съ Японіей и другими сосѣдними краями, какъ особый историческій міръ, стоявшій не на большой дорогѣ народовъ, подобно Государствамъ нашего Средиземнаго бассейна, и потому, долѣе сохранившійся въ своей отдѣльности и чистотѣ.

Къ тому же надо прибавить, что и въ немъ, повидимому, были смѣны государственныя, но эти смѣны или еще мало извѣстны и мало понятны намъ, или онѣ и въ самомъ дѣлѣ не представляютъ такихъ антитезъ и такого разнообразія, какія преставляетъ преемственная картина Государствъ и цивилизацій вокругъ нашего Средиземнаго моря.

Тамъ, въ глубинѣ восточной Азіи, жило и волновалось почти одно и то же племя долгіе вѣка; здѣсь, около насъ, сталкивалось множество народовъ, принадлежавшихъ къ нѣсколькимъ породамъ (расамъ) и племенамъ: Арійскому, Семитическому, Еѳіопскому, Чудо-Тюркскому, Монгольскому и т. д.

Очень можетъ быть, повторяю, что и долголѣтнюю исторію Китайской гражданственности можно было бы, при болѣе точномъ изслѣдованіи, разложить на нѣсколько отдѣльныхъ государственныхъ періодовъ по 1,000, или 1,200 лѣтъ.

Шесть тысячъ лѣтъ могутъ относиться къ общимъ племеннымъ воспоминаніямъ, а не къ той сформированной гражданственности, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

Если же на такую сформированную гражданственность положить даже цѣлыхъ четыре тысячелѣтія, то эта цифра легко разложится на нѣсколько нормальныхъ государственныхъ періодовъ по 1,000 лѣтъ приблизительно каждый.

Объ Египтѣ я говорилъ уже прежде почти то же самое.

Я полагаю поэтому, что ни Египетъ древній, ни современный Китай, вслѣдствіе своей обособленности, не могутъ служить опроверженіемъ того что—въ нашихъ краяхъ, по крайней мѣрѣ и съ тѣхъ поръ какъ у древняго Египта явились образованные соперники въ лицѣ Халдеевъ и Персо-Мидянъ,—ни одно Государство больше 12 вѣковъ жить не можетъ.

Значительное же большинство Государствъ проживало гораздо меньше этого.

Демократическія Республики жили меньше аристократическихъ, Ѳивы меньше Спарты.

Болѣе сословныя Монархіи держались крѣпче менѣе сословныхъ и возстановлялись легко послѣ всякаго разгрома.

Такова была, повидимому, Персія Ахеменидовъ, возродившаяся послѣ погрома Македонскаго и пережившая своихъ минутныхъ побѣдителей на долгіе вѣка.

ГЛАВА IX.

О ВОЗРАСТѢ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

Съ какого вѣка мы будемъ считать образованіе Европейскихъ Государствъ?

Неужели считать исторію Франціи съ Хлодовига, т.-е. съ V вѣка? Тогда Франція будетъ только одно изъ всѣхъ Европейскихъ Государствъ, безпрерывно существующихъ до нынѣ съ того времени. Германія тогда была въ хаотическомъ состояніи и кой-какъ сколоченное Аріанское Царство Готовъ, разрушенное Хлодовигомъ, занимало значительную ея часть. Въ Англіи только въ IX вѣкѣ Эгбертъ принялъ названіе Короля Англіи. Въ Испаніи сначала долго господствовали Аравитяне, и будущіе Испанцы-Христіяне не значили еще почти ничего.

Италія была въ совершенномъ разгромѣ. Въ ней Готовъ смѣняли Вандалы. Воцарялся Герулъ Одоакръ; Одоакра убивалъ Готъ Теодорихъ и т. д.

Слѣды Аттилы были вездѣ еще свѣжи. Римъ Западный палъ всего за нѣсколько лѣтъ до крещенія Хлодовига.

Хлодовигъ къ тому же былъ еще чистый Германецъ, чистый Франкъ; съ Галло-Римскими элементами не произошло еще того слитія, которымъ началась исторія Франціи.

Предѣлы класть равно трудно вездѣ и при всѣхъ изслѣдованіяхъ. Предѣлы, границы, отличительные признаки, распредѣляющіе что бы то ни было на классы, роды, эпохи и какіе бы то ни было отдѣлы всегда болѣе или менѣе искусственны. Естественность же пріема при распредѣленіи состоитъ именно въ томъ, что можно назвать наглядностью, художественнымъ, такъ сказать, тактомъ. Такъ дѣлаютъ и въ естественныхъ наукахъ *).

На основаніи подобной же наглядности я полагаю, что весь періодъ Европейской исторіи до Карла Великаго можно считать соотвѣтственнымъ исторіи Греціи, героическихъ временъ Троянской войны, похода Аргонавтовъ; время Нибелунговъ соотвѣтствуетъ временамъ Гомера. Въ Римской исторіи этому періоду, мнѣ кажется, соотвѣтствуетъ время до основанія Рима или, если угодно, и весь приготовительный періодъ первыхъ царей. Разница только въ степени достовѣрности событій. Для исторіи смутнаго, приготовительнаго времени Европы мы имѣемъ сравнительно много разнообразныхъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

Для исторіи приготовительнаго періода Эллады у насъ есть только поэтическая истина Гомерическихъ стиховъ и т. п. Для первобытной исторіи Рима еще того меньше.

Простирая аналогію дальше, я думаю, что періодъ Еврейской исторіи отъ Моисея до Судей соотвѣтствуетъ опять тому же періоду странствій, вторженій,—приготовительной догосударственной борьбы. Здѣсь опять мы имѣемъ, какъ для Европейской исторіи, свидѣтельства, которыя иныя могутъ оспаривать, но которыя, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны и ясны.

Халдеи временъ Немврода, Иранцы до временъ Астіяга и Кира— не то ли же самое?

Вся разница, во первыхъ, повторяю, въ степени достовѣрности свидѣтельствъ, которыя мы имѣемъ объ этихъ приготовительныхъ эпохахъ, въ количествѣ и качествѣ подробностей, дошедшихъ до насъ; а во вторыхъ, въ тѣхъ наиболѣе существенныхъ, прирожденныхъ свойствахъ, которыя имѣли при началѣ своего пробужденія къ исторической жизни различные народы и племена. Такъ, напримѣръ, характеръ жреческій, ѳеократическій и вмѣстѣ родовой преобладалъ у Евреевъ, муниципальный—у Грековъ и Римлянъ, родственныхъ по происхожденію, сельско-аристократическій феодальный—у Европейцевъ и, можетъ быть, у Иранцевъ.

*) Система Линнея—*искусственна;*—Система другаго ботаника Bernard de Jussieu—*естественна по всецѣлости*, по совокупности признаковъ.

Это чуть брезжущіе въ первобытной простотѣ и безцвѣтности отличительные признаки опредѣлили въ послѣдствіи весь характеръ ихъ исторіи. Такъ, у Римлянъ и Грековъ и религія, и аристократія, и монархическое начало получили всѣ муниципальный, градской, оттѣнокъ. Въ Европѣ и аристократія и монархія получили характеръ феодальный; и тамъ больше, гдѣ было слабѣе вліяніе муниципальныхъ преданій Рима—въ Германіи, въ Англіи.

Сама свѣтская власть Папы и его духовное могущество косвенно опредѣлилось вліяніемъ Германскаго феодализма.

Геніальный Гизо, въ своей „Исторіи Цивилизаціи," и Пихлеръ, въ своей книгѣ: „Папство и Восточныя Церкви," одинаково развиваютъ ту мысль, что на Востокѣ Императоръ былъ одинъ; аристократіи не было, централизація была сильна, и потому Церковь могла еще опираться на этого Императора. Но что было дѣлать Римскому Епископу среди множества Западныхъ князей, полу-царей, полу-вельможъ, полуразбойниковъ, какъ не увеличивать сперва свою политическую независимость для безкорыстнаго служенія Церкви, а позднѣе и стремиться уже къ власти и преобладанію?

Именно усиленіе власти Папы, разрывъ съ Византійскимъ Востокомъ, принятіе Карломъ Великимъ Императорскаго титула и набѣги Нормановъ (*послѣднее* явленіе, такъ называемаго, переселенія народовъ, по крайней мѣрѣ, на западѣ), вотъ эпоха, съ которой впервые начинается ясно выдѣляться физіономія Западной Европы, съ одной стороны изъ Германскаго, приготовительнаго хаоса, съ другой—изъ общей всему первоначальному Христіанству Византійской окраски.

Создавъ себѣ своего Кесаря, въ подраженіе Византіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на зло ей, Европа, сама того не подозрѣвая, вступала на совершенно иной путь.

IX и X вѣкъ по этому, а ни какъ не V, надобно считать началомъ собственно Европейской государственности, опредѣлившей постепенно и самый характеръ Западной культуры, этой новой всемірной цивилизаціи, замѣнившей и Эллино-Римскую и Византійскую и, почти современную послѣдней, непрочную цивилизацію Аравитянъ *).

Цивилизація Европейская сложилась изъ Византійскаго Христіанства, Германскаго рыцарства (феодализма), Эллинской эстетики и философіи (къ которымъ не разъ прибѣгала Европа для освѣженія) и изъ *Римскихъ муниципальныхъ началъ*.

Борьба всѣхъ этихъ четырехъ началъ продолжается и нынѣ на Западѣ. Муниципальное начало, городское (буржуазія), съ прошлаго

*) Гизо предпочитаетъ считать начало Французской государственности еще позднѣйшимъ, съ Гуго Капета (987—996). Во всякомъ случаѣ я сказалъ—IX и X вѣка.

вѣка побѣдило всѣ остальныя и *исказило* (или, если хотите, просто измѣнило) характеръ и Христіанства, и Германскаго индивидуализма и Кесаризма Римскаго, и Эллинскихъ, какъ художественныхъ, такъ и философскихъ преданій.

Вмѣсто Христіанскихъ *загробныхъ* вѣрованій и *аскетизма*, явился *земный гуманный утилитаризмъ;* вмѣсто мысли о *любви къ Богу,* о *спасеніи души,* о *соединеніи съ Христомъ,* заботы о *всеобщемъ практическомъ благѣ.* Христіанство же *настоящее* представляется уже не божественнымъ, въ одно и то же время и отраднымъ и страшнымъ ученіемъ, а дѣтскимъ лепетомъ, аллегоріей, моральной басней, дѣльное истолкованіе которой есть *экономическій и моральный утилитаризмъ.*

Аристократическія пышныя наслажденія мыслящимъ сладострастіемъ, „*безполезной* (!) отвлеченной философіей и *вредной* изысканностью высокаго идеальнаго искусства", эти стороны Западной жизни, унаслѣдованныя ею или прямо отъ Эллады, или чрезъ посредство Рима временъ Лукулловъ и Горацієвъ, утратили также свой прежній барскій и царственный характеръ и пріобрѣли характеръ болѣе демократическій, болѣе доступный всякому и потому *неизбѣжно и болѣе пошлый, некрасивый,* и *болѣе разрушительный,* вредный для стараго строя. Личныя права каждаго, благоденствіе всѣхъ (перерожденіе, демократизація Германскаго индивидуализма и Христіанская *личная* доброта, обращенная въ предупредительный *безличный* сухой утилитаризмъ) и здѣсь играютъ свою роль. „И я имѣю тѣ же права!" говоритъ всякій и по вопросу о наслажденіяхъ, забывая, что «quod licet Iovi, non licet bovi»,—что идетъ Лудовику XIV, то нейдетъ Гамбеттѣ и Руместану.

Монархическая власть на Западѣ, вездѣ бывшая сочетаніемъ Германской феодальности съ Римскимъ Кесаризмомъ, повсюду ослаблена и ограничена силой муниципальной буржуазіи. Что касается до самаго индивидуализма Германскаго, который дѣлалъ, что еще во времена Тацита Германцы предпочитали смерть тѣлесному наказанію, то это начало, служившее когда-то для дисциплины Европейской (ибо тогда оно было удѣломъ немногихъ, *обуздывавшихъ всѣхъ остальныхъ*), теперь стало достояніемъ каждаго, и каждый говоритъ: „Monsieur! Tous les hommes ont les mêmes droits!" (Вопросъ, что это: догматъ вѣры, или фактъ точной науки?)

Но, какъ бы то ни было, мы въ Исторіи Западной Европы видимъ вотъ что:

Начиная съ IX и приблизительно до XV, XVI и XVII и отчасти XVIII вѣковъ, она *разнообразно и неравномѣрно развивается.*

Со временъ Карла Великаго, съ IX и X вѣка, объединившаго подъ своимъ скипетромъ почти всю материковую Европу, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ странъ и самыхъ южныхъ частей ея, опре-

дѣляются приблизительнѣе прежняго будущія границы отдѣльныхъ Европейскихъ Государствъ. Католическая схизма выясняется рѣзче.

Вскорѣ по смерти Карла Великаго, появились тѣ Норманы, которыхъ вмѣшательство въ Англіи, Италіи и Франціи способствовало окончательному выясненію государственнаго строя, политической формы этихъ странъ. Норманы (именно тѣ Скандинавы Сѣвера), которыхъ недоставало Имперіи Карла, явились на югъ сами, чтобы выполнить этотъ недостатокъ, чтобы связать своимъ вмѣшательствомъ болѣе прежняго во едино по духу всю Европу отъ полярныхъ странъ до Средиземнаго моря.

Съ той поры частныя Европейскія Государства и общая Европейская цивилизація развиваются яснѣе, выразительнѣе.

Послѣ единой Персо-Мидійской цивилизаціи воцарилась въ мірѣ раздробленная Эллино-Македонская культура, эту смѣнила опять единая Римская; Византійская (Вселенская) была отчасти (въ восточной своей половинѣ) продолженіемъ единой Римской государственности, а отчасти на другой половинѣ таила въ нѣдрахъ своихъ новую, опять какъ Эллинская, но по своему раздробленную Европейскую культуру.

Объединенная въ духѣ, въ идеалахъ собственно культурныхъ и бытовыхъ, но раздробленная въ интересахъ государственныхъ, Европа была тѣмъ разнообразнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гармоничнѣе; *ибо гармонія не есть мирный унисонъ, а плодотворная, чреватая творчествомъ по временамъ и жестокая борьба*. Такова и гармонія самой внѣ-человѣческой природы, къ которой сами же реалисты стремятся свести и человѣческую жизнь.

Я не буду распространяться здѣсь объ юридическомъ, религіозномъ, областномъ, сословномъ, этнографическомъ, философскомъ и художественномъ разнообразіи Европы со временъ возрожденія и до половины XVIII вѣка. Это извѣстно, и чтобы вспомнить это лучше, достаточно раскрыть любое руководство или сочиненіе по всеобщей Европейской исторіи, напр. Вебера, Прево-Парадоля и другихъ.

Въ этомъ разнообразіи всѣ историки согласны; объ этомъ *богатствѣ содержанія, сдержаннаго деспотическими формами разнородной дисциплины*, всѣ одинаково свидѣтельствуютъ. Многіе писатели видятъ въ этомъ лишь зло; ибо они стоятъ не на реальной почвѣ равнодушнаго изслѣдованія, а на предвзятой какой-нибудь точкѣ зрѣнія свободолюбія, благоденствія, демократіи, гуманности. Они относятся къ предмету не научно и скептически, говоря: „что выйдетъ—не мое дѣло"; они судятъ все съ помощью конечной цѣли, конечной причины (запрещенной реалистамъ въ наукѣ), „они имѣютъ направленіе", но факты остаются фактами, и каковы бы ни были пристрастія писателей, исторія даетъ у всѣхъ одно и тоже въ этомъ случаѣ явленія *развитія*,

процессъ постепеннаго осложненія картинъ, какъ обще-Европейской, такъ и частныхъ картинъ Франціи, Италіи, Англіи, Германіи и т. д.

Кого бы мы ни взяли: протестанта и консерватора Гизо, прогрессиста Шлоссера, раціоналиста и либерала Бокля, вига и эстетика Маколея—относительно нашего предмета всѣ они окажутся согласными.

Тотъ же итогъ дадутъ намъ не только историки, но и романисты, и хорошіе и худые, и поэты и публицисты, и самые краткіе учебники, и самыя тяжелыя монографіи, и самые легкіе историческіе очерки. Тотъ же итогъ съ этой объективной *реальной* точки зрѣнія намъ дадутъ и Вальтеръ-Скоттъ, и Шекспиръ, и Александръ Дюма отецъ, и Гёте, и Дж. Ст.-Милль (см. книгу его „Свобода"), и Прудонъ, и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, и тяжелая монографія Пихлера о раздѣленіи Церквей, и любой хорошій учебникъ.

Отъ XIV и XV до конца XVII и кой гдѣ до половины XVIII, а частію даже и въ началѣ нашего вѣка, Европа все сложнѣетъ и сложнѣетъ, крѣпнетъ, расширяется на Америку, Австралію, Азію; потомъ расширеніе еще продолжается, *но сложность выцвѣтаетъ*, *начинается смѣшеніе*, сглаживаніе морфологическихъ рѣзкихъ контуровъ, *религіозныя антитезы слабѣютъ*, *области и цѣлыя страны становятся сходнѣе*, *сословія падаютъ*, *разнообразіе положеній*, *воспитанія и характеровъ блѣднѣетъ*, въ теоріяхъ провозглашаются сперва: „les droits de l'homme", которыя прилагаются на практикѣ *бурно во Франціи* въ 89 и 93 годахъ XVIII вѣка, а потомъ *мирно и постепенно вездѣ* въ XIX. Потомъ въ теоріи же объявляется недостаточность этого политическаго равенства (упрощенія) и требуется *равенство всякое, полное, экономическое, умственное, половое;* теоретическія требованія этого крайняго вторичнаго упрощенія разрѣшаются наконецъ въ двухъ идеалахъ: въ идеалѣ анархическаго государственно, но деспотическаго семейно—идеалѣ Прудона и въ распущенно-половомъ, но деспотическомъ государственно—идеалѣ Коммунистовъ (напр. Кабе и др.).

Практику *политическаго гражданскаго смѣшенія* Европа пережила; скоро можетъ быть увидимъ, какъ она перенесетъ попытки экономическаго, умственнаго (воспитательнаго) и половаго, *окончательнаго, упростительнаго смѣшенія!*

Не мѣшаетъ, однако, замѣтить мимоходомъ, что безъ нѣкоторой *формы (безъ деспотизма*, т.-е.) не могли обойтись ни Прудонъ, ни Коммунисты: первый желалъ бы покрыть всю землю малыми семейными скитами, гдѣ мужъ—патріархъ командовалъ бы послушниками—женой и дѣтьми, безъ всякаго государства. А коммунисты желали бы распредѣлить все человѣчество по утилитарнымъ киновіямъ, въ которыхъ царствовалъ бы свободно свальный грѣхъ, подъ руководствомъ ничѣмъ неограниченнаго и атеистическаго конвента.

И тутъ и тамъ возвратъ къ дисциплинѣ. Les extrêmes se touchent!

И такъ вся Европа съ XVIII столѣтія *уравнивается* постепенно, *смѣшивается вторично.* Она *была проста и смѣшанна* до IX вѣка: она хочетъ быть опять *смѣшанна* въ XIX вѣкѣ. Она прожила *1000* лѣтъ! *Она не хочетъ болѣе морфологіи!* Она стремится посредствомъ этого смѣшенія къ идеалу *однообразной простоты*—и не дойдя до него еще далеко—должна будетъ пасть и уступить мѣсто другимъ!

Весьма *сходные между собою вначалѣ* Кельто-Романскіе, Кельто-Германскіе, Романо-Германскіе зародыши *стали давно разнообразными, развитыми организмами* и *мечтаютъ теперъ статъ опять сходными скелетами.* Дубъ, сосна, яблоня и тополь недовольны тѣми отличіями, которые создались у нихъ въ періодъ цвѣтущаго осложненія, и которыя придавали столько разнообразія общей картинѣ Западнаго пышнаго сада; они сообща рыдаютъ о томъ, что у нихъ есть еще какая-то сдерживающая кора, какіе-то остатки обременительныхъ листьевъ и вредныхъ цвѣтовъ; они жаждутъ слиться въ одно, въ смѣшанное и упрощенное средне-пропорціальное дерево.

„Организація есть страданіе, стѣсненіе: мы не хотимъ болѣе стѣсненія, мы не хотимъ разнообразной организаціи!“

Вездѣ одни и тѣ же болѣе или менѣе демократизированныя конституціи. Вездѣ Германскій раціонализмъ, Псевдо-Британская свобода, Французское равенство, Итальянская распущенность или Испанскій фанатизмъ, обращенный на службу той же распущенности. Вездѣ гражданскій бракъ, преслѣдованія Католиковъ, вездѣ презрѣніе къ аскетизму, ненависть къ сословности и власти (не къ своей власти, а къ власти другихъ), вездѣ *надежды слѣпыя на земное счастье* и *земное полное равенство!*

Вездѣ ослѣпленіе фаталистическое, непонятное! *Вездѣ реальная наука, и вездѣ не научная вѣра въ уравнительный и гуманный прогрессъ.* Вмѣсто того, чтобы изъ примѣра 70 годовъ видѣть, что демократія вездѣ губительна,—аристократическая и піэтическая Пруссія безумно расплывается въ либеральной, растерзанной, рыхлой и невѣрующей Все-Германіи; она забываетъ, что если раздробленіе было иногда вредно единству порядка, то за то же оно было и несподручно для единства анархіи. Однородные темпераменты, сходные организмы легче заражаются одинаковыми эпидеміями!

Сложность машинъ, сложность администраціи, судебныхъ порядковъ, сложность потребностей въ большихъ городахъ, *сложность дѣйствій* и *вліяніе газетнаго* и *книжнаго* міра, *сложность въ пріемахъ* самой науки—все это не есть *опроверженіе мнѣ.*—Это все лишь *орудія смѣшенія*—это исполинская *толчея, всѣхъ и все толкущая въ одной ступѣ псевдо-гуманной пошлости и прозы;* все это *сложный алгебраическій пріемъ, стремящійся привести всѣхъ и все къ одному знаменателю.*—*Пріемы* эгалитарнаго *прогресса*—сложны, *цѣль груба*, про-

ста по мысли, по идеалу, по вліянію и т. п.—Цѣль—всего *средній человѣкъ*; *буржуа* спокойный среди милліоновъ точно такихъ же *среднихъ* людей, тоже, покойныхъ.

ГЛАВА X. (5).

ПРОДОЛЖЕНІЕ ТОГО ЖЕ.

Одинъ изъ предразсудковъ, наиболѣе сильныхъ въ наше время, есть убѣжденіе, что централизація безусловно вредна сама по себѣ.

Обыкновенно нападаютъ на централизацію Франціи.

Но несчастіе вовсе не въ самой централизаціи власти; несчастіе въ *смѣшеніи формъ* жизни, въ *равенствѣ правъ*, въ *однообразіи* субъективнаго *эвдемоническаго* идеала и въ *болѣе свободномъ чрезъ это столкновеніи интересовъ*.

Чѣмъ однороднѣе темпераментъ, тѣмъ заразы опаснѣе, тѣмъ *требованія однороднѣе!*

Если разсматривать дѣло не съ точки *блага всеобщаго*, а съ точки зрѣнія *государственнаго охраненія* или порядка, то мы видимъ, что ни давняя централизація Франціи, ни раздробленность Германіи или Италіи, ни провинціальныя вольности прежней Испаніи, ни децентрализація Великобританской земли, ни *разнородное горизонтальное* (т.-е. корпоративно сословное) разслоеніе всей прежней Европы не помѣшали всѣмъ отдѣльнымъ Государствамъ Запада стоять долго неприкосновенными и сотворить многое множество великаго и безсмертнаго для всего человѣчества.

Не централизація власти гибельна для страны сама по себѣ; она спасительна, напротивъ, до тѣхъ поръ, пока почва подъ этой властью разнообразна; ибо безсознательное или полусознательное: „Divide et impera“ есть законъ природы, а не Іезуитизмъ и вредная низость, какъ думаютъ очень многіе люди нашего времени.

Пока есть сословія, пока провинціи не сходны, пока воспитаніе различно въ разныхъ слояхъ общества, пока претензіи не одинаковы, пока племена и религіи не уравнены въ общемъ индиферентизмѣ, до тѣхъ поръ власть больше или меньше централизированная есть необходимость. И тогда когда всѣ эти краски начали блѣднѣть и мѣшаться, централизація власти остается опять-таки *единственнымъ спасеніемъ отъ дальнѣйшей демократизаціи жизни и ума*.

Испанія никогда не была такъ сосредоточена, какъ Франція, а развѣ ея положеніе лучше?

Италія? Развѣ она крѣпка? Развѣ духъ ея плодучъ?

Развѣ не ясно, что видимый кой-какой порядокъ въ ней держится не внутреннимъ духомъ, а внѣшними условіями общей политики. Развѣ,

взирая неподкупленнымъ глазомъ на бездарность, прозу, духовное безплодіе, этой лжевозрожденной Италіи, не приходитъ на умъ, что ея объединеніе свершилось какъ бы не съ цѣлію развитія сложнаго и обособленнаго въ единствѣ Итализма, *а лишь для косвеннаго ослабленія Франціи и Австріи*, для болѣе глубокаго разстройства охранительныхъ силъ Папизма, для облегченія дальнѣйшаго хода ко всеобщему Западному уравненію и смѣшенію? Италія стала похожа на Францію *Луи-Филиппа*—и больше ничего.—Только много побѣднѣе *умственной* производительностью именно потому, что все это *старо!*

А Соціалисты? Развѣ ихъ нѣтъ въ Италіи? Если многословный и мечтательный періодъ Соціализма прошелъ, тѣмъ хуже! Значитъ онъ гнѣздится глубже въ бездарныхъ, но могучихъ толпахъ!

Ясно одно: Европа въ XIX вѣкѣ переступила за роковыя 1000 лѣтъ государственной жизни.

Что же случилось съ ней?

Повторяю, она вторично *смѣшалась въ общемъ видѣ своемъ*, составныя части ея стали противъ прежняго *гораздо сходнѣе, однообразнѣе*, и *сложность пріемовъ* прогрессивнаго процесса есть сложность подобная *сложности какого-нибудь ужаснаго патологическаго процесса*, ведущаго шагъ за шагомъ *сложный организмъ къ вторичному упрощенію трупа, остова и праха*!

Вмѣсто организованнаго разнообразія, больше и больше распространяется *разложеніе въ однообразіе!* Фактъ этотъ, кажется, несомнѣненъ; исходъ можетъ быть сомнителенъ, я не спорю; я говорю только о современномъ явленіи, и если я сравню эту картину съ картинами всѣхъ древнихъ Государствъ передъ часомъ ихъ гибели, я найду и въ исторіи Аѳинъ, и въ исторіи Спарты, и всей Эллады, и Египта, и Византіи, и Рима одно только общее, именно подъ конецъ: уравненіе, всеобщее пониженіе, смѣшеніе, круглые, притертые взаимно голыши, вмѣсто рѣзкихъ *кристалловъ*, дрова и сѣмена, годныя другимъ новымъ мірамъ для топки и для пищи, но не дающія уже прежнихъ листьевъ и цвѣта.

Нынѣшній прогрессъ не есть процессъ развитія: онъ есть процессъ вторичнаго, смѣсительнаго упрощенія, процессъ разложенія, для тѣхъ Государствъ, изъ которыхъ онъ вышелъ, или которымъ крѣпко усвоился..... Иногда... кажется и *для всего міра*—Японія, напр., тоже европеизуется (гніетъ).

Что же сдѣлали надъ собою Европейскія Государства, переступая за роковое 1000-лѣтіе?

Они всѣ испортили у себя болѣе или менѣе въ частностяхъ ту государственную форму, которая выработалась у нихъ въ періодъ цвѣтущей сложности. Они всѣ постепенно измѣнили той системѣ отвлеченныхъ, внѣ личнаго субъективнаго удовольствія постановленныхъ

идей, которыя выработались у нихъ въ эпоху морфологическую и вознеслись надъ ними, какъ знамя, какъ великая руководящая тѣнь.

Съ конца XVIII вѣка и въ началѣ нашего на материкъ Европы вторглись ложно-понятыя тогда Англо-Саксонскія *конституціонныя* идеи.

Испанія была самодержавной, но децентрализованной Монархіей. Ее попытались сдѣлать болѣе конституціонной, ограниченной; попытались ослабить власть и усилить, *сосредоточить представительство* народа.

Приблизивъ Испанію болѣе къ этому лже-Британскому типу, упростили этимъ самымъ еще не много *общую* юридическую *картину Европы.*

И что-жь мы видимъ?

Франція? Но говорить ли о столь извѣстной исторіи Франціи, которая такъ ясна и поучительна! Ея форма была самодержавіе централизованное, аристократическое и Католическое.

Обманчивое, пламенное величіе 89 года измѣнило все это. Съ тѣхъ поръ Франція все больше и больше *смѣшивалась, уравнивалась всячески,* пока 71 годъ не обнаружилъ, *что у нея много людей, но нѣтъ человѣка,* вождя! Вождей создаетъ не парламентаризмъ, а реальная свобода, т.-е. *нѣкоторая свобода самоуправства.* Надо *умѣть* властвовать беззастѣнчиво!

И замѣтьте, именно съ 60 годовъ, какъ только либеральная партія жалкихъ Жюль-Фавровъ и К° начала брать верхъ, какъ только Наполеону III стали вязать руки, такъ и начались ошибка за ошибкой, несчастіе за несчастіемъ.

Не власть виновата, виновата непокорность!

Теперь Франція *очень смѣшана и даже проста:* она демократическая Республика. Прочна ли она?

Что дѣлаетъ Германія?

Во первыхъ, прежде всего напомнимъ, что *политически умерли* уже всѣ Государства средней и южной Германіи, т.-е. тѣ, въ которыхъ, особенно послѣ 48 года, *стало больше равенства и свободы,* и больше *раціонализма* (Риль, чрезвычайно художественно описываетъ это *смѣшеніе* средней Германіи).

Только одна Католическая Баварія еще обнаруживаетъ признаки жизни, благодаря своему *своеобразію, своей отсталости* (тоже у Риля есть о Баварскихъ селянахъ прекрасныя мѣста).

Побѣдила всѣхъ и все Пруссія, у которой были:

1) Король *набожный* и *почти всевластный*; 2) Конституція *плохая,* т.-е. дававшая возможность власти дѣлать дѣло; 3) *Привилегированное и воинственное юнкерство.* И такъ, именно все то, чего не было, или чего было меньше у средней Германіи въ 66 и у Франціи въ 70 годахъ.

Но... дальше что?

Ренанъ, который былъ либераломъ кажется только въ религіи (что, конечно, хуже всего), послѣ пораженія Французской демократіи, осрамившейся безъ Императора еще хуже, чѣмъ при немъ, Ренанъ въ отчаяніи воскликнулъ, что безъ аристократіи жить нельзя Государству; но такъ какъ назадъ не можетъ возвратиться никто, такъ пусть, говоритъ онъ, продолжается наше *демократическое гніеніе! Мы постараемся отмстить нашимъ сосѣдямъ, заражая и ихъ тѣмъ же.*

Вскорѣ послѣ этого газета Times напечатала слѣдующее: „Мщеніе Франціи осуществляется—старая Пруссія *демократизируется*" и т. д.

И вотъ мы видимъ, что вліяніе Прусской аристократіи въ округахъ уничтожено, Католическая партія и Церковь преслѣдуется такъ, что само Протестантское духовенство смущено (этотъ безсильный Протестантизмъ!), вводится обязательный гражданскій бракъ... (т.-е. юридическій конкубинатъ).

Что касается до всеобщей грамотности, всеобщаго ополченія и всеобщаго единства, до желѣзныхъ дорогъ повсюду и т. п., то это все вещи обоюдо-острыя, сегодня для порядка, а завтра для разрушенія удобныя. *Это все служитъ тому же вторичному смѣшенію.*

Внѣшняя политика скользка между Славянами и Франціей.

Либералы сильны лишь оппозиціей и фразами въ мирное время. У либераловъ XVIII вѣка были *новыя идеи, старыя ненависти и матеріальные интересы на подачку простому народу. Есть ли все это у нынѣшнихъ либераловъ?*

Австрія, побѣжденная подъ Садовой, вступила *искренно впервые* въ новую эру *свободы и равенства*, и — *распалась на двое*, опасаясь со дня на день распаденія на 5—6 частей.

Турція—даже и та едва держится, и держится она не сама, но лишь внѣшними обстоятельствами и внутренними раздорами Христіанъ. Съ какихъ это поръ? Съ тѣхъ поръ, какъ она болѣе прежняго *уравняла права* и *положеніе разновѣрныхъ*, съ тѣхъ поръ, какъ демократизировалась по своему. Если бы дать ей еще парламентъ, какъ хотѣли Англичане, чтобы парализовать вліяніе Россіи и Генерала Игнатьева на самодержавнаго Султана, то, прибавивъ либеральную неурядицу къ эгалитарной слабости, Турція не простояла бы и нѣсколькихъ лѣтъ.

Остается одна Англія. Здѣсь эгалитарный процессъ не такъ еще рѣзко выразился *). Что касается до либерализма въ тѣсномъ чисто конституціонномъ или политическомъ смыслѣ, то онъ уже былъ издавна присущъ естественной организаціи этой страны.

*) *Реформы Гладстона теперь* и Англію почти сравняли съ другими странами на пути разрушительнаго смѣшенія (1885 г.).

Пр. авт.

Если же расширить понятіе свободы, то она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ непремѣнно совпадетъ съ равенствомъ. А такой свободы въ Англіи не было прежде.

Ни Диссидентовъ Англіи, ни Католиковъ вообще, ни Ирландцевъ, ни бѣдные классы нельзя было назвать вполнѣ свободными даже и политически. Свободныя учрежденія Англіи были до новѣйшаго времени тѣсно связаны съ привилегіями Англиканской Церкви.

Равенства, въ широкомъ смыслѣ понятаго, въ Англіи было сначала, пожалуй, больше, чѣмъ напр. во Франціи, но потомъ, именно по мѣрѣ приближенія цвѣтущаго періода (Елисавета, Стюарты, Вильгельмъ Оранскій и Георги) и юридическаго и фактическаго равенства, стало все меньше и меньше. И Англія, какъ всякое другое государство, какъ всякая нація, какъ всякій организмъ, даже болѣе, какъ все существующее и въ пространствѣ и въ сознаніи (какъ дерево, какъ человѣкъ, какъ философскія системы, какъ архитектурные стили), подчинилась всеобщему закону развитія, которое состоитъ въ постепенномъ осложненіи содержанія, сдерживаемаго до поры до времени деспотизмомъ формы; по тому закону, по которому все сперва индивидуализируется, т.-е. стремится къ высшему единству въ высшемъ разнообразіи (къ оригинальности), а потомъ расплывается, смѣшивается, упрощается вторично и понижается, дробится и гибнетъ.

Съ перваго взгляда кажется, какъ будто Англіи посчастливилось больше другихъ странъ Европы. Но едва ли это такъ. Посмотримъ, однако, повнимательнѣе.

Конечно, Англіи посчастливилось сначала тѣмъ, что она долго сбывала свои горючіе матеріалы въ обширныя колоніи. Англія *демократизировалась на новой почвѣ*—въ Соединеныхъ Штатахъ Америки.

Соединенные Штаты относятся къ Великобританіи *въ пространствѣ* точно также какъ Франція XIX вѣка относится *во времени* къ Франціи XVII. Америка Вашингтона и Линкольна и Франція Наполеона I, Наполеона III, это одинаково демократически *смѣшанныя* страны, вышедшія посредствомъ процесса вторичнаго смѣшенія, первая изъ Англіи Елисаветы, Вильгельма III и Питта, вторая изъ Франціи Франциска I, Ришелье и Лудовика XVI *).

*) Соединенные Штаты,—это Карѳагенъ современности. Цивилизація очень старая, Халдейская, въ упрощенномъ республиканскомъ видѣ на новой почвѣ въ дѣвственнной землѣ.

Вообще Соединенные Штаты не могутъ служить никому примѣромъ. Они слишкомъ еще недолго жили; всего одинъ вѣкъ. Посмотримъ, что съ ними будетъ черезъ 50—25 лѣтъ. (И у насъ было прежде *больше прочнаго, не смѣшаннаго разнообразія—было рабство*, а теперь упрощеніе и смѣшеніе). Если они расширятся, какъ Римъ или Россія, на другія *несхожія* страны, на Канаду, Мексику, Антильскіе острова и вознаградятъ себя этой *новой пестротой* за утраченную послѣдней *борьбой внутреннюю сложность строя* не потребуется ли тогда имъ Монархія? Многіе, бывшіе въ Америкѣ, такъ думаютъ.

При процессѣ вторичнаго смѣсительнаго упрощенія, я кажется уже говорилъ: до полной первоначальной племенной простоты и блѣдности, Государства и націи, прежде своего окончательнаго разрушенія, или глубокаго завоеванія, никогда не доходятъ. Они всегда сохраняютъ до послѣдней минуты нѣкоторыя черты своего цвѣтущаго періода. Такъ, Спарта кончила жизнь съ двумя Царями, Римъ съ своей законной диктатурой Императора и даже съ тѣнью Сената.

Такъ Аѳины умирали съ фактическими излюбленными демагогами во главѣ, съ Демосѳенами и Фокіонами.

Византія пала съ Православнымъ Кесаремъ на стѣнахъ Новаго Рима и т. д.

И дабы еще разъ убѣдиться, что приведенные мною многократно примѣры изъ жизни не политической, а изъ явленій природы и изъ исторіи духа человѣческаго, употреблены были не какъ риторическое уподобленіе, а въ видѣ попытки объяснить реалистическими всеобщими законами исторію развитія и *въ особенности паденія* Государствъ, упомяну здѣсь о томъ, что и во всемъ существующемъ мы встрѣчаемъ то же. Именно мы видимъ, что при процессѣ разложенія и смерти остаются до послѣдней минуты нѣкоторыя черты, выяснившіяся въ періодъ цвѣта или сложности.

Такъ, зародыши всѣхъ животныхъ очень схожи между собой, очень просты и разнообразны; плоды утробные всѣхъ млекопитающихъ крайне однородны и схожи въ началѣ; но остатки разныхъ животныхъ довольно еще различны, пока не распадутся въ прахъ (напримѣръ, внутренній скелетъ позвоночныхъ, наружные покровы умершихъ суставчатыхъ, раковины безъ моллюсковъ и т. д.). Такъ деревья высохшія и лишенныя листьевъ хранятъ еще слѣды своей прежней организаціи: они проще, однообразнѣе, малосложнѣе прежняго, но опытный, внимательный глазъ по рисункамъ коры, по общимъ контурамъ ствола и вѣтвей, по росту, различаетъ, который дубъ, которая яблонь, который тополь, или маслина.

Такъ Протестантизмъ, который былъ сначала ни что иное, какъ вторичное смѣсительное упрощеніе Католицизма, сохранилъ въ себѣ, однако, нѣкоторыя черты Римской церкви.

Кончивъ это необходимое замѣчаніе, я обращусь опять къ Англо-Саксонской исторіи.

И такъ, Великобританія сначала *смѣшалась* и даже упростилась вначалѣ за *океаномъ* и тѣмъ спасла себя отъ внутренняго взрыва и отъ насильственной демократизаціи дома.

Но она не спасла себя все-таки отъ частнаго разложенія. *Насильственное отпаденіе упрощенной* заатлантической Англіи произошло почти въ одно время съ *насильственнымъ внутреннимъ смѣшеніемъ* Франціи. И то и другое событіе относится ко 2-й половинѣ прошлаго вѣка.

Обладая Индіей, Австраліей и другими колоніями, завоевывая то Канаду, то Гибралтаръ, присоединяя то Мальту, то Іоническіе острова, Великобританія вознаграждала, правда, себя за эту потерю посторонним новымъ разнообразіемъ внѣ своихъ предѣловъ, подобно древнему Риму, который, *смѣшиваясь* и отчасти въ смыслѣ *однообразія и упрощаясь внутренно*, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, присоединяя *своеобразныя* и *неравноправныя* съ собою страны, поддерживалъ долго свое существованіе.

Законъ разнообразія, способствующаго единству, и тутъ остается въ полной силѣ.

Завоеванія оригинальныхъ странъ—единственное спасеніе при начавшемся процессѣ вторичнаго смѣшенія.

Однако, съ 20-хъ—30-хъ годовъ и въ нѣдрахъ самой Англіи начался прогрессъ демократическій.

И у нея явились радикалы. И эти радикалы, какъ бы именно для того, чтобы сблизить государственный типъ Великобританіи съ типами материка Европы, чтобы упростить въ будущемъ и уравнять въ настоящемъ картину всего Запада, нерѣдко бываютъ централизаторами. Таковъ, напр., во многихъ случаяхъ и самъ Джонъ Стюартъ Милль.

Разнородныя и странныя особенности Англійской организаціи понемногу сглаживаются, оригинальные обычаи сохнутъ, бытъ разныхъ провинцій, становится болѣе однороднымъ. Права Католиковъ уравнены, однообразія воспитанія и вкусовъ гораздо больше прежняго. Лорды уже не брезгаютъ поступать директорами банковъ. Средній классъ, какъ и въ другихъ странахъ Европы, преобладаетъ давно. *Господство же средняго класса есть тоже упрощеніе и смѣшеніе;* ибо *онъ по существу своему стремится все свести къ общему типу, такъназываемаго „буржуа“.*

Поэтому и Прудонъ, этотъ упроститель par excellence, съ жаромъ увѣряетъ, что *цѣль всей исторіи состоитъ въ томъ, чтобы обратить всѣхъ людей въ скромныхъ однороднаго ума и счастливыхъ, не слишкомъ много работающихъ буржуа.* «Будемъ крайни теперь въ нашихъ порывахъ!» восклицаетъ онъ, «чтобы дойти скорѣе до *этого средняго человѣка*, котораго прежде всего выработалъ tiers-état Франціи!»

Хорошъ идеалъ! Однако, во всѣхъ странахъ идутъ люди по слѣдамъ Франціи. Недавнія извѣстія изъ Англіи говорятъ, что г. Брайтъ, напр., въ рѣчахъ своихъ выражаетъ нетерпѣніе, «когда же Англія станетъ настоящей свободной страной?»

Любопытно сравнить съ подобными рѣчами *передовыхъ* Англичанъ вопли раскаянія многихъ несомнѣнно умныхъ Французовъ, напримѣръ Ренана.

Жаль будетъ видѣть, если Англичанамъ придется брать уроки поздней мудрости у безумныхъ Французовъ. Дай Богъ намъ ошибиться въ нашемъ пессимизмѣ!

Мирный постепенный ходъ эгалитарнаго прогресса, вѣроятно, долженъ имѣть на *ближайшее* будущее націи дѣйствіе иное, чѣмъ имѣютъ на *это ближайшее* будущее перевороты бурные, совершающіеся съ цѣлью того же эгалитарнаго процесса. Но *на будущее болѣе отдаленное*, я полагаю, *дѣйствіе бываетъ сходное*. Мирное смѣшеніе прежде, разстройство дисциплины и необузданность послѣ.

Однообразіе правъ и большее противу прежняго сходство воспитанія и положенія, *антагонизма интересовъ не уничтожаетъ*, быть можетъ, усиливаетъ, *ибо потребности и претензіи сходнѣе*.

Къ тому же замѣчается, что вездѣ подъ конецъ государственности усиливается неравенство экономическое параллельно и одновременно съ усиленіемъ равенства политическаго и гражданскаго.

Страданій не меньше прежняго; они другаго рода, новыя страданія, которыя чувствуются глубже, по мѣрѣ того вторичнаго уравненія въ понятіяхъ, во вкусахъ, въ потребностяхъ, которое настаетъ по окончаніи сложнаго цвѣтущаго періода общественной жизни.

Гипотеза вторичнаго упрощенія и смѣшенія, которую я пытаюсь предложить, имѣетъ, конечно, значеніе болѣе *семіологическое*, чѣмъ *причинное* (чѣмъ *этіологическое*).

Вторичное упрощеніе и вторичное смѣшеніе суть признаки, а не причина, государственнаго разложенія.

Причину же основную надо, вѣроятнѣе всего, искать въ психологіи человѣческой. Человѣкъ ненасытенъ, если ему дать свободу. Голова человѣка не имѣетъ формы гвардейскаго, Павловскаго шишака, плоскую сзади, въ сторонѣ чувствъ и страстей высокую, развитую спереди, въ сторонѣ разсудка. И, благодаря этому развитію заднихъ частей нашего мозга, *разлитіе* раціонализма въ массахъ общественныхъ (другими словами, распространеніе большихъ противу прежняго *претензій на воображаемое пониманіе*) приводитъ лишь къ возбужденію разрушительныхъ страстей, вмѣсто ихъ обузданія авторитетами. Такъ что наивный и покорный авторитетамъ человѣкъ оказывается, при строгой повѣркѣ, ближе къ истинѣ, чѣмъ самоувѣренный и заносчивый гражданинъ уравненнаго и либерально-развинченнаго общества. Русскій безграмотный, но богомольный и послушный крестьянинъ, эмпирически, такъ сказать, ближе къ реальной правдѣ житейской, чѣмъ всякій раціональный либералъ, глупо вѣрующій, что всѣ люди будутъ когда-то счастливы, когда-то высоки, когда-то одинаково умны и разумны.

Развѣ реалисты не стали бы смѣяться надъ тѣмъ, кто сказалъ бы, что прямые углы были равны только по ошибкѣ нашихъ отцовъ, а отнынѣ и впредь будетъ все иначе на этой бѣдной землѣ?...

Лукавые происки властителей и преобладающихъ классовъ сдѣлали то, что земля обращалась около солнца. Это невыгодно для большинства. Мы сдѣлаемъ то, что земля будетъ обращаться отнынѣ около

Сиріуса! Прогрессъ нарушитъ всѣ основные законы природы... Животные будутъ мыслить печенью, варить пищу легкими, ходить на головѣ!... Всѣ ячейки, всѣ ткани будутъ однородны, всѣ органы будутъ совершать одинаковыя отправленія и въ полной гармоніи (не антитезъ, а согласіе!).

Если и въ Англіи уже довольно ясно выразился процессъ демократическаго упрощенія, то можно желать отъ всего сердца, чтобы дальнѣйшій ходъ этого процесса совершался въ ней какъ можно медленнѣе, чтобы она какъ можно дольше оставалась поучительнымъ примѣромъ сложности и охраненія. Но можно ли увѣрять себя, что Англія Гладстоновъ и Брайтовъ то же самое, что Великая Британія Питтовъ и даже Роб. Пилей?

Р. Пиль былъ великій государственный мужъ: онъ крайне неохотно уступалъ прогрессу смѣшенія и уравненія. Онъ не увлекался имъ, какъ наши политическіе дѣятели. Онъ говорилъ: „Я не нахожу болѣе *возможнымъ* продолжать борьбу.“

Повторяю еще разъ: всѣ Государства Запада сначала были схожи, потомъ стали очень различны другъ отъ друга и внутренно сложны, а теперь они опять всѣ стремятся сойтись на почвѣ эгалитарной разнузданности. Серьезный, солидный психическій характеръ націи не поможетъ тутъ ничего.

Твердыя и тяжелыя вещества, сталкиваясь въ безпорядкѣ, дѣйствуютъ другъ на друга еще разрушительнѣе мягкихъ или легкихъ.

Все сливается и все расторгается.

ГЛАВА XI. (6).

Сравненіе Европы съ древними государствами.

Зданіе Европейской культуры было гораздо обширнѣе и богаче всѣхъ предыдущихъ цивилизацій.

Въ жизни Европейской было больше разнообразія, больше лиризма, больше сознательности, больше разума и больше страсти, чѣмъ въ жизни другихъ, прежде погибшихъ историческихъ міровъ. Количество первоклассныхъ архитектурныхъ памятниковъ, знаменитыхъ людей, священниковъ, монарховъ, воиновъ, правителей, художниковъ, поэтовъ было больше, войны громаднѣе, философія глубже, богаче, религія безпримѣрно пламеннѣе (напр., Эллино-Римской), аристократія рѣзче Римской, монархія въ отдѣльныхъ Государствахъ опредѣленнѣе (наслѣдственнѣе) Римской; вообще самые принципы, которые легли въ основаніе Европейской государственности, были гораздо многосложнѣе древнихъ.

Чтобы потрясти такое сложное по плану (см. объ этомъ предметѣ у Гизо, въ „Исторіи цивилизаціи“) и величественное, небывалое зда-

ніе, нужны были и болѣе сильныя средства, чѣмъ въ древности. Древнія Государства упрощались почти нечаянно, эмпирически, такъ сказать.

Европейскія Государства упрощаются самосознательно, раціонально, систематически.

Древнія Государства не проповѣдывали сознательно религіи прогресса; они эманципировали лица, классы и народы отъ старыхъ узъ цвѣтущаго періода и, отчасти, вопреки себѣ, вопреки своему идеалу, который въ принципѣ былъ вообще консервативенъ *).

Европа, чтобы растерзать скорѣе свою благородную исполинскую грудь, повѣрила въ прогрессъ демократическій, не только какъ во временный переходъ къ новой исторической матемпсихозѣ, не только какъ въ ступень къ новому неравенству, новой организаціи, новому спасительному деспотизму формы, нѣтъ!—она повѣрила въ демократизацію, въ смѣшеніе, въ уравненіе, какъ въ идеалъ самаго Государства!

Она приняла жаръ изнурительной лихорадки за прорѣзываніе младенческихъ зубовъ, за государственное возрожденіе изъ собственныхъ нѣдръ своихъ, безъ помощи чуждаго притока! Древность поэтому не можетъ представить той картины систематическаго, раціональнаго смѣшенія, того, такъ сказать, научно предпринятаго вторичнаго упрощенія, какое представляютъ намъ Государства Европы съ VIII вѣка.

У древности это движеніе менѣе ясно, менѣе рѣзко, менѣе окончено; но можно убѣдиться, что и во всѣхъ древнихъ Государствахъ вторичное упрощеніе картины,—ослабленіе, подвижность власти, расшатываніе кастъ, и поэтому неорганическое отношеніе людей, племенъ, религій, болѣе однообразное противу прежняго устройство областей предшествовали паденію и гибели.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прошедшее служитъ примѣромъ и объясненіемъ настоящему; въ другихъ настоящее своей ясностью и рѣзкостью раскрываетъ намъ глаза на что либо болѣе смутное и темное въ прошедшемъ.

Сущность явленія та же; сила, выразительность его могла быть разная, при разныхъ условіяхъ времени и мѣста.

Припомнимъ кратко, какъ кончали свою жизнь различныя Государства древности.

Отдѣльное Аѳинское Государство было погублено демагогами. Это до того уже извѣстно, что ученику Гимназіи, который не зналъ бы о роли Клеона, о консервативномъ или реакціонномъ духѣ комедій Аристофана, о напрасныхъ попыткахъ Спартанцевъ, Критія, 30 Тиранновъ, Пизандра и др., возстановить аристократическое правленіе въ анархическомъ городѣ, такому ученику поставили бы на испытаніи единицу.

*) Дж. Ст. Милль говоритъ о томъ, что всѣ мыслители классической древности были *консерваторы*; только *теперь*, молъ, поняли, что есть *прогрессъ*.

Устройство Аѳинъ, уже со временъ Солона не слишкомъ аристократическое, послѣ Перикла приняло вполнѣ эгалитарный и либеральный характеръ.

Что касается до Спарты, она шла другимъ путемъ, была бѣднѣе и крѣпче духомъ, но и съ ней случилось подъ конецъ то же, что съ нынѣшней Пруссіей: Государство бѣдное, болѣе суровое и болѣе аристократическое, побѣдило другое Государство болѣе торговое, болѣе богатое и болѣе демократическое, но немедленно же заразилось всѣми его недостатками.

Спарта подъ конецъ своего существованія измѣнила только одну существенную черту своего быта: она освободилась отъ стѣснительной формы своего аристократическаго сословнаго коммунизма, по которому всѣ члены неравныхъ горизонтальныхъ слоевъ были внутри этихъ слоевъ равны между собою.

Въ ней стало больше политическаго равенства, но меньше экономическаго.

Около 400—350 до Р. Х. общественныя имущества были объявлены частными (какъ и въ другихъ мѣстахъ), и всякій сталъ воленъ располагать ими, какъ хотѣлъ, всякій получилъ равное право богатѣть и бѣднѣть по волѣ.

Организація Спарты, Дорійская форма, испортилась и стала приближаться постепенно къ тому общему среднему типу, къ которому стремилась тогда Эллада безсознательно.

Реакція царей Агиса и Клеомена въ пользу Ликурговыхъ законовъ также мало удалась, какъ и реакція Аѳинскихъ Олигарховъ.

Что касается до общей исторіи Эллинскаго паденія, то самое лучшее привести здѣсь нѣсколько словъ изъ руководства Вебера. Для такихъ широкихъ вопросовъ хорошіе учебники самая вѣрная опора. Въ нихъ обыкновенно допускается лишь то, что признано всѣми, всей наукой:

„Мы видѣли, говоритъ Веберъ, что Греческій геній уничтожилъ и разбилъ мало по малу строгія формы и узкіе предѣлы Восточной (я бы сказалъ не Восточной, а просто первоначальной) организаціи, распространилъ личную свободу и равенство правъ для всѣхъ гражданъ до крайнихъ предѣловъ, и наконецъ, въ своей борьбѣ противъ всякаго ограниченія личной свободы, чѣмъ бы то ни было, традиціями и правами, закономъ, или условіями, потерялся во всеобщей нестройности и непрочности.“ Далѣе я не выписываю (см. „Всеобщая исторія“ Вебера, заключеніе Греческаго міра, послѣднія страницы).

Я привелъ отрывокъ изъ общепринятаго Нѣмецкаго руководства.

Но можно найти почти то же въ сочиненіи Гервинуса, „Исторія XIX вѣка“.

Гервинусъ начинаетъ свою книгу съ того, что находитъ большое сходство между послѣдними временами павшей Эллады и современностью торжествующей Европы.

И Гервинусъ вѣритъ въ будущее: „Историческія размышленія избавили меня отъ пламенныхъ ожиданій, волнующихъ другихъ, и тѣмъ предохранили отъ многихъ заблужденій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти размышленія никогда не отказывали мнѣ въ утѣшеніи и поддержкѣ“. Таковы слова знаменитаго ученаго. Онъ не говоритъ, однако, на какія именно утѣшенія онъ разсчитываетъ, на всеобщее благо, хотя бы купленное цѣною паденія современныхъ Государствъ, или на долгую государственную жизнь современной демократіи? А различить это было бы очень важно. Вѣрнѣе, что онъ думаетъ о послѣднемъ.

Гервинусъ находитъ и въ исторіи Эллинизма и въ современности слѣдующія сходныя явленія:

„Вездѣ, говоритъ онъ, мы замѣчаемъ правильный прогрессъ свободы духовной и гражданской, которая сначала принадлежитъ только нѣсколькимъ личностямъ, потомъ распространяется на большее число ихъ, и наконецъ достается многимъ. Но потомъ, когда Государство совершитъ свой жизненный путь, мы снова видимъ, что отъ высшей точки этой восходящей лѣстницы развитія (я бы сказалъ разлитія!) начинается обратное движеніе просвѣщенія *), свободы и власти, которыя отъ многихъ переходятъ къ немногимъ, и наконецъ къ нѣсколькимъ“.

„Въ Элладѣ воцарилась передъ паденіемъ Тиранія; въ Европѣ теперь (говоритъ онъ въ изданіи 1852 г.) абсолютизмъ“. Видимо, онъ находился подъ впечатлѣніемъ воцаренія Наполеона III и реакціи въ Германіи.

Но послѣдствія доказали, что Наполеонъ III еще больше демократизировалъ Францію, а монархическая реакція Германіи, рядомъ антитезъ политическихъ, привела эту страну точно также къ современному ея смѣсительному процессу.

Къ тому же я не вижу, чтобы тираннія единоличная была въ Элладѣ вездѣ въ эпоху паденія. Главныя два представителя Эллинизма, Аѳины и Спарта, пали въ республиканской формѣ.

Если же считать и монархическій Македонскій періодъ за продолженіе Эллинской государственности (хотя это будетъ не совсѣмъ строго), то надо будетъ заключить вотъ что: *Абсолютизмъ, на почвѣ уже вторично смѣшанной и уравненной, конечно, есть единственный якорь спасенія; но дѣйствительность его не слишкомъ прочна безъ притока новаго дисциплинирующаго разнообразія.*

*) Развѣ въ Александрійскомъ періодѣ количественное разлитіе просвѣщенія не было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ эпоху творчества?

Греко-Македонскія Монархіи простояли очень недолго. Наполеонъ III палъ и будущее объединенной и смѣшанной Германіи, по аналогіи, должно быть сомнительнымъ, по крайней мѣрѣ.

Ясно, что и Гервинусъ не свободенъ отъ религіи „des grands principes de 89."

Причины паденія древняго Египта также хорошо извѣстны, какъ и причины паденія Эллинскихъ Государствъ, хотя и въ болѣе общихъ чертахъ, съ менѣе осязательными подробностями.

И здѣсь мы увидимъ то же, что и вездѣ. Въ цвѣтущемъ періодѣ сложность и единство, сословность, деспотизмъ формы; потомъ еще большее, но мгновенное, увеличеніе разнообразія посредствомъ небывалаго дотолѣ допущенія иностранцевъ (Грековъ и Финикіянъ при Псамметихѣ и Нехао; *200,000 воиновъ выселились при видѣ такого прогресса*), возрастаніе богатства, торговли и промышленности, поэтому большая подвижность классовъ и всей жизни, потомъ, незамѣтное сразу, уравненіе, смѣшеніе, слитіе и... наконецъ, почти всегда неожиданное, внезапное, паденіе (Нехао - Лессепсъ. — Камбизъ и т. д.).

Говорить ли о Римѣ?

Его постепенная демократизація слишкомъ извѣстна.

Смѣшивался и уравнивался онъ не разъ. Первый разъ Патриціи смѣшались, уравнялись постепенно съ плебеями въ маленькомъ, первоначальномъ Римѣ. *Это придало Риму, какъ всегда бываетъ, мгновенную силу*, и онъ воспользовался этой силой для завоеваній въ Италіи. При этихъ завоеваніяхъ наставшее внутреннее уравнительное упрощеніе восполнилось новымъ разнообразіемъ, какъ быта присоединяемыхъ областей, такъ и неравномѣрными правами, даруемыми имъ.

Потомъ почти вся Италія смѣшалась, сравнялась въ правахъ и, вѣроятно, въ духѣ и бытѣ. Начались завоеванія на югѣ и западѣ, на сѣверѣ и востокѣ, весьма разнообразныхъ племенъ и государствъ.

Всѣ простыя аристократическія реакціи Коріолановъ, Суллъ, Помпеевъ, Брутовъ и здѣсь не удались на долго, *хотя, конечно, и сдѣлали свою долю пользы въ смыслѣ какой-нибудь еще непонятной намъ пондераціи реальныхъ силъ общества.*

Цезарь и Августъ еще болѣе демократизировали Государство: они были вынуждены ходомъ развитія сдѣлать это, и осуждать ихъ за это нельзя.

Время отъ Пуническихъ войнъ приблизительно до Антониновъ включительно есть время цвѣтущей сложности Рима. Упрощаясь въ одномъ, развязывая себѣ руки, онъ еще болѣе разнообразился, выростая до тѣхъ поръ, пока силы, смѣшивающія и упрощающія все существующее, не взяли и въ немъ верхъ надъ силами осложняющими и объединяющими, надъ силами организующими.

Каракалла (въ III вѣкѣ по Р. Х.) уравнялъ права всѣхъ граждан*ъ* рожденныхъ не отъ рабовъ, по всей Имперіи.

При Діоклетіанѣ (который былъ *самъ сынъ раба*) мы стоимъ уже у воротъ Византіи. Не находя около себя сословныхъ началъ, онъ ввелъ сложное чиновничество (вѣроятно, по образцамъ Древне-Восточнымъ, Персо-Халдейскимъ; *ибо все возвращается, хотя и нѣсколько въ новомъ видѣ*). Послѣ него Константинъ принялъ Христіанство. Вмѣсто политеистическаго, муниципально-аристократическаго, „конституціоннаго“, такъ сказать, Рима, явилась Христіанская, бюрократическая, но все-таки муниципальная, Кесарская Византія.

Старая Эллино-Римская муниципальность, старый Римскій Кесаризмъ, новое Христіанство и новое чиновничество на образецъ Азіатскій, вотъ съ чѣмъ Византія начала свою 1000-лѣтнюю новую жизнь.

Какъ Государство, Византія провела, однако, всю жизнь лишь въ оборонительномъ положеніи. Какъ цивилизація, какъ религіозная культура, она царила долго повсюду и пріобрѣтала цѣлые новые міры, Россію и другихъ Славянъ.

Какъ Государство, Византія была немолода. Она жила вторую жизнь—доживала жизнь Рима.

Она была молода и сильна религіей. И разнообразіе ея было именно на религіозной почвѣ. Замѣчательно, что къ X вѣку были почти уничтожены, или усмирены, всѣ ереси, придававшія столько жизни и движенія Византійскому міру.

Торжество *простаго консерватизма* оказалось для Государства также вредно, какъ и слишкомъ смѣсительный прогрессъ. Весь Западъ отложился отъ Церкви и Православные (*уравненные*) Болгаре Симеона оказались опаснѣе Болгаръ-язычниковъ Крума. Имперія едва-едва справилась съ ними. Церковь, пріостанавливаясь, была права для себя; она выработала главныя черты догмата, обряда и канона, предоставляя подробности разнообразію времени и мѣста.

Нравственная жизнь церкви не ослабѣла. Святые отшельники продолжали на Востокѣ дѣйствовать своимъ возбуждающимъ примѣромъ на паству; были и мученики; въ дальней Россіи Православіе росло подъ Византійскимъ вліяніемъ. Ему предстоялъ еще безконечный путь. Но подъ этой осмысленно пріостановившейся философіей Церкви продолжало скуднѣе прежняго существовать *слишкомъ подвижное, смѣшанное* въ частяхъ своихъ Государство. Права были до того уравнены, что простые мясники, торговцы, воины всякихъ племенъ, могли становиться не только сановниками, но даже Императорами.

Съ IX—X вѣка зрѣлище Византіи становится все проще, все суше, все однообразнѣе въ своей подвижности. Это процессъ какого-то одичанія, въ родѣ упрощенія разнообразныхъ садовыхъ яблокъ, которыя

постепенно всѣ становятся одинаково дикими и простыми, если ихъ перестать прививать. Этотъ родъ вторичнаго упрощенія, паденія, господствовалъ также въ Италіи послѣ блестящей эпохи возрожденія; въ Испаніи онъ насталъ послѣ Филиппа II; онъ грозилъ бы, вѣроятно, и Франціи послѣ Людовика XV, если бы не произошла вспышка 89 года, замѣнившая *приниженіе застоя* порывистымъ *смѣшеніемъ прогресса*; тихую сухотку—*восторженной холерой демократіи и всеобщаго блага!* Необходимы новые элементы, но элементы, почерпнутые изъ силъ своего только народа, или близкаго намъ племени, страдающаго, подобно намъ, простотою или смѣшеніемъ мало полезны; они, конечно, предотвращаютъ паденіе на нѣсколько времени и даютъ всегда періодъ шумной славы, но не надолго. Упрощающій прогрессъ есть уже не одичаніе упрощающаго односторонняго охраненія, а послѣднее плодоношеніе и быстрое гніеніе. Блеска много, прочности никакой. Примѣры Франціи временъ Республики и I-й Имперіи, Италіи 59—60 годовъ и, вѣроятно (для меня, сознаюсь, и несомнѣнно даже), Германіи *завтрашняго дня*—на глазахъ.

Разъ упростившись политически и сословно,-неизбѣжнымъ ходомъ дѣлъ, Государству остается одно: или разлагаться, или сближаться съ новыми *чуждыми, несхожими*, элементами,—присоединять, завоевывать новыя страны, носящія въ себѣ условія дисциплины, и не спѣшить глубокимъ внутреннимъ единеніемъ всего, *не становиться слишкомъ однообразнымъ простымъ по плану, или узору*.

Что скажетъ намъ, наконецъ, великая Персія Кира и возрожденная держава Сассанидовъ?

Разумѣется, не смотря на всѣ усилія науки, не смотря на клинообразныя надписи и на многія другія археологическія открытія послѣдняго времени, подробности Персидской исторіи менѣе для насъ осязательны, чѣмъ подробности исторіи Еллиновъ, Римлянъ и Византійцевъ, дошедшія до насъ въ столькихъ письменныхъ документахъ. Однако индуктивно, исходя изъ другихъ примѣровъ, мы можемъ и въ этомъ Государствѣ предполагать движенія, сходныя съ нынѣшнимъ въ общихъ чертахъ.

Начало до Кира: простота бытовая, простая религія огня, простые феодальные вожди. Однообразіе зеленыхъ яблокъ.

Потомъ завоеваніе Мидійскихъ и Халдейскихъ странъ.

Присоединеніе Лидіи, Грековъ, Египтянъ, Евреевъ, чрезвычайная пестрота и могучее Царское единство.

Можно себѣ, безъ особеннаго труда и ошибки, вообразить, какъ велико должно было быть разнообразіе быта, религіи, языковъ, разнородность правъ и привилегій, въ этой обширной Имперіи послѣ Камбиза и до Дарія Кодомана. Все объединялось въ лицѣ Великаго Царя, который былъ олицетвореніемъ Бога на землѣ. Сатрапы, упра-

влявшіе довольно независимо разнообразными областями, были, вѣроятно, большею частію сначала Иранскаго, феодальнаго, происхожденія. Но дворъ Царя, для объединенія, долженъ былъ, конечно, опираться не на однихъ природныхъ феодаловъ Иранцевъ, а для равновѣсія, и на разныя другія, болѣе смѣшанныя, демократизированныя, протестующія, силы, другихъ народностей. Дворъ Великаго Царя, бывшій центромъ сложнаго цвѣтенія, долженъ былъ стать постепенно и исходной точкой постепеннаго смѣшенія и сравнительнаго уравненія людей, племенъ, религій. Мы видѣли, что всякаго рода люди проникали ко двору: Халдеи, Греки, Евреи. Исторія Еврея Мардохея и Македонянина Амана одна уже доказываетъ это.

Демократическое разстройство Имперіи, однако, было, вѣроятно, еще не глубоко въ эпоху Дарія Кодомана и Александра Великаго.

Не смотря на кажущуюся побѣду Греко-Македонянъ, побѣдила въ сущности Персія. Ибо послѣ смерти Александра и Греціи, собственно, объ Елладѣ республиканской и помина уже нѣтъ; а Македонскія Царства всѣ кончили свою жизнь черезъ 2, или 3 столѣтія, всѣ погибли подъ ударами Рима еще до Р. Х. Къ тому же видно по всему, что Греки повліяли гораздо меньше на Персовъ, чѣмъ Персы на нихъ и на учениковъ ихъ—Римлянъ. До столкновенія съ Персами Греки были своеобразнѣе, чѣмъ стали послѣ этого соприкосновенія, и государственный духъ Персидскаго Царизма повліялъ не только на нихъ, но гораздо позднѣе и на Римлянъ, и еще болѣе на переработанныхъ Востокомъ Византійцевъ.

Греко-Македонская государственность немедленно послѣ смерти Александра была отодвинута къ сѣвернымъ и западнымъ окраинамъ Персіи, и вскорѣ послѣ этого мы видимъ въ восточной части прежней Имперіи свѣжій притокъ Парѳянъ, снова простыхъ, снова феодальныхъ, воинственныхъ и, можетъ быть, родственныхъ по племени древнимъ Иранцамъ.

Римъ не можетъ вполнѣ побѣдить ихъ.

Подъ ихъ вліяніемъ воздвигается новое Царство огнепоклонниковъ съ той же религіей, съ тѣми же (вѣроятно, въ главныхъ чертахъ) государственными принципами, и проживаетъ до XII вѣка по Р. Х.

Въ этомъ вѣкѣ древнее Государство гибнетъ отъ руки Мусульманъ, и самая религія Зороастра исчезаетъ почти вовсе изъ исторіи. Не знаю, существуютъ ли подробные ученые труды о Царствѣ Сассанидовъ. Мнѣ они не извѣстны. Но, продолжая надѣяться на аналогію, я думаю что тѣ смѣшивающія причины, которыя дѣйствовали при послѣднихъ Ахеменидахъ, могли въ Имперіи возобновленной (и потому уже все-таки не юной) дѣйствовать еще глубже.

Можетъ быть и къ тому сложному чиновничеству, которое, говорятъ иные, послужило отчасти образцомъ Византійскому, Цари Сасса-

ниды должны были прибѣгнуть уже какъ къ подспорью Пареянскаго феодализма. А сложное *подвижное* чиновничество, разумѣется, при всѣхъ остальныхъ равныхъ условіяхъ, есть средство дисциплины для низшихъ классовъ (и для сталкивающихся интересовъ вообще) менѣе прочное, чѣмъ соединеніе и взаимное равновѣсіе родовой аристократіи и чтимой всѣми Монархіи.

Графъ Гобино, въ своей книгѣ „Histoire des Perses," утверждаетъ, что Царство Сассанидовъ именно и создано было *разноплеменной демократіей*, низвергнувшей военный феодализмъ Пареянъ.

Изъ всего сказаннаго, мнѣ кажется, позволительно заключить слѣдующее:

1. Что мы можемъ находить значительную разницу въ степени упрощенія и смѣшенія элементовъ въ послѣдніе годы жизни у разныхъ Государствъ, но у всѣхъ найдемъ этотъ процессъ, сходный въ общемъ характерѣ съ современнымъ эгалитарнымъ и либеральнымъ прогрессомъ Европы.

2. Что культуры государственныя, смѣнявшія другъ друга, были все шире и шире, сложнѣе и сложнѣе: шире и по духу, и по мѣсту, сложнѣе по содержанію; Персидская была шире и сложнѣе Халдейской, Лидійской и Египетской, на развалинахъ коихъ она воздвиглась; Греко-Македонская на короткое время еще шире; Римская покрыла собою и претворила въ себѣ все предыдущее; Европейская развилась несравненно пространнѣе, глубже, сложнѣе всѣхъ прежнихъ государственныхъ системъ.

Полумѣры не могли ее разстроить: для ея смѣшенія, упрощенія, потребовалось болѣе героическое средство, выдумали демократическій прогрессъ—les grands principes de 89 и т. п.

Вмѣсто того, чтобы понять прогрессъ такъ, какъ его выдумала сама природа вещей, въ видѣ хода отъ простѣйшаго къ сложнѣйшему, большинство образованныхъ людей нашего времени предпочли быть алхимиками, отыскивающими философскій камень всеблаженства земнаго, астрологами, вычисляющими мечтательные дѣтскіе гороскопы для будущаго всѣхъ людей, безплодно и прозаично уравненныхъ.

Въ самомъ же дѣлѣ Западъ, сознательно упрощаясь, систематически смѣшиваясь, безсознательно подчинился космическому закону разложенія.

ГЛАВА XII.

Заключеніе.

Неужели я хочу сказать всѣмъ этимъ, что Европейская цивилизація уже теперь гибнетъ?

Нѣтъ! Я повторялъ уже не разъ, что цивилизаціи обыкновенно надолго переживаютъ тѣ Государства, которыя ихъ произвели.

Цивилизація, культура, есть именно та сложная система отвлеченныхъ идей (религіозныхъ, государственныхъ, лично-нравственныхъ, философскихъ и художественныхъ), которая вырабатывается всей жизнью націй. Она, какъ продуктъ, принадлежитъ Государству; какъ пища, какъ достояніе, она принадлежитъ всему міру.

Нѣкоторые изъ этихъ культурныхъ плодовъ созрѣваютъ въ раннія эпохи государственности, другія въ средней, зрѣлой, третьи во время паденія. Одинъ народъ оставляетъ міру въ наслѣдство больше, другой меньше. Одинъ по одной отрасли, другой по другой отрасли.

Европейское наслѣдство вѣчно и до того богато, до того высоко, что исторія еще ничего не представляла подобнаго.

Но вопросъ вотъ въ чемъ: если въ эпоху современнаго, поздняго плодоношенія своего Европейскія Государства сольются дѣйствительно въ какую нибудь федеративную, грубо-рабочую, Республику, не будемъ ли мы имѣть право назвать этотъ исходъ паденіемъ прежней Европейской государственности?

Какой цѣной должно быть куплено подобное сліяніе? Не должно ли будетъ это новое Все-Европейское Государство отказаться отъ признанія въ принципѣ всѣхъ мѣстныхъ отличій, отказаться отъ всѣхъ, хоть сколько нибудь чтимыхъ, преданій, быть можетъ... (кто знаетъ!) сжечь и разрушить главныя столицы, чтобы стереть съ лица земли тѣ великіе центры, которые такъ долго способствовали раздѣленію Западныхъ народовъ на враждебные національные станы.

На розовой водѣ и сахарѣ не приготовляются такіе коренные перевороты: они предлагаются человѣчеству всегда путемъ желѣза, огня, крови и рыданій!..

И, наконецъ, какъ бы то ни было, на розовой ли водѣ ученыхъ съѣздовъ, или на крови выросла бы эта новая Республика, во всякомъ случаѣ Франція, Германія, Италія, Испанія и т. д. падутъ: они станутъ областями новаго Государства, какъ для Италіи стали областями прежній Піемонтъ, Тоскана, Римъ, Неаполь, какъ для Все-Германіи стали областями теперь Гессенъ, Ганноверъ и самая Пруссія; они станутъ для Все-Европы тѣмъ, чѣмъ для Франціи стали давно Бургундія, Бретань!..

Мнѣ скажутъ: „Но они никогда не сольются!“ Я же отвѣчу: „Блаженъ, кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ!“ Тѣмъ лучше и для ихъ достоинства и для нашей безопасности; но имѣемъ ли мы право не быть бдительными и убаюкивать себя тѣмъ, что намъ нравится? Чему учитъ здравый смыслъ? Чему учитъ практическая мудрость? Остерегаться ли худшаго, думать о немъ, или отгонять мысль объ этомъ худшемъ, представлять себѣ своего врага (эгалитарную революцію) безсильнымъ, такъ какъ представляли себѣ Пруссаковъ Французы?

Необходимо всегда имѣть при подобныхъ сужденіяхъ въ виду тотъ

крайній идеалъ, который существуетъ въ обществахъ; ибо люди непремѣнно захотятъ испытать его. Необходимо помнить, что нововводители, рано или поздно, всегда торжествуютъ, хотя и не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, котораго они сознательно искали. Положительная сторона ихъ идеала часто остается воздушнымъ замкомъ, но ихъ дѣятельность разрушительная, низпровергающая прежнее, къ несчастію, слишкомъ часто бываетъ практична, достигаетъ своей отрицательной цѣли.

Для низпроверженія послѣднихъ остатковъ прежняго государственнаго строя Европы не нужно ни варваровъ, ни вообще иноземнаго нападенія: достаточно дальнѣйшаго разлитія и укрѣпленія той безумной *религіи эвдемонизма*, которая символомъ своимъ объявила: „Le bien-être materiel et moral de l'humanité."

Необходимо помнить, что очень многіе въ Европѣ желаютъ слiянія всѣхъ прежнихъ Государствъ Запада въ одну федеративную Республику; многіе, не особенно даже желающіе этого, вѣрятъ, однако, въ такой исходъ, какъ въ неизбѣжное зло.

Для низверженія монархическаго порядка въ Германіи достаточно неловкаго шага во внѣшней политикѣ, неудачной борьбы съ соединенными силами Славянъ и Франціи...

Многіе, сказалъ я, не желающіе, быть можетъ, слiянія всѣхъ нынѣшнихъ Государствъ Запада въ одну республиканскую федерацію, вѣрятъ, однако, въ такой исходъ. Въ него вѣритъ Тьеръ, хотя и сознается въ одной изъ своихъ рѣчей, что „радъ бы былъ не дожить до этой новой цивилизаціи."

Я полагаю: нашъ долгъ безпрестанно думать о возможности, по крайней мѣрѣ, попытокъ къ подобному слiянію, къ подобному паденію частныхъ Западныхъ Государствъ.

И при этой мысли относительно Россіи представляются немедленно два исхода: или 1) она должна и въ *этомъ прогрессѣ* подчиниться Европѣ, или 2) она должна устоять въ своей отдѣльности.

Если отвѣтъ Русскихъ людей на эти два вопроса будетъ въ пользу отдѣльности, то что же слѣдуетъ дѣлать?

Надо крѣпить себя, меньше думать *о благѣ* и больше *о силѣ*. Будетъ сила, будетъ и кой-какое благо, возможное.

А безъ силы развѣ такъ сейчасъ и придетъ это субъективное личное благо? Паденій было много: они реальный фактъ. А гдѣ же счастье? Гдѣ это благо?

Что нибудь одно: Западъ или 1) устроится надолго въ этой новой республиканской формѣ, которая будетъ все таки ни что иное, какъ паденіе всѣхъ частныхъ Европейскихъ Государствъ, или 2) онъ будетъ изнывать въ общей анархіи, передъ которой ничтожны покажутся анархіи Террора, или 48 года, или анархія Парижа въ 71 году.

Такъ или иначе, для Россіи нужна внутренняя сила; нужна крѣпость организаціи, крѣпость духа дисциплины.

Если новый *федеративный* Западъ будетъ крѣпокъ, намъ эта дисциплина будетъ нужна, чтобы защитить отъ натиска его послѣдніе охраны нашей независимости, нашей отдѣльности.

Если Западъ впадетъ въ анархію, намъ нужна дисциплина, чтобы помочь самому этому Западу, чтобы спасать и въ немъ то, что достойно спасенія, то именно, что сдѣлало его величіе, Церковь какую бы то ни было, *Государство*, остатки поэзіи, быть можетъ... и *самую науку!*... (Не тендеціозную, а *суровую*, *печальную*!).

Если же это все *пустые страхи*, и Западъ опомнится и возвратится спокойно (примѣръ небывалый въ исторіи!) къ старой Іерархіи, къ той же дисциплинѣ, то и намъ опять-таки нужна будетъ Іерархія и дисциплина, чтобы быть не хуже, не ниже, не слабѣе его.

Поменьше, такъ называемыхъ, *правъ*, поменьше мнимаго блага! Вотъ въ чемъ дѣло! Тѣмъ болѣе, что права-то въ сущности даютъ очень мало субъективнаго блага, т. е. *того, что въ самомъ дѣлѣ пріятно*. Это одинъ миражъ!

А *долголѣтіе?*

Развѣ мы въ самомъ дѣлѣ такъ молоды?

Съ чего бы мы ни начали считать нашу исторію, съ Рюрика ли (862), или съ крещенія Владиміра (988), во всякомъ случаѣ выйдетъ или 1012 лѣтъ, или 886.

Въ первомъ случаѣ мы ни сколько не моложе Европы; ибо и ея государственную исторію надо считать съ IX вѣка.

А вторая цифра также не должна насъ слишкомъ обезпечивать и радовать.

Не всѣ Государства проживали полное 1000лѣтіе. Больше прожить трудно, *меньше очень легко*.

Замѣтимъ еще вотъ что:

Аристократію родовую считаютъ нынѣ обыкновенно какимъ-то болѣзненнымъ, временнымъ и ненормальнымъ продуктомъ, или, по крайней мѣрѣ, *празднымъ украшеніемъ* жизни, въ родѣ красивыхъ *хохловъ*, или яркихъ перьевъ у птицъ, въ родѣ цвѣточныхъ *вѣнчиковъ* у растеній, въ томъ смыслѣ, что безъ *хохла* птица можетъ жить, и безъ *вѣнчиковъ*, безъ красивыхъ лепестковъ, есть много растеній, и большихъ. Но все это эгалитарныя вѣрованія; при ближайшемъ же *реальномъ* наблюденіи оказывается, что именно тѣ историческіе міры были и *плодовитѣе* и *могущественнѣе* другихъ, въ которыхъ, при монархическихъ склонностяхъ, сверхъ того еще и *аристократія родовая* держалась упорнѣе.

Римъ Патриціевъ и Оптиматовъ прожилъ дольше купеческаго Карѳагена, и больше *сдѣлалъ* для человѣчества.

Спарта стояла дольше Аѳинъ, и не разъ крѣпила Аѳины своимъ примѣромъ.

Древній *Иранъ* возобновили, послѣ полнѣйшаго разгрома, феодальные *Парѳяне*, и послѣ ихъ вліянія, до временъ Аравитянъ, жила великая Имперія *Сассанидовъ*, которой цивилизація несомнѣнно повліяла на Византію, а, черезъ посредство ея, и на Европу и на насъ.

Сила и духовное богатство самой Европы, за все теченіе ея исторіи, примѣръ тому же наилучшій. Она была создана феодализмомъ.

Наша Великорусская почва была всегда ровнѣе; завоеваніе, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, было и у насъ (т. е., были насилія первыхъ Князей), но оно было не *глубоко*; оно было слабѣе выражено, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. И, можетъ быть, это не совсѣмъ благо.

Моя гипотеза—единство въ сложности, кажется, оправдывается и здѣсь. Мы имѣемъ три поразительныхъ примѣра: Англію, Турцію, Россію. Въ Россіи (т. е., въ ея *Великорусскомъ* ядрѣ) было сильно *единство* націи; въ Турціи было *больше разнородности;* въ Англіи была *гармонія* того и другаго. Въ Англіи завоеваніе, чужое насиліе, *было глубоко*, и дало глубокіе охранительные корни странѣ. Завоеватели настолько слились съ побѣжденными, что составили одну націю, но не составили *одного съ ними класса.* Въ Турціи завоеватели вовсе не слились съ Христіанами, потому могли только создать сложное Государство но не единую націю, и, отнявъ мысленно *Турокъ* (привилегированныхъ подданныхъ Имперіи), мы получаемъ *чистѣйшую* демократію Христіанъ. Въ *Россіи* завоеваніе было *слабо*, и слишкомъ скорое *слитіе* Варяговъ съ Славянами не дало возможности образоваться у насъ, въ собственной Великороссіи, крѣпкимъ сословнымъ преданіямъ. Сообразно съ этимъ и творчество, богатство духа трехъ степеней: выше всѣхъ Англія (прежняя, конечно), гораздо ниже и бѣднѣе ея умомъ Россія, всѣхъ безплоднѣе Турція.

На Западѣ вообще бури, взрывы, были громче, величавѣе; Западъ имѣетъ болѣе плутоническій характеръ; но какая-то особенная, болѣе мирная, или глубокая, подвижность всей почвы и всего строя у насъ, въ Россіи, стоитъ Западныхъ громовъ и взрывовъ.

Духъ охраненія въ высшихъ слояхъ общества на Западѣ былъ всегда сильнѣе чѣмъ у насъ, и потому и взрывы были слышнѣе; у насъ *духъ охраненія* слабъ. Наше общество вообще расположено идти по теченію за другими;... кто знаетъ?... не *быстрѣе* ли даже другихъ? Дай Богъ мнѣ ошибиться.

При такихъ размышленіяхъ взоръ невольно обращается въ сторону нашихъ братьевъ Славянъ... Что готовятъ они намъ?

Новое разнообразіе въ единствѣ, все Славянское цвѣтеніе съ отдѣльной Россіей во главѣ... Особую, оригинальную форму союзнаго государственнаго быта, въ которой одинъ несоразмѣрно большой членъ

будетъ органически преобладать надъ меньшими, чтобы именно вошло то приблизительное согласіе, котораго вовсе недоставало на Западѣ до сихъ поръ.

Или какое нибудь быстрое *однообразіе:* много шума, много минутной *славы*, много криковъ, много кубковъ и *здравицъ*, а потомъ?... Потомъ *сліяніе*, смѣшеніе, однообразіе... а въ однообразіи *гибель!*

Надо знать, *какъ* сочетаются *ихъ* и *наши* начала.

Въ способѣ сочетанія весь вопросъ. Изъ одинаковыхъ данныхъ мнѣ линій я могу составить разнообразный геометрическій чертежъ, замыкающій или не замыкающій, напримѣръ, пространство.

Покойный Славянофилъ Гильфердингъ, въ своемъ предисловіи къ „Исторіи Чехіи“ (по поводу 1000-лѣтія Россіи), выразился такъ: „Тысячелѣтіе Россіи является вполнѣ знаменательнымъ *историческимъ* фактомъ только въ сравненіи съ судьбою другихъ Славянскихъ земель. Мы, разумѣется, отстраняемъ тутъ всякій *мистицизмъ* (по чему же это? За чѣмъ такъ бояться мистицизма или стыдиться его?); мы, *подобно читателямъ нашимъ* (?), не видимъ, чтобы цифра 1000 сама по себѣ имѣла особое значеніе, въ родѣ того, напримѣръ, какое находили въ ней древне-Римляне, когда они съ таинственнымъ трепетомъ встрѣчали тысячелѣтіе всемірной своей державы.“

Нѣтъ! Но цифра эта представляется гранью, черезъ которую не перешло ни одно изъ прежде бывшихъ Государствъ Славянскихъ.

„Государство *Чешское*“ и т. д. „*семью* годами не дожило до 1000-лѣтія, Польское жило 935 лѣтъ, Сербское 800, Болгарское съ перерывами 725, Хорватское менѣе 5 столѣтій.“

И далѣе: „Отчего же въ Русской землѣ этого роковаго цикла, въ который вмѣстилась вся жизнь другихъ Славянскихъ Государствъ, отъ колыбели до могилы, тысячелѣтія едва достало на внѣшній ростъ и сложеніе государственнаго организма, и на грани втораго тысячелѣтія (?) ей предстоитъ еще только въ будущемъ фазисъ внутренняго самознанія, внутренней самодѣятельности?

„Есть надъ чѣмъ задуматься...“ говоритъ покойный „ученый“ нашъ соотечественникъ.

И я скажу: „Есть надъ чѣмъ, не только задуматься, но даже ощущать и тотъ трепетъ, который знали Римляне!“

Развѣ рѣшено, *что именно* предстоитъ Россіи въ будущемъ? Развѣ есть положительныя доказательства, что мы молоды?

Иные находятъ, что наше сравнительное умственное безплодіе въ прошедшемъ можетъ служить доказательствомъ нашей незрѣлости, или молодости.

Но такъ ли это? Тысячелѣтняя бѣдность творческаго духа еще не ручательство за будущіе богатые плоды.

И что такое *внутренняя самодѣятельность?* Если понимать *само-*

дѣятельность эту въ смыслѣ широкомъ, *органическомъ*, то организмъ всякаго Государства, и Китайскаго, и Персидскаго, самодѣятеленъ; ибо живетъ *своими* силами и уставами. И древняя Россія такъ жила. А если самодѣятельность понимать не иначе, какъ въ нынѣшнемъ, *узко-юридическомъ, смыслѣ*, то мы незамѣтно и неизбѣжно придемъ и въ идеалѣ и на дѣлѣ къ тому эгалитарно-либеральному процессу, отъ котораго надо бѣжать.

Потомъ, что такое *внутреннее самосознаніе*? Это говоритъ Славянофилъ. Вѣроятно, это значитъ обще-Славянское самосознаніе. Прекрасно!

Но обще-Славанское самосознаніе вовсе ни какъ не значитъ: вѣчное восхваленіе Славянъ, Великорусская угодливость Юго-Славянскому своеволію.

Надо, мнѣ кажется, хвалить и любить не *Славянъ*, а то, *что у нихъ особое Славянское, съ Западнымъ несхожее, отъ Европы обособляющее*. Не льстить Славянамъ надо, а изучать ихъ духъ и отдѣлять въ ихъ стремленіяхъ вредное отъ безвреднаго.

Не слитія съ ними слѣдуетъ желать,—надо искать комбинацій, выгодныхъ и для насъ и для нихъ (а черезъ это, можетъ быть, и для охранительныхъ началъ самой Европы); надо искать, какъ я уже разъ сказалъ, искуснаго *тяготѣнія на почтительномъ разстояніи*, а не смѣшенія и слитія неорганическаго.

Но о чемъ же мы тревожимся? Не правда ли, Австрія и Турція стоятъ?

Возможно ли бояться сліянія, когда нѣтъ еще *независимости* у Южныхъ Славянъ.

Стыжусь отвѣчать на это.

Пусть стоятъ Австрія и Турція. Австрія намъ никогда не была сама по себѣ страшна, а особливо теперь, при ея *благодѣтельномъ* (для кого?) вторичномъ демократическомъ смѣшеніи и либеральной всеподвижности.

Существованіе Турціи, пока, многіе понимаютъ, теперь даже выгодно и намъ и большинству нашихъ единовѣрцевъ на Востокѣ (пока *мы* не готовы замѣнить ее на Босфорѣ).

Но развѣ одно Государство за другое, также большое Государство, можетъ стать вѣчнымъ *поручителемъ?*

Развѣ Европа не стоитъ передъ нами во *всеоружіи?*

Развѣ не видѣли мы вчера еще гораздо болѣе *неожиданныхъ* катастрофъ, чѣмъ распаденіе Державъ, въ которыхъ племеннаго *разнообразія* достаточно, чтобы вредить *единству интересовъ* и общей силѣ духа, и въ которыхъ, съ другой стороны, сословнаго, горизонтальнаго, разслоенія уже на столько мало, чтобы не было большаго страха и крѣпкой *градативной* дисциплины?

Пусть стоятъ Австрія и Турція (особливо послѣдняя); пусть стоятъ онѣ, тѣмъ болѣе, что намъ, русскимъ, *нужна какая нибудь* приготовительная *теорема* для того, чтобы чисто *племенной*, *безсмысленнопростой*, Славизмъ не застигнулъ насъ въ расплохъ, какъ женихъ, грядущій полуночью, засталъ глупыхъ дѣвъ безъ свѣтильника разума!...

Теорема эта, прибавлю, должна быть на столько *сложна*, чтобы быть *естественной* и приложимой; и на столько *проста*, чтобы стать понятной, и чтобы не претендовать на угадываніе *подробностей* и разныхъ *уклоненій*, которыхъ не только столь незрѣлая еще *соціологія*, но и болѣе точныя науки предвидѣть не могутъ.

Иные у насъ говорятъ: „Достаточно пока *сочувствій*, *литературнаго общенія*, *поднятія* Всеславянскаго духа.“

Да! Это не только желательно, это *неизбѣжно*. Поднятіе это уже совершилось, но вопросъ: всегда ли и вовсемъ это поднятіе Славянскаго духа сочувственно и полезно намъ, Русскимъ?

Всѣ ли движенія племеннаго Славянства безопасны для основныхъ началъ нашей Великорусской жизни?

Всѣмъ ли Славянскимъ стремленіямъ мы должны подчиняться, какъ подчиняется слабый и неразумный вождь и наставникъ страстямъ и легкомысленнымъ выходкамъ своихъ питомцевъ или послѣдователей?

Молодость наша, говорю я съ горькимъ чувствомъ, *сомнительна*.

Мы прожили много, *сотворили духомъ мало*, и стоимъ у какого-то страшнаго предѣла...

Окидывая умственнымъ взоромъ все родственное намъ Славянство, мы замѣчаемъ странную вещь: самый отсталый народъ самая послѣдняя изъ возрождающихся Славянскихъ націй, Болгары, вступаютъ въ борьбу, *при началѣ* своей новой исторической жизни, съ преданіями, съ авторитетомъ того самаго *Византизма*, который легъ въ основу нашей Великорусской государственности, который и вразумилъ, и согрѣлъ и (да простятъ мнѣ это охотничье, псарское выраженіе) *высворилъ* насъ крѣпко и умно. Болгаре сами не предвидѣли вполнѣ, можетъ быть, того, къ чему ихъ привело логическое развитіе обстоятельствъ. Они думали бороться лишь *противу Грековъ:* обстоятельства довели ихъ до разрыва съ Вселенской Церковью, въ принципахъ которой нѣтъ ничего ни Греческаго, ни спеціально Славянскаго.

„Болгары слабы, Болгары бѣдны, Болгары зависимы, Болгары молоды, Болгары *правы*“, говорятъ у насъ...

Наконецъ, скажутъ мнѣ:

Болгары молоды и слабы!...

„Берегитесь! сказалъ Сулла про молодаго Юлія Цезаря: въ этомъ мальчишкѣ *сидятъ десять Маріевъ*“ (демократовъ)!

Опасенъ не чужеземный врагъ, на котораго мы всегда глядимъ

пристально изподлобья; страшенъ не сильный и буйный соперникъ, бросающій намъ въ лицо окровавленную перчатку старой злобы.

Не Нѣмецъ, не Французъ, не Полякъ, полубратъ, полуоткрытый соперникъ.

Страшнѣе всѣхъ ихъ братъ близкій, братъ младшій и какъ будто бы беззащитный, *если* онъ *зараженъ* чѣмъ либо такимъ, что, при неосторожности, можетъ быть и для насъ смертоноснымъ.

Нечаянная, ненамѣренная зараза отъ близкаго и безсильнаго, котораго мы согрѣваемъ на груди нашей, опаснѣе явной вражды отважнаго соперника.

Ни въ исторіи ученаго Чешскаго возрожденія, ни въ движеніяхъ воинственныхъ Сербовъ, ни въ бунтахъ Поляковъ противу насъ, мы не встрѣчаемъ того загадочнаго и опаснаго явленія, которое мы видимъ въ мирномъ и лже-богомольномъ движеніи Болгаръ. Только при Болгарскомъ вопросѣ *впервые*, *съ самаго* начала нашей исторіи, въ Русскомъ сердцѣ вступили въ борьбу двѣ силы, создавшія нашу Русскую государственность: племенное Славянство наше и Византизмъ церковный.

Самая отдаленность, кажущаяся мелочность, блѣдность, какая-то сравнительная сухость этихъ Греко-Болгарскихъ дѣлъ, *какъ будто нарочно таковы*, чтобы сдѣлать наше общество невнимательнымъ къ ихъ значенію и первостепенной важности, чтобы лыбопытства было меньше, чтобы послѣдствія застали насъ въ расплохъ, чтобы всѣ, самые мудрые люди наши, дали угаснуть своимъ свѣтильникамъ.

Довольно! Я сказалъ, и облегчилъ себѣ душу!

191

РУССКІЕ ГРЕКИ И ЮГО-СЛАВЯНЕ

(Русскій Вѣстникъ 1878 года).

РУССКІЕ, ГРЕКИ И ЮГО-СЛАВЯНЕ.

ОПЫТЪ НАЦІОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

I.

Всѣмъ, я думаю, извѣстно, что Греко-Славянскій православный Востокъ у насъ въ Россіи очень мало знали до послѣдняго времени.

Объ этомъ совсѣмъ особомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь существенно близкомъ намъ мірѣ долгое время думали и заботились лишь государственные люди Россіи, этнографы и люди прежняго славянофильскаго направленія, которые (справедливо ли, нѣтъ ли) ожидали, что изъ этихъ славяно-греческихъ родниковъ извергнется особаго рода живая вода, которая измѣнитъ глубоко не столько политическій строй Европы, сколько культурный характеръ Петровской Россіи. Другими словами: они надѣялись, что соприкосновеніе наше съ Юго-Славянами и отчасти съ единовѣрными намъ сосѣдями ихъ—отклонитъ насъ отъ того общеевропейскаго пути, по которому мы, Русскіе, шли до сихъ поръ, и будетъ способствовать отчасти соблюденію остатковъ древней Московской Руси, еще сохранившихся у насъ, отчасти же и созиданію чего-то новаго, невиданнаго доселѣ ни въ Европѣ, ни въ Азіи,—словомъ, національному творчеству на всѣхъ поприщахъ, начиная съ государственнаго и художественнаго и кончая промышленнымъ.

Я вовсе не имѣю въ виду разсматривать здѣсь достоинства и недостатки этого ученія, хотя надо сознаться, что въ неспеціальной части общества до сихъ поръ его вовсе почти не знаютъ, и большинство даже и много читающихъ людей воображаютъ, что вся забота такихъ людей, какъ покойные Кирѣевскій, К. С. Аксаковъ и Хомяковъ, состояла именно въ достиженіи того, что̀ достигается постепенно теперь цѣлою Россіей, то-есть политическаго сближенія со Славянами, тогда какъ для этихъ прежнихъ корифеевъ славянофильства освобожденіе Славянъ и политическое сближеніе ихъ съ Россіей должно было *служить лишь средствомъ, а никакъ не цѣлью*. Цѣль была цивилизація своя, непохожая на западную, культура по возможности независимая отъ хода европейской культуры.

Съ тѣхъ поръ, какъ дѣйствовали и писали Кирѣевскій, Хомяковъ и К. Аксаковъ, прошло много времени и все измѣнилось... Иное къ лучшему, многое къ худшему.

Перерождалось отчасти и самое ученіе... Славянами стали сначала шестидесятыхъ годовъ заниматься у насъ многіе... Даже петербургскіе журналы и газеты „краснаго“ направленія.

Напримѣръ въ 61—62 году издавалась въ Петербургѣ незначительная, но очень ядовидая и раздражительная газетка *Современное Слово*. Она была однимъ изъ неопрятныхъ шакаловъ, которые цѣлымъ хоромъ поднимали радикальный вой и визгъ по одному только знаку, который подавалъ имъ *Современникъ*, свисткомъ ли Добролюбова или статьей Чернышевскаго.

И эта газетка занялась тогда Славянами прилежно. Въ то время (61—62 году) Востокъ былъ весь въ волненіи. Только что кончились Сирійскіе ужасы; въ Элладѣ падала Баварская династія; въ Герцеговинѣ боролся противу Турокъ Лука Вукаловичъ; черногорскіе молодцы точно также какъ и теперь наводили ужасъ на турецкихъ низамовъ несокрушимою отвагой своею; въ Сербіи мало-по-малу слагались тѣ обстоятельства, которыя довели (благодаря усиліямъ Англичанъ) до бомбардированія Бѣлграда, и около того же времени впервые начало назрѣвать церковное болгарское движеніе, ровно черезъ десять лѣтъ дошедшее до крайне печальнаго исхода.

Въ это-то время, говорю я, и органы вовсе ужь не славянофильскаго духа стали заниматься все больше и больше Славянами.

Я упомянулъ именно о газеткѣ *Современное Слово* (которая была вскорѣ и запрещена за свое ужь слишкомъ безцеремонное отношеніе къ Русской государственности), потому именно, что редакція ея первая тогда изъ всѣхъ органовъ, называвшихъ себя „честными“, догадалась, что не слѣдуетъ оставлять Славянство въ рукахъ людей „не честнаго“ направленія. Подъ этимъ широкимъ названіемъ разумѣлось тогда все остальное: и *Московскія Вѣдомости*, и славянофилы, и г. Аскоченскій, и *Время* Достоевскихъ, Страховыхъ и Григорьевыхъ, и т. д.

Съ тѣхъ поръ и наша „лѣвая“ сторона обратила свои взоры на Юго-Востокъ. Наши растерзанные и незатѣйливые Луи-Бланы и Прудоны пожелали освѣтить Славянство съ другой стороны, вовсе не съ той, съ которой освѣщали его люди подобные Е. Ковалевскому или Гильфердингу.

Г. Пыпинъ издалъ свою сухую, скучную, хотя и не безполезную для справокъ книгу о славянскихъ литературахъ; Чернышевскій издѣвался надъ воззваніями славянофиловъ къ Сербамъ... и такъ далѣе... Позднѣе и въ Москвѣ издавался (не долго) ученый и серьезный журналъ *Бесѣда*. Въ большой и немногими ясно понятой статьѣ этаго

журнала, озаглавленной „Всеславянство“, краткое, но солиднаго тона историческое изслѣдованіе приводило къ тому, что всѣ Славяне *гораздо либеральнѣе западныхъ Европейцевъ*; что они до того всегда не любили никакой власти *внѣ ихъ воли стоящей*, что предпочитали насиліе иноплеменниковъ (Нѣмцевъ или Турокъ) взаимному междуславянскому подчиненію, и *авторъ статьи* видимо *радовался этому*.

Вотъ куда постепенно стало отклоняться первоначальное славянофильское ученіе, получившее, впрочемъ, около того же времени (въ 69 году) наиболѣе противу прежняго ясное выраженіе въ сочиненіи г. Данилевскаго *Россія и Европа*.

Вотъ какъ раздвоилось первоначальное русло! Можно позволить себѣ назвать славянофильство г. Данилевскаго бѣлымъ славянофильствомъ, отъ котораго далеко убѣгаетъ въ сторону „другое“ славянофильство, выразившееся, между прочимъ, въ статьяхъ и наклонностяхъ журнала *Бесѣды*.

Въ этомъ раздвоеніи взглядовъ нѣтъ впрочемъ ничего самаго по себѣ дурнаго. Напротивъ того намъ полезно изучать и Славянство и Востокъ съ разныхъ сторонъ, разсматривать ихъ съ самыхъ несходныхъ точекъ зрѣнія.

Я прибавлю даже, что еслибы о Славянствѣ и Востокѣ высказывались у насъ самые оригинальные, смѣлые и какіе угодно крайніе взгляды, то и это могло бы принести свою относительную пользу.

Историческая связь наша съ Востокомъ и Славянствомъ до того жизненна, до того глубока, что всякое невѣдѣніе, всякое непониманіе наше можетъ современемъ, если не сейчасъ, отозваться очень вредно, сперва на внѣшней дѣятельности нашей, а потомъ и на внутреннихъ нашихъ дѣлахъ.

Для того чтобы дѣйствовать успѣшно, надо знать...

Участіе нашего общества къ дѣламъ Турціи выростаетъ и расширяется съ каждымъ новымъ движеніемъ, съ каждою новою вспышкой въ этой наэлектризованной и разлагающейся странѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ впервые заговорила русская печать громче прежняго о христіанахъ Турціи и о нашихъ къ нимъ отношеніяхъ.

Во время Критскихъ дѣлъ (семь-восемь лѣтъ позднѣе) высшіе классы общества уже обнаруживали сильное движеніе, чего въ эпоху Герцеговинскихъ и Черногорскихъ дѣлъ 61—62 года еще не было...

Славянскій съѣздъ 67-го года, совпавъ съ самымъ разгаромъ Критскаго возстанія, еще болѣе усилилъ это общеніе...

Наконецъ, теперь вопросъ этотъ въ Россіи до того созрѣлъ (какъ-то незамѣтно, почти подкравшись), что весь народъ принялъ горячее въ немъ участіе.

Мы стоимъ, быть-можетъ, на рубежѣ великаго политическаго пе-

реворота, котораго искать, который ускорять намъ бы не было и нужды, еслибы не ускоряли его сами противники наши...

Развязка, даже отложенная теперь, не заставитъ себя долго ждать.

Турція не можетъ продолжать своего существованія въ Европѣ по сю сторону Босфора и Дарданеллъ не потому вовсе, чтобы всѣ Турки поголовно были изверги и звѣри и не потому, чтобы христіане всѣ были люди симпатичные, честные, или прекрасно воспитанные, но потому, что управленіе милліонами иновѣрцевъ, сознавшихъ уже свои политическія права, на основаніи Корана въ наше время невозможно.

Въ одной изъ депешъ своихъ нашъ государственный канцлеръ Кн. Горчаковъ выразился, если не ошибаюсь, такъ:

„Я не хочу отрицать способность турецкой націи къ развитію; я полагаю, что ни одно племя человѣческое не лишено этой способности. Но я говорю только, что Турки доказали неумѣніе свое управлять хорошо христіанами“...

II.

Передавая въ этихъ замѣткахъ тѣ общія впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ десятилѣтней жизни моей на Востокѣ, я хочу быть совершенно искреннимъ. Я не рѣшусь утверждать, что это непремѣнно правда; я скажу только, что все это мнѣ кажется правдой. Многое здѣсь для единовѣрцевъ нашихъ (образованнаго класса въ особенности) не будетъ лестно. Но пора лишить ихъ той странной привилегіи, которую мы имъ дали посредствомъ нѣмаго какого-то согласія, привилегію быть единственными людьми не судимыми изо всего свѣта. Самихъ себя, Русскихъ, мы не только судимъ, мы уже лѣтъ 30—40 кажется постоянно только все *осуждаемъ* самихъ себя. Европейцевъ и Азіятцевъ мы *судимъ*. Одни только Юго-Славяне всегда какъ будто бы хороши. Къ чему это?

Если они намъ очень близки, если они намъ братья, мы должны относиться къ нимъ какъ къ самимъ себѣ, съ прямотой и откровенностью. Критика доброжелательности не исключаетъ.

Политическое призваніе Россіи требуетъ разсмотрѣнія великой задачи со всѣхъ ея сторонъ.

Именно потому, что вѣроисповѣдная и племенная связь наша съ христіанскими націями Юго-Востока такъ крѣпка и существенна, такъ жизненна для насъ, намъ нѣтъ никакой нужды ограничиваться этнографическими очерками патріархальнаго быта сербскихъ поселянъ, черногорскихъ удальцовъ, болгарскихъ земледѣльцевъ, или кандіотскихъ горцевъ. Этого рода литература и у насъ и на Западѣ такъ уже обильна, что тѣ изъ читателей, которые не составили себѣ до сихъ поръ

довольно картиннаго представленія объ эпическихъ элементахъ христіанскаго Востока виноваты сами.

Гораздо менѣе занимались у насъ изображеніемъ жизни, духа, быта славяно-греческой буржуазіи, воспитанной какъ пришлось по-европейски, однимъ словомъ той части общества, которую почему-то принято называть „интеллигенціей“.

Объ „интеллигенціи“ этой писали у насъ много политическихъ статей. Но это обыкновенно касалось лишь извѣстныхъ политическихъ дѣйствій и движеній въ Аѳинахъ, Царьградѣ, Сербіи, Болгаріи... Писалось это подъ вліяніемъ возбужденія исторической минуты благосклонно или строго... Мѣнялись теченія политическія, мѣнялись и наши взгляды.

А въ жизни самой вездѣ есть нѣкоторая вѣковая устойчивость бытоваго типа, общаго духа, который мѣняется медленно и который хорошо понять и разносторонне изслѣдовать полезно не только въ смыслѣ теоретическаго расширенія знаній, но и съ практическою цѣлью: ибо сколько ни мѣняются политическія теченія, есть однако извѣстные роковые предѣлы, за которые колебанія эти цѣлые вѣка переступить не могутъ.

Эти-то предѣлы политическихъ колебаній, возможные для одной и той же націи, и обусловливаются внутреннимъ строемъ этой націи, ея вѣроисповѣданіемъ, ея преданіями и даже вкусами, ея соціальнымъ устройствомъ, которое кладетъ свою глубокую печать на личный типъ, или психическій строй самихъ гражданъ.

Больше объ этомъ я въ этихъ вступительныхъ словахъ распространяться не буду. Я надѣюсь, дальше станетъ яснѣе, что я хотѣлъ сказать.

Здѣсь я прибавлю еще вотъ что:

Если сербская ли, болгарская или греческая интеллигенція намъ чѣмъ-нибудь *не нравятся*, изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы мы не должны были *помогать* всѣми силами народамъ, руководимымъ обыкновенно этимъ во главѣ ихъ стоящимъ слоемъ.

Думать такъ можетъ только человѣкъ слишкомъ простодушный въ политикѣ.

Напротивъ того, чѣмъ несовершеннѣе европеизованные вожди всѣхъ этихъ глубоко-родственныхъ намъ націй, тѣмъ больше должны мы сами позаботиться о нихъ, тѣмъ ближе должны мы постараться, пользуясь обстоятельствами, стать сами къ тому низшему классу ихъ, который можно назвать эпическимъ или патріархальнымъ по быту, къ тому классу, который сохранилъ доселѣ въ своей жизни столь драгоцѣнный для насъ и общій всему христіанскому Востоку славяно-византійскій стиль.

III.

Сравнимъ прежде всего Грековъ и Болгаръ между собою и съ Русскими. О Сербахъ поговоримъ позднѣе.

Греческая нація и по темпераменту быть-можетъ своему, а вѣрнѣе по историческому положенію, шумнѣе, виднѣе, извѣстнѣе Болгарской.

Всѣ занимающіеся мало-мальски политикой знаютъ хоть сколько-нибудь духъ Грековъ. У Грековъ есть свободное государство, своя столица, свой университетъ, войска, палата депутатовъ. Число газетъ въ однихъ Аѳинахъ, имѣющихъ не болѣе 50,000 жителей, по временамъ, говорятъ будто бы доходитъ до ста; при всѣхъ дворахъ есть представители Эллады.

Въ Константинополѣ у Грековъ есть древняя, признанная всѣмъ свѣтомъ, іерархія, которая служитъ во многомъ и политическимъ представителемъ народа; есть и газеты, которыя пишутъ теперь довольно свободно. Разговоры же въ Турціи по кофейнямъ, мелочнымъ лавочкамъ, аптекамъ (въ которыхъ также имѣютъ многіе обычай собираться) издавна очень безбоязненны и откровенны.

Сверхъ того, во многихъ случаяхъ, что не дослышится какъ-нибудь въ Турціи, то можно узнать изъ Аѳинъ, Тріеста, Молдо-Валахіи...

У Болгаръ, напротивъ того, неимѣющихъ ни столицы своей, ни палаты, ни войска; у Болгаръ, которыхъ газеты ничтожны и никѣмъ кромѣ ихъ самихъ, не читаются, все происходило подъ турецкою властью тихо, незамѣтно, все шло посредствомъ подземной работы *).

Вслѣдствіе этихъ различныхъ условій жизни, Грековъ вообще судить легче чѣмъ Болгаръ. У Грековъ, какъ я уже говорилъ, выработалось уже гораздо больше физіономіи исторической за эти полвѣка, которыя прошли со дня ихъ перваго возстанія въ 21-мъ году.

Они успѣли развиться больше Болгаръ не въ смыслѣ ума только или учености, а въ смыслѣ нѣкоторой организаціи и потому у нихъ больше разнообразія въ ихъ эллинскомъ племенномъ единствѣ.

Сословій, правда, у нихъ нѣтъ никакихъ съ самаго начала; этого элемента разнородности и гармоніи они лишены. Но условія и географическія и историческія придали имъ гораздо больше національной пестроты чѣмъ Юго-Славянамъ.

Взглянемъ только на карту и намъ будетъ это понятно. Мы увидимъ строгій и пустынный Синай, дикія долины и горы Малой Азіи, торговую Смирну, столь близкую къ этимъ дикимъ странамъ, множество острововъ Архипелага, Средиземнаго и Адріатическаго моря, Аѳи-

*) *Прим. авт.* Писано въ 1873—74 г.

ны у подножія Акрополя; прелестный Критъ; Морею пастушескую и разбойничью; Эпиръ, носящій фустанеллу и сочиняющій до сихъ поръ въ безлѣсныхъ горахъ эпическія пѣсни. Въ двухчасовой ѣздѣ моремъ отъ этого полудикаго и вмѣстѣ съ тѣмъ (не странно ли?) очень грамотнаго Эпира, почти италіянскій островъ Корфу, еще полный въ добавокъ памятниковъ и слѣдовъ британскаго протектората. Въ Кефалоніи у жителей опять иной характеръ. Корфіоты мягче и образованнѣе; Кефалониты страстнѣе, свирѣпѣе и вмѣстѣ сь тѣмъ умнѣе. Македонскій Грекъ ничѣмъ почти въ быту своемъ не отличается отъ сосѣдняго ему Болгарина; Ѳракійскаго Грека даже по одеждѣ сельской не отличишь отъ Болгарина Ѳракіи; оба въ темносинихъ чалмахъ и коричневыхъ шальварахъ.

У Критянъ есть кой-что италіянское; но на Корфіотовъ, напримѣръ, они не похожи. Они оригинальнѣе, красивѣе, поэтичнѣе, воинственнѣе, изящнѣе и т. д.

Буржуазія греческая, вслѣдствіе тѣхъ же историческихъ условій, гораздо разнообразнѣе болгарской. Тонкій, осторожный, обдумчивый Фанаріотъ *) гораздо больше баринъ съ виду, больше способенъ къ серьезной политикѣ, гораздо лучше воспитанъ въ общественномъ отношеніи, чѣмъ аѳинскій двигатель. Аѳинянинъ образованный это что̀ такое? Немножко риторъ древній, немного парижскій демагогъ, немного аферистъ; немного коломенскій моншеръ и mauvais genre, когда примется любезничать съ дамами. Онъ все еще вѣритъ слѣпо, что Грекъ умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, что греческая нація единственный въ исторіи фениксъ, который до конца свѣта будетъ еще нѣсколько разъ возрождаться, чтобы осыпать человѣчество цвѣтами и питать его плодами своего генія.

Прогрессъ его впрочемъ не переступаетъ порога семейнаго. Въ семьѣ онъ хочетъ, какъ всякій другой Грекъ (точно также какъ и Сербъ, и Болгаринъ) быть главой. Съѣздивши въ Россію онъ не можетъ надивиться на беззаботность и снисходительность русскихъ мужей, братьевъ и отцовъ.

Я увѣренъ вотъ въ чемъ: еслибы въ какомъ-нибудь университетѣ подружились трое молодыхъ революціонеровъ и политическихъ мечтателей, Грекъ, Болгаринъ и Русскій, и стали бы вмѣстѣ читать сочиненія разныхъ общественныхъ разрушителей, то Русскому бы могли понравиться анархическіе принципы Прудона, но не очень полюбился бы утилитаризмъ его безбожной семьи. Онъ сталъ бы вѣроятно хвалить или поліандрію Фурьеристовъ, или алюминіевые дворцы Чернышевскаго, въ которыхъ:

*) Настоящія, старыя семьи Фанаріотовъ уничтожены и разсѣяны почти всѣ послѣ 21-го года. Но подъ Фанаріотомъ я разумѣю здѣсь вообще цареградскаго Грека—богатаго, хорошо образованнаго и высоко стоящаго въ обществѣ.

Сто юношей пылкихъ и женъ
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ...

А Болгаринъ и Грекъ, не отказываясь отъ государственной анархіи, охотно бы соединились противъ Русскаго по вопросу семейному и стали бы на сторону Прудона.

Русскій бы воскликнулъ тотчасъ: „не говорите! этотъ Прудонъ ужасный буржуа!“ А Грека и Болгарина онъ никакими силами не могъ бы даже и вразумить, что такое значитъ буржуа.

— Буржуа—это *политисъ*, гражданинъ, житель города, образованный богатый человѣкъ, что-жь тутъ дурнаго? Вотъ еслибы ты сказалъ: селянинъ, *хоріатисъ*, мужикъ, варваръ—это дѣло другое; а то горожанинъ! буржуа! Это обыкновенно человѣкъ прогрессивный, либеральный, сознающій свое человѣческое достоинство... Что же это значитъ? съ недоумѣніемъ спрашивали бы Грекъ и Болгаринъ. И они были бы правы отчасти въ своемъ непониманіи идеи русскаго товарища.

Вѣроятно Русскій этотъ принадлежалъ бы къ тому многочисленному классу, который у насъ нѣкоторые консерваторы удачно прозвали „дворянскій пролетаріатъ“; онъ былъ бы обломкомъ распавшагося барства, и потому соединялъ бы въ себѣ два протеста, двѣ распущенности: завистливый протестъ бѣдности при нервахъ тонкихъ, и брезгливый протестъ нѣкотораго comme il faut, и нѣкоторой романтичности, скучающей отъ тѣснаго пути и скромнаго долга; соединялъ бы въ себѣ остатки распущенности родовой, аристократической, съ благопріобрѣтенною раздражительностью демагогіи.

У Болгарина и Грека нервы толще; старшій братъ этого Болгарина пасетъ еще стада отца своего въ Балканахъ; одинъ дядя Грека этого, правда, министромъ Эллады; но за то другой дядя торгуетъ табакомъ въ Янинѣ, въ маленькой холодной лавкѣ, а младшій братъ служитъ мальчикомъ гдѣ-то въ кофейнѣ. И у Болгарина, и Грека воображеніе скромнѣе, умъ суше и практичнѣе; абсолюта ни тотъ, ни другой не ищетъ и даже не понимаетъ его. Comme il faut'ныя и вообще эстетическія требовованія ихъ и отъ себя и отъ другихъ гораздо ограниченнѣе, фантазіи ихъ, сравнительно съ игрой великорусскаго воображенія, крайне убоги и блаженны. Въ этомъ отношеніи они пожалуй Маниловы, мечтающіе о дружбѣ съ Чичиковымъ и о прекрасномъ видѣ на мостъ, впрочемъ до первой распри въ коммерческомъ судѣ.

IV.

Болгарскую націю надо воображать себѣ слѣдующимъ образомъ. На значительномъ, сплошномъ континентальномъ пространствѣ, меж-

ду Чернымъ Моремъ съ востока, Дунаемъ съ сѣвера, между Сербскимъ племенемъ съ запада и Греческимъ съ юга—живетъ одинъ и тотъ же народъ... Мѣстами, особенно въ верхней Болгаріи, онъ живетъ не смѣшанный ни съ кѣмъ; къ югу, во Ѳракіи и Македоніи, онъ живетъ смѣшанно съ Греками. Болгары преобладаютъ тутъ въ селахъ, Греки—въ городахъ.

Множество селъ, стоящихъ на разной степени по богатству или бѣдности, по плодородію или безплодію почвы и по другимъ условіямъ, населены земледѣльцами трудолюбивыми, трезвыми, упорными, терпѣливыми, экономными, къ великорусскому разгулу вовсе нерасположенными, очень осторожными и довольно лукавыми, при всей ихъ кажущейся простотѣ. Между ними есть очень незначительные оттѣнки во внѣшней физіономіи, въ бытѣ, въ одеждахъ, въ привычкахъ, въ духѣ даже (такъ горные Болгары болѣе смѣлы, болѣе молодцы, чѣмъ Болгары Ѳракійскихъ полей), но объединенные всѣ издавна на сплошной континентальной области, подпавшіе всѣ вмѣстѣ подъ одну турецкую власть, они не могли выработать въ себѣ тѣхъ мѣстныхъ особенностей и значительныхъ оттѣнковъ, какіе выработались у Грековъ подъ вліяніемъ болѣе разнообразныхъ географическихъ условій, подъ вліяніемъ болѣе сложной исторіи за послѣднія времена. У Болгаръ со времени появленія Турокъ не было тѣхъ колебаній и переворотовъ политическихъ, какіе были у Греческаго племени; не было смѣны повелителей какъ у Грековъ-островитянъ (напримѣръ у Критянъ долгое венеціанское владычество, а потомъ, вовсе не такъ давно, турецкое завоеваніе; у Іонійцевъ, т.-е. Корфіотовъ и др. цѣлый рядъ господъ: Венеціанцы, французское занятіе, русское, Англичане, присоединеніе къ независимой Элладѣ). Все это вліяло на духъ, нравы, даже на мелкіе обычаи и выработало разные оттѣнки въ Греческомъ народѣ, оттѣнки иногда очень рѣзкіе и теряющіеся только въ общеевропейскомъ типѣ высшаго общественнаго положенія. У Болгаръ были только два вліянія постоянно и однообразно дѣйствовавшія въ теченіе вѣковъ: вліяніе турецкое и греческое.

Понятное дѣло что такой народъ долженъ быть очень простъ, несложенъ, однообразенъ: онъ и до сихъ поръ находится въ состояніи почти первобытной простоты. Поэтому вообще онъ мало занимателенъ, сухъ, бѣденъ духомъ, хотя чрезвычайно настойчивъ и вѣренъ себѣ (это впрочемъ и весьма естественно; чѣмъ меньше у меня разныхъ вкусовъ, разныхъ впечатлѣній, идей, тѣмъ мнѣ легче достается внутреннее единство упорства, тѣмъ меньше во мнѣ раздвоенія). И зрителю стороннему Болгарскій простой народъ даетъ мало разныхъ впечатлѣній; все что есть у простыхъ Болгаръ, есть и у Грековъ; но у Грековъ простыхъ, взятыхъ во всецѣлости отъ дикихъ береговъ Азіи до цвѣтущихъ острововъ приитальянскихъ и до унылыхъ Ѳракійскихъ

полей, найдется много разнородныхъ свойствъ и оттѣнковъ, которыхъ у однообразной Болгарской націи не найдется и которые могутъ или нравиться, или возмущать, но во всякомъ случаѣ произведутъ болѣе сильныя впечатлѣнія на посторонняго наблюдателя, чѣмъ немножко скучный, хотя и весьма почтенный видъ болгарскаго простаго населенія.

Такъ какъ семейные обычаи, манера принимать и угощать гостей, строгіе и чистые семейные идеалы, даже одежда и пляски (настоящія болгарскія пляски круговыя, а греческія—разомкнутымъ полукругомъ; впрочемъ, между тѣмъ и другимъ разницы не болѣе какъ между однимъ парнымъ европейскимъ танцемъ и другимъ) мѣстами у Грековъ и Болгаръ очень схожи, то вообще можно про Болгарина сказать что онъ въ типическомъ отношеніи что-то такое въ родѣ Грека, только болѣе блѣдное, болѣе безцвѣтное, что онъ ничто иное какъ македонскій и ѳракійскій Грекъ по обычаямъ, по типу и характеру, но который говоритъ только по-славянски и которому вожди его долгою пропагандой внушали, что у него съ этимъ, столь схожимъ съ нимъ сосѣдомъ, Грекомъ вовсе другіе политическіе и религіозные интересы.

Если писать статью чисто политическую объ интересахъ и стремленіяхъ, то Болгаринъ и Грекъ явятся самыми свирѣпыми антитезами, и они, конечно, давно бы взялись за оружіе, еслибъ ихъ не сдерживала Турція. Если же писать повѣсть похожую на дѣло, реальную, или этнографическій очеркъ, то-есть о нравахъ, типахъ, личныхъ характерахъ, то болгарскіе нравы и греческіе нравы, особенно въ смѣшанныхъ континентальныхъ областяхъ, болгарскіе типы и греческіе типы вышли бы очень схожи. Та же крѣпкая, честная семья, тоже трудолюбіе, почти та же восточная одежда, тѣ же обычаи, та же осторожность, скрытность, та же наивность первобытная и нерѣдко очень милая и пріятная.

Это сельское населеніе. Разница впрочемъ большая та, что масса Болгаръ нѣсколько невѣжественнѣе, первобытнѣе, безграмотнѣе массы Грековъ. Но простоты, наивности и патріархальности много и у Грековъ вездѣ: на островахъ, въ Эпирѣ, въ Македоніи, въ самой Элладѣ.

Что сказать о городскомъ населеніи? Если мы отдѣлимъ мысленно отъ народа такъ-называемую интеллигенцію (буржуазію), купцовъ, докторовъ, адвокатовъ, учителей и т. п., то сравнивая между собою обѣ эти націи, Болгарскую и Греческую, мы увидимъ опять тоже самое: съ одной стороны значительное сходство въ типѣ, въ понятіяхъ, во вкусахъ, въ характерѣ, съ другой различіе въ томъ, что среда греческой интеллигенціи отъ иностранныхъ примѣсей, отъ разнородности исторической, отъ болѣе стараго просвѣщенія, несравненно пестрѣе,

богаче духомъ, обильнѣе разнообразіемъ, чѣмъ среда Болгарской буржуазіи.

Если мы будемъ сравнивать европеизованныхъ Грековъ и такихъ же Болгаръ съ Русскими, то первое наше впечатлѣніе будетъ что вообще восточные христіане суше, холоднѣе насъ въ частной своей жизни; у нихъ меньше идеализма сердечнаго, семейнаго, религіознаго; всё грубѣе, меньше тонкости, но за то больше здоровья, больше здраваго смысла, трезвости, умѣренности. Меньше рыцарскихъ чувствъ, меньше сознательнаго добродушія, меньше щедрости, но больше выдержки, болѣе домашняго и внутренняго порядка, меньше развращенности, распущенности.

У нихъ меньше чѣмъ у насъ оригинальныхъ характеровъ, рѣзкихъ типовъ; гораздо меньше поэзіи; но за то у нихъ и помину нѣтъ о дѣвушкахъ нигилисткахъ, о сестрахъ просящихъ братьевъ убить ихъ, потому что скучно; о мужьяхъ вѣшающихъ молодыхъ женъ, потому что дѣла пошли худо; о юношахъ, почти отрокахъ, убивающихъ кучера, чтобъ учиться революціи, и т. д. Самыя преступленія у восточныхъ христіанъ (у Грековъ и Славянъ безъ различія) носятъ какой-то болѣе понятный, разсчетливый характеръ; этихъ странныхъ убійствъ отъ тоски, отъ разочарованія, съ досады просто или отъ Геростратовскаго желанія лично прославиться, безъ цѣли и смысла, убійствъ обнаруживающихъ глубокую боль сердца въ русскомъ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокую нравственную распущенность — ничего подобнаго здѣсь и не слышно ни у Грековъ ни у Болгаръ, ни у Сербовъ. Желаніе грабежа, ссора, месть, ревность, словомъ, болѣе естественныя, болѣе, пожалуй, грубыя, простыя, но вообще болѣе разсчетливыя и сухія, такъ сказать, побужденія бываютъ на Востокѣ причинами преступленій.

О преступленіяхъ въ средѣ интеллигенціи почти и не слышно здѣсь; для этого интеллигенція слишкомъ разсчетлива; но за то и великодушія и доброты гораздо меньше. Одинъ примѣръ. Я зналъ Грековъ и Болгаръ уже не молодыхъ, которые помнятъ Русскихъ еще владѣвшихъ крѣпостными. Они жаловались мнѣ съ удивленіемъ на то что слугъ, послужившихъ хоть полгода у русскихъ чиновниковъ на Востокѣ, нельзя потомъ въ домъ къ себѣ брать; до того они балуются и привыкаютъ къ снисходительности и щедрости господъ.

Это все сравненіе Русскихъ съ восточными христіанами вообще.

А если сравнить греческую интеллигенцію съ болгарскою, то увидимъ вотъ что. Насколько Греки кажутся суше Русскихъ и каждый отдѣльно и взятые вмѣстѣ однообразнѣе Русскихъ, настолько Болгары кажутся для человѣка пожившаго и съ ними и съ Греками суше и однообразнѣе Грековъ.

И у тѣхъ и у другихъ, если сравнивать ихъ съ нами, преобла-

ютъ: практичность, лукавство, выдержка, осторожность, духъ коммерческій, какой-то дипломатическій, надъ порывомъ, чувствомъ, идеальностью; но все-таки между Греками я зналъ чудаковъ, идеалистовъ, людей презирающихъ и коммерцію и лукавство, и дипломатію въ частной жизни, и осторожность, и даже къ національной политикѣ равнодушныхъ. Я зналъ, хоть и меньше чѣмъ у насъ, милыхъ болтуновъ, остроумныхъ, забавныхъ, симпатичныхъ оригиналовъ; а между столькими Болгарами, видѣнными мною, я встрѣтилъ до сихъ поръ только развѣ одного или двухъ такихъ, да и то не очень занимательныхъ. Членъ болгарской интеллегенціи—это буржуа par excellence; всегда сдержанъ, всегда разсчетливъ, болѣе или менѣе скупъ и остороженъ, всегда дипломатъ или всегда купецъ, и въ дружбѣ, и въ бракѣ, и въ политикѣ...

Это опять тоже. Это Грекъ втрой руки; Грекъ немного скучный. Грекъ купецъ (хоть бы онъ былъ и не купецъ по ремеслу); Грекъ говорящій по-славянски: не *Плутаки* нѣжинскій или Одесскій, а Найденъ *Плутовичъ* изъ Филиппополя или Рущука.

Мнѣ кажется, что такимъ образомъ я довольно ясно изобразилъ психическій характеръ Болгаръ.

Теперь, если мы будемъ разсматривать Болгаръ по отношенію ихъ другъ къ другу, не выходя изъ ихъ собственной среды, и разбирать ихъ взаимныя отношенія по слоямъ общественнымъ, то мы увидимъ вотъ что̀.

Дѣлами національными завѣдуетъ сравнительно незначительное число людей, вышедшихъ большею частію изъ того же простаго сельскаго класса Болгаръ, который составляетъ массу народа, или изъ простыхъ горожанъ.

Эти люди — епископы, доктора, купцы, адвокаты, богатые собственники, воспитавшіеся въ Европѣ или Константинополѣ у Грековъ, или въ Россіи, или въ Молдо-Валахіи, пріобрѣли европеизма именно настолько, чтобы представлять свой народъ соціально, умственно и свѣтски — довольно плохо, разумѣется, а политически, напротивъ, очень ловко. Они настолько обучились, чтобы вести ловко политическую интригу въ современномъ духѣ и современными средствами, и не настолько воспитались, чтобы простой народъ пересталъ ихъ понимать, или они его. У насъ скорѣе крестьянинъ проведетъ человѣка высшаго круга; у Болгаръ старшины проводятъ народъ какъ имъ угодно. Это наши русскіе сельскіе міроѣды en grand, въ сюртукахъ, не совсѣмъ хорошо сшитыхъ.

За горстью этихъ солидно-ловкихъ докторовъ, султанскихъ капуджи-баши, негоціантовъ, держащихъ въ рукахъ свое новосозданное духовенство, слѣдуетъ слой болѣе или менѣе молодыхъ учителей по большимъ и малымъ городамъ. Эти учителя, кой-какъ обученные сами,

и не рѣдко въ школахъ католическихъ и протестантскихъ — все пламенные фанатики своего національнаго дѣла, люди бѣдные, которые тоже всѣ вышли изъ мужицкихъ и мѣщанскихъ семей, но не успѣли многому выучиться и обогатиться, и потому вполнѣ зависятъ отъ того тѣснаго круга важныхъ представителей, которые принимаются къ турецкимъ министрамъ и къ иностраннымъ дипломатамъ....

Вслѣдъ за этимъ молодымъ фанатикомъ болгаризма, пропитаннымъ дешевыми реалистическими европейскими понятіями и одѣтымъ въ оборванный или грязный европейскій сюртукъ, интеллигенція обрывается вдругъ; и почти немедленно за этимъ молодымъ прогрессистомъ и демагогомъ слѣдуетъ простой сельскій міроѣдъ чорбаджи, въ толстой коричневой абѣ, въ шальварахъ, въ бараньей шапкѣ, или въ темносиней чалмѣ; онъ бо̀льшею частію безграмотенъ, домосѣдъ, свѣту не знаетъ, религію свою понимаетъ плохо; онъ очень недовѣрчивъ и медленъ; но учителю Инсарову, вышедшему почти изъ того же села, не трудно его увѣрить въ чемъ бы то ни было, особенно напримѣръ въ томъ, что греческіе епископы только изъ одной жадности, чтобы брать съ него поборы, не хотятъ освободить его, бѣднаго; или что раскола вовсе нѣтъ никакого, что „грцкій-то патрикъ“ все это неправду говоритъ, что вотъ и одѣваются наши попы все также, и поютъ также какъ Греки, и служатъ также, и что нѣтъ никакого беззаконія и грѣха въ томъ, что въ Филиппополѣ, въ Тульчѣ и въ самомъ Царьградѣ по два епископа—болгарскій и греческій. Гдѣ же болгарскому безграмотному мужику понять эти вещи, когда очень образованные и даже религіозные русскіе люди спрашиваютъ: „И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же тутъ расколъ? И что̀ за бѣда! Все бы это, кажется, такъ легко примирить!“

Такимъ образомъ выходитъ слѣдующая политическая картина:

Милліоны очень однообразнаго простаго Болгарскаго народа очень искусно и ловко управляются подъ властью Турціи незначительнымъ числомъ рѣзко-отличныхъ отъ нихъ по образованію и понятіямъ и все-таки нѣсколько, хотя бы фактически, если не de jure, привилегированными старшинами и наставниками вышедшими изъ его же среды.

Такое устройство націи, очень демократическое и весьма простое, можетъ не имѣть въ себѣ прочности для будущаго, можетъ послѣ освобожденія быть причиной крайней демагогіи и раздоровъ, когда внутренніе вопросы возобладаютъ надъ внѣшними (т.-е. когда не будетъ ни Турокъ, ни Грековъ, давящихъ извнѣ), но теперь, при этихъ внѣшнихъ орудіяхъ объединенія, при этомъ внѣшнемъ давленіи, такое состояніе общества очень удобно для вершенія современныхъ національныхъ дѣлъ и для искуснаго перенесенія политическаго вопроса

на лже-религіозную почву. Много низшихъ и мало высшихъ; господство осторожной, довольно согласной, ловкой, лукавой плутократіи.

У Болгаръ не было какъ у Грековъ независимой Эллады, избаловавшей уже народъ конституціей, рядомъ внутреннихъ возстаній, всеобщею подачей голосовъ, привычкой всѣхъ во все мѣшаться. У Болгаръ несравненно меньше тѣхъ посредствующихъ типовъ, смышлено грамотнаго, бойкаго простонародья, который такъ многочисленъ между Греками; у нихъ нѣтъ, или очень мало такихъ людей, какъ греческіе моряки сорви-голова, греческіе мелкіе лавочники, мелкіе мастера, и слуги читающіе постоянно газеты, политикующіе матросы и т. д.

Это болѣе значительное развитіе европеизма (я не могу сказать просвѣщенія, ибо я не въ силахъ понять, почему популяризація европейской буржуазности есть просвѣщеніе?) у Грековъ путаетъ дѣла; всякій во все мѣшается, всякій хочетъ имѣть свое мнѣніе. Но за то у Грековъ всякій больше понимаетъ; у Грековъ труднѣе старшинѣ, епископу и учителю обмануть народъ, напримѣръ, въ церковномъ дѣлѣ и представить ему черное бѣлымъ—каноны не канонами и т. п.

Вотъ въ чемъ разница.

V.

Историческія условія сдѣлали то, что греческое и вообще восточное христіанское общество до самаго послѣдняго времени было церковнѣе русскаго въ своемъ воспитаніи. Церковь была смѣшаннѣе съ остальною націей; народъ и высшее общество стояли ближе къ церкви.

Религіозность Грековъ вслѣдствіе подчиненія Туркамъ незамѣтно для большинства ихъ самихъ приняла политическій характеръ. Разумѣется, пока ко всему остальному, къ сильнымъ чувствамъ личнымъ, къ личному мистическому настроенію, къ болѣющей сердечной любви прибавляется политическій, національный фанатизмъ, то религія въ народѣ достигаетъ верха своего могущества. Такъ и было у Грековъ прежде.

Но какъ только обстоятельства измѣнялись, болѣе русской однообразная греческая почва оказалась сердечно менѣе религіозною чѣмъ наша.

Пока съ одной стороны были Турки жестче, пока законы были безпощаднѣе, пока беззаконныхъ притѣсненій было больше, пока христіанъ убивали легко—была вѣра личная, былъ страхъ, страданія, молитвы, постъ строжайшій; были вольные мученики; монастыри наполнялись аскетами.

Но Турція ослабѣла; законы смягчились; завелось больше порядка; явилось къ тому же больше грамотности, мелкой учености, свободы.

Эллада обогнала въ демагогіи многія страны Европы; школъ вездѣ множество; учителя почти безконтрольно говорятъ въ селахъ что хотятъ. И вотъ это чисто торговое, практическое, промышленное, поверхностно обученное греческое общество остыло гораздо больше нашего къ религіи въ ея сердечныхъ сторонахъ, несмотря на всю хвастливую близость къ народу, несмотря на всю церковность воспитанія. Вообще напрасны надежды на простой народъ, не онъ въ теченіе времени окрашиваетъ высшіе слои, но эти высшіе слои вездѣ одинаково вліяютъ на низшіе.

Я долго думалъ, отчего же именно это такъ случилось?

Это случилось вопервыхъ оттого что тонкія и глубокія психическія потребности высшей цивилизаціи не внесли въ это глубоко демократическое, сплошное общество восточныхъ христіанъ внутренняго возбужденія въ замѣнъ отупѣвшаго турецкаго меча. Вовторыхъ оттого что и самый умъ только практиченъ и еще нетребователенъ на Востокѣ. Мало мысли для мысли, мало идеальной образованности. И умъ и сердце грубы.

Если мы будемъ разсматривать поочередно Русскихъ, Грековъ, Сербовъ и Болгаръ и сравнивать ихъ всѣхъ другъ съ другомъ съ точки зрѣнія религіозности, то безъ труда убѣдимся что сила и степень этого качества распредѣляются у четырехъ единовѣрныхъ націй Востока такъ:

Первую степень, какъ я выше говорилъ, занимаютъ Русскіе. За ними слѣдуютъ Греки, потомъ Сербы и Болгары.

Это будетъ ясно изъ подробностей. Сравнимъ прежде всего Грековъ съ Русскими. Многіе черты свойственныя Грекамъ, у нихъ общія и съ Сербами и Болгарами; такъ что говоря о Грекахъ мы будемъ подразумѣвать при этомъ и турецкихъ Славянъ; а послѣ уже будетъ легче объяснить почему Юго-Славяне не имѣютъ даже и тѣхъ условій которыми Греки выкупаютъ по отношенію къ православію свои недостатки и слабости.

Когда входишь у насъ въ Россіи на Пасхѣ или въ другой большой праздникъ въ церковь, то видишь что это праздникъ мистическій, сердечный. Когда входишь къ Грекамъ—видишь праздникъ народный.

Это вѣрное замѣчаніе было мнѣ сказано однимъ изъ самыхъ даровитыхъ консуловъ нашихъ на Востокѣ. Кратко было сказано и ясно. Но ясно лишь для тѣхъ кто на Востокѣ не только жилъ долго, но и мыслилъ живя тамъ.

Но для того кто мыслилъ не живя на Востокѣ, или кто жилъ на Востокѣ не трудясь мыслить, необходимы подробности.

Въ Россіи общество уже со временъ Петра воспитывается гораздо больше государствомъ чѣмъ церковью. На Востокѣ христіанское общество, долго подчиненное Туркамъ, находило своего естественнаго воспитателя въ церкви.

Въ Россіи общество было дальше отъ церкви, отъ духовенства; между священникомъ и дворяниномъ (до послѣдняго времени почти единственнымъ начальникомъ народа и представителемъ націи) стояли вездѣ: мелкій чиновникъ, нерѣдко иновѣрный учитель Французъ, учитель Нѣмецъ; мать очень свѣтская, начитанная; отецъ, который бранилъ монаховъ и поповъ, самъ не зная почему и т. д. На Востокѣ всѣ міряне стояли къ духовенству ближе: они были всѣ ровнѣе, смѣшаннѣе и между собою и съ духовенствомъ. Положеніе духовенства было здѣсь совершенно иное чѣмъ у насъ. Оно было въ одно и тоже время и униженнѣе и свободнѣе чѣмъ у насъ. Униженнѣе оно было противу Турокъ въ томъ смыслѣ что не имѣло того внѣшняго почета какъ у насъ; въ томъ смыслѣ, что было бѣднѣе нашего и скорѣе нашего могло въ недавнія еще времена подвергуться опасностямъ смерти, изгнанію и т. д. Такъ знаменитый патріархъ Григорій былъ повѣшенъ султаномъ Махмудомъ, несмотря на то, что незадолго до своей трагической смерти отлучалъ всѣхъ бунтующихъ Грековъ отъ церкви въ своемъ пастырскомъ къ нимъ посланіи.

Свободнѣе восточное духовенство было именно потому, что надъ нимъ было правительство иновѣрное и вчера еще очень грубое. Турецкое правительство лишило само себя первыми фирманами патріархамъ правъ вмѣшиваться во внутреннее управленіе христіанской церкви. Оно было иновѣрное и потому именно не имѣло ни какихъ средствъ мѣшаться такъ во всѣ подробности церковнаго дѣла, какъ можетъ мѣшаться правительство единовѣрное. Оно не имѣло нужныхъ для этой цѣли однородныхъ съ церковью принциповъ; не имѣло къ тому особой охоты. Самъ Коранъ приказываетъ судить христіанъ по Евангелію.

Сверхъ того надо не забывать, что рядомъ съ презрѣніемъ къ гяурамъ, у набожныхъ, знающихъ законъ свой Турокъ, всегда уживалось весьма своеобразное уваженіе ко Христу (Пророкъ Исса), Божіей Матери (Пророчица Маріамъ) и нѣкоторымъ другимъ христіанскимъ и еврейскимъ святынямъ. Понятно, что рядомъ съ притѣсненіемъ, съ наружною дерзостью и даже жестокостью, было у Турокъ нерѣдко внутреннее уваженіе къ христіанству.

Всѣ эти обстоятельства сдѣлали то, что на Востокѣ церковь въ подробностяхъ безконтрольно начальствовала надъ народомъ и служила ему во всемъ національнымъ, политическимъ представителемъ. Епископъ въ Турціи и до сихъ поръ предъ правительствомъ есть не только духовный пастырь, но и политическій, административный представитель христіанъ по многимъ вопросамъ.

Это издавна сближало, сливало воедино духовенство съ народомъ. Тоже дѣлала и школа; той же цѣли достигала и семейная жизнь, и внутренняя организація духовнаго сословія.

Школа христіанская долго была исключительно въ рукахъ церкви: священники были долго единственными народными преподавателями. Понятно, что воспитаніе общества должно было быть на Востокѣ церковнѣе чѣмъ у насъ.

Въ русской школѣ священная исторія и катехизисъ являлись лишь какъ нѣчто обязательное. Религіозныя впечатлѣнія юноша выносилъ гораздо болѣе изъ храма, въ который онъ шелъ съ семьей, изъ книжки, которую онъ дома прочелъ (не рѣдко изъ книжки французской, или нѣмецкой, изъ Шатобріана или Шиллера, *Графъ Габсбургскій*, напр.) чѣмъ изъ уроковъ законоучителя въ шелковой рясѣ.

На Востокѣ на помощь церкви являлось прежде многое, именно вслѣдствіе зависимости. Священная исторія христіанства, догматъ, катехизисъ, священникъ, епископъ были національными политическими опорами. Нація отъ церкви не отдѣлялись ничѣмъ; другихъ исходовъ, другихъ знаменъ, другой силы не было. Не было даже долго другой поэзіи, другой литературы.

У насъ уже со временъ Екатерины были между дворянами изящные вольтеріанцы, вродѣ вельможи воспѣтаго Пушкинымъ: „Къ тебѣ привѣтливый потомокъ Аристипа“, въ родѣ отца Герцена (см. *Былое и Думы)*, въ родѣ свѣтскаго старика въ повѣсти Тургенева *Несчастная*.

Въ началѣ этого вѣка, въ 20—50 годахъ, въ Россіи мы видимъ духовенство составляющее особое сословіе, почти касту, ибо въ строѣ его была наслѣдственность. Воспитаніе семинарій совершенно особое, вполнѣ церковное; воспитаніе школьное мірское далеко не церковное; воспитаніе домашнее въ наиболѣе просвѣщенныхъ дворянскихъ семьяхъ, чтеніе, обстановка вся располагающая или къ равнодушію, или къ романтизму, къ мечтательности, къ сердечной религіи и никакъ не къ національно-церковной.

На Востокѣ мы видимъ противоположное.

Мы видимъ не только монаховъ, но и бѣлое духовенство смѣшанное съ народомъ, изъ него выходящее и въ него возвращающееся. Священникъ выходитъ не изъ семьи священника, а изъ семьи земледѣльца, лавочника, учителя мірскаго, изъ семьи сельскаго капитана, одинъ священникъ сынъ кавасса, другой самъ былъ смолоду сельскимъ стражемъ, у третьяго сынъ идетъ въ кавассы къ европейскому консулу и т. д.

Мы не видимъ на Востокѣ рѣзко обособленнаго семинарскаго воспитанія. Здѣсь за то всѣ почти были больше семинаристы чѣмъ у насъ.

Школа народная, въ то время когда у насъ ею правили свѣтскіе люди, здѣсь руководилась еще почти безъ контроля духовенствомъ. (Турки долго не мѣшались вовсе въ народную школу и всякія попытки ихъ отклоняются и до сихъ поръ христіанами очень искусно).

Въ семьяхъ самыхъ богатыхъ на Востокѣ жизнь тогда была жестка, груба, суха во многомъ; но эта семья Востока христіанскаго построена

вся на таинствѣ, а не на свободномъ романтизмѣ христіанскаго оттѣнка, какъ издавно у насъ, на волѣ родителей, а не на любви и свободномъ выборѣ. Дѣвицы мечтаютъ не о любви, а о бракѣ. Онѣ подобно германскимъ женщинамъ Тацита любятъ бракъ, а не мужа.

Чтобы нагляднѣе себѣ представить христіанскій Востокъ въ этомъ отношеніи вообразимъ себѣ русское общество (начала XIX вѣка) безъ дворянства, особенно безъ высшаго; вообразимъ себѣ нѣчто вродѣ купцовъ и чиновниковъ Островскаго, но и то съ нѣкоторыми оттѣнками, напримѣръ съ меньшими увлеченіями вообще; съ одной стороны у старшихъ поменьше того, что мы прозвали самодурствомъ; съ другой меньше и добрыхъ, щедрыхъ движеній; несравненно меньше влюбчивости и протеста со стороны дѣвицъ; вообще больше сухости, сдержанности, скупости и сердечнаго равнодушія.

Съ другой стороны надъ этимъ церковно-воспитаннымъ, благочестивымъ, но вовсе не романтическимъ, нѣсколько сухимъ и холоднымъ восточнымъ обществомъ первой половины этого вѣка, надо воздвигнуть мусульманскую грозу, надо повѣсить мусульманскій мечъ.

И тогда все будетъ ясно. Картина общества на Востокѣ съ одной стороны похолоднѣе нашей, съ другой трагичнѣе. Воообразите, что въ чисто семейную и весьма церковную по многимъ принципамъ жизнь вторгается со стороны насиліе янычара и тогда вамъ будетъ еще понятнѣе какъ турецкая власть, которая нерѣдко была дѣйствительно игомъ, способствовала на Востокѣ единенію, смѣшенію всего христіанскаго: церкви, націи, школы, семьи, даже племенъ; ибо пробужденіе Болгаръ и ихъ движеніе противъ Грековъ и греческой церкви началось сравнительно очень недавно, при временномъ облегченіи этого ига. Прежде они вмѣстѣ съ Греками считались у Турокъ просто христіанами и сами себя звали такъ.

IV.

Старое реторическое уподобленіе поэзіи цвѣтамъ или цвѣтовъ поэзіи, уподобленіе очень хорошее и вѣрное.

Цвѣты служатъ въ ботаникѣ наилучшимъ признакомъ для опредѣленія растеній; они суть какъ бы высшее, сильнѣйшее выраженіе физіологіи того дерева или травы, на которыхъ разцвѣтаютъ. Ихъ внѣшность служитъ признакомъ внутреннихъ неясныхъ еще законовъ.

Посмотримъ же что скажетъ намъ сравненіе ново-греческой поэзіи съ русскою, особенно по религіозному вопросу. Заключеніе мое вотъ какое:

И въ поэзіи на сторонѣ Русскихъ мы видимъ больше капризнаго романтизма, больше сердечнаго мистицизма, больше и аскетической, и лю-

бящей боли, больше личной глубины. На сторонѣ Грековъ издавна гораздо больше смѣшенія національнаго чувства съ лично мистическимъ, меньше боли, меньше теплоты, романтизма; больше догмата, больше патріотизма.

Чтобы меня лучше поняли изъ примѣровъ я укажу на религіозныя стихотворенія Грека современнаго намъ, г. Танталиди, профессора древне-греческой поэзіи при богословскомъ училищѣ на Халкѣ (въ Царьградѣ).

Г. Танталиди лично вовсе не холодный риторъ; я имѣю честь его знать и многимъ онъ извѣстенъ какъ человѣкъ чрезвычайно прямой, теплый, искренній и чрезвычайно религіозный по сердцу, а не по національнымъ соображеніямъ; на большинство аѳинскихъ Грековъ онъ не похожъ; онъ отъ большинства ихъ отличается именно силой и горячностію своего религіознаго чувства. Даже многіе изъ Болгаръ его уважаютъ (а это много значитъ, при непримиримыхъ предразсудкахъ Болгаръ противу Грековъ).

Прекрасные, звучные стихи его я вынужденъ былъ бы переводить прозой, а потому и приведу изъ нихъ только какой-нибудь характерный отрывокъ чтобы дать понятіе о его тонѣ.

У г. Танталиди множество религіозныхъ стихотвореній и всѣ ихъ можно назвать вѣрнѣе еще церковными чѣмъ лично-религіозными по сюжету. Напримѣръ:

ОДА

На всесвѣтное воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста.

День торжества побѣднаго!...
Великій день, великій праздникъ Православья!...
Днесь воздвигаемъ мы оружье мира,
Средь чистой радости, средь ликованія святаго.
На царственный престолъ восшедши,
Вѣра наша пріемлетъ скипетръ славы.
И церковь шествуетъ во слѣдъ побѣдоносному Кресту Господню...

Въ этомъ родѣ много и другихъ: *На Введеніе Пресвятыя Богородицы*; *на Во плоти Рождество Господа нашего и Бога и Спасителя Іисуса Христа*; *на Преображеніе* и т. д.

Въ стихотвореніяхъ оттѣнка болѣе политическаго, напримѣръ „На пріѣздъ Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича въ Константинополь“, православное чувство занимаетъ также весьма видное мѣсто.

Вообще всѣ подобныя стихотворенія г. Танталиди болѣе всего на-

поминаютъ наши прежнія оды прошлаго вѣка и начала нынѣшняго. Въ нихъ есть нѣчто праздничное, торжественное, сходное съ одами Державина или Ломоносова.

Со временъ Бѣлинскаго, который какъ извѣстно въ теченіе своей довольно долгой литературной дѣятельности не разъ увлекался самыми противоположными идеями, у насъ не шутя вообразили что этотъ Державинскій родъ во всякомъ случаѣ *самъ по себѣ* не хорошъ. Всякій родъ хорошъ у хорошаго писателя. Плохіе одописатели были плохи; бездарные романтики на образецъ Шиллера и Байрона были бездарны; плохіе послѣдователи нынѣшняго сухо-объективнаго реализма отвратительны.

Вотъ въ чемъ бѣда. Нынѣшній объективный реализмъ считается единственно возможною формой искусства; во времена Державина оды считались самою лучшею и правильною формой. Это все временныя увлеченія, временные вкусы, мода; неспособность современниковъ къ широкой, всесторонней оцѣнкѣ и больше ничего.

Однако, я увѣренъ что даже и между самыми молодыми людьми нашего времени, несмотря на ихъ дурное эстетическое воспитаніе, найдутся хоть нѣсколькіе, которые поймутъ что стихи Ломоносова и по содержанію и по силѣ выраженія гораздо выше разныхъ гражданскихъ мотивовъ à la Некрасовъ, которые и цитировать совѣстно.

Я нарочно потому упомянулъ объ одахъ Державина и Ломоносова, чтобы дать хоть нѣкоторое приблизительное понятіе о родѣ г. Танталиди.

Но при этомъ не надо забыть двухъ обстоятельствъ: вопервыхъ что языкъ у г. Танталиди обработанный, старый, превосходный; а у нашихъ поэтовъ прошлаго вѣка еще не было въ рукахъ такого готоваго прекраснаго орудія.

Возраждаясь, Греки нашли у себя готовыми уже нѣсколько прекрасныхъ языковъ: Гомерическій языкъ, языкъ цвѣтущаго періода Софокла и Θукидида, языкъ ученыхъ переводившихъ Библію на греческій языкъ, языкъ позднѣйшихъ византійскихъ писателей и наконецъ тотъ новый языкъ, на которомъ вокругъ ихъ говоритъ и поетъ народъ, нынѣшній языкъ, отчасти искаженный, отчасти украшенный примѣсью турецкихъ, славянскихъ, итальянскихъ и арнаутскихъ корней и оборотовъ.

Таково преимущество современныхъ греческихъ поэтовъ предъ поэтами русскими прошлаго вѣка и отчасти даже предъ нынѣшними. Ничего подобнаго нѣтъ у другихъ народовъ; богатство даже несоразмѣрное съ содержаніемъ, которое можетъ дать поэзіи нынѣшняя греческая жизнь и уровень аθинскихъ умовъ.

Другая же очень значительная разница между греческими одами г. Танталиди и одами, напримѣръ, Державина, есть именно та существенная черта, которая вообще отдѣляетъ рѣзко Русскихъ отъ Грековъ, черта грусти болѣе глубокой, черта меланхоліи и романической боли.

Державинъ представляется вовсе не грустнымъ поэтомъ, если сравнивать его съ другими Русскими; но и у него слышится несравненно болѣе боли, чѣмъ у Грековъ.

Всѣ религіозныя оды г. Танталиди безъ исключенія праздничны, торжественны, спокойны, почти веселы; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ даже просто привѣтственный характеръ, напримѣръ „Патріарху іерусалимскому Кириллу“, и т. п.

У него сверхъ того не замѣтенъ тотъ ужасъ смерти который охватывалъ Державина посреди барскихъ пировъ XVIII вѣка. Память смерти у г. Танталиди не носится вопреки всему въ тоскующей душѣ самого поэта; она проявляется тогда лишь, когда есть къ тому внѣшнія возбужденія, напримѣръ въ его многочисленныхъ эпитафіяхъ.

Ужасъ смерти возбуждаетъ въ немъ мысль о кровопролитной войнѣ; подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ пишетъ на полу-простонародномъ языкѣ прекрасное, большое стихотвореніе: *На новой Годъ* „какъ Св. Василій идетъ изъ Неокесаріи на этотъ разъ безъ пера и безъ чернильницы...“ (Чтобы понять это, надо знать что на Востокѣ дѣти колядуютъ подъ 1-е января, т.-е. подъ Св. Василія, и въ пѣснѣ ихъ поется что „Св. Василій идетъ съ перомъ и съ чернильницей...“)

У Грековъ нѣтъ ни Лермонтова, ни Кольцова, хотя почти всѣ поэты ихъ вѣроятно читали тѣ грустныя европейскія произведенія, о которыхъ, конечно, нашъ Кольцовъ зналъ развѣ по наслышкѣ. Грусть у Русскаго глубока и естественна; у Грека она не глубока и не находитъ поэтому для себя изящнаго, сильнаго выраженія ни въ религіозныхъ, ни даже въ эротическихъ произведеніяхъ.

Когда Грекъ вдохновляется религіей, она, иногда и незамѣтно для него самого, становится тотчасъ же побѣдною или обороняющею хоругвью, пышнымъ знаменемъ, которое онъ возноситъ съ гордостью надъ главой столь любимой имъ родной націи.

„За Вѣру Христа святую, за Церковь Восточную и Вселенскую я приму муки и смерть...“ говоритъ онъ. „Воззрите братья Греки на эту святую хоругвь, она спасла народность вашу отъ всѣхъ безжалостныхъ и враждебныхъ силъ! Чтите ее, братья Греки! Чтите это святое знамя спасенія и въ этой жизни и въ будущей...“

Для русскаго поэта религія не хоругвь торжественная: она икона древняя полустертая, предъ которою въ ночи горитъ лампада болѣзненной любви!

О своей хоругви Русскій покоенъ. „Хоругвь эту за каждаго изъ насъ давно держитъ царь“, думаетъ Русскій, и тоскуя, быть-можетъ и о предметахъ иногда и не слишкомъ христіанскихъ — плачетъ предъ своею одинокою лампадой въ темномъ углу.

Напрасно мы будемъ искать въ греческой поэзіи хотя бы малѣй-

шаго подобія такихъ чувствъ и любящихъ и колеблющихся какъ у Кольцова:

Спаситель, Спаситель
Чиста моя вѣра.
Но Боже! и вѣрѣ
Могила темна...

Напрасно будемъ мы искать у Грековъ такихъ романтическихъ, лично религіозныхъ стихотвореній, какія мы найдемъ у Пушкина и Лермонтова, напримѣръ: „Въ часы забавъ иль праздной скуки“ или переложеніе молитвы „Господи и Владыко живота моего“:

Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой...

или Лермонтова *Вѣтка Палестины.*

Ничего подобнаго мы не найдемъ въ греческой поэзіи.

Въ стихахъ эпическихъ у Грековъ, въ стихахъ народныхъ, еще и досихъ поръ мѣстами творимыхъ въ Эпирѣ и другихъ болѣе глухихъ краяхъ, мы встрѣтимъ полнѣйшее взаимное проникновеніе тѣхъ трехъ элементовъ, которые у насъ такъ отдѣльны: религіознаго, эротическаго, патріотическаго. Любовь—это невинная дѣвушка у окна или у колодезя, которая мнѣ понравилась и на которой я бы женился; это жена молодая благословенная церковью, съ которою я разстаюсь чтобъ идти на войну, или на торговлю въ дальнія страны. Или, это безстыдная измѣнница, которую надо либо убить, либо бросить; или это просто развратная дѣвушка съ которою молодецъ можетъ-быть и согрѣшилъ въ минуту искушенія, но надъ которою онъ будетъ послѣ съ презрѣніемъ смѣяться.

Вѣра въ этихъ простонародныхъ стихахъ *не моя* вѣра, не вѣра моего бурнаго и усталаго *сердца*, это не вѣра плачущая вопреки всѣмъ пресыщеніямъ богатства и даже быть-можетъ юнаго разгула и разврата; нѣтъ это вѣра которую гнететъ иновѣрецъ, у которой нѣтъ царя-защитника: защитникъ ей каждый изъ насъ, ружье мое, моя личная хитрость и отвага. Я не знаю тоски, скуки и слезъ пресыщеннаго разочарованія, я лежу за камнемъ и стерегу проѣзжаго Турка, который, быть-можетъ, недавно ворвался въ монастырь и искололъ глаза нашимъ древнимъ иконамъ, ибо считаетъ ихъ идолами!

Нація, патріотизмъ — это та же вѣра, та же церковь, все тотъ же Христосъ. „Вотъ какъ сражаются наши молодцы христіане... Да! здѣсь Сулія, злая Сулія, здѣсь попъ беретъ ружье и попадья несетъ заряды ему въ своемъ фартукѣ“.

Вотъ впечатлѣніе которое выносишь изъ чтенія эпическихъ греческихъ стиховъ нашего XIX вѣка. Я сказалъ полнѣйшее единство, первобытное сліяніе трехъ элементовъ: религіознаго, патріотическаго, эротическаго.

Что касается стиховъ не эпическихъ, стиховъ греческихъ поэтовъ

полуевропейски воспитанныхъ, то у нихъ мы видимъ совсѣмъ иное, непохожее ни на пѣсню Грека-горца, ни на лирическое стихотвореніе русскаго поэта.

Я убѣдился, что у всѣхъ образованныхъ ново-греческихъ писателей особенно сильно выражается только патріотическое, національное чувство. Что касается до религіознаго, то оно или совсѣмъ въ забвеніи, или очень холодно и искусственно, или вполнѣ торжественно, вполнѣ церковно, какъ у г. Танталиди.

Какое-то здоровье, спокойствіе, веселость, что-то сердечно-поверхностное—видны одинаково и въ простонародныхъ пѣсняхъ, и въ городской греческой поэзіи.

Но въ эпическихъ горныхъ стихахъ эти черты принимаютъ чрезвычайно правдивую, гомерическую, свѣжую, наивную, оригинальную форму; а въ городскихъ?... Я перечитывалъ не разъ по самымъ распространеннымъ сборникамъ лирическіе стихи тѣхъ греческихъ поэтовъ которые наиболѣе прославлены на Востокѣ, которые получили преміи на состязаніяхъ въ Аѳинахъ, и нашелъ у всѣхъ у нихъ одно—сильнымъ, глубокимъ, искреннимъ опять тотъ же патріотизмъ; тутъ при патріотизмѣ рядомъ съ Ѳукидидомъ, Зевесомъ, Ареемъ, можно встрѣтить и Христа... Можно и не встрѣтить. Но вездѣ Эллины.

Страдальческихъ болѣзненно-глубокихъ русскихъ молитвъ и слезъ предъ лампадами въ темномъ углу я почти не вижу въ нихъ.

Вообще грусть и Грека, и Болгарина, и Серба очень не глубока. Всѣ они лично не требовательны отъ судьбы, отъ жизни; здоровы, дѣятельны, терпѣливы, бодры. Въ нихъ нѣтъ ни мистическаго исканія, ни аристократической требовательности и никакой болѣющей любви...

Въ городскихъ стихахъ у Грековъ эросъ отдѣленъ совсѣмъ отъ религіи. Онъ имѣетъ менѣе эпическій, менѣе семейный характеръ; у Грековъ очень много стихотвореній эротическихъ, но я не нашелъ въ нихъ истинной боли сердечной... Только у Ахиллеса Парасхо, поэта нынѣ живущаго, замѣтенъ религіозно-романтическій оттѣнокъ. Есть у него одно стихотвореніе (къ Божіей Матери).

Я снова иду въ Твою церковь пустынную,
Снова я вижу блѣдный Твой ликъ
Божія Матерь моя ненаглядная...

Это стихотвореніе, какъ и вообще стихи А. Парасхо, рѣзко отличается отъ другихъ. У него есть боль сердца.

Если въ чисто-религіозныхъ стихахъ своихъ Греки нашего времени ближе всего къ одѣ; въ эротическихъ они колеблются можно сказать между мадригалами и водевильнымъ куплетомъ. Опять та же веселость, спокойствіе выражающіяся въ любви или шуточною любезностью, или искусственными, холодными вздохами.

Все „кустики“, „луна“, „свѣтъ очей моихъ“, „поцѣлуи“ и „поцѣ-

луи". Цѣлуются безпрестанно. А страсти не слышно; задумчивости нѣтъ и слѣда.

Всѣ эротическія стихотворенія, попадавшіяся мнѣ до сихъ поръ, довольно однотонны. Иногда холодно и преувеличенно страстны; иногда тяжеловѣсно, семинарски-игривы. Выраженіе чувствъ, уподобленія, самый родъ чувствъ чрезвычайно стары, несвоеобразны, извѣстны; это нѣчто полинялое, казенное, давно гдѣ-то слышанное и подешевѣвшее до крайности. И все это въ новыхъ Аѳинахъ вѣнчается лаврами!

Я нашелъ одно эротическое стихотвореніе Парасхо мало похожее на легонькія и черезчуръ уже нехитрыя любезности его соотчичей. Въ немъ выражено чувство искренно мрачное, очень своеобразное въ сладкогласной и водевильно улыбающейся средѣ современныхъ Аѳинянъ. Вотъ оно.

Я не ищу, друзья, дѣвы неопытной въ любви:—я не хочу ея!
Робкій румянецъ невинности мнѣ вовсе не милъ!
Легка побѣда надъ сердцемъ незрѣлымъ, влюбленнымъ въ незнакомое, обожающимъ неиспытанное.
Нѣтъ! воинъ удалый никогда не убиваетъ беззащитныхъ.
Легкая побѣда охлаждаетъ его высокое мужество.
Онъ ищетъ свирѣпой схватки, онъ жаждетъ опаснаго боя.
И мечъ свой онъ хочетъ вонзить въ грудь могучаго бойца.
Да! и я зналъ лобзаніе безгрѣшной души,
И мнѣ знакомы вздохи чистой дѣвы...
Но я не слышалъ пламени въ ея лобзаньяхъ,
И вздохъ ея былъ стонъ боязни, а не стонъ любви!
Я? Я хочу найти душу убитую, полумертвую,
Которая уже все испытала и которой уже нечему учиться.
Такой души, которая знаетъ что такое страданье и... хочетъ опять страдать!
...Ищу я сердца осенняго... И падшаго ангела мнѣ радость вновь спасти!
Да! я таковъ! Я ночь люблю больше дня,
Падающій листъ предпочитаю душистымъ нарцисамъ,
Звѣзды заката яркому сіянію утра,
И дыханье полусмерти мнѣ милѣй всего живаго...

Есть у того же Парасхо и другое стихотвореніе на тотъ же мотивъ, гдѣ нѣкоторые оттѣнки того же чувства выражены еще сильнѣе. Поэтъ желалъ бы чтобы та которую онъ полюбитъ не имѣла ни брата, ни матери, и никакого близкаго, чтобы она ничего не смѣла любить кромѣ его и мечтала бы лечь съ нимъ въ одну могилу.

Оба стихотворенія эти не вездѣ одинаково художественны и выдержаны, но конечно они демоничнѣе, серіознѣе, романтичнѣе другихъ извѣстныхъ мнѣ эротическихъ стиховъ новогреческой музы.

Не любопытно ли что именно у Парасхо я нашелъ и религіозное молитвенное стихотвореніе отличающееся большею чѣмъ у другихъ Грековъ томительностью и свѣжестью сердечно-мистическаго чувства?

Конечно это совпаденіе любопытно, но оно весьма легко объясняется.

Соблазнительный демонъ романтической любви такой же высшій духъ какъ и чистый ангелъ цѣломудрія. Еслибы демонъ не былъ такъ „могучъ, лучезаренъ и прекрасенъ“ (по выраженію А. Майкова), то его дѣйствіе на душу нашу не было бы такъ страшно.

Христіанство не отрицаетъ обманчиваго и коварнаго изящества зла; оно лишь учитъ насъ бороться противъ него и посылаетъ на помощь ангела молитвы и отреченія. Поэтому-то и родственность романтизма эротическаго и романтизма религіознаго въ душѣ нашей такъ естественна и такъ опасна. „Духъ тьмы часто даже принимаетъ видъ ангела свѣта“, говоритъ сама церковь. И прибавимъ еще, что и у насъ самый страстный изъ нашихъ романтическихъ поэтовъ, самый демоническій, именно Лермонтовъ, создалъ въ то же время едва ли не лучшія у насъ молитвенныя и по Богѣ тоскующія стихотворенія. Итакъ за очень немногими исключеніями эротическая муза нынѣшнихъ Эллиновъ и не глубока, и не изящна, и не грустна, и не демонична, даже и не опасна... Искуситель Грековъ—это не мрачный страдалецъ Байрона и Лермонтова; не мыслящій Фаустъ, для котораго любовь есть такое же серіозное дѣло ума, какъ и сама наука, не „пышный демонъ, на огневой порфирѣ коего горятъ два огненныхъ крыла“ и съ которымъ едва-едва подъ силу бороться чистому ангелу религіи; нѣтъ, искуситель нынѣшнихъ баваро-французскихъ Аѳинъ — какой-то веселый сатиръ, не злой, но и не любящій глубоко, главное не страдальческій для себя и не опасный для другихъ. Онъ точно будто бы сейчасъ только заперъ торговую контору свою, потеръ руки, самодовольно поглядѣлся въ зеркало и сказалъ себѣ:

— Ну, теперь серьезныя дѣла кончены! Можно на досугѣ и пріятнымъ Эротомъ заняться. Вѣдь и предки мои его чтили. А они были великіе люди.

Впрочемъ, появленіе такихъ стихотвореній, какъ приводимые три образца изъ Ахила Парасхо *предвѣщаютъ нѣчто иное.*

VI.

На Востокѣ не только лица и націи, но и очень многое переходитъ въ наше время изъ простоты первобытной—въ простоту самой крайней и дешевой буржуазности.

Напримѣръ, горная тропинка, по которой едва идетъ мулъ, минуя красивое и извилистое шоссе, обсаженное деревьями, по которому вѣка ѣздили бы разнообразные экипажи, прямо переходитъ въ прямую линію желѣзныхъ рельсовъ. Въ Адріанополѣ, на рѣкахъ Тунжѣ и Марицѣ, нельзя до сихъ поръ найти ни красивой лодки для прогулки, ни разнородныхъ хорошихъ барокъ для перевозки; для перевозки тяжестей и переѣзда употребляются самые первобытные плоскодонные, некрасивые,

чуть сколоченные челноки и барки. А завтра тутъ начнутъ ходить пароходы.

Театральная, красивая одежда поселянъ и небогатыхъ горожанъ, вмѣсто того чтобы въ высшихъ классахъ населенія пріобрѣсть себѣ (какъ было, напримѣръ, въ Европѣ до XIX вѣка) утонченное и роскошное аристократическое выраженіе, прямо переходитъ въ дешевый сюртукъ и панталоны, т.-е. въ простую, вторично-упрощенную одежду либерально-лавочной Европы.

Въ греческихъ и славянскихъ горахъ горная эпическая пѣсня еще не замолкла, а въ греческихъ и славянскихъ городахъ издаются уже давно газеты самаго радикально-буржуазнаго направленія и пишутся незатѣйливые стишки въ самомъ новѣйшемъ духѣ.

Такихъ примѣровъ на Востокѣ множество. Сельскій Болгаринъ немногимъ посложнѣе въ мысляхъ своихъ, въ бытѣ, въ потребностяхъ, въ идеалѣ, чѣмъ первобытный Болгаринъ временъ Симеона и Самуила; а его племянникъ, сынъ, братъ, побывавшій въ Царьградѣ, Одессѣ, Вѣнѣ или Николаевѣ, по мыслямъ, по идеалу и т. д. нѣчто вродѣ послѣдователя Гамбетты, конечно нѣсколько грубый, малосложный, неимѣющій за спиной своей вліяній великаго и цвѣтущаго прошедшаго.

Такимъ образомъ на Востокѣ очень многое, почти все, изъ простоты эпической переходитъ прямо въ простоту буржуазную, европейски-радикальную, минуя извилистые и сложные пути цвѣтенія самобытнаго, пестраго, оставляющаго и послѣ расторженія прежняго еще на значительный срокъ разнообразные слѣды. На Востокѣ нѣтъ нигдѣ того охранительно вѣковаго накопленія, которое замѣтно напримѣръ больше всего въ аристократической Англіи, менѣе въ континентальной Европѣ и еще менѣе, но все-таки замѣтно и въ Россіи.

Дѣйствительно, если взять Россію сравнительно съ націями Запада, то видишь, что явленія сложнаго цвѣтенія у насъ были гораздо слабѣе и блѣднѣе, чѣмъ въ главныхъ пяти-шести политическихъ организмахъ Европы. Разносторонній Гёте рѣзче и всемірнѣе по содержанію разносторонняго Пушкина. Равныя по прелести формы *Фаустъ* и *Годуновъ* далеко неравны по всемірному значенію содержанія. Демонъ Лермонтова менѣе страшенъ и менѣе широкъ въ своемъ вліяніи, чѣмъ демонъ Байрона; онъ болѣе примиримъ съ жизнію; его утѣшаетъ, напримѣръ, „съ рѣзными ставнями окно". Ту же сравнительную блѣдность и нерѣзкость найдемъ и на государственномъ, и на научномъ, и на философскомъ поприщахъ, и въ области искусствъ.

Но если мы сравнимъ Россію и Русскихъ съ ихъ Восточными единовѣрцами, Греками и Славянами, то конечно современные Русскіе покажутся намъ представителями чрезвычайной сложности.

Въ Россіи характеры сложнѣе и разнообразнѣе, потребности, роды воспитанія, привычки, вкусы, идеалы разнороднѣе; мысли сложнѣе и все-

таки оригинальнѣе чѣмъ на Востокѣ, въ средѣ интеллигенціи конечно. Состоянія и общественныя положенія гораздо дальше отстоятъ другъ отъ друга; всякаго разнообразія больше: сословнаго, племеннаго, религіознаго (расколы и мистическія ереси наши), чиновнаго; экономическія противоположности богатства и бѣдности рѣзче. Чувства тоньше и сложнѣе (то-есть глубже), поэтому неизбѣжно и страданія и наслажденія живѣе, глубже, разнороднѣе.

И чувства восторга и чувства боли сердечной поэтому должны быть сильнѣе у насъ, чѣмъ въ такомъ обществѣ, гдѣ характеры малосложнѣе, потребности однороднѣе, вкусы однообразнѣе; гдѣ воспитаніе, пожалуй, нѣсколько и разное въ простомъ народѣ по областямъ, сливается однако наверху съ помощію грамотности, сюртука и демагогіи, въ одинъ типъ свободолюбиваго и властолюбиваго, алчнаго реалиста,—греко-европейскаго и славяно-европейскаго буржуа. Боли мало; чувства грубѣе; потребности просты и легко удовлетворимы; фантазія не развита; аристократичности нѣтъ вовсе въ ближайшемъ прошедшемъ и потому и вкусъ, и умъ, и самое тѣло не такъ требовательны во всемъ: и въ поэзіи, и въ свѣтскомъ бытѣ (см. Абу: *Современная Греція* *), и въ эротическихъ чувствахъ, и въ любви... и наконецъ въ религіи.

Въ религіи что-нибудь одно: или наивная простота, или романтическая интензивность. Тамъ, гдѣ утрачивается простота первобытная, необходима интензивность романтическихъ чувствъ; нужны страданія не простыя, не грубыя страданія, которыя бываютъ вездѣ, а страданія, которыя ищутъ исхода лишь въ идеальномъ мірѣ и въ идеальныхъ чувствахъ.

У насъ давнишняя (сравнительно) умственная развитость наша, развитость ума и изящества, въ средѣ нашихъ дворянскихъ семействъ, оставляя въ душѣ молодыхъ людей впечатлѣнія и церковныя болѣе изящныя, болѣе теплыя и тонкія, болѣе идеальныя и по внѣшности (хоть бы говѣнье въ дѣтствѣ съ образованною матерью, или праздникъ Пасхи въ

*) Нельзя не согласиться, что Абу отчасти правъ, описывая какъ на аѳинскихъ балахъ кавалеры иногда говорятъ пресерьезно съ дѣвицами о томъ, что „у нихъ на всѣхъ пальцахъ мозоли“. Съ 54 года, и прочтя книгу Абу, молодые Греки, можетъ быть, стали осторожнѣе и тоньше; но все-таки есть еще что-то въ этомъ родѣ; европейскій бытъ дѣлаетъ на Востокѣ ужасающія завоеванія; но преимущественно своими внѣшними и пошлыми сторонами. Замѣчательно напримѣръ, что и Турки, и христіане, надѣвшіе европейское платье, гораздо грязнѣе тѣхъ своихъ соотчичей, которые носятъ восточную одежду. Молодаго героя поэмы или повѣсти въ греческой фустанеллѣ или въ черногорскомъ костюмѣ найти очень легко; онъ и въ жизни очень поэтиченъ; герой свѣтскій на Востокѣ почти немыслимъ. Какъ примѣръ юго-славянской свѣтской тонкости можно привести слѣдующій случай. За дипломатическимъ обѣдомъ сидитъ русскій камеръ-юнкеръ рядомъ съ женой одного изъ самыхъ блестящихъ сербскихъ государственныхъ людей. Она печальна. „Что съ вами?“ спрашиваетъ русскій. „Чрево болитъ, господинъ мой!“ отвѣчаетъ знатная сербская дама.

Москвѣ, или поѣздки съ родными въ одинъ изъ хорошихъ монастырей нашихъ) оставляютъ въ сердцахъ образованной молодежи болѣе глубокіе слѣды, чѣмъ могутъ оставить грубоватыя, простыя, менѣе изящныя религіозныя формы и чувства на Востокѣ. Кто же не замѣчалъ, что и въ самой Россіи есть разница по слоямъ въ этомъ смыслѣ. Молодые люди и молодыя дѣвушки самаго высшаго круга сохраняютъ очень часто больше связи съ церковью, чѣмъ ихъ сверстники и сверстницы изъ нашего растрепаннаго и разсѣяннаго по землѣ мелкаго дворянства. Изящныхъ воспоминаній о семьѣ и церкви у высшихъ дворянъ больше.

Въ сельскомъ народѣ, какъ извѣстно, также много исканія, тоски, боли и т. д. И у нѐго другими путями и отъ другихъ причинъ религіозныя чувства теплѣе повидимому, чѣмъ у Грековъ и Юго-Славянъ.

Мы справедливо жалуемся иногда на религіозное равнодушіе нашего общества, на церковное невѣжество нашихъ образованныхъ людей, на расположеніе общества нашего къ вовсе неумѣстнымъ и непрошеннымъ реформамъ въ церковномъ устройствѣ. Мы имѣемъ право жаловаться на легкомысленное модничанье иныхъ іереевъ нашихъ, расшаркивающихся предъ мнѣніемъ большинства (предъ тѣмъ, что̀ Милль зоветъ „la médiocrité collective“). Мы имѣемъ основаніе сожалѣть о томъ, что значительная часть нашихъ образованныхъ соотчичей нападаютъ на монаховъ и монастыри, не понимая ни религіознаго ихъ смысла, ни ихъ политическаго значенія. Эта часть нашего общества не понимаетъ, что монастыри для церкви, для религіи то же что̀ университеты, лицеи, клиники для науки; она не догадывается, что въ обителяхъ происходитъ и предлагается мірянамъ накопленіе охранительно религіозныхъ вліяній и впечатлѣній, почти также какъ происходитъ и предлагается накопленіе научныхъ впечатлѣній и поученій въ университетахъ.

Все это такъ, но, съ другой стороны, мы видимъ немало и утѣшительныхъ явленій. Значительная часть нашего богатаго и образованнаго общества поддерживаетъ всячески церкви и монастыри. Я самъ видѣлъ, какое множество жертвъ шло изъ Россіи на Аѳонъ и отъ людей разныхъ классовъ; вездѣ отстраиваются новыя церкви безъ всякой задней политической мысли; въ Россіи монастыри благолѣпны и полны, и были бы еще гораздо многолюднѣе, еслибы гражданскіе законы не сдерживали охоты къ постриженію; богомольцевъ всѣхъ классовъ много и въ Россіи, и на Востокѣ. Я недавно познакомился въ Цареградѣ съ однимъ молодымъ французскимъ легитимистомъ, который безъ ума отъ нашихъ іерусалимскихъ поклонниковъ; на этомъ только основаніи онъ вѣрилъ въ молодость, силу и будущность Россіи. (Правъ ли онъ былъ, считая Россію очень молодою, это другой вопросъ). Дворянъ, чиновниковъ, офицеровъ, пропорціонально въ монашествѣ много: тамъ флотскій офицеръ игуменомъ, тамъ сенатскій немаловажный чиновникъ іеромонахомъ, тамъ дворянинъ, кончившій курсъ въ университетѣ, не утратилъ, однако, вѣру

и постригся въ иноки. О купцахъ богатыхъ и среднихъ и говорить нечего. И сколько хорошихъ, добрыхъ, искреннихъ монаховъ; сколько людей, которые отказываются отъ повышеній, и которые именно тѣмъ міру и полезны волей-неволей, что они хотятъ быть какъ можно менѣе отъ міра сего. Видна все-таки въ значительной части общества забота о религіозныхъ интересахъ, безъ всякаго отношенія къ политикѣ; видно, однимъ словомъ, что еще для многихъ Русскихъ православіе есть та лампада предъ иконой въ углу, о которой я говорилъ прежде, а не національное только знамя...

Когда входишь въ храмъ внутри Россіи и видишь эту толпу такъ усердно молящуюся, понимаешь, что тутъ нѣтъ чужихъ, нѣтъ иностранцевъ, не предъ кѣмъ молиться для демонстраціи, нѣтъ Турокъ, Армянъ, вліятельныхъ католиковъ, какъ на Востокѣ. Видишь націю сильную, беззаботную о чуждомъ вліяніи, даже слишкомъ иногда беззаботную...

И такъ, какъ ни дурны многіе признаки у насъ, на Востокѣ многое еще хуже. Души, теплоты, содержанія на Востокѣ менѣе. Тамъ, повторяю, воспитаніе міранъ церковнѣе; у насъ оно, такъ сказать, теплѣе, романтичнѣе.

Идеаломъ было бы соединеніе того и другаго. Намъ нужно побольше церковности, побольше знанія, чтобы придать больше ясности и твердости нашей разнузданной теплотѣ, нашей горячей, ноющей тоскѣ. Восточнымъ людямъ, и Славянамъ, и Грекамъ одинаково, нужно бы побольше тонкой развитости чувствъ въ высшихъ слояхъ, побольше теплоты, поменьше грубаго довольства мелкимъ проявленіемъ европейской буржуазной цивилизаціи. Они ужъ очень всему рады. Слово „разочарованіе", о которомъ у насъ изъ какого-то предразсудка нынче молчатъ, но которое многимъ слишкомъ коротко знакомо по чувствамъ, это слово тамъ вовсе не въ употребленіи. Чтобы перевести его однажды по-гречески мнѣ нужно было прибѣгать къ помощи профессоровъ и большихъ лексиконовъ. Г. Танталиди, сказалъ мнѣ, наконецъ, что это значитъ „апогойтевсисъ". Живя десять лѣтъ на Востокѣ, я во столькихъ разговорахъ ни разу этого слова не слыхалъ.

Страданія на Востокѣ имѣютъ характеръ болѣе внѣшній; они рѣдко исходятъ изъ глубины собственнаго сердца.

Пока было жить страшно, пока Турки часто насиловали, грабили, убивали, казнили, пока во храмъ Божій нужно было ходить ночью; пока христіанинъ былъ собака, онъ былъ болѣе человѣкъ, то-есть былъ идеальнѣе. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ этого столѣтія были еще добровольные мученики (см. *Аѳонскій Патерикъ* напримѣръ); были матери, которыя говорили сыновьямъ, какъ лакедемонскія матери: „лучше пусть убьютъ тебя Турки, нежели видѣть мнѣ тебя измѣнникомъ Христу!" Въ монастыри шли прежде богатые и высокопоставленные люди. Богатые,

знатные Фанаріоты, Молдо-Валашскіе бояры приносили въ даръ на церкви и обители огромныя имѣнія.

Но времена перемѣнились. Успѣхи русскаго оружія, удачныя возстанія Сербовъ и Грековъ и вообще успѣхи православной политики на Востокѣ обезпечили христіанъ болѣе прежняго отъ внѣшнихъ бѣдъ. Эти политическіе успѣхи Церкви послужили косвенно и неожиданно къ ослабленію православія сердечнаго, личнаго, мистическаго. Свобода открыла настежь двери мелочнымъ европейскимъ вліяніямъ, мелкому самодовольству.

Гораздо бо́льшая привычка къ труду для пропитанія чѣмъ у насъ въ высшихъ классахъ Россіи, большая грубость нервовъ, меньшая требовательность фантазіи, меньшая тонкость чувствъ и мыслей, а вдобавокъ относительно Европы и прогресса роль parvenu вчерашняго, который всѣмъ восхищается въ бурзуазной Европѣ,—вотъ восточно-христіанская интеллигенція, греческая, сербская и болгарская.

Россія, уже сама по себѣ болѣе сложная, то-есть болѣе богатая разными психологическими рессурсами и требованіями, вступила въ сообщеніе съ Европой цвѣтущаго періода, съ Европой гдѣ еще было много рыцарства, много утонченности, гдѣ и католичество и протестантство были еще сильны и свѣжи сравнительно съ нынѣшнимъ.

Греки и Юго-Славяне вступили въ общеніе съ Западомъ въ XIX вѣкѣ, когда Европа суше, холоднѣе, растеряннѣе, ученѣе количественно, но ничтожнѣе качественно...

VI.

Состояніе монастырей есть, повторяю я, одно изъ лучшихъ мѣрилъ религіозной жизни въ исповѣданіяхъ, гдѣ, какъ въ католицизмѣ и православіи, есть учрежденіе монашества.

Состояніе это характеризуется двумя вещами: 1) количествомъ людей, желающихъ стать монахами и 2) тѣмъ, изъ какого класса общества идутъ люди въ монахи.

Въ греческихъ областяхъ монаховъ очень много; я точной статистики не знаю, но отъ всѣхъ знающихъ людей слышалъ, что ихъ гораздо больше чѣмъ въ Россіи. Но не должно забывать, что въ Россіи настоятельныя потребности набора и другія соображенія побуждаютъ издавна гражданскій законъ стѣснять свободу постриженія. Еслибы въ Россіи дана была людямъ хоть половина восточной свободы въ этомъ направленіи, то зная характеръ Русскихъ, не трудно предвидѣть, что число монаховъ у насъ сейчасъ же бы далеко превзошло число греческихъ. Это видно по количеству поклонниковъ и поклонницъ въ Іерусалимѣ и въ Аѳонѣ. На Аѳонѣ, не смотря на близость Греческихъ странъ, поклонниковъ греческихъ почти вовсе нѣтъ.

Что касается классовъ общества, изъ которыхъ идутъ въ монахи, то изъ образованнаго класса Грековъ, изъ офицеровъ, адвокатовъ, изъ богатыхъ купцовъ, писателей, чиновниковъ, въ монахи почти вовсе нейдутъ, и давно уже.

Тайнаго пострига, не рѣдко встрѣчающагося въ Россіи, въ Греціи не знаютъ. У насъ такой постригъ происходилъ и происходитъ въ наше время не отъ однихъ тѣхъ внѣшнихъ, гражданскихъ стѣсненій, о которыхъ я говорилъ выше; онъ еще нерѣдко имѣетъ источникомъ и сложныя обстоятельства личныя. Были и есть у насъ люди, которые, давши ли клятву Богу, или по другимъ какимъ-либо обстоятельствамъ сердечнымъ, желаютъ имѣть на себѣ, такъ сказать, печать монашескаго обѣта; а вслѣдствіе ли закоренѣлыхъ привычекъ или другихъ важныхъ и серіозныхъ обязанностей, въ монастырь вдругъ на общее правило поступить не могутъ. Изъ такихъ людей иные поселяются по близости монастырей, въ гостиницахъ, или въ своихъ домахъ; другіе, оставаясь на службѣ и вообще въ міру, бываютъ тайно пострижены.

На Востокѣ этого обычая не знаютъ и восточный нашъ единовѣрецъ еще принесетъ свою долю комфорта, какимъ пользуется, въ жертву (если ужь приносить!) Элладѣ, Болгаріи и Сербіи, но не отдастъ на удовлетвореніе религіозной потребности.

Я никогда не забуду одного очень характернаго случая изъ моей жизни на Юго-Востокѣ.

Проѣздомъ черезъ Тріестъ, я встрѣтилъ одного Грека, очень приличнаго, красиваго, среднихъ лѣтъ, съ прекрасными манерами. Зашелъ разговоръ о религіи.—„Да!—сказалъ, глубоко вздохнувъ, этотъ Грекъ (вполнѣ Европеецъ хорошаго тона по внѣшности)—религію мы забываемъ, но когда насъ поразятъ глубоко семейныя и другія несчастія, мы тогда вспоминаемъ о Богѣ и обращаемся къ религіи!“

Больше ничего. Обыкновенныя, кажется, слова? Отчего жь они такъ поразили меня? Оттого, что я, проживъ около десяти лѣтъ на Востокѣ, одинъ разъ всего только слыхалъ ихъ отъ христіанина одѣтаго по-европейски. Я слыхалъ безпрестанно другое: „Православіе — это наша сила; христіанство — это узда и знамя для грубаго нашего народа; народъ нашъ исполненъ суевѣрія и тьмы, ему нужна еще церковь!“ или: „Да, я могу быть атеистомъ, я могу быть ученикомъ Фейербаха, но пусть Турокъ, католикъ или Нѣмецъ коснется православія, этой народной нашей святыни, о, я!... тогда я!... и т. д.“ Грустнаго, сердечнаго тона я при разговорахъ о религіи съ восточными міряпами не слыхалъ.

Еще доказательство. Одинъ изъ самыхъ опытныхъ русскихъ духовниковъ на Аѳонѣ, на предложенные мною вопросы по этому поводу, отвѣчалъ, что онъ, проживъ болѣе тридцати лѣтъ на Аѳонѣ, видѣлъ за это время тамъ болѣе двухсотъ человѣкъ поклонниковъ изъ высшаго и средняго дворянства, не считая купечества, а изъ Грековъ соотвѣтствен-

наго воспитанія только двухъ (изъ нихъ одинъ былъ врачъ, желавшій изъ разчета устроиться на Святой Горѣ); изъ Болгаръ и Сербовъ не помнилъ что-то ни одного.

Одинъ изъ лучшихъ и умнѣйшихъ нашей говорилъ мнѣ: „Я очень боюсь вашей Россіи, но я очень уважаю вашъ народъ. Я зналъ, напримѣръ, этого вертопраха Кельсіева, и много бесѣдовалъ съ нимъ: онъ очень умный человѣкъ. Правду говорилъ онъ, что Русскіе на Дунаѣ занимаются политикой для религіи; а Болгары и Греки смотрятъ на религію большею частію какъ на политическое орудіе“.

Протестантскій миссіонеръ на Дунаѣ г. Флокенъ тоже говорилъ мнѣ, что Русскіе несравненно симпатичнѣе, душевнѣе въ дѣлѣ религіи и Болгаръ и Грековъ. Русскіе оттого крѣпки въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ (всѣ: православные, молоканы и старообрядцы), что они думаютъ о нихъ и сильно чувствуютъ, а Болгары на пропаганду оттого не поддаются, что они сухи и тупы“. Г. Флокенъ одинаково имѣлъ мало успѣха и между Болгарами и между Русскими, поэтому вѣрить ему можно.

Еще свидѣтельство греческое. Одинъ греческій епископъ, живущій давно на Святой Горѣ, сказалъ мнѣ разъ: „Отчего у насъ, Грековъ, нѣтъ такихъ благочестивыхъ христіанъ между высокопоставленными лицами, какіе есть у васъ въ Россіи?“ (Онъ назвалъ мнѣ нѣсколько лицъ).

Сравнивая Болгаръ съ Греками, находимъ слѣдующіе оттѣнки:

1) Болгары еще однообразнѣе Грековъ; гораздо однообразнѣе; еще *ровнѣе* по устройству жизни.

2) Они имѣютъ менѣе тѣхъ церковности въ воспитаніи, ибо не жили близко отъ древнихъ патріаршихъ великихъ центровъ, не имѣли преобладанія въ Іерусалимѣ и на Аѳонѣ, какъ имѣли его искони Греки; ибо у нихъ гораздо менѣе монастырей; гораздо меньше церковно-ученыхъ людей изстари; географически даже они были удаленнѣе Грековъ отъ большинства великихъ православно-византійскихъ памятниковъ, центровъ и преданій; сельскій народъ ихъ, прибавимъ, не понималъ даже ни слова въ церковной службѣ до послѣдняго времени.

3) У Грековъ все-таки больше поэзіи, больше романтизма, какъ вслѣдствіе большей образованности, такъ и отчасти вслѣдствіе преданій той эпохи, при которой они возставали и возрождались къ городской жизни. При возрожденіи Грековъ, героями были: Байронъ, Шатобріанъ, кровавымъ подвигамъ Эллиновъ вторили лиры великихъ поэтовъ; болгарскому разсчитанному и осторожному движенію современны лишь свистъ локомотивовъ и журнальныя статьи. Сказать ли что о Сербахъ?

Сербы хвалятъ православіе; они чтутъ его. Они могутъ даже сражаться за него геройски. Но и у нихъ церковности воспитанія меньше чѣмъ у Грековъ; близости къ памятникамъ, къ патріаршимъ странамъ, къ преданіямъ, къ славѣ византійской меньше; отъ Святыхъ Мѣстъ они гораздо дальше, чѣмъ Греки. Съ другой стороны, у нихъ тоже гораздо,

несравненно менѣе чѣмъ у Русскихъ: идеализма, мечтательности, поэзіи; болѣзненности души вовсе нѣтъ; о тонкомъ, разнообразномъ развитіи, о сложныхъ потребностяхъ, о сложныхъ рессурсахъ и сложныхъ страданіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Они очень просты, и лично, и національно (т.-е. Сербы Турціи).

Поклонниковъ у Святыхъ Мѣстъ сербскихъ вовсе не видно; монашество въ свободной Сербіи въ упадкѣ *). Въ Сербіи были уже попытки къ упраздненію малочисленныхъ монастырей. На Аѳонѣ Сербовъ-монаховъ всего два, три. Наконецъ, вспомнимъ и то, что значительная часть Сербскаго племени, взятаго во всецѣлости въ Турціи и Австріи, не православнаго исповѣданія, а католическаго. Поэтому при очень возможномъ въ будущемъ пансербизмѣ, центръ національной тяжести можетъ не совпасть съ православіемъ, какъ совпадаетъ онъ у Грековъ и у Болгаръ. Этотъ центръ національной тяжести можетъ совпасть при пансербизмѣ съ чѣмъ-то среднимъ, внѣ Рима и внѣ Византіи стоящимъ.

Такова духовная, психическая почва съ которою намъ приходится имѣть теперь дѣло на Востокѣ.

Она не совсѣмъ такова—какъ у насъ обыкновенно многіе думаютъ. Она можетъ измѣниться такъ или иначе; но это дѣло будущаго.

Какой же изъ этого всего слѣдуетъ *политическій* выводъ? спросятъ меня.

На это я отвѣчу, прежде всего, что не считаю подобный выводъ обязательнымъ для каждой статьи, даже и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, столь бурныхъ, и требующихъ на все практическаго отвѣта.

Я назвалъ трудъ мой „опытомъ національной психологіи"; я изложилъ то, что мнѣ казалось непосредственною истиной моего созерцанія, и больше ничего. Выводовъ частныхъ, я думаю, можно сдѣлать много разныхъ, смотря по убѣжденіямъ и наклонностямъ каждаго. Я же попрошу только съ одной стороны вспомнить что политическіе интересы очень часто не имѣютъ прямаго и немедленнаго отношенія къ тому вопросу: нравятся ли намъ жители какой-нибудь страны, или вообще хороши ли, или худы чѣмъ-нибудь люди какой-нибудь націи. Для политическихъ дѣлъ общее знамя важнѣе личныхъ свойствъ. Отвлеченныя идеи и общіе, одушевляющіе самые разнородные характеры, интересы—вотъ что

*) Изъ Убичини: *Les Serbes de Turquie*, стр. 78—79). „Монахи живутъ въ монастыряхъ. Монастырей въ Сербіи 44. Это даетъ по три монаха на каждый монастырь. Самый населенный и съ исторической точки зрѣнія самый знаменитый, Студеница, въ 64 году былъ обитаемъ девятью иноками". Въ другихъ монастыряхъ по одному, по два монаха. И Дентонъ и Убичини согласны въ томъ, что монастыри въ Сербіи малолюдны. Дентонъ объясняетъ это тѣмъ, что монахи въ Сербіи не популярны, не любимы народомъ; что женатыхъ священниковъ народъ больше уважаетъ (у Русскихъ и у Грековъ на оборотъ).

соединяетъ народы и государства въ союзы, или возстановляетъ ихъ другъ противъ друга, доводя до открытой и кровавой борьбы; а не психическое достоинство и личные недостатки отдѣльныхъ лицъ; хотя бы эти достоинства или недостатки принадлежали и большинству той или другой націи.

Османъ-паша, напримѣръ, конечно выше какого-нибудь жалкаго Серба, который спрятался въ кукурузѣ; но Османъ для Россіи противникъ, а Сербъ даже, и въ кукурузѣ спрятанный, имѣетъ право на нашу помощь и состраданіе *).

Самый грубый или алчный черногорскій воинъ, самый легкомысленный и пустой Румынъ, самый надменный и коварный Грекъ, самый упрямый и лукавый болгарскій чорбаджи должны быть для насъ дороже и ближе самыхъ просвѣщенныхъ, изящныхъ и самыхъ благородныхъ по характеру англійскихъ лордовъ, дороже и ближе самыхъ простодушныхъ, честныхъ мусульманъ, самыхъ безукоризненныхъ по свойствамъ и образу жизни папистовъ.

ДОПОЛНЕНІЯ (1885 года).

I.

Мнѣ кажется, что изъ этого очерка достаточно явствуетъ: во 1-хъ, что нашъ Восточно-Православный міръ еще весьма разнороденъ въ оттѣнкахъ своихъ и содержаніемъ психическимъ не бѣденъ. Во 2-хъ, что всѣ оттѣнки и разнородности эти могутъ въ гармоническомъ (т.-е. *полномъ контрастовъ*) единеніи принести неисчислимые и самые пышные плоды, а при сочетаніи неудачномъ (т. е. способствующемъ *однообразію* и *смѣшенію*) могутъ стать лишь поводомъ къ расторженію и гибели.

Скажу кратко: *для Восточно-Славянскаго міра нужно какъ можно менѣе единства государственнаго*, *политическаго въ тѣсномъ смыслѣ* и какъ можно больше *единства церковнаго*.

Со стороны политической желательно не сліяніе, но (какъ я въ другомъ мѣстѣ выразился) лишь какое-нибудь *подчиненное тяготѣніе* на *почтительномъ разстояніи;* „Союзъ Государствъ", а не *однородное* и даже не *слишкомъ тѣсно* сплоченное „Союзное Государство".

Со стороны же церковной—необходима несравненно большая противу прежняго близость другъ къ другу мѣстныхъ *національныхъ церквей;* ибо слишкомъ тѣсная зависимость этихъ мѣстныхъ церквей тамъ—отъ свѣтской власти, здѣсь—отъ демагогическихъ вліяній, и сравнительно слишкомъ *большая ихъ независимость другъ отъ друга или отъ какого-нибудь общаго церковнаго центра—становятся при новыхъ условіяхъ жизни положительно вредны и опасны для Православія*.

*) Писано въ 1878 году.

„Эллинство, или эллинская національность, (сказалъ я уже прежде въ другомъ мѣстѣ) хотя и довольно важна для насъ на Востокѣ съ чисто-политической точки зрѣнія, по передовому географическому своему положенію, по силѣ торговыхъ и мореходныхъ способностей своихъ, по чрезвычайно оригинальному соединенію въ средѣ своей крайней первобытности, дикости и наивности съ большимъ разлитіемъ грамотности и даже сравнительной учености; но всѣ эти важныя черты новогреческой національности становятся *второстепенными и даже ничтожными, когда мы сравнимъ ихъ съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣютъ Греки для православной Россіи, какъ представители и носители церковной идеи на Востокѣ, какъ историческіе* (т.-е. не принципіальные, а временные) *мѣстоблюстители четырехъ великихъ патріаршихъ престоловъ, какъ самые вѣрные*, опытные, способные и твердые охранители самыхъ древнихъ и, такъ сказать, „изъ первыхъ рукъ“ полученныхъ преданій и уставовъ вселенскаго православія. Говоря иначе и еще яснѣе: не Греки должны быть важны для насъ сами по себѣ, какъ Греки, а важны восточныя церкви, *по исторической случайности оставшіяся въ рукахъ Грековъ*“.

„*Намъ прежде всего нуженъ Вселенскій Престолъ на Босфорѣ для дальнѣйшаго церковнаго домостроительства, какой бы крови человѣкъ ни возсѣдалъ на этомъ престолѣ.* Престолъ этотъ вскорѣ долженъ или совершенно пасть, или стать вселенскимъ не по имени одному, а по дѣйствительному значенію. Никакіе каноны не обязываютъ православную церковь держать на немъ Грека во что бы то ни стало, и недалеко то время, когда сами Греки вынуждены будутъ, если не понять, то допустить это. Но пока этотъ великій, центральный и спасительный по своей будущности престолъ въ рукахъ Грековъ, нельзя раздражать ихъ какими-то славянскими бравадами, въ которыхъ нѣтъ ни ума, ни дальновидной политики, ни христіанскаго смиренія со стороны сильнаго (т.-е. Россіи) передъ слабымъ, но правымъ духовно (т.-е. передъ патріархомъ“). Съ своей стороны и Патріархи или,—общее сказать—представители Греческаго духовенства не должны позволять себѣ слабѣть передъ „духомъ вѣка“; не должны становиться игралищемъ и орудіемъ самоувѣренной и тупой въ своемъ европеизмѣ Аѳинской демагогіи... *Аѳинская демагогія; Аѳинскій парламентъ; Аѳинскіе софисты и краснобаи во фракахъ— вотъ враги Россіи, враги церкви, враги самодержавія Русскаго; а не Фанаріоты; не Архіереи, не Патріархи, не монахи Греческой крови.*— Напротивъ того высшее Греческое духовенство неоднократно доказывало что оно желаетъ пребыть вѣрнымъ обще-церковнымъ Греко-Россійскимъ преданіямъ, вопреки всѣмъ распаляющимъ племенную вражду вліяніяхъ аѳинскаго либеральнаго элленизма... Будемъ надѣяться, что этого запаса Православныхъ чувствъ достанетъ у Греческой Іерархіи *до великаго дня разсѣченія Гордіева узла на Босфорѣ!*

II.

О *Сербахъ*—и книгѣ кн. Влад. Мещерскаго (Правда о Сербіи).

Во всѣхъ предъидущихъ статьяхъ тѣхъ я не скрывалъ, что Сербовъ знаю гораздо менѣе, чѣмъ Болгаръ и Грековъ. Внутренній соціальный характеръ и политическая внѣшняя роль Сербскаго племени въ дѣлахъ Востока были мнѣ очень ясны и безъ поѣздки въ страны и провинціи, населенныя этимъ племенемъ; я доказалъ это, между прочимъ, тѣмъ, что, живя въ Царьградѣ, среди глубокаго военнаго затишья въ 73 году, пророчилъ, что *первые возстанутъ противъ Турціи не Болгары и не Греки, а Сербы*. (Смотри Визант. и Славян. Глава 5-я; стран. 61-я *Чтеній* М. Об. Ист. и Древ.). Но психическій строй и бытовые оттѣнки, не посѣтивши самъ ни Княжества Сербскаго ни Босніи съ Герцеговиной, я долженъ былъ угадывать лишь съ помощію своего рода индукціи. Напр., *я не вѣрилъ въ религіозность Сербовъ, я полагалъ*, что они въ дѣлѣ *личной* вѣры должны быть непремѣнно слабѣе Русскихъ и Грековъ. А безъ *личной* вѣры у многихъ людей въ *высшей общественной средѣ* той или другой націи можно ли разсчитывать долго и на *правильную* политику цѣлаго народа? Конечно, нѣтъ; „интеллигенція" всегда можетъ легко обмануть народъ или повести его рано или поздно за собою,—такъ случилось въ Болгаріи, такъ позднѣе случилось и въ Сербіи.

Самъ я, говорю, не имѣлъ случая личными, живыми впечатлѣніями провѣрить моего предубѣжденія противу Сербской націи въ церковномъ отношеніи; но вотъ почти въ то же самое время, когда я нашелъ, наконецъ, возможность, послѣ множества затрудненій, отпечатать въ *Чтеніяхъ* мой трудъ „Визант. и Славян.", князь Влад. П. Мещерскій, возвратившись изъ Черняевскаго лагеря, издалъ свою небольшую книгу „Правда о Сербіи". Эта книга *дышетъ правдой*, особенно для того, кто самъ *дышалъ воздухомъ* Юго-Славянской *религіозности* въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Вотъ что сообщаетъ намъ кн. Мещерскій.

Стр. 90 и 91.

„Жизнь въ кофейняхъ или около кофеенъ есть жизнь всѣхъ Бѣлградскихъ жителей съ утра до вечера

кофеенъ въ Бѣлградѣ до	900
церквей православныхъ	4
старыхъ мечетей	7

Цифры эти довольно краснорѣчивы".

Стр. 345.

До прибытія княгини (нынѣ королевы) Наталіи ...„въ Бѣлградѣ не знали, *что значитъ ходить въ церковь*..." „И не прошелъ годъ послѣ

ея прибытія въ Сербію, какъ люди стали ходить въ церковь: *многія матери семействъ стали обучать дѣтей своихъ закону Божію...*“.

Стр. 343.

„Княгиня Наталія, какъ извѣстно *русская*, изъ фамиліи *Кешко*. Ея родина—Херсонская губернія“.

Стр. 220.

„О религіи онъ (т.-е. сельскій Сербъ) почти не имѣетъ понятія; церквей почти нѣтъ, а священники скорѣе повѣренные въ дѣлахъ своихъ прихожанъ, чѣмъ служители церкви“.

Стр. 199.

(Объ „интеллигенціи“ Княжества).

„Вообще образованіе мѣстное, выходящее изъ предѣловъ низшаго, имѣетъ растлѣвающее и *обезличивающее* вліяніе на Сербскую молодежь...“

„Правительство Сербіи позаботилось не о томъ, чтобы высшее образованіе было серьезно, добросовѣстно и основано на началахъ христіанскаго образованія, а о томъ, чтобы оно какъ можно скорѣе приравняло массу культурнаго слоя къ вольнодумцамъ парижскихъ бульваровъ“.

Кажется, изъ этихъ краткихъ выписокъ ясно, какъ слабо религіозное чувство въ Сербіи.

У князя Мещерскаго есть и еще одно свѣдѣніе, которое подтверждаетъ очень наглядно то, что я стараюсь доказать въ моей статьѣ; именно, что Русскіе вообще *несравненно* религіознѣе своихъ Юго-Восточныхъ единовѣрцевъ; особенно Русскіе высшихъ классовъ сравнительно съ Юго-Славянами и Греками, по „европейски“ обученными.

Вотъ оно, это свѣдѣніе (стр. 274).

„Огромную радость испытали при мнѣ русскіе въ Делиградѣ, когда пріѣхалъ изъ Москвы хоръ Чудовскихъ пѣвчихъ и когда, на другой день послѣ ихъ пріѣзда, узнали тоже о прибытіи походной желѣзной церкви изъ той же Москвы“.

„Днемъ, послѣ обѣда, пѣвчіе, въ полномъ своемъ парадномъ облаченіи, явились въ домъ Черняева, выстроились, и послѣ представленія Черняеву, который принялъ ихъ самымъ ласковымъ и радушнымъ образомъ, запѣли „Отче нашъ“ Бахметьевскимъ простымъ напѣвомъ“.

„Едва они запѣли, какъ всѣми присутствовавшими овладѣло какое-то прелестное настроеніе и *слезы*, — вотъ ужь непритворныя слезы, — *такъ и брызнули изъ глазъ у многихъ офицеровъ*“.

Неправда ли, что всѣ мы вѣримъ этому, и всѣхъ тѣхъ изъ насъ, которые *заслуживаютъ имени русскихъ людей*, это даже и не удивляетъ. Но еслибы мнѣ сказали, что при звукахъ церковнаго пѣнія, внезапно раздавшихся среди боеваго лагеря, заплакали офицеры Сербскіе, Черногорскіе, Болгарскіе или Аѳинскіе, я бы удивился и потому бы только не обрадовался до нельзя этому, что плохо бы этому разсказу *повѣрилъ... Не похоже!*

Повторяю еще разъ: Русскій впечатлительнѣе, чувствительнѣе Грека въ дѣлѣ религіи; у Русскаго больше, чѣмъ у Грека, исканія, томленія, любви, романтичности т.-е. религіозное *чувство вообще* глубже и сильнѣе; Грекъ суше; но въ строго Православномъ смыслѣ онъ церковнѣе, „опредѣленнѣе“ русскаго. Что касается до Южнаго Славянина то онъ ни то, ни другое.

Именно Южному Славянину въ этомъ отношеніи слѣдовало бы сказать: „ты не горячъ и не холоденъ, — изблюю тя изъ устъ моихъ!“ Еслибы „изблевать“ его была намъ какая-нибудь возможность... Но Южный Славянинъ съ своей „буржуазностью“ стоитъ на пути нашего будущаго и безъ его участія мы не можемъ идти далѣе, и потому волей-неволей намъ нужно не отказываться отъ него, а стараться видоизмѣнить претворить его, „нейтрализировать“ какимъ-нибудь сильнымъ противоядіемъ его жалкую европейскую либеральность. Лучшаго же противоядія противъ нея пока нѣтъ,—какъ усиленіе Церковно-Православнаго духа, возвеличеніе Церкви,—иными словами Церковное единодушіе съ Греками.

III.

О Ново-Греческой поэзіи.

Я не считаю себя въ правѣ сказать, что я *изучалъ* Ново-Греческихъ стихотворцевъ; это слово „изучалъ“ слишкомъ серьезно, чтобы его можно было употребить говоря о моемъ отрывочномъ знакомствѣ съ этими стихотворцами по тамъ и сямъ попадавшимся мнѣ сборникамъ; на истинно *хорошее* знаніе современнаго Эллинскаго языка я также не претендую; думаю только, что я „понимаю“, надѣюсь, что я „схватываю“ духъ этой Ново-Греческой поэзіи и могу судить о сравнительныхъ достоинствахъ того или другаго изъ ея произведеній. Къ тому же, большинство Русскихъ вовсе съ ней незнакомо, и потому я не нашелъ нужнымъ черезъ излишнюю, „ученую“ такъ сказать, къ себѣ строгость отказываться отъ передачи впечатлѣній, которыя я вынесъ и отъ сообщенія выводовъ, къ которымъ я пришелъ послѣ десяти лѣтъ жизни среди христіанъ Турціи и свободной Эллады. Очеркъ мой былъ уже оконченъ, когда въ 1874 году я пріобрѣлъ еще новый въ то время сборникъ стихотвореній, изданный за годъ до этого въ Аѳинахъ, подъ заглавіемъ:—*Новый Парнассъ; различные лирическіе образцы современной поэзіи.*

Сборникъ этотъ подтвердилъ мои надежды на скорый поворотъ Ново-Греческой музы къ тому, болѣе „реальному“ романтизму, въ который вступила наша русская поэзія со временъ Пушкина. Я романтизмомъ *реальнымъ* называю такой романтизмъ, который переживается хоть сколько-нибудь въ дѣйствительной жизни самимъ авторомъ. Поэтъ въ періодѣ реальнаго романтизма выучивается лучше своихъ предшественни-

ковъ находить въ самой жизни хотя бы и преходящее, но все-таки вполнѣ достаточное удовлетвореніе своимъ эстетическимъ идеаламъ; выучивается дѣлать то, что повелѣваетъ Господь дѣлать Ангеламъ, въ прологѣ Фауста:

Doch ihr, die ächten Göttersöhne,
Erfreut euch der lebendig reichen Schöne!
Das Werdende, das ewig wirkt und lebt,
Umfass'euch mit der Liebe holden Schranken,
Und was in Schwankender Erscheinung Schwebt,
Befestiget mit dauernden Gedanken!

(Вы-жь, дѣти Божьяго избранья,
Любуйтесь красотой созданья!..
Все, что въ быванья движетъ и живитъ,
Пусть гранію объемлетъ васъ любовной,
И что въ явленьи призракомъ паритъ—
Скрѣпляйте мыслью безусловной!
Перев. Фета).

Это возрастающее умѣнье поэтически понимать дѣйствительность выражается между прочимъ тѣмъ, что поэтъ находитъ болѣе противъ прежняго *личные*, самобытные, *наглядные* оттѣнки, слова и обороты, соотвѣтствующіе вполнѣ и порывамъ его собственной фантазіи, требованіямъ его собственнаго вкуса и чувствамъ читателя.

Кромѣ этого, собственно личнаго оттѣнка, въ періодъ возрастанія романтизма, поэты своимъ сердечнымъ чувствамъ выучиваются, быть можетъ и невольно иногда, придавать черты *мѣстныя*, *національныя* и *современныя* и, наконецъ, изображая жизнь чужую, иноземную или временъ прошедшихъ, изображаютъ эту жизнь *по своему*, кладутъ на нее *свою* печать; печать личную, національную и печать *своей* эпохи.

Съ поэтами же, не дожившими до времени этого, *болѣе реальнаго* романтизма, о которомъ я здѣсь говорю, случается тоже самое, что бываетъ съ начинающими, или очень молодыми поэтами; про этихъ стихотворцевъ *ранней эпохи* и *молодаго возраста* можно одинаково сказать именно то, что сказалъ Вальтеръ-Скоттъ про юношескія произведенія Байрона „Часы досуга“:—„Подобно всѣмъ первымъ стихотвореніямъ очень молодыхъ людей, они („Часы досуга“) *были написаны скорѣе подъ вліяніемъ того, что автору понравилось у другихъ, чѣмъ вслѣдствіе собственнаго личнаго вдохновенія*“. Слишкомъ *общее* что-то... даже и тогда, когда оно довольно хорошо исполнено и несомнѣнно прочувствовано, прожито *общими* психическими движеніями.

Для примѣра намъ стоитъ вспомнить какое-нибудь изъ первоначальныхъ стихотвореній Жуковскаго, по формѣ уже столь прекрасныхъ, и сравнить ихъ со зрѣлыми лирическими произведеніями Пушкина, того же Жу-

ковскаго, послѣ вліянія Пушкина и, наконецъ, со стихами Тютчева, Фета, Ал. Толстаго, Майкова и Полонскаго.

Все становится и болѣе *лично*, и болѣе *наглядно*, и болѣе *національно*, болѣе *мѣстно*, пріобрѣтая въ тоже время и *болѣе всеобщее*, болѣе *міровое значеніе*, именно вслѣдствіе своей оригинальности и личной интензивности.

Мнѣ кажется, что Греческая поэзія въ 60-хъ и 70-хъ годахъ уже вступила въ тотъ *наилучшій* періодъ романтическаго творчества, который наша русская поэзія переживала въ годахъ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ. У насъ въ 60-хъ годахъ поэзія начала падать; новыхъ, заслуживающихъ серьезнаго вниманія поэтовъ не явилось за это время вовсе, ибо хотя графъ Алексѣй Толстой именно въ этихъ годахъ обнародовалъ лучшія свои произведенія, но самъ онъ по возрасту своему, по роду развитія, по духу принадлежитъ къ поколѣніямъ прежнимъ.

Теперь, за *пятнадцать всего лѣтъ до окончанія* XIX вѣка, у насъ пробудилось какъ бы *эстетическое раскаяніе*; мы разочаровались въ надеждахъ нашихъ на „новыхъ" людей, которые дадутъ міру или по крайней мѣрѣ Россіи нѣчто *вовсе ужъ особенное*, нѣчто не бывалое и не слыханное на всѣхъ поприщахъ.

У насъ—раскаяніе и возвратъ къ идеаламъ прошлаго;—у Грековъ, *вѣроятно*, теперь наибольшій разцвѣтъ изящнаго вкуса и романтизма. Я говорю *вѣроятно* потому, что я уже десять лѣтъ тому назадъ оставилъ тѣ страны и никакихъ положительныхъ свѣдѣній о нихъ не имѣю. *Но нѣтъ причины предполагать противоположное*; для развитія поэзіи, между прочимъ, благопріятны не безпрестанныя войны и междоусобія, и не слишкомъ долгій міръ, а *роздыхи послѣ сильныхъ политическихъ и боевыхъ потрясеній*. Героическая борьба за свободу Критянъ; глубокое національное потрясеніе во дни церковнаго разрыва съ Болгарами, и великія событія послѣдней Восточной войны, въ которой Греки участія не принимали, но которая не могла не оставить въ сердцахъ ихъ сильныхъ и весьма разнообразныхъ слѣдовъ, всего этого было достаточно—для того, чтобы *ближнія по времени* воспоминанія націи не были мелки, сухи и прозаичны и чтобы въ душахъ людей этой націи еще долго звучали напряженныя струны героизма и мечтательности.

Прибавлю еще и то, что черезъ воспитаніе Романо-Германскаго романтизма въ наше время—необходимо пройти даже и для того, чтобы отыскать въ себѣ самыя сильнѣйшія выраженія національнымъ залогамъ. А Греческіе поэты какъ видно изъ этого, теперь уже стараго, пожалуй, сборника „Новый Парнасъ" все лучше и лучше, все глубже и глубже начинаютъ понимать *старую* Европу, Европу *феодальную, романтическую*, которую ихъ отцы и дѣды такъ не любили и такъ не ясно понимали. Отцы и дѣды нынѣшнихъ Эллиновъ, не умѣли ясно

отличить Европы — старой, цвѣтущей, столь блистательной и столь глубокой, отъ Европы новой, мѣщанской и пошло-ученой... Большинству грамотныхъ единовѣрцевъ нашихъ, нравилось и нравится, вѣроятно, и теперь на Западѣ, именно то, что въ немъ хуже — демократическое равенство, конституціонная свобода, чрезмѣрная книжностть и многожурнальность, капитализмъ, болѣзненное развитіе торговли и промышленности, машины и т. п.".

Именно то—что на этомъ Западѣ все болѣе и болѣе стремится убить всякую поэзію жизни.

Въ стихотвореніяхъ: *Венеція* (Ахиллеса Парасхо); *Ламартину* (Александра Византіоса); *Одна зима въ Германіи*, (Ангела Влахо); *Версаль* (Неоклиса Казàзи, пер. изъ Андрея Шенье); *На могилѣ Лавальеръ* (Харалампія Аннúно). *Когда-то* (Клеона-Рангави) и др. я нахожу, наконецъ, признаки пониманія болѣе поэтическаго и болѣе полезнаго, чѣмъ пониманіе мелочной книжности, демократіи и машинъ.

Іонійскій матросъ (стихотвореніе Герасима Маврояни) можетъ служить образцомъ реальнаго романтизма съ мѣстными національными красками.

У насъ, у Русскихъ, говорю я, теперь эстетическое раскаяніе и обращеніе къ идеаламъ еще недавняго прошлаго; у новыхъ Эллиновъ первые и весьма удачные шаги на пути романтической зрѣлости... Теченія различныя по исходной точкѣ, сходныя по духу.

Итакъ, и съ этой точки зрѣнія, т.-е. со стороны надеждъ на романтическое возрожденіе, сближеніе Русскихъ съ Греками на Босфорѣ и на берегахъ Эгейскаго моря могло бы быть плодотворно.

Говоря „сближеніе" я совсѣмъ не имѣю въ виду непремѣнно одно *политическое* согласіе или одну національную дружбу. О, нѣтъ! Это было бы слишкомъ наивно и поверхностно.

Дѣло вовсе не въ вѣчномъ согласіи и не въ постоянной дружбѣ; дѣло въ *электризующемъ соприкосновеніи разнообразныхъ психическихъ элементовъ двухъ наиболѣе оригинальныхъ и сильныхъ духомъ націй Православнаго Востока, двухъ націй Церковно-связанныхъ неразрывно, національно - почти враждебныхъ въ иныя минуты ихъ исторической жизни.*

Гармонія—или прекрасное и высокое въ самой жизни—не есть плодъ вѣчно-мирной солидарности, а есть лишь *образъ или отраженіе* сложнаго и поэтическаго процесса жизни, въ которой есть мѣсто всему: и антагонизму и солидарности. Надо, чтобъ составныя начала цѣльнаго историческаго явленія, были изящны и могучи—тогда будетъ и то, что называется высшей гармоніей. Дорогъ не вѣчный миръ на землѣ, а искреннее примиреніе послѣ страстной борьбы и глубокій отдыхъ въ мужественномъ ожиданіи новыхъ препятствій и новыхъ опасностей, закаляющихъ духъ нашъ!

235

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ѲРАКІИ.

(Русск. Вѣст. 1879 г.)

237

ОДНА ГЛАВА (V-я) ИЗЪ СТАТЬИ

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ѲРАКІИ.

Примѣчаніе 1885 года.

Я выдѣлилъ почти всю пятую главу изъ этихъ консульскихъ „Воспоминаній“ моихъ потому, что мнѣ показалось, будто я никогда въ другихъ моихъ статьяхъ такъ отчетливо не опредѣлилъ разницу въ отношеніяхъ русской политики къ Болгарамъ и Грекамъ.

Я думаю, что это краткое опредѣленіе можетъ дополнить все предъидущее, состоящее изъ общихъ взглядовъ, и послужитъ какъ бы предисловіемъ къ остальнымъ мелкимъ статьямъ, въ которыхъ идетъ дѣло о разныхъ частностяхъ и новыхъ случаяхъ въ развитіи тѣхъ же вопросовъ Восточнаго и Церковнаго Греко-Славянскаго.

Авт.

Ѳракія и южная Македонія — двѣ области Европейской Турціи, наиболѣе *Босфору и Царьграду сосѣднія*, чрезвычайно важны для насъ. Онѣ важны не только сосѣдствомъ этимъ, но еще и тѣмъ, что обѣ страны эти *смѣшанныя*; онѣ не чисто болгарскія, какъ Дунайская Болгарія и какъ сѣверная Македонія, и не чисто греческія, какъ Критъ или Эпиро-Ѳессалійскіе округи. Каждая по своему, эти двѣ націи, Греческая и Болгарская, чрезвычайно важны для насъ. По многимъ причинамъ, какъ историческимъ, такъ и географическимъ, Болгары и Греки важнѣе для насъ Сербскаго племени. Я перечислю здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ причинъ.

Болгары были до послѣдняго времени самое отсталое, сиротствующее, такъ сказать, племя изъ всѣхъ христіанскихъ народовъ, подвластныхъ Турціи; они были *всѣ вмѣстѣ* подъ властію султана: начиная отъ границъ Сербіи, отъ окрестностей Солуня и Св. Аѳонской горы, отъ нижняго Дуная и до послѣднихъ болгарскихъ селъ у воротъ самаго Царьграда. Изъ среды Болгарскаго народа не выдѣлился еще тогда никакой свободный центръ національно-государственнаго притяженія, какъ вы-

дѣлились Аѳины со свободною Элладой изъ среды четырехъ, пяти милліоновъ Грековъ, какъ выдѣлилась Сербія съ Бѣлградомъ и Черногорія изъ сербскихъ провинцій, подвластныхъ Туркамъ. Для самихъ Болгаръ это, казалось, было хуже; но для общей славянской политики на Востокѣ, для общихъ интересовъ славянства, естественнымъ вождемъ котораго должна была, рано или поздно, явиться Россія, была въ этомъ обстоятельствѣ и нѣкоторая выгода. Эти самобытные, европеизованные центры, подобные Аѳинамъ и Бѣлграду, гораздо легче поддавались всѣмъ *западнымъ вѣяніямъ* и могли нерѣдко (какъ мы видѣли это въ послѣднихъ событіяхъ) уклоняться отъ столь естественнаго и для Сербовъ, и для Эллиновъ согласія и союза съ Россіей. Во время трехлѣтней борьбы на островѣ Критѣ, когда всѣ почти греческія партіи были за Россію и когда Россія *могла свободно* обнаружить свое сочувствіе Грекамъ въ предѣлахъ чистаго *грецизма*, со славянскимъ элементомъ на этомъ прекрасномъ островѣ не смѣшаннаго, въ это время пламенныхъ греко-русскихъ сочувствій, Сербы обманывали и Грековъ, и Русскихъ. Обѣщая союзъ съ Греціей, угрожая Турціи войною въ соединеніи даже съ грозною Черногоріей, Сербское правительство подъ рукою вело въ то же время переговоры объ очищеніи крѣпостей, находившихся еще въ то время въ рукахъ Турокъ, на территоріи Сербскаго княжества. Разумѣется, и Англія, и Франція, и Австрія всѣ были тогда за одно въ содѣйствіи Сербіи на поприщѣ этой двойной дипломатической игры. Турки очистили крѣпости и геройское населеніе Крита сложило оружіе на обагренную кровью своей родную землю!...

Что, въ свою очередь, дѣлало Аѳинское правительство, какъ оно долго сдерживало естественныя стремленія греческихъ населеній Крита, Ѳессаліи, Эпира и Македоніи, какъ оно интриговало противъ Славянъ и Россіи, — это извѣстно всѣмъ.

Надо, впрочемъ, помнить при этомъ одно; что не Греки только, но и Юго-Славяне точно также „льстивы до сего дня"; помнить это надо не для того, чтобъ отказываться отъ нихъ, избави Боже!—да это и невозможно,—а въ видахъ собственнаго, весьма темнаго, можетъ быть, будущаго, чтобы знать истину, чтобы знать хорошо тѣ условія, при которыхъ мы должны постоянно и неотвратимо дѣйствовать на ту среду, на которую намъ приходится вліять.

Итакъ, я сказалъ, что политическая беззащитность Болгаръ, ихъ сплошная зависимость отъ Турокъ, ихъ отсталость во всѣхъ почти отношеніяхъ, ихъ географическое къ намъ и по Черному морю, и по нижнему Дунаю сосѣдство, отсутствіе собственной независимой, или хотя бы вассальной *) столицы, отсутствіе собственныхъ высшихъ школъ и сравнительная малочисленность школъ народныхъ,— все это дѣлало

*) Писано въ 78—79 гг. и о прошлыхъ обстоятельствахъ. *Авт.* 1885 г.

болгарскую народность (превосходящую притомъ же не только Сербовъ, но и Грековъ численностью) въ высшей степени важнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ весьма доступнымъ для насъ элементомъ. Болгары были ближе къ намъ всѣхъ другихъ православныхъ племенъ Востока, потому что они были политически неопредѣленнѣе въ то время, потому что враждебнымъ намъ силамъ не за что, такъ сказать, было у нихъ ухватиться. Не было правительства, хотя бы вассальнаго; не было Ристичей, Трикупи, Николичей, Деліяни, облеченныхъ правомъ писать ноты, заключать союзы, объявлять войну и вообще „trancher du potentat“ даже съ единовѣрною и всѣхъ ихъ вскормившею своею кровью Россіей.

Русская политика могла бы въ Болгаріи прямо перешагнуть отъ раздачи богослужебныхъ книгъ и церковныхъ облаченій, отъ воспитанія юношей-Болгаръ въ русскихъ училищахъ, отъ пособій народнымъ школамъ, отъ хлопотъ по образованію независимой болгарской церкви къ какой-нибудь весьма реальной, *юридически опредѣленной связи* съ Болгарскимъ княжествомъ или царствомъ. Сдѣлать его, напримѣръ, вассальнымъ, поставить его въ нѣкоторую зависимость отъ своей короны для общей пользы, или придумать иную форму единенія, которая послужила бы краеугольнымъ камнемъ и образцомъ для будущаго восточно-православнаго союза, котораго никакія усилія западныхъ враговъ нашихъ не отвратятъ, если только мы сами не погубимъ какою-нибудь неумѣстною въ политикѣ „честностью“ и нашей собственной, и всеславянской, и всехристіанской будущности!... Ни всеславянскій союзъ съ Россіей во главѣ, въ который вошли бы исключительно одни Славяне, ни болѣе естественный и болѣе сильный великій восточный союзъ, частями котораго стали бы volens-nolens и Румыны, и Греки, и Армяне, вслѣдствіе племенной и политической черезполосности Востока, ни та, *ни другая конфедерація немыслима безъ союзной столицы въ Царьградѣ.* Это понимать обязанъ всякій Русскій; это знаютъ государственные люди Запада и оттого-то они противуполагаютъ, насколько могутъ, свое veto каждому естественному движенію нашему на юго-востокъ. „Завѣщаніе Петра можетъ быть и ложно, сказалъ мнѣ однажды одинъ европеецъ; но сочинитель его былъ великій пророкъ“. „Если такъ, отвѣчалъ я, то Западъ ничего не сдѣлаетъ и славянство выждетъ свою минуту“. „Западъ до конца долженъ исполнять свой долгъ и свое назначеніе“, возразилъ мой собесѣдникъ.

Этотъ врагъ другими словами повторялъ то же, что̀ сказалъ другъ Россіи, Э. С., своею притчей о черепахѣ *).

*) Помню, почти въ первые дни моего водворенія въ Адріанополѣ, въ 64-мъ году, я, сдѣлалъ одну грубую формальную ошибку. Одинъ русскій подданный подалъ мнѣ прошеніе на греческаго подданнаго. Я воспользовался *читаннымъ* мною въ разныхъ *Guides Consulaires* и т. п. и сказалъ драгоману нашему Э. С.

Но если это такъ, если при самомъ искреннемъ, напримѣръ, удаленіи русскихъ правительственныхъ лицъ того или другаго періода отъ мысли завладѣть Босфоромъ,—судьба Россіи, ея роковой ростъ, которому невозможно положить предѣловъ до тѣхъ поръ, пока она не исполнитъ своего назначенія, ея религіозныя преданія, ея коммерческіе интересы, то-есть и самыя идеальныя, и самыя, такъ сказать, грубыя ея побужденія влекутъ эту сѣверную націю къ *неизбѣжному завладѣнію* Босфоромъ, то кто же *какъ не Болгары* являлись до сихъ поръ самыми

— Что же, надо намъ смѣшанную судебную коммиссію назначить?

Лукавый Э. С. нѣсколько времени молча смотрѣлъ на меня и потомъ, радостно улыбаясь, сказалъ: „какъ прикажете!..“

— Чему же вы улыбаетесь такъ выразительно? спросилъ я, немного смущаясь въ сердцѣ.

Объяснивъ, что надо препроводить бумагу истца въ консульство отвѣтчика и что не мнѣ въ этомъ случаѣ, а греческому консулу надо рѣшать, Э. С. прибавилъ:

— Это еще разъ мнѣ доказываетъ, какъ я правъ, когда, глядя на русскихъ консуловъ, думаю, что Россія посылаетъ ихъ вовсе не для такихъ пустяковъ, какъ всѣ эти тяжбы нашихъ лавочниковъ и судебныя коммиссіи. Я не видалъ еще ни одного Русскаго, который бы пріѣхалъ сюда, уже знакомый съ торговыми и тяжебными дѣлами Востока; но за то ни Англичане, ни Французы, ни Австрійцы не могутъ сравниться съ русскими чиновниками въ серьезныхъ вопросахъ высшей политики... Выучиться этимъ мелочамъ недолго и ошибиться въ нихъ не бѣда. Но надо, чтобы слава *нашего* флага гремѣла, вотъ цѣль... И она гремитъ. У насъ старые люди сравниваютъ Россію съ черепахой. Черепаха хочетъ напиться въ ручьѣ и идетъ къ нему тихо. Вдругъ слышитъ—топочутъ лошади, кричатъ люди у ручья... Она сейчасъ и голову и ноги спрятала; она уже не хочетъ пить. Утихъ шумъ, черепаха опять приближается... И она все-таки выберетъ часъ свой и дойдетъ до ручья. — Ручей — это, понимаете, *Босфоръ*. А шумятъ Европейцы. Вотъ что нужно... и Россія такихъ консуловъ посылаетъ, какіе для этого нужны, а не для пустяковъ.

— Не знаю, отвѣчалъ я, въ народѣ нашемъ есть какія-то смутныя чувства чего-то подобнаго; но могу васъ увѣрить, что правительство наше не заявляетъ такихъ видовъ на Константинополь.

— Конечно, возразилъ Э. С., вы обязаны такъ говорить. Это дипломатія, потому что у *ручья все еще* шумитъ Европа.

— Нѣтъ, право, продолжалъ я, говорю вамъ искренно. Мнѣ-то самому, признаюсь вамъ, очень нравится ваша басня о *черепахѣ* этой. Только я совершенную правду говорю вамъ, что правительство наше кажется объ этомъ не думаетъ. По крайней мѣрѣ, я не слыхалъ.

— И это дипломатія хорошая, что вы такъ просто и такъ искренно говорите... сказалъ упрямый Э. С., *И черепаха дойдетъ до ручья непремѣнно*!...

Я засмѣялся и больше не спорилъ... На Востокѣ невозможно ни друзей, ни враговъ нашихъ разубѣдить въ томъ, что главная цѣль всей политики нашей *есть завладѣніе Царьградомъ*. Надо помнить это; надо помнить, что какъ бы мы ни были безкорыстны, никто нашему безкорыстію не повѣритъ и всѣ будутъ дѣйствовать противъ насъ какъ будто бы наши только подозрѣваемые замыслы доказаны были какъ несомнѣнный фактъ. О мудрости и дальновидности нашей политики составилось вездѣ такое выгодное понятіе *по примѣрамъ прежняго*, что никто и не можетъ вѣрить будто бы мы въ самомъ дѣлѣ наивны, будто бы мы слишкомъ ужь простодушно дорожимъ общественнымъ мнѣніемъ Запада и т. п... (Изъ той же статьи *Русскаго Вѣстника*).

естественными союзниками Россіи въ этомъ предначертанномъ исторіей теченіи?

Болгары единовѣрные (я не говорю одноплеменные, ибо и Полякъ одноплемененъ намъ), Болгары юридически необособленные, какъ обособлены Греки, Румыны и Сербы княжества, конституціями и вздорными министерскими кризисами, еще не избалованные Болгары, разселенные сплошь отъ *нашихъ границъ (то-есть отъ Нижняго Дуная) до самыхъ воротъ Царьграда*, отсталые, но съ проснувшимся уже сознаніемъ своихъ національныхъ и гражданскихъ правъ, эти Болгары поставлены были самою исторіей въ положеніе аванпостовъ славянства *на завѣтномъ пути его развитія!*..

Итакъ, вотъ огромное значеніе Болгаръ для Россіи и для всего славянства... Болгары и тогда, когда я пріѣхалъ во Ѳракію, казались въ Турціи самою удобною почвой для нашего дѣйствія; они были самыми подручными союзниками нашими въ дѣлѣ нашего призванія.

Но если такъ, если всѣ условія политическія, религіозныя и географическія (*особенно*—географическія) соединились, чтобы сдѣлать Болгаръ наиболѣе намъ родственными и доступными, то Греки, въ значительномъ количествѣ разселенные, не только по ближайшимъ къ морю и къ Царьграду городамъ Ѳракіи, но и по селамъ въ южной части этой области, Греки, надменные своимъ прошедшимъ, претендующіе издавна сами завладѣть Босфоромъ и дѣйствительно имѣющіе на то болѣе всѣхъ не-славянскихъ и болѣе всѣхъ западныхъ націй право, Греки должны быть самыми опасными соперниками нашими, самыми явными и непримиримыми намъ врагами...

Да, отчасти такъ; отчасти совсѣмъ не такъ. Исторія греко-русскихъ отношеній сложилась совсѣмъ иначе, и долгое время православные *(по преимуществу*, такъ сказать, *православные)* Греки были самыми пламенными, самыми полезными нашими союзниками въ нашей политикѣ на Востокѣ.

Признаюсь, мнѣ было бы скучно и обременительно говорить въ этихъ запискахъ подробно о такой исторической азбукѣ!.. Мнѣ хотѣлось бы поскорѣе перейти къ настоящей моей задачѣ, къ изображенію той эпохи, въ которую я пріѣхалъ во Ѳракію *); но, къ изумленію моему, я въ самой образованной части нашей публики замѣчалъ изъ разговоровъ и газетныхъ статей такое поверхностное и легкомысленное пониманіе восточныхъ дѣлъ, что нельзя не остановиться здѣсь и не сказать и о Грекахъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько я сказалъ о Болгарахъ. Изъ уваженія къ читателямъ моимъ (и отчасти, можетъ быть, изъ потворства собственной моей лѣни), я постараюсь быть краткимъ настолько, чтобы не вредить ясности въ изложеніи этого важнаго вопроса.

*) *То-есть*—20 лѣтъ тому назадъ: въ 64-мъ году. *Авт.*

Принципъ, во имя котораго мы всегда вмѣшивались въ дѣла Востока, былъ *не племенной*, а *вѣроисповѣдный*.

Православіе, единовѣрчество наше съ христіанскимъ населеніемъ Турціи, давало издавна дѣйствіямъ нашимъ въ этой странѣ такую твердую точку опоры, которой не имѣла ни одна держава иновѣрнаго Запада. Всѣ другія державы дѣйствуютъ на Востокѣ почти исключительно однимъ внѣшнимъ, механическимъ, такъ сказать, давленіемъ, своею военною или коммерческою силой, различною въ своей степени, смотря по націи, которая ее олицетворяетъ; только одна Россія поставлена вѣроисповѣднымъ началомъ совсѣмъ въ иныя условія: она связана *преданіями*, *вѣрой* своего народа съ религіозною сущностью тѣхъ небольшихъ христіанскихъ націй, которыя входятъ въ составъ уже съ прошлаго вѣка разстроенной и разрушающейся Оттоманской имперіи. Только для русской политики на Востокѣ возможно было до послѣдняго времени счастливое сочетаніе преданій съ надеждами, религіознаго охраненія съ движеніемъ впередъ, національности съ вѣрой, святыни древности съ возбуждающими вѣяніями современной подвижности. Русскіе консулы послѣ крымской *неудачи* стали во многихъ отношеніяхъ и во многихъ областяхъ Турціи *сильнѣе прежняго* (это будетъ видно дальше изъ разсказовъ моихъ). Тамъ, гдѣ этого не было, виноваты были *лица*, ихъ бездарность, ихъ равнодушіе, ихъ, просто говоря, глупость, а не настроеніе населеній и не тѣ нравственныя силы, которыми русскій чиновникъ могъ бы располагать. Послѣ Седана французскіе чиновники, дотолѣ столь грозные, шумные, *драчливые* даже больше всѣхъ другихъ консуловъ*), стали вдругъ едва замѣтны; какъ только уменьшилась вѣра въ военное могущество Франціи, такъ и политическое значеніе ея пало до-нельзя. Русскіе (разумѣется, тѣ изъ нихъ, повторяю, которыхъ позволительно было держать на коронной службѣ) и послѣ неудачъ оставались вліятельны, благодаря органической связи единовѣрія.

Итакъ, если православіе гораздо больше чѣмъ *племя* придавало всегда столько жизни восточной политикѣ нашей, то не важнѣе ли всѣхъ христіанскихъ націй, самой ли Турціи или вассальныхъ и сосѣднихъ ей странъ, именно та нація, *въ которой православныя краски гуще, чѣмъ у всѣхъ другихъ?* Не въ томъ ли народѣ надо преимущественно намъ искать всякаго рода опоры, въ которомъ глубже накопленіе православныхъ силъ, этихъ реальныхъ и вовсе не мечтательныхъ силъ до сихъ поръ еще и у насъ столь могучихъ? Не съ тою ли изъ христіанскихъ націй Востока намъ слѣдовало по преимуществу дружить и сблизиться, въ которой наши собственныя священныя преданія крѣпче и ярче выражены, чѣмъ въ другихъ?

*) См. г. Бреше въ моемъ *Одиссеѣ Полихроніадесѣ*. Это вѣрное изображеніе французскаго консула времени Наполеона III. *Авт.*

Если Болгары, какъ говорилъ я выше, были важнѣе для насъ и Румыновъ, и Сербовъ, и Грековъ, вслѣдствіе своей политической и культурной бѣдности и большей доступности, то Греки, съ другой стороны, были не менѣе важны для насъ по совершенно противуположной причинѣ,—по причинѣ наибольшей выразительности у нихъ всѣхъ тѣхъ силъ, которыя у Болгаръ сравнительно слабы. Греки насъ окрестили. Конечно, это было очень давно, но стоитъ только вспомнить простую вещь, стоитъ вспомнить, что въ рукахъ Грековъ святыни Іерусалима, гдѣ *говорятъ сами камни*, Аѳонская гора, гдѣ и *въ наше время* можно очень скоро и съ удовольствіемъ забыть, что живешь въ такъ называемой Европѣ и въ такъ называемомъ XIX вѣкѣ; надо вспомнить, что въ рукахъ Грековъ суровыя пустыни Синая и *четыре патріаршіе престола;* надо вспомнить, что лучшія преданія нашихъ монашескихъ обителей по преимуществу перешли оттуда; надо вспомнить, что народъ нашъ только *вчера узналъ*, что есть на свѣтѣ Сербы и Болгары, и что если шли иные изъ простолюдиновъ сражаться въ Сербію и Болгарію *для спасенія души*, то это лишь потому, что эти Сербы и Болгары были *православные*, что въ умѣ народа мысль объ этихъ православныхъ людяхъ дальняго Востока, гнетомыхъ и избиваемыхъ иновѣрцами тѣсно связана съ чтеніемъ и разсказами объ этихъ *самыхъ святыхъ мѣстахъ*, объ Аѳонѣ, Іерусалимѣ и Синаѣ, которые всѣ греческаго духа и въ греческихъ рукахъ... Самъ Царьградъ, этотъ нынѣ турецкій, торговый полуевропейскій Константинополь, въ глазахъ нашего народа есть Царьградъ священный, Царьградъ Св. Равноапостольнаго Царя Константина, городъ Св. Софіи, городъ Вселенскихъ Соборовъ, святое тоже мѣсто, лишь временно оскверненное Агарянами... Да и не только простой народъ, я прямо скажу, чѣмъ тѣснѣе въ мыслящемъ Русскомъ человѣкѣ уживается общая образованность нашего времени съ православною вѣрой, чѣмъ искреннѣе „живетъ онъ сердцемъ и душой своею въ церкви и съ церковью“, тѣмъ живѣе, глубже, неизмѣннѣе убѣждается въ слѣдующихъ, конечно, не новыхъ, но къ несчастію недостаточно повторяемыхъ правилахъ: 1) Что никто еще до сихъ поръ не видалъ *долговѣчныхъ* государствъ, построенныхъ не на мистическомъ основаніи, а на однихъ экономическихъ или юридическихъ условіяхъ. Когда такое государство, какъ Соединенные Штаты, довольно близко подходящее къ этому послѣднему идеалу, проживетъ, не разлагаясь и не измѣняя вовсе форму своего правленія, хоть пять вѣковъ, тогда его можно будетъ ставить въ примѣръ; а пока этой республикѣ еще едва сто лѣтъ, она въ примѣръ не годится. 2) И еслибы новыя какія-нибудь государства будущаго и оказались способными вовсе отдѣлять „profanum“ отъ „sacrum“ *), то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такимъ старымъ государ-

*) *На долго ли?*

ствамъ, какова, напримѣръ, тысячелѣтняя (или хотя восьмисотлѣтняя, если считать съ крещенія Владиміра) Россія, подобные опыты надъ собою не были губительны. Франція въ концѣ прошлаго вѣка казнила священниковъ, закрывала монастыри и храмы, объявляла культъ разума, а потомъ принуждена была не разъ опять обращать взоры свои къ Риму и, очень можетъ быть, была бы еще въ несравненно худшемъ положеніи, еслибы католическія чувства и католическая политика въ ней совершенно были бы забыты и безсильны. На клерикаловъ всѣ почти нападаютъ, но никто еще Франціи безъ клерикаловъ не видалъ. *Была ли бы она безъ нихъ хоть десять лѣтъ возможна*? Не разрушилась ли бы она немедленно? Это вопросъ; *для меня*, *даже и не вопросъ*... 3) Если православіе, эта могучая реальная сила русской жизни, это знамя, подъ которымъ мы одержали столько побѣдъ и покорили столько враговъ, до сихъ поръ у насъ дѣйствительно, если это православіе намъ необходимо, то надо же помнить, что политика, основанная на вѣроисповѣдномъ началѣ, невозможна *безъ сердечныхъ мистическихъ вѣрованій*, *которыми какъ орудіемъ эта механика политическая должна пользоваться*. Надо помнить даже, что чѣмъ искреннѣе мистицизмъ многихъ и многихъ отдѣльныхъ лицъ, тѣмъ удачнѣе и удобнѣе самая мудрая, спокойная, даже если хотите, самая лукавая политика цѣлаго. Безъ искренности католицизма, напримѣръ, большинства Французовъ XVII вѣка невозможна была бы глубокая, великая и очень хитрая политика Ришелье. *Извѣстная степень лукавства въ политикѣ*, замѣчу, *есть обязанность*; ибо политика есть дѣло механическое; это есть ничто иное какъ естественная взаимная пондерація общественно-государственныхъ силъ... Старомосковскіе князья и бояре наши были всѣ очень искренные православные люди и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень лукавые и очень искусные политики... 4) Если это мистическое, сердечное православіе, къ политикѣ само по себѣ въ своей искренности равнодушное *), но именно вслѣдствіе этой искренности своей, для успѣшнаго веденія внѣшней политики въ тяжелое время столь необходимое, если оно для Россіи такъ важно, то не должны ли мы страшиться всего, что̀ охлаждаетъ къ нему общество и народъ, всего, что̀ нарушаетъ миръ церкви, что̀ затрудняетъ общеніе между отдѣльными національными церквами, входящими въ составъ православной семьи. Не должны ли мы дорожить невыразимо и пламенно всѣмъ тѣмъ, что усиливаетъ вліяніе духовенства на народъ? Монастыри, напримѣръ,

*) Что понимаетъ въ Восточномъ вопросѣ, напримѣръ, набожная московская купчиха? Или какое дѣло до политики *собственно* нашему іерусалимскому поклоннику? И даже образованный, благовоспитанный русскій помѣщикъ если вздумаетъ, по какому-либо сердечному томленію, посѣтить монастырь, не будетъ заботиться о международныхъ отношеніяхъ. Но именно вслѣдствіе того, что всѣ эти люди искренни въ своихъ религіозныхъ чувствахъ, искренни точно также какъ болгарскій земледѣлецъ, критскій паликаръ и аѳонскій монахъ, и вѣруютъ въ то же, во что̀ вѣруютъ эти послѣдніе, наша связь съ Греко-Славянскимъ Востокомъ такъ глубока и неразрывна.

вліяютъ на общество больше, чѣмъ самые лучшіе представители бѣлаго духовенства, не могущіе, по семейному положенію своему и *слишкомъ обыкновенному*, хотя и честному образу жизни, такъ отвлекать помыслы паствы отъ житейскихъ мелочей, какъ можетъ отвлечь одинъ хорошій духовникъ въ Оптиной пустыни или на Валаамѣ, какъ можетъ дѣйствовать одинъ аѳонскій отшельникъ, удалившійся въ пещеру!.. Сколько косвенной, незамѣтной прямо пользы дѣлаютъ Русскому народу *пять, шесть какихъ-нибудь намъ, считающимся образованными, Русскимъ, и неизвѣстныхъ, Грековъ и Болгаръ, поселившихся въ ужасныхъ разсѣлинахъ или въ пустынныхъ хижинахъ Аѳонской горы*. Объ этихъ аѳонскихъ пустынникахъ (объ отцѣ Даніилѣ-Грекѣ, объ отцѣ Василіѣ-Болгаринѣ и подобныхъ имъ) доходятъ вѣрные слухи и описанія какъ печатныя, такъ и путемъ частныхъ писемъ и разсказовъ до русскихъ монастырей; слухи и описанія эти укрѣпляютъ нашихъ монаховъ; образъ этихъ нерусскихъ святыхъ людей, которыхъ русскіе поклонники видятъ хоть на этомъ турецкомъ Востокѣ, восхищаетъ и утѣшаетъ ихъ.

Поэтому-то, когда я говорю православіе, я говорю духовенство; когда я говорю духовенство, я подразумѣваю монастыри; когда я говорю монастыри, я вспоминаю о Святыхъ Мѣстахъ; *когда я вспоминаю о Святыхъ Мѣстахъ, я невольно съ поразительною ясностью вижу, какъ важна для насъ роль греческаго духовенства, преобладающаго въ этихъ Святыхъ Мѣстахъ, владѣющаго ими*... Я не говорю объ эллинизмѣ. Самъ по себѣ, *аѳинскій* эллинизмъ не заслуживаетъ никакого особаго, выходящаго изъ ряда вниманія; эллинизмъ аѳинскій для русскихъ долженъ быть важенъ лишь настолько, насколько онъ носитель восточнаго православія. Отдѣлять эти два начала возможно не только въ умѣ, но и во многихъ случаяхъ на практикѣ; и дипломатія наша если не всегда, то очень долго и очень успѣшно умѣла прежде это дѣлать.

Вотъ что̀ я хотѣлъ сказать здѣсь и сказалъ, конечно, очень бѣгло и кратко о Грекахъ. Вотъ ихъ важность для насъ, вотъ почему Ѳракія, какъ главный и спорный пунктъ между Болгарами и Греками, то-есть между двумя христіанскими націями Турціи, одинаково для насъ нужными и дорогими, есть очень важная для насъ область. Чуть ли не самая важная, если разсматривать вопросъ съ той точки зрѣнія, съ которой я разсматривалъ его здѣсь и съ которой (не знаю какъ теперь?) разсматривало его само министерство. Оно постоянно и строго внушало намъ умѣренность и примиряющій духъ.

Конечно, когда я пріѣхалъ туда въ первый разъ, я не могъ понимать все такъ ясно, какъ понимаю теперь, но, въ общихъ чертахъ, вопросъ и тогда былъ бы понятенъ для всякаго русскаго чиновника, которому бы и не удалось, какъ мнѣ, прочесть какую-нибудь сотню или болѣе консульскихъ донесеній еще въ Петербургѣ. Я позднѣе поговорю о крайностяхъ какъ вздорной эллинской „Великой Идеи“, такъ и болгарскаго племеннаго радикализма.

247

ХРАМЪ И ЦЕРКОВЬ.

(Гражданинъ, 1878 года).

ХРАМЪ И ЦЕРКОВЬ.

I.

Многимъ русскимъ непріятно разстаться съ любимой мыслью о славномъ мирѣ, заключенномъ въ стѣнахъ *самаго* Царьграда, даже и въ томъ случаѣ, если *общія условія* европейской политики приведутъ насъ къ *соглашенію* съ Турціей. И въ этомъ случаѣ естественно ждать какой-нибудь такой комбинаціи, которая поставила бы Константинополь и оба пролива въ зависимость отъ насъ, хотя бы и косвенную, но все-таки прочную по самой силѣ обстоятельствъ.

Какъ и всегда случается въ истинно великихъ и роковыхъ историческихъ событіяхъ, живое чувство сердца и *мечты* возбужденнаго патріотизма совпадаютъ въ безсознательныхъ стремленіяхъ своихъ съ самымъ вѣрнымъ, спокойнымъ и дальновиднымъ политическимъ разсчетомъ.

Очень многимъ утѣшительно было бы читать и слышать о торжественномъ шествіи нашихъ побѣдныхъ дружинъ съ музыкой и развернутыми знаменами по пестрымъ улицамъ Стамбула, великолѣпнаго даже въ неопрятности своей.

Это нравственная потребность внѣшняго осязательнаго тріумфа — вовсе даже не *шовинизмъ*. Глупое слово шовинизмъ, выдуманное миролюбивыми либералами, приложимо развѣ только къ французскому честолюбію, искавшему лишь *славы* для *славы* безъ всякаго практическаго результата.

Россія на Востокѣ имѣетъ реальную почву дѣйствія: у Россіи есть практическое въ этихъ странахъ назначеніе, невыразимо богатое положительнымъ содержаніемъ и потому-то, вѣроятно, всѣ дѣйствительные результаты нынѣшней блистательной войны уже и теперь превзошли далеко тѣ убогіе замыслы, съ которыми мы къ ней приступали изъ смиренія, не столько христіанскаго, сколько *либерально-европейскаго*... (а это огромная разница).

И теперь... теперь... какъ страшно подумать, что нѣчто самое *существенное для насъ* ускользнетъ опять изъ нашихъ рукъ!

Самое существенное—это Царьградъ и проливы.

Мы должны понять, что это-то и есть для насъ и для прочной организаціи всего восточно-христіанскаго міра самое существенное уже изъ одного того, что *именно этотъ пунктъ считается на Западѣ затрогивающимъ обще-европейскіе интересы*... Что же изъ этого слѣдуетъ, еслибы даже и такъ? Римъ несравненно болѣе еще чѣмъ Царьградъ всемірный городъ, ибо нѣтъ ни одного почти государства на всемъ земномъ шарѣ, куда бы Ватиканъ не простиралъ своего духовнаго вліянія черезъ посредство множества людей, исповѣдывающихъ католическую вѣру. И несмотря на это, слабая Италія нашла возможнымъ сдѣлать Римъ своей столицей, тогда какъ объ обращеніи Царьграда въ центръ великорусской жизни не можетъ быть теперь и рѣчи.

Строго говоря, настоятельный вопросъ—не столько даже въ удаленіи самихъ турокъ, сколько въ непремѣнномъ уничтоженіи враждебнаго намъ и губительнаго для единовѣрцевъ нашихъ—нестерпимаго *европейскаго на турокъ давленія*.

Имѣть дѣло съ самими турками было бы намъ возможно, еслибы Турція была посамобытнѣе относительно Запада и еслибы на почвѣ ея не разыгрывались бы такъ свободно и безстыдно западные интриги и подкопы. Мы испытали это и въ кандійскихъ дѣлахъ и въ столь печальной для православнаго чувства греко-болгарской распрѣ...

Была эпоха какого-то роздыха и далеко, впрочемъ, неполнаго для насъ улучшенія,—это промежутокъ времени отъ конца Критскаго возстанія и до Герцеговинскихъ дѣлъ (отъ 1869 до 1875 года). Почему же въ это время было легче жить и христіанамъ если не по всей имперіи, то во многихъ ея областяхъ? Потому именно, что Турція находилась подъ нашимъ вліяніемъ... И что же? чѣмъ кончилось все это?—Умерщвленіемъ султана Абдулъ-Азиса, который намъ благопріятствовалъ, и болгарскими, давно уже неслыханными въ Турціи, ужасами... Кто же знакомый съ той страной сомнѣвается, что и въ томъ и въ другомъ политическомъ преступленіи участвовала рука сэра Генри Эллiота, который даже лично, повидимому, до бѣшенства завидовалъ *дѣятельности генерала Игнатьева* и его огромному вліянію на несчастнаго султана!.

Злоба личнаго безсилія въ англійскомъ послѣ совпала на этотъ разъ съ извѣстными всему міру государственными претензіями Великобританіи,—претензіями, которымъ давно пора положить конецъ.

Такъ или иначе, раньше или немного позднѣе, Царьградъ долженъ подпасть подъ наше непосредственное вліяніе... Иначе лучше было бы и не вести войны, лучше бы даже и христіанъ не пріучать возлагать на насъ неосуществимыя *никогда* надежды.

И въ русскомъ обществѣ, жаждущемъ хотя бы временнаго занятія оттоманской столицы, я сказалъ уже—вѣрный политическій инстинктъ согласуется на этотъ разъ прекрасно съ чувствомъ военной чести, съ

любовью къ святынѣ народныхъ преданій, съ законными требованіями нравственнаго, полнаго торжества.

Въ Москвѣ многіе основательно думаютъ, что во всей Европѣ есть только одинъ голосъ, долженствующій имѣть для насъ вѣсъ и внушать намъ уваженіе—это голосъ Германіи.

Остальныя мнѣнія можно брать въ разсчетъ лишь изъ одной внѣшней вѣжливости, ни къ чему не обязывающей.

И нѣтъ разумной жертвы (такъ думаютъ у насъ здѣсь многіе), которой нельзя было бы принести Германіи на безполезномъ и отвратительномъ Сѣверо-Западѣ нашемъ, лишь бы этой цѣной купить себѣ спокойное господство на Юго-Востокѣ, полномъ будущности и неистощимыхъ, какъ вещественныхъ, такъ и духовныхъ богатствъ.

Балтійское море все равно погибло для насъ. Выходъ изъ него—въ рукахъ Германіи, и ей ничего не стоитъ въ удобную минуту создать два Гибралтара на двухъ скандинавскихъ оконечностяхъ.

И чѣмъ больше мы дорожимъ долговѣчной дружбой, столь выгодной для обѣихъ сторонъ, тѣмъ серьезнѣе мы должны съ нашей стороны заблаговременно позаботиться о другомъ для насъ исходѣ, о другомъ направленіи интересовъ нашихъ, чтобы избѣгнуть всякаго повода къ столкновенію даже и въ далекомъ будущемъ.

Нельзя мѣрять государственныя дѣла только завтрашнимъ днемъ.

Вотъ почему я говорю, что народное чувство, на этотъ разъ вполнѣ, хотя и безсознательно, согласуется съ государственнымъ значеніемъ великаго вопроса о движеніи на Царьградъ.

Будемъ надѣяться, что исторія, что сама жизнь опять вынудятъ насъ сдѣлать еще одинъ шагъ,—можетъ быть самый главный.

Но гдѣ бы и какъ бы ни были подписаны условія мира, очень многіе въ Москвѣ выражаютъ желаніе *), чтобы въ числѣ требованій нашихъ отъ Порты было бы одно настоятельное, касающееся возвращенія христіанамъ если не всѣхъ, то тѣхъ изъ православныхъ храмовъ, которые обращены завоевателями въ мусульманскія мечети.

Болѣе всего имѣется при этомъ въ виду, конечно, знаменитый храмъ Св. Софіи.

Нѣтъ спора, желаніе это самое естественное и прекрасное.

Предъявить это требованіе въ числѣ стольких другихъ, несравненно для Турціи болѣе тяжкихъ и грозныхъ, нетрудно. Достичь этой цѣли легко во всѣхъ случаяхъ; даже въ томъ случаѣ, еслибы у Порты осталась до болѣе благопріятнаго времени нѣкоторая номинальная власть надъ христіанскими странами, освобожденными отъ прямаго дѣйствія турецкой администраціи.

Я говорю это легко, вотъ почему. Невозможно себѣ представить,

*) Это желаніе мы уже *неоднократно* выражали въ „Гражданинѣ“. *Ред.*

наприм. какимъ образомъ могутъ быть осуществлены тѣ глубокія реформы, которыхъ требуетъ прочное умиротвореніе Балканскаго полуострова безъ болѣе или менѣе долгаго занятія нѣкоторыхъ пунктовъ турецкой территоріи русскими войсками. Только при долгомъ присутствіи вооруженной силы можно достичь серьезныхъ результатовъ и видѣть, что реформы, долженствующія удовлетворить христіанъ, проникаютъ въ самую жизнь и не остаются одною игрой въ *европейскія* фразы и прогрессивные термины.

Конечно, при подобныхъ условіяхъ первыя по крайней мѣрѣ попытки къ архитектурному возстановленію храма Св. Софіи будутъ возможны. Возстановленіе такого великаго памятника нельзя предпринимать второпяхъ и какъ попало. Храмъ Св. Софіи—это сокровище двоякое: это святыня вѣры и это перлъ искусства. Только русскіе художники могутъ взяться за это дѣло, *не спѣша и зрѣло обдумавъ его*.

Иначе нашъ вандализмъ былъ бы гораздо хуже турецкаго. Турки замазали очень грубо иконы изъ своихъ религіозныхъ соображеній; по нерадѣнію позволили обезобразить стѣны, вырывая кусками прекрасную мозаику, покрывавшую ихъ, удалили изъ храма всѣ тѣ украшенія и всю ту утварь, которыя составляютъ необходимую принадлежность православнаго святилища; снаружи окружили зданіе грубыми минаретами и тяжелыми, некрасивыми позднѣйшими пристройками; но это все исправимо. А если мы разъ навсегда, торопясь лишь освятить храмъ, испортимъ его навсегда... Если мы попрежнему будемъ и при этомъ случаѣ обладать лишь нравственнымъ и государственнымъ мужествомъ, не обнаруживая ни на какомъ поприщѣ *умственной дерзости*, свойственной всѣмъ истинно культурнымъ, творческимъ народамъ, то не будутъ ли хоть немного правы тѣ, которые утверждаютъ, что мы—нація, умѣющая вести героическія, блистательныя войны и... пожалуй, еще управлять присоединенными странами, но что въ области разума и фантазіи мы способны только рабски подражать или Западу, или много-много своей собственной старинѣ, да и то изрѣдка и не всегда удачно.

Замѣтимъ еще, что кромѣ насъ и некому на Востокѣ взять на себя отвѣтственность за возстановленіе Св. Софіи. Исторически этотъ храмъ принадлежитъ, конечно, Грекамъ или, лучше сказать, вселенскому патріаршему престолу; *въ распоряженіи этого послѣдняго онъ и долженъ впослѣдствіи остаться*. Этого требуетъ справедливость. Но дѣло въ томъ, что въ случаѣ паденія Турціи сама патріархія вынуждена будетъ *почти исключительно опираться на насъ*.

На почвѣ православія „нѣтъ ни Эллина, ни Іудея", ни Русскаго, ни Болгарина, ни Грека и *вселенскій*, такъ сказать, храмъ Св. Софіи долженъ стать на берегахъ Босфора какъ бы внѣшнимъ символомъ всевосточнаго, православнаго единенія. Самъ Босфоръ долженъ сдѣлаться отнынѣ средоточіемъ мира, братства и единенія для всѣхъ христіанъ

Востока, подъ руководствомъ *тѣхъ изъ нихъ, которые всѣхъ ихъ сильнѣе, опытнѣе и потому справедливѣе.*

Греки бѣдны и малочисленны; они не въ силахъ будутъ издержать на реставрацію Св. Софіи тѣхъ суммъ, которыя можетъ принести въ жертву весь православный міръ въ совокупности, и особенно Россія.

Сверхъ того, они должны сознаться, что и въ европейской цивилизаціи мы (Русскіе, конечно, а не Юго-Славяне) гораздо сильнѣе ихъ и можемъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ приложить всѣ рессурсы современной техники къ древне-византійскому стилю.

Чтобы имѣть понятіе о томъ, какихъ восхитительныхъ результатовъ можетъ достигать сочетаніе старовизантійскаго стиля съ новѣйшими познаніями и средствами, стоитъ только взглянуть на великолѣпный новый корпусъ Зографскаго (болгарскаго) монастыря на Аѳонѣ, построеннаго по мысли покойнаго г-на Савостьянова.

Я не могу здѣсь описывать подробно это грандіозное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящное зданіе, изъ желтоватаго тесанаго камня, украшеннаго въ одно и то же время *европейскими* узорными чугунными балконами, въ нѣсколько этажей одинъ надъ другимъ, и какими-то восточными деревянными бельведерами, или воздушными домиками съ окнами, которые, какъ птичьи гнѣзда лѣпятся гдѣ-то на огромной высотѣ, по наружнымъ стѣнамъ поддерживаемые снизу гигантскими букетами расходящихся кверху бревенъ. Прибавлю только еще, что темныхъ и скучныхъ корридоровъ нѣтъ, но на внутренней сторонѣ, обращенной на тихій монастырскій дворъ, мощеный плитами, для сообщенія между келліями существуетъ открытая галлерея, образуемая широкими и отлогими арками изъ того же желтоватаго камня, какъ и все зданіе.

Стоитъ только видѣть эти новыя Зографскія постройки и сравнить ихъ, съ одной стороны, со старыми византійскими корпусами того же монастыря, а съ другой—съ казарменнымъ стилемъ хотя бы русской Пантелеймоновской киновіи на Аѳонѣ, чтобы убѣдиться, до какой степени онѣ лучше и тѣхъ и другихъ.

Русскій Пантелеймоновскій монастырь, справедливо славящійся строго-духовной жизнью иноковъ своихъ, въ архитектурномъ отношеніи не замѣчателенъ и даже производитъ печальное впечатлѣніе на человѣка со вкусомъ.

Онъ очень обширенъ; церкви его внутри благолѣпны; иконостасы оригинальны и очень разнообразны, но всѣ *штукатурные* корпуса его имѣютъ тотъ гладкій казарменный характеръ, который намъ, Русскимъ, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо знакомъ по столькимъ постройкамъ нашимъ *Александровскаго*, такъ сказать, стиля,—по нѣкоторымъ коронннымъ зданіямъ, изуродовавшимъ Московскій Кремль,—по Аничкину дворцу, по всѣмъ частнымъ жилищамъ этого періода. Эти *бѣлыя* штука-

туренныя казенныя церкви съ *зелеными* крышечками и куполами!... и тому подобное... Это ужасно!

Монастырь Руссикъ, отчасти отъ денежныхъ условій, отчасти отъ прилива монаховъ, привлекаемыхъ въ него высотой нравственной жизни, принужденъ былъ строиться *спѣшно*; по образцамъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, принесенныхъ въ *памяти* изъ Россіи, и къ тому же, видно не было никакого Савостьянова подъ рукой для исправленія вкуса и стиля.

Разница огромная между самымъ *новѣйшимъ* направленіемъ русскихъ построекъ,—направленіемъ, *ищущимъ своего идеала*, и ужасными наклонностями нашей *вчерашней* старины въ области архитектуры.

Но то, что у насъ уже *отходитъ*, по крайней мѣрѣ въ идеалѣ, то у восточныхъ единовѣрцевъ нашихъ еще во всемъ цвѣту, раболѣпство передъ пошлымъ бюргерскимъ и плоскимъ стилемъ современной западной жизни.

Кто былъ, напр., въ Аѳинахъ, тотъ пойметъ, что я хочу сказать, указывая на этотъ только *опрятный*, только *бѣлый*, только *новоевропейскій* городъ!

Не Грекамъ нынѣшнимъ по силамъ реставрировать Св. Софію, а развѣ-развѣ намъ, но и то осторожно.

Сочувствуя вполнѣ желанію многихъ москвичей,—видѣть храмъ Св. Софіи возстановленнымъ и освященнымъ даже и въ томъ случаѣ, если султанъ еще останется въ Царьградѣ,—я нахожу, однако, необходимымъ обратить вниманіе на нѣчто гораздо болѣе важное и драгоцѣнное, на благоустройство *невещественной Церкви*, на *умиротвореніе и утвержденіе православія на Востокѣ*.

II.

Всѣ, мнѣ кажется, должны понять, что *именно на Босфорѣ* нужнѣе всего непосредственное дѣйствіе сильной десницы и безпристрастнаго ума, стоящаго выше мѣстныхъ и мелко-патріотическихъ страстей. Русское вліяніе или русская власть въ этомъ великомъ средоточіи не должны имѣть никакой исключительной окраски *ни югославянской*, *ни греческой;* русская власть или русское вліяніе должны пріобрѣсти въ этихъ странахъ характеръ именно *вселенскій*... И въ этомъ смыслѣ цареградская патріархія должна стать для этого русскаго всепримиряющаго вліянія самой мощной и прочной нравственной опорой. *Дѣло не въ лицахъ*, *занимавшихъ* за послѣднее время этотъ великій и многозначительный по свойству самой мѣстности престолъ; *дѣло не въ національности этихъ лицъ* и не въ поведеніи ихъ; дѣло въ значеніи самаго *Престола*. Вопросъ не въ епископахъ; не въ людяхъ, жившихъ подъ вѣчнымъ „страхомъ агарянскимъ“. *Люди мѣняются;* вопросъ въ древнемъ

учрежденіи, подъ духовнымъ воздѣйствіемъ котораго сложилась и окрѣпла и наша, еще столь живучая доселѣ, *Московская Русь.*

Несчастнымъ болгарамъ, въ утѣсненіи своемъ мечтавшимъ лишь о томъ, какъ заявить міру о существованіи и человѣческихъ правахъ своей подавленной народности, было простительно и естественно видѣть въ цареградскомъ патріархѣ только *греческаго владыку.* Для великой Россіи необходимъ иной,—орлиный полетъ; для русской мощи достойнѣе самовольно смиряться передъ безоружной духовной силой православнаго учрежденія, вдохнувшаго 1,000 лѣтъ тому назадъ въ насъ христіанскую душу, чѣмъ вступать въ раздражительный и мелочной антагонизмъ съ ничтожнымъ по численности греческимъ племенемъ.—Вопросъ тутъ не въ Грекахъ или Славянахъ; это одна близорукость; это политика жалкая и безплодная; дѣло, сказалъ я, прежде въ умиротвореніи, въ укрѣпленіи вселенскаго православія.

Царьградъ есть тотъ естественный центръ, къ которому должны тяготѣть всѣ христіанскія націи, рано или поздно (а можетъ быть и теперь уже) *предназначенныя составить съ Россіей во главѣ Великій Восточно-православный Союзъ.*

Не столицей Греческаго и Болгарскаго царства долженъ стать когда бы то ни было Царьградъ, и тѣмъ болѣе не главнымъ городомъ государствъ болѣе отдаленныхъ, а столицей именно Восточнаго Союза этого; и въ этомъ (*только въ этомъ*) смыслѣ его, правда, можно будетъ назвать *вольнымъ* или *нейтральнымъ* городомъ.

Вольнымъ только для членовъ союза.

Ибо какое мы имѣемъ право и противу отчизны нашей, и противу потомства, и противу тѣхъ христіанъ, за которыхъ мы бьемся и приносимъ такія кровавыя жертвы, допустить *иныя вліянія,* такъ называемыя *европейскія* на равныхъ съ нами правахъ?

Даже при Туркахъ, которые представляли какъ-бы то ни было въ этихъ странахъ не шуточную силу,—эти чуждыя интриги посягали нерѣдко на самые священные интересы наши, — напримѣръ, на спокойствіе Церкви, ибо западная дипломатія попеременно поддерживала то Грековъ, то Болгаръ въ ихъ разнузданномъ ожесточеніи другъ противъ друга, стараясь вырвать ихъ изъ подъ нашего примиряющаго вліянія. Послѣ этихъ примѣровъ чего можно было бы ожидать, еслибы Константинополь сталъ какимъ-то безсмысленно нейтральнымъ городомъ, и все это пестрое, самолюбивое и раздражительное населеніе христіанской Турціи было бы предоставлено мелкимъ страстямъ своимъ, безъ нашего „veto“, въ одно и то же время дружескаго и отечески грознаго!...

Желать видѣть Царьградъ какимъ-то всеевропейскимъ вольнымъ и *вовсе даже и косвенно недоступнымъ для насъ городомъ* можетъ только простодушное незнаніе дѣла или преступное въ своихъ тайныхъ цѣляхъ лицемѣріе.

Восточный вопросъ будетъ конченъ, даже и въ томъ случаѣ, если Порта сохранитъ еще на этотъ разъ какую нибудь-тѣнь владычества, подобно великому Моголу въ Остъ-Индіи... Серверъ-паша правъ, говоря, что Оттоманская имперія во всякомъ случаѣ теперь погибла...

Но что съумѣемъ мы водрузить на этихъ развалинахъ, на этихъ остаткахъ почти неожиданнаго крушенія?...

Разрушить враждебную силу — мы разрушили со славой, счастіемъ и правдой.

Но что мы создадимъ? Вотъ страшный вопросъ!...

Созданіе есть прежде всего прочная дисциплина интересовъ и страстей. Либерализмъ и дальнѣйшее подражаніе Западу не могутъ создать ничего.

И какое же орудіе охранительной, зиждущей и объединяющей дисциплины мы найдемъ для дальнѣйшаго дѣйствія на Востокѣ, какъ не то же, уже издавна столь спасительное и для насъ, и для всего славянства—Вселенское Православіе?

Объ его укрѣпленіи, о новыхъ средствахъ къ его процвѣтанію мы должны прежде всего заранѣе и немедленно позаботиться.

Не возстановленіе *храмовъ вещественныхъ* важно: утвержденіе *духовной Церкви*, потрясенной послѣдними событіями.

Надо прежде всего примирить Болгаръ съ Греками.

Надо оставить на первое время часть Болгаръ подъ патріархомъ въ Южной Ѳракіи и въ Южной Македоніи, отдавши все остальное экзарху. И часть Грековъ подъ Болгарами, гдѣ придется. Надо достичь того, чтобы патріархъ снялъ съ Болгаръ проклятіе, если по уставу имѣетъ онъ право сдѣлать это безъ созванія новаго собора, если Болгары сознаются, что они поступали не канонически. И они должны сознаться и покаяться въ этомъ.

По внѣшности весь споръ въ границахъ—и болѣе ничего; Греки давали меньше; Болгары хотѣли больше. *По совѣсти*, *обѣ стороны нечисты*, ибо обѣ онѣ страдали одинаково тѣмъ *филетизмомъ*, который проклятъ Греками на бурномъ соборѣ 72 года. Обѣ стороны обращали святыню личной вѣры въ игралище національнаго честолюбія. Съ обѣихъ сторонъ епископы имѣли слабость забывать о мирѣ Церкви, подчиняясь воплямъ толпы, голосу собственной крови, коварству европейской дипломатіи и дѣйствію турецкихъ соображеній: *раздѣли и властвуй*...

Вотъ въ чемъ одинаковая вина и греческой и болгарской іерархіи.

Не будемъ, однако, судить строго и епископовъ. Они—люди; и, быть можетъ, игра всѣхъ вышеперечисленныхъ вліяній, вмѣстѣ взятыхъ, была слишкомъ сильна, чтобы можно было устоять противу нея и не согрѣшить передъ Духомъ Святымъ!

И между греческими епископами есть прекрасные люди. *Здѣсь этого будто бы не знаютъ*, а мы, жившіе на Востокѣ, знаемъ это. А то,

что у насъ любятъ твердить: „Греки льстивы до сегодня“, — такъ это и повторять стыдно, это очень *не умно*, и только!

Кто же *не льстивъ* въ политикѣ? Какая нація, какое государство? Всякій обязанъ быть въ государственныхъ дѣлахъ если не грубо-лживъ (это тоже иногда *невыгодно)*, то *мудръ яко змій*...

Государство или нація не лицо; ни государство, ни нація на политическое самоотверженіе права не имѣютъ. Нельзя строить политическія зданія ни на текучей водѣ вещественныхъ интересовъ, ни на зыбкомъ пескѣ какихъ-нибудь чувствительныхъ и глупыхъ либеральностей... Эти зданія держатся прочно лишь на *отвлеченныхъ принципахъ вѣрованій и вѣковыхъ преданій*.

Въ церковномъ же вопросѣ и Болгары и Греки были одинаково льстивы и неправы по совѣсти. Разница та, что *канонически*, формально, въ смыслѣ именно *отвлеченныхъ принциповъ преданія*, Греки были правѣе.

Нельзя же допускать *двойной іерархіи* въ смѣшанныхъ по населенію областяхъ, какъ того хотѣли во что бы то ни стало Болгары; ни *своевольно* и *насильственно отлагаться*, какъ они сдѣлали въ 72 году.

Болгары, пожалуй, потому еще были *льстивѣе* (или умнѣе) Грековъ въ этомъ дѣлѣ, что расколъ *имъ выгоденъ* для чисто-мѣстныхъ національныхъ цѣлей; они *искали раскола преднамѣренно*, искусно и упорно раздражая Грековъ, и добились того, чего искали.

А Греки, увлекшись гнѣвомъ и *надеждами на помощь Англіи*, воображали, что святѣйшій русскій синодъ сдѣлаетъ грубую ошибку и *оффиціально* заступится за Болгаръ, подвергая и себя обвиненію въ игнорированіи даже апостольскихъ правилъ. „Два епископа въ градѣ да не будутъ“ и т. д. Греки, говорю я, сдѣлали политическую ошибку; они дали посредствомъ полнаго отлученія Болгарамъ возможность простирать свободнѣе прежняго свое національное *вліяніе до послѣдняго македонскаго села. Отдѣленнымъ болгарамъ* никто изъ Грековъ явно и законно уже мѣшать не могъ. А европеизированные и прогрессивные Турки потворствовали, продолжая игру свою: „divide et impera“. Кто же *не льстивъ въ національныхъ дѣлахъ? Слѣдуетъ быть искуснымъ*. И наше *русское* счастіе въ томъ лишь, что у насъ практическій національный интересъ и вся государственная мудрость должны совпадать именно съ тѣми *отвлеченными принципами, съ тѣми священными преданіями*, о которыхъ я выше говорилъ. Итакъ, повторяю, дѣло не въ Славянахъ и не Грекахъ... Дѣло въ Церкви православной, которой духъ далъ намъ *знамя* даже и въ этой еще неоконченной борьбѣ...

Еслибы въ какомъ-нибудь Тибетѣ или Бенгаліи существовали бы православные Монголы или Индусы съ твердой и умной іерархіей во главѣ, то мы эту монгольскую или индустанскую іерархію должны предпочесть даже и цѣлому милліону Славянъ *съ либеральной интелли-*

генціей à la Гамбетта или Тьеръ, должны предпочесть для прочной дисциплины самаго славянскаго ядра!

Сила Россіи нужна для всего Славянства; крѣпость православія нужна для Россіи; для крѣпости православія необходимъ тѣсный союзъ Россіи съ Греками, обладателями святыхъ мѣстъ и четырехъ великихъ патріаршихъ престоловъ...

Тотъ, кто Славянинъ въ широкомъ, а не въ мѣстно-македонскомъ или какомъ-нибудь ѳракійскомъ смыслѣ, тотъ долженъ въ церковномъ дѣлѣ быть за Грековъ — даже и поневолѣ, если онъ уже предубѣжденъ на основаніи старыхъ какихъ-то лѣтописей.

Пусть, кто хочетъ, продолжаетъ кричать такъ скучно и поверхностно: „Фанаръ! Фанаръ! Фанаръ!“

Пусть кричатъ о горестяхъ и обидахъ, записанныхъ на старыхъ пергаментахъ!... Надо вѣрить въ Россію, въ ея судьбу, въ ея вождей...

ПИСЬМА ОТШЕЛЬНИКА.

(Востокъ, 1879 года).

261

ПИСЬМА ОТШЕЛЬНИКА.

I.

Наше болгаробѣсіе.

Я вздохнулъ свободнѣе въ деревенскомъ уединеніи своемъ, прочитавъ первый нумеръ вашей газеты.

Наконецъ, я услыхалъ рѣчь прямую и правдивую! Наконецъ-то, нашлись и въ изолгавшейся отчизнѣ нашей люди, дерзающіе *говорить правду* о Болгарахъ и вывести ихъ изъ того привилегированнаго и даже имъ самимъ вреднаго положенія, въ которое поставилъ ихъ нашъ либерализмъ. Кого, въ самомъ дѣлѣ, мы не судимъ, кого не порицаемъ, кого не осуждаемъ, кого не коримъ? Европейцевъ, при всемъ подобострастіи нашемъ предъ Западомъ, мы, все-таки, рѣшаемся судить. Мы даже громимъ ихъ безпощадно *тогда, когда они, весьма естественно соблюдая свои государственныя выгоды, противодѣйствуютъ намъ.* Азіатцевъ мы въ „просвѣщенной" печати нашей разрываемъ на части и считаемъ долгомъ называть ихъ безпрестанно „варварами" (этимъ главнымъ образомъ доказывается, что и „мы Европейцы" и что нѣтъ и не будетъ другой цивилизаціи, кромѣ прогрессивно-разрушительной ново-европейской). Мы позволяемъ себѣ изрѣдка порицать даже Чеховъ, Сербовъ и Хорватовъ; Греки у насъ давно уже извѣстны подъ браннымъ прозвищемъ *фанаріотовъ*: „они суть *льстивы до сего дня*".

Самихъ себя, Россію, власти, наши гражданскіе порядки, наши нравы мы (со временъ Гоголя) неумолкаемо и омерзительно бранимъ. Мы разучились хвалить; мы превзошли всѣхъ въ желчномъ и болѣзненномъ самоуничиженіи неимѣющемъ ничего, замѣтимъ, общаго съ христіанскимъ смиреніемъ. Только одни Болгары у насъ всегда правы, всегда угнетены, всегда несчастны, всегда кротки и милы, всегда жертвы и никогда не притѣснители.

Раздавались немногіе серьезные голоса и противъ нихъ, но ихъ тотчасъ же заглушалъ громкій вой всероссійскаго свободолюбія. Пыталась

самобытная мысль углубиться подальше въ сущность восточныхъ дѣлъ, но эта живая мысль, опережающая событія, была подавлена презрительнымъ равнодушіемъ. На людей, позволявшихъ себѣ, по поводу восточнаго вопроса, говорить и печатать вещи несообразныя съ *модой* (эту моду зовутъ иные *здравый смыслъ*), смотрѣли какъ на пустыхъ оригиналовъ или звали ихъ представителями *казеннаго православія*.

Всѣ болгарскіе интересы считались почему-то *прямо русскими интересами*; всѣ враги Болгаръ—нашими врагами.

Когда станешь думать обо всемъ этомъ, о непостижимыхъ заблужденіяхъ нашихъ, о легкомысленномъ отношеніи вліятельныхъ и практическихъ людей, напр., къ церковному греко-болгарскому вопросу, о преднамѣренномъ искаженіи истины одними (знающими), о нахальной либеральности другихъ, не постигающихъ такой простой, такой, скажу, грубой политической аксіомы, именно—что самый жестокій и даже порочный, по личному характеру своему, православный епископъ, *какого бы онъ ни былъ племени*, хотя бы крещеный монголъ, долженъ быть намъ дороже двадцати славянскихъ демагоговъ и прогрессистовъ... когда поймешь, что и Россія и все славянство безъ изъятія уже переступили за роковую черту, за которой *дальнѣйшій* европейскій прогрессъ перестаетъ быть залогомъ *развитія*, а становится лишь средствомъ *разрушенія и гибели*... когда, говорю, подумать обо всемъ этомъ,—станетъ и страшно и скучно... Страшно станетъ потому, что увидишь за всѣмъ этимъ нѣчто *фатальное*, нѣчто мистическое, если хотите... какое-то проклятіе... Скучно станетъ потому, что скажешь себѣ: „сдѣлать ничего нельзя. Не то думаютъ люди прямаго вліянія, что думаемъ мы съ единомышленниками!“... *Хорошо быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, когда впереди ждешь кого-нибудь такого, кто будетъ понимать дѣло еще лучше насъ, кто будетъ прямѣе и сильнѣе насъ и на нашемъ же пути вліятельнѣе.* Но когда видишь, что все идетъ *налѣво* и *налѣво* и люди не видятъ этого, когда видишь, напримѣръ, ничтожество бельгійской буржуазной конституціи въ самой отсталой и самой патріархальной изъ освобожденныхъ нами славянскихъ странъ, когда видишь, что пастушескій и первобытный болгарскій народъ преданъ въ руки адвокатовъ, торговцевъ европейскаго стиля и самолюбивыхъ учителей, вчера еще босоногихъ оборванцевъ и реалистовъ; когда слышишь или хотя бы подозрѣваешь, что какой-нибудь Каравеловъ-прогрессистъ (вѣроятно что-нибудь безпокойное и наглое вродѣ Гамбетты) беретъ верхъ въ дѣлахъ развѣ не станетъ скучно?

Развѣ не станетъ тяжело, когда прочтешь такія телеграммы:

„*Тырново*, 27 марта. Болгарское народное собраніе подъ предсѣдательствомъ Каравелова отвергло проектъ учрежденія сената и, по предложенію доктора Малова, внесло въ конституцію безусловное право сходокъ безъ предварительнаго разрѣшенія полиціи. Умѣренная партія

подверглась сильнымъ нападкамъ крайнихъ. *Тырново*, 28 марта. Вчера народное собраніе внесло въ конституцію статью о *полной свободѣ совѣсти съ правомъ переходить въ другую вѣру и о полной свободѣ печати.* По предложенію Каравелова, собраніе отвергло просьбу епископовъ, чтобы православныя церковно-служебныя книги и прочія религіозныя изданія, предназначенныя для употребленія въ церквахъ и школахъ, подвергались духовной цензурѣ. По поводу вчерашнихъ постановленій народнаго собранія экзархъ, всѣ епископы и предводители умѣренной партіи заявили сегодня протестъ и удалились изъ собранія. *Тырново*, 29 марта. Народное собраніе отсрочило свои занятія до 4 апрѣля. Разсмотрѣно 117 статей устава. Статьи о составѣ будущей палаты передѣланы въ томъ смыслѣ, что всѣ депутаты — выборные, членамъ по должностямъ и по назначенію не быть. Признана свобода печати и сходокъ, дружествъ, обществъ литературныхъ, техническихъ, экономическихъ, политическихъ. Предложеніе Балабанова и другихъ объ учрежденіи сената отвергнуто единогласно. При этомъ произошла скандальная сцена. Вслѣдствіе какихъ-то личностей, раздались крики: „вонъ Балабанова!" Балабановъ оскорбилъ предсѣдающаго Каравелова. Цанковъ вмѣшался. Кончилось тѣмъ, что авторы предложенія о сенатѣ, всего 12 человѣкъ, вышли изъ залы засѣданія".

Развѣ не скучно *не довѣрять* въ глубинѣ сердца даже тѣмъ опровержевіямъ, которыя являлись позднѣе? Пусть это дѣло замяли, вѣроятно благодаря *русскому давленію*. Пусть только половина всего этого правда; но и половина эта неутѣшительна. И если все это клевета, если даже *ничего подобнаго* не было вовсе, то, должно быть злой клеветникъ уменъ и коротко знакомъ съ духомъ Болгарской интеллигенціи. Эта ложь такъ художественна, такъ *похожа* на истину! Не выдумаешь чего-нибудь подобнаго вовсе безъ основанія: *не будетъ похоже*. Если бы кто-нибудь прислалъ теперь телеграмму изъ Парижа о томъ, что скромный якобинецъ Греви дѣйствуетъ во всемъ вопреки духу либеральной конституціи, подобно геніальному и безстрашному юнкеру Бисмарку, кто бы этому повѣрилъ? Или кто бы повѣрилъ извѣстію изъ Рима, что итальянское правительство отказалось отъ папскихъ владѣній и что король Гумбертъ „пошелъ въ Каноссу?"

Нѣтъ, эта *ложь* кажется столь близкою къ правдѣ тому, кто видѣлъ вблизи бѣдность и грубость мысли и ловкое безстыдство дѣйствій большинства Болгарскихъ вождей!

И отчего наши лучшіе умы какъ бы въ затмѣніи, когда рѣчь идетъ о Болгарахъ, объ этомъ безсодержательномъ и въ то же время загадочномъ народѣ, *уже разъ въ своей исторіи послужившемъ главнымъ предметомъ раздора и разрыва между Римомъ и Византіей?*

Не *рокъ* ли это?

Фанаріоты—вѣдь это что такое? Фанаріоты—это *Цареградскіе Греки*

духовенство и міряне (въ особенности духовенство), — это люди, которыхъ даже прямые, личные интересы тѣснѣе, чѣмъ у кого-либо другаго связаны на Востокѣ со строгостью православной дисциплины, со строгостью православныхъ преданій, православныхъ уставовъ, православныхъ чувствъ. Вотъ что такое фанаріоты. Царьградъ—это главный центръ Восточнаго Православія, а фанаріоты—греки Царь-града, представители, правители этого центра.

Нѣтъ нужды, что они могутъ быть иногда лукавы или своекорыстны. Ни лукавство, ни своекорыстіе личнаго характера, православныхъ *убѣжденій* и правильнаго спиритуализма не исключаютъ. Христіанство установлено не для однихъ мягкихъ, чистыхъ или кротко-идеальныхъ натуръ: оно для всѣхъ характеровъ, для всѣхъ натуръ, для всякаго воспитанія.

И что за политика, —политика какой-то нѣжной морали? Откуда она взялась? И что мы сами-то за примѣръ? Какіе мы моралисты? Фанаріоты—консерваторы, мы—либералы; вотъ и все...

Мы освобождаемъ Болгаръ...

Прекрасно, освобождайте ихъ *отъ власти султана, но не отъ каноническихъ правилъ повиновенія законной церковной власти*. Неужели для насъ стало все равно, что шейхъ-уль-исламъ, что вселенскій патріархъ?

Мы дорожимъ вѣрой нашего народа. Этой вѣрой дорожатъ даже многіе изъ тѣхъ Русскихъ, которые сами въ церковь молиться не ходятъ, или ходятъ рѣдко, больше изъ національнаго чувства, чѣмъ по вѣрѣ.

Неужели же мы не видимъ связующей нити? Мужикъ идетъ въ Оптину пустынь, или Тихонову, или въ Кіевъ, въ Печерскую Лавру, или въ Соловки. Что онъ тамъ мыслитъ, что видитъ, чему научается? Откуда все это къ намъ пришло? Не съ Востока ли?... Не отъ Грековъ ли? Не въ рукахъ ли Грековъ и до нынѣ Іерусалимъ, Аѳонъ, Синай? Не къ Царьграду ли, какъ центру обще-церковнаго вліянія и средоточію церковнаго управленія, тяготѣютъ всѣ эти Святыя Мѣста?...

Что можетъ намъ дать взамѣнъ всего этого величія безсодержательная, зеленая, лишенная серьезныхъ преданій, сама своего глубоко-революціоннаго (т.-е. *либерально-эгалитарнаго*) духа не сознающая болгарская народность? У Болгаръ нѣтъ Святыхъ Мѣстъ, нѣтъ древнихъ церковныхъ средоточій, нѣтъ великихъ неподвижныхъ звѣздъ православія, разливающихъ свой свѣтъ повсюду, даже и въ наше печальное время жалкихъ прогрессивныхъ надеждъ и устарѣлыхъ европескихъ мечтаній.

Что думать о народѣ, который возрожденіе свое началъ прямо съ борьбы противу той церковной іерархіи, правила и духъ которой легли въ основу его жизни, уставы и обычаи которой сохранили его въ теченіе вѣковъ подъ гнетомъ иновѣрной власти?

Не успокоивайте себя тѣмъ, что этотъ Болгаринъ въ бараньей шапкѣ и коричневыхъ толстыхъ шароварахъ первобытенъ и простъ: чѣмъ грубѣе и проще въ наше время народъ, тѣмъ легче лукавымъ и невѣрующимъ вождямъ увлечь его куда угодно.

Католическое духовенство жалуется, что въ полудикихъ, варварскихъ республикахъ Южной Америки оно гонимо гораздо болѣе, чѣмъ въ глубоко-образованной Европѣ. Отсталая, сравнительно невѣжественная Италія легче отступилась отъ папы, чѣмъ болѣе цивилизованная, передовая Франція; въ послѣдней были и есть даже республиканцы, не желавшіе никогда полнаго разрыва съ Ватиканомъ.

Прогрессивныя идеи грубы, просты и всякому доступны. („Жрецы и воины вѣдь всегда обманывали народъ". Не правда ли?)

Идеи эти казались умными и глубокими, пока были достояніемъ немногихъ избранныхъ умовъ. Люди высокаго ума облагороживали ихъ своими блестящими дарованіями; сами же идеи, по сущности своей, не только ошибочны, онѣ, говорю я, грубы и противны. *Благоденствіе земное* вздоръ и *невозможность*; царство *равномѣрной и всеобщей человѣческой правды* на землѣ—вздоръ и даже обидная *неправда, обида лучшимъ. Божественная истина Евангелія земной правды не обѣщала, свободы юридической не проповѣдывала*, а только нравственную, духовную свободу, доступную и въ цѣпяхъ. *Мученики за вѣру были при Туркахъ*; *при бельгійской конституціи едва ли будутъ и преподобные*; развѣ „о равенствѣ и свободѣ юродивые", вродѣ *нашихъ подлыхъ благотворителей*, стрѣляющихъ изъ револьверовъ въ генераловъ.

Жалко, скучно и страшно за будущее славянства!

II.

Бѣдный князь Черкасскій!...

Не знаю, что онъ *въ самомъ дѣлѣ думалъ про себя*; но давно ли мы читали, что „Славянскій Комитетъ будетъ стараться утвердить въ освобождаемой Болгаріи духъ истинно православный и внушить Болгарамъ отчужденіе отъ пустоты *сербскихъ конституціонныхъ* замашекъ?"

Князь Черкасскій былъ человѣкъ диктатуры; онъ умеръ въ день подписанія мира; прошелъ только годъ; еще русскія войска не вышли изъ полуразрушенной Турціи, а трагическій образъ возстающей изъ рабства и крови Болгаріи уже успѣлъ мгновенно исказиться шутовской гримасой демагогическаго и парламентарнаго мѣщанства!

Не того мы ждали: мы ждали отъ нашихъ младшихъ, нашихъ *свѣжихъ* братьевъ *примѣра*; мы думали, что они научатъ насъ, какъ лучше бороться *противъ европеизма*... А они сразу перещеголяли Европу... О, какъ это гадко!

Бѣдныя тѣни Хомяковыхъ и Кирѣевскихъ,—тѣни, столь поздно увѣн-

чанныя *общественнымъ признанiемъ* и столь скоро обманутыя въ лучшихъ надеждахъ своихъ!...

„Старые“ славянофилы воображали себѣ, что затмѣнiе турецкаго полумѣсяца повлечетъ за собою немедленно яркiй восходъ сiяющаго православнаго солнца на христiанскомъ Востокѣ...

Они мечтали о какихъ-то патрiархально-освѣжающихъ *юго-славянскихъ* родникахъ! Какъ возвышенны, какъ благородны были эти мечты! Какъ упорно сохранились онѣ у немногихъ, оставшихся *прежними* славянофилами и донынѣ!

И какъ ошибочны эти надежды, какъ призраченъ этотъ яркiй, своеобразный культурный идеалъ! Горькая ошибка наша; поправимъ ли мы ее?

Какъ было не понять, что какому-нибудь болгарскому учителю, купцу, доктору, депутату и даже министру изъ мужиковъ или лавочниковъ недоступно и нежелательно то, что было такъ ясно и такъ желательно Кирѣевскому, Хомякову и Аксаковымъ?... Эти люди были все русскiе *дворяне*, даровитые, ученые, идеальные, благовоспитанные, тонкiе, *европеизмомъ пресыщенные*; благородные Москвичи, за спиной которыхъ стояли цѣлые вѣка государственнаго великорусскаго опыта. То ли можетъ нравиться кое-какъ или даже и хорошо обучившемуся въ Европѣ пастуху вродѣ всѣхъ этихъ людей, которыхъ я знаю лично и которыхъ *не хочу только называть*?

Не то они всѣ чувствуютъ, *не то, что чувствуемъ мы*!...

И за то какъ глубоко, какъ обидно наше разочарованiе!... Какъ оно горько! И какъ намъ стыдно теперь!... Я говорю *намъ*... Да, намъ; потому что и я прiѣхалъ лѣтъ 15 тому назадъ на Востокъ ученикомъ, поклонникомъ этого *культурнаго* славянофильства, долженствующаго возрасти и процвѣсть такими пышными цвѣтами на незыблемыхъ и древнихъ корняхъ православiя.

Но увы!... Живя въ Турцiи, я скоро понялъ истинно ужасающую вещь: я понялъ съ ужасомъ и горемъ, *что, благодаря только Туркамъ*, и держится еще многое истинно православное и славянское на Востокѣ...

Я сталъ подозрѣвать, что отрицательное дѣйствiе мусульманскаго давленiя, *за неимѣнiемъ лучшаго*, спасительно для нашихъ славянскихъ особенностей и что безъ турецкаго презервативнаго колпака разрушительное дѣйствiе либеральнаго европеизма станетъ сильнѣе...

Я сталъ бояться, что мы не съумѣемъ, не сможемъ, не успѣемъ *во-время* замѣнить давленiе мусульманства другой, болѣе высокой дисциплиной,—дисциплиной *духа*, замѣнить тяжесть жесткаго ига суровымъ внутреннимъ идеаломъ; унизительный и невольный страхъ агарянскiй свободнымъ *страхомъ Божiимъ*, о которомъ сказано: „*Даруй* ми по *Твоей благости* Твоего страха страшитися“...

И какой же тутъ „страхъ Божiй“ въ народѣ неопытномъ, незрѣ-

ломъ, руководимомъ вчера лишь вольноотпущенными лакеями, побывавшими кое-гдѣ въ Европѣ для того, чтобы перестать содержать посты и разучиться *любить власти*, Богомъ поставленныя? Какой страхъ Божій въ православной націи, которая начинаетъ свою новую исторію борьбой противу Вселенскаго патріарха и противъ принципа епископской власти,—въ націи, которую свои демагоги лѣтъ 20 подрядъ учили не слушаться архіереевъ, изгонять ихъ, оскорблять, не платить имъ денегъ?...

Первыя впечатлѣнія народа, вступающаго въ политическую жизнь послѣ долгаго сна, такъ важны... (боюсь самому себѣ досказать свою мысль), быть можетъ, даже неизгладимы...

Я долго прожилъ въ Константинополѣ и много бесѣдовалъ тамъ съ Греками и Болгарами.

Я пріѣхалъ туда въ 72 году, сознаюсь и *каюсь*, защитникомъ Болгаръ, хотя и Грекамъ во многомъ сочувствовалъ; но не прожилъ я и года въ самомъ центрѣ борьбы, какъ уже мысли мои измѣнились...

Съ тѣхъ поръ онѣ все тѣ же... Тогда только я понялъ, до чего мнѣ, *какъ и большинству Русскихъ*, былъ теменъ, смутенъ, недоступенъ этотъ столь важный и столь страшный Греко-Болгарскій вопросъ!...

Только тогда, послѣ *этихъ долгихъ бесѣдъ*, послѣ внимательнаго чтенія, послѣ упорнаго раздумья я сказалъ себѣ: никогда еще въ исторіи Россіи и Славянства принципъ племеннаго славизма не вступалъ въ борьбу съ православными уставами и преданіями, и въ первый разъ эту борьбу мы видимъ въ Греко-Болгарской распрѣ.

Истинно-національная политика должна и за предѣлами своего государства поддерживать не *голос*, такъ сказать, *племя, а тѣ духовныя начала, которыя связаны съ исторіей племени, съ его силой и славой*. Политика православнаго духа должна быть предпочтена политикѣ славянской плоти, агитаціи болгарскаго „мяса"... Національное же начало, понятое иначе, *внѣ религіи*, есть ничто иное, какъ все тѣ же идеи 1789 года, начала все-равенства и все-свободы, тѣ же идеи, *надѣвшія лишь маску мнимой національности*. Національное начало внѣ религіи ничто иное, какъ начало эгалитарное, либеральное, *медленно*, но за то *вѣрно разрушающее*...

И ему необходимо платить горькую дань, и съ нимъ надо, къ несчастію, считаться; но вовсе не слѣдуетъ служить ему слишкомъ искренно и простодушно.

Панславизмъ — неизбѣжность... Но панславизмъ православный есть спасеніе, а панславизмъ либеральный есть гибель *прежде всего для Россіи*!...

Кто панславистъ умный, дальновидный и хорошій, тотъ долженъ быть за церковь, за ея дисциплину, за ея каноны, за епископскую священную власть, за патріарха, за этихъ ужасныхъ и донынѣ *льстивыхъ* фанаріотовъ, а не за Болгаръ, вотъ уже 20 лѣтъ подрядъ постоянно по-

падающихъ въ руки своей крайней партіи Чомаковыхъ, Цанковыхъ, Славейковыхъ, Каравеловыхъ... Патріархъ—это старая Московская Русь; болгарская интеллигенція, за немногими исключеніями, это—Гамбетта и Рошфоръ и развѣ-развѣ Вирховъ и Тьеръ, только гораздо жиже и плоше!

Выборъ ясенъ.

Однажды я бесѣдовалъ долго съ однимъ пожилымъ Болгариномъ, человѣкомъ образованнымъ и тонкаго ума *).

Онъ сказалъ мнѣ *съ глазу на глазъ* вотъ что:

— Мы, Болгаре, конечно, поступили неправильно, нарушивъ каноны; но что дѣлать? *Расколъ намъ выгоденъ*... Надъ нами было два завоеванія—греческое и турецкое; надо было сперва, съ помощію сильнѣйшаго завоевателя, свергнуть слабѣйшаго. Оттого мы соединились съ Турками противу патріарха.

— Я понимаю васъ, Болгаръ,— отвѣчалъ я, — но намъ, Русскимъ, нѣтъ нужды быть во всемъ солидарными съ вами. Мы даже могли бы объявить васъ раскольниками съ церковной точки зрѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжая защищать васъ, какъ Славянъ, отъ Турокъ и отъ Запада, и даже, если нужно, и отъ *лишнихъ посягательствъ самаго эллинизма*. На Дунаѣ мы помогаемъ же русскимъ старообрядцамъ. Въ такой политикѣ правда сочеталась бы съ мудростью. Одна не мѣшаетъ другой. Развѣ мы не могли бы объявить васъ раскольниками и воевать за васъ, когда придетъ время?... Тогда, когда Русская церковь рѣшится *назвать васъ по имени*, какъ вы того заслуживаете, самый искренній въ православіи своемъ Русскій въ состояніи будетъ стать за васъ, *но только какъ за Славянъ*... не иначе. Церковь лгать Св. Духу или игнорировать свои уставы запрещаетъ, а сражаться можно и за иновѣрцевъ даже, когда того требуютъ государственныя выгоды,—на это нѣтъ каноновъ... А теперь, какъ православному человѣку, *понявшему*, наконецъ, всѣ ваши тайны, *всѣ ваши замыслы и пріемы*, какъ ему быть за васъ?... За васъ можетъ быть или незнаніе, или злонамѣренность, или какое-то непостижимое затмѣніе, овладѣвающее иногда и самыми сильными умами.

Умный старикъ помолчалъ немного, потомъ поглядѣлъ на меня съ тонкой улыбкой и сказалъ довѣрчиво (я уже замѣтилъ, что мы были одни):

— *Да. Кто горячій монархистъ, подобно вамъ, тотъ не можетъ сочувствовать болгарскому движенію. Это правда. Принципъ самодержавія и принципъ патріаршей власти—это такъ тѣсно связано; это почти одно и то же*...

A bon entendeur—salut!

*) Г. Злотовичемъ, нынѣ умершимъ.—Авг. 1885 г.

III.

О порокахъ фанаріотовъ и о русскомъ незнаніи.

Новое Время назвало нашу газету *фанаріотской*. Это не обида; — обидно было бы, еслибы оно назвало ее либеральной. Въ 40-хъ и 60-хъ годахъ позволительно было умному человѣку и патріоту быть либераломъ, но послѣ того, какъ либерализмъ *вездѣ* обнаружилъ уже плоды свои, либераломъ можетъ оставаться только или очень неспособный и слишкомъ простодушный человѣкъ, продолжающій трогательно вѣрить въ какое-то прогрессивное, стремящееся ко все-благу „сюртучное", такъ сказать, все-человѣчество, или, напротивъ того, очень ловкій хитрецъ.

Итакъ, газета *Востокъ* есть органъ фанаріотовъ или порожденіе фанаріотскаго духа; а я, авторъ письма о *нашемъ Болгаробѣсіи*, — я, безнравственный человѣкъ, проповѣдующій, будто православіе (или вообще христіанство) существуетъ не для однихъ избранныхъ, чистыхъ и кротко-идеальныхъ натуръ... но для всѣхъ натуръ, для всѣхъ характеровъ, для всякаго воспитанія".

Новое Время удивляется этому, какъ новости.

Я не виноватъ, что сотрудники *Новаго Времени* не знаютъ основныхъ истинъ того вѣроисповѣданія, къ которому они причислены, вѣроятно, сами по метрическому свидѣтельству.

Хорошая натура есть особый даръ; хорошее направленіе есть дѣло свободнаго избранія. Христіанская вмѣняемость относится не къ дарамъ натуры, а къ пріобрѣтеннымъ усиліями плодамъ вѣры и страха Божія.

Это азбука христіанства. Можно не вѣровать, если не *умѣешь*; но надо знать то, о чемъ судишь. Впрочемъ, я подозрѣваю, что редакція *Новаго Времени* знаетъ, что я правъ, но она печатаетъ именно то, что *ей нужно* въ виду русскихъ націоналъ-либераловъ, имя которымъ, къ несчастію, легіонъ.

Но оставимъ все это. На зло всѣмъ, я хочу поговорить съ вами еще и еще именно объ *этихъ самыхъ фанаріотахъ*, которые будто бы такъ порочны, такъ враждебны намъ и такъ вредны Славянству.

Отношенія многихъ Русскихъ людей къ Цареградскимъ Грекамъ напоминаютъ мнѣ отношенія прежнихъ Французовъ къ Россіи и Русскимъ.

Я говорю именно о *прежнихъ* Французахъ, потому что за послѣдніе годы французскіе ученые и литераторы „удостоили" насъ болѣе внимательнаго изученія и, при всемъ политическомъ недоброжелательствѣ своемъ, французское общество стало получше прежняго понимать Россію.

Политическое недоброжелательство понятно и даже извинительно,

если взять въ разсчетъ могущество Россіи и ея естественный ростъ, ничѣмъ, даже и миролюбивымъ смиреніемъ нашимъ, *неотвратимый*.

Поэтому, когда я говорю объ этихъ *прежнихъ* Французахъ, то я хочу напомнить не столько преднамѣренную ложь враждебныхъ намъ партій, сколько легкомысліе невѣжества и фразу наивнаго предубѣжденія.

„Козаки, варварство, les boyards“ и т. п. Беранже, напримѣръ, въ одной изъ своихъ пѣсенъ восклицаетъ, что у „козака кожа грязная и *вонючая* (rance)“. — Почему же это? — Наши простые люди ходятъ въ баню чаще Французовъ. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же поэтъ говоритъ: „Русскій, который всегда *дрожитъ* подъ своимъ снѣжнымъ покровомъ“.—У насъ зимой въ домахъ теплѣе, чѣмъ у нихъ, и люди ходятъ въ шубахъ.

Сколько подобнаго вздора я наслушался отъ французовъ во время моей службы за границей! Одинъ французъ, никогда не бывавшій въ Россіи, говорилъ, будто у насъ оттого, вѣроятно, ѣдятъ ржаной хлѣбъ, что пшеничную муку не умѣютъ еще хорошо дѣлать. Даже одинъ изступленный врагъ Россіи, Польскій эмигрантъ, не вынесъ этого вздора и вступился за нашу крупичатую муку. Другой французъ утверждалъ, что Суворовъ былъ генералъ ничтожный и *дикій*, который только все *кривлялся*, чтобы забавлять своихъ солдатъ; третій (су-префектъ), встрѣтившійся со мной на Дунайскомъ пароходѣ, вскочилъ въ восторгѣ съ своего мѣста, услыхавши, что я упомянулъ въ разговорѣ *о Галлахъ, Кельтахъ* и *Бургундахъ*... „*Галлы! Кельты!* Вы Русскій и вы все это знаете?... Но *кто-же* вы? *Кто*, скажите!“ Четвертый (тотъ самый консулъ Moulin, котораго убили турки въ Салоникахъ) увѣрялъ меня, что въ Россіи скоро будетъ революція: не соціалистическая, — нѣтъ! Для подобнаго, недоброжелательнаго пророчества еще можно было бы найти поводъ въ дѣйствіяхъ нашихъ нигилистовъ и въ пустой болтовнѣ русскихъ путешественниковъ. Нѣтъ, Moulin, указывалъ мнѣ на близость революціи ***якобинской*** (такъ сказать, эгалитарной, а не *аграрной*, не ***экономической***), на возстаніе народа изъ-за равенства ***правъ***. „Потому что, говорилъ онъ, какой-нибудь мосье Ивановъ или Петровъ спроситъ себя, наконецъ: отчего онъ не можетъ имѣть то положеніе, которое имѣетъ „un Ignatiew“ или „un Lobanow“. Moulin говорилъ это въ 71 году, черезъ 10 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ. Что отвѣчать такому человѣку?

Прибавлю, что явныхъ признаковъ большой политической вражды къ Россіи я въ этомъ Муленѣ не замѣчалъ. Онъ велъ себя умѣренно. Вѣрнѣе всего онъ, какъ пустой человѣкъ, судилъ самоувѣренно о томъ, чего не зналъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ я сказалъ, что сужденія многихъ соотечественниковъ нашихъ о Грекахъ и въ особенности о Грекахъ Цареградскихъ очень похожи на сужденія Французовъ о Россіи.

И у насъ много *Муленовъ*.

Я помню многія встрѣчи и разговоры. Еще въ 60-хъ годахъ случилось мнѣ ѣхать въ малль-постѣ до Харькова съ однимъ чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Мы разговорились случайно о Крымскихъ Грекахъ. Онъ ихъ не зналъ вовсе; въ Элладѣ и Турціи тоже не былъ, но служилъ тогда въ Азіатскомъ Департаментѣ; я былъ въ Крыму и зналъ тамъ и сельскихъ Грековъ, и рыбаковъ, и купцовъ, и помѣщиковъ этой крови. „Греки эти такіе *растлѣнные*“*!* воскликнулъ чиновникъ министерства. Я удивился. Я, напротивъ того, живя въ Крыму, находилъ, *по тогдашней молодости моей*, что Греки нѣсколько сухи, слишкомъ строги въ семейныхъ нравахъ своихъ, слишкомъ серьезны и патріархальны сравнительно съ нами. Женщины русскія, простаго званія, замѣчалъ я иногда, живя въ Крыму, гораздо свободнѣе и, да простятъ мнѣ прямоту моего выраженія, даже развратнѣе простыхъ гречанокъ. Религіозныя обязанности,—посты и т. п.,—крымскіе Греки наблюдали въ то время очень строго. Россіи, когда приходилось, они служили какъ истинные Русскіе подданные, не хуже насъ... „Почему же они растлѣнные?“ съ удивленіемъ спросилъ я. „Гдѣ вы ихъ видѣли?“— „Нѣтъ, конечно, я не изучалъ ихъ быта, отвѣчалъ чиновникъ министерства, но вѣдь это такъ извѣстно, что они *растлѣнны*“...

Каково это сужденіе?

Прошло съ тѣхъ поръ очень много лѣтъ. Этотъ самый чиновникъ поѣхалъ потомъ на Востокъ, долго прослужилъ въ свободной Греціи и вѣрно теперь онъ самъ посмѣется надъ своими прежними взглядами, если случайно прочтетъ это письмо мое.

Теперь онъ, можетъ быть, будетъ порицать Грековъ свободнаго королевства за ихъ демагогическій духъ, за ихъ *эллинскій фанатизмъ;* онъ, вѣроятно, будетъ жаловаться на періодическіе припадки ихъ *Руссофобіи*, бросающей ихъ поочередно въ предательскія объятія то той, то другой западной державы... Онъ назоветъ ихъ, вѣроятно, скорѣе слишкомъ жесткими, суровыми, сухими, но ужь никакъ не „растлѣнными“...

Прошли, говорю я, года и года. Я самъ прожилъ десять лѣтъ въ Турціи; имѣлъ много дѣлъ и сношеній и съ Турками, и съ Болгарами, и съ Греками и вернулся на родину. На родинѣ, встрѣтилъ я одного стараго знакомаго... Онъ человѣкъ жизни скромной, семейной, внимательно читаетъ *прописи* Смайльса, находитъ себя православнымъ, несмотря на то, что враждуетъ противу монашества и монастырей... И въ то же время въ восторгѣ отъ Михаила, Митрополита Сербскаго... Зашелъ разговоръ о греко-болгарской распрѣ... Я претендую немножко знать ея исторію и ея тайный для многихъ смыслъ... Но знакомецъ мой самоувѣренно прервалъ меня, сказавъ, какъ бы вы думали, что?

Онъ въ 74-мъ году сказалъ то же самое, что говорилъ чиновникъ министерства въ 61-мъ году.

„Греки люди *растлѣнные... Фанаріотское духовенство исполнено лжи...* Болгаре, народъ молодой и свѣжій, какъ и вообще Юго-Славяне. *Они сохранили въ чистотѣ весь духъ первобытнаго христіанства!!!* Что такое это? Какое это христіанство первобытное и что значитъ сохранить въ чистотѣ его духъ?... Какая фраза!... Ничего осязательнаго и яснаго!...

И кто это именно сохранилъ этотъ духъ: селяне-ли и горцы болгарскіе, которые съ точки зрѣнія православныхъ вѣрованій своихъ и патріархальнаго быта своего очень похожи на греческихъ селянъ и горцевъ Крита, Эпира и Ѳессаліи, съ тою только не совсѣмъ лестною для Славянъ разницею, что у послѣднихъ (т.-е. у Грековъ) все какъ-то выразительнѣе, изящнѣе, живѣе... [1]). Или этотъ *духъ* первоначальнаго христіанства сохранили лучше насъ и Грековъ всѣ эти Жинзифовы и Дриновы, которыхъ *мы знаемъ хорошо!...* Хитрые *буржуа* европейскаго покроя, имѣющіе всѣ худыя качества *Византійцевъ* (да! именно Византійцевъ), но неимѣющіе того правильнаго и высокаго Православнаго направленія, которому не измѣняли Византійскіе Греки даже и въ самые несчастные дни своего паденія.

Или, можетъ быть, этотъ чистый духъ сберегли для насъ Болгарскіе епископы, которые, зная очень основательно всѣ уставы Церкви и всѣ апостольскія правила, нарушили ихъ сознательно и ловко, *именно настолько насколько было нужно*, чтобы, отдѣляясь отъ патріарха даже и въ *смѣшанныхъ* греко-болгарскихъ областяхъ, *ничѣмъ слишкомъ рѣзкимъ не поразить* ни свой простой народъ, ни русское общество? Они знали, что для простаго Болгарина главное дѣло въ томъ, чтобы *клобуки* на попахъ были *по-гречески разлатые кверху* [2]); они знали также, вѣроятно, что русское общество равнодушно къ церковнымъ дѣламъ и считаетъ ихъ *формалистикой,* что Русская дипломатія боится перехода Болгаръ въ уніатство *гораздо больше, чѣмъ нужно этого бояться*; знали, должно быть, еще, что въ Россіи сразу и различить не съумѣютъ ни *тонкаго* раскола отъ грубой ереси, ни понять великой разницы между собственнымъ правильнымъ *административно-государственнымъ* обособленіемъ отъ патріарха и болгарскимъ *филетическимъ* (племеннымъ) *мятежомъ...*

Болгарскіе демагоги знали все хорошо и все сдѣлали ловко, дабы *вылущить свое* населеніе поскорѣе *изъ Грековъ* во Ѳракіи и Македоніи. *Они заставили Россію идти за собой съ повязкой на очахъ!*

[1]) Примѣч. Чѣмъ я виноватъ, что это *правда?*

[2]) Болгарская „интеллигенція" (!) всегда горячо отстаивала внѣшній *греческій* обликъ своего духовенства; она держалась за *разлатые черные клобуки* именно въ то время, когда ею уже были нарушены столькія *незримыя,* но существенныя правила христіанской дисциплины.

Примѣч. автора.

Неправда ли умно?... Умно, конечно, *льстиво* и коварно!... Но гдѣ-жь тутъ чистота „древле-славянскаго“ духа?... Неужели *первобытное*, *свѣжее* христіанство Юго-Славянъ должно состоять въ подобномъ племенномъ маккіавелизмѣ, разрушающемъ церковь?...

Избави насъ Боже отъ христіанства Чомаковыхъ и Каравеловыхъ!

Русское непониманіе греко-болгарскихъ дѣлъ простирается до того, что мнѣ случалось слышать легкомысленныя слова по этому поводу даже отъ *примѣрныхъ русскихъ монаховъ*...

— Помилуйте, какіе-то *фанаріоты*... сказалъ мнѣ недавно одинъ прекраснѣйшій инокъ, *свѣтски* образованный, *духовно* вполнѣ достойный почтенія, умный, добрѣйшій сердцемъ.

— „Какіе-то *фанаріоты*“...

Какъ вамъ это нравится?... Монахъ этотъ, впрочемъ, такъ уменъ и правдивъ, что я сразу могъ его образумить.

— *Возненавижу церковь лукавствующихъ*, сказалъ я ему. *Церковь же* лукавствующихъ была въ этомъ случаѣ скорѣе Болгарская, чѣмъ греческія церкви, которыя, въ *ущербъ Греческой національности*, объявили Болгаръ раскольниками, ибо дали имъ этой анаѳемой средство немедленно *выдѣлиться повсюду* изъ смѣшенія съ Греками и поставить себѣ вездѣ особое болгарское начальство. „*Два епископа* (т.-е. два православныхъ епископа) въ одномъ городѣ управлять не могутъ; но такъ какъ насъ смиренныхъ, бѣдныхъ Болгаръ, эти изверги Греки признавать православными болѣе не хотятъ, то мы этому очень рады и поставимъ вездѣ по городамъ *рядомъ съ греческими* своихъ епископовъ, *подобно армянамъ, католикамъ или русскимъ староверамъ! Да здравствуетъ Султанъ Абдулъ-Азисъ, нашъ покровитель!*...

Вотъ она *церковь лукавствующихъ*, которой мы потворствуемъ!

Что значитъ *личное лукавство* людей въ общихъ церковныхъ и въ политическихъ дѣлахъ?... Почти ничего; оно вредно или полезно, смотря по принципу или роду интереса, которому оно служитъ...

Что такое *личное коварство* передъ судомъ *духовнымъ?* Грѣхъ, немощь личная, противъ которой есть у христіанъ правила борьбы душевной, есть покаяніе... Многіе изъ святыхъ, многіе изъ мучениковъ, быть можетъ, хитрили въ минуты паденія; они были *люди;* считать святыхъ безгрѣшными—*грѣхъ*. Апостолъ Петръ схитрилъ отъ страха и отрекся отъ Христа на мгновеніе. Въ этомъ смыслѣ и епископы болгарскіе *лично* не должны быть слишкомъ строго судимы; они могли согрѣшить изъ тщеславія, гордости, изъ человѣкоугодія, своекорыстія...

Но можно ли православнымъ людямъ поддерживать *церковь лукавствующихъ?* Церковь, основанную на *тончайшей* лжи, на какомъ-то чрезвычайно искусномъ, едва примѣтномъ *издали* отщепленіи!

Нѣтъ, самая рѣзкая *догматическая* ересь была бы не такъ опасна, потому что она не носила бы столь невинной и обманчивой личины, не

издѣвалась бы надъ нашимъ невѣжествомъ, не подкрадывалась бы къ самому сердцу нашему, нынѣ столь жалостливому и свободолюбивому!..

Примѣровъ русскаго незнанія, русскихъ заблужденій, русской *фразы* нѣтъ конца!...

Конечно, не я одинъ могу ихъ привести; но и вы сами, и всѣ тѣ, которые принимаютъ участіе въ нашей газетѣ, столь почтенной и серьёзной.

Одна ничтожная замѣтка Нестора о *льстивости Грековъ* сколько надѣлала вреда!...

Мало ли что могло показаться лѣтописцу. И онъ былъ человѣкъ „немощный," какъ и всѣ люди; и онъ могъ заблуждаться. Надо принять въ соображеніе и то, что Византійскіе Греки были въ то время гораздо образованнѣе русскихъ и уже по этому одному казались ему хитрѣе всѣхъ другихъ людей, *льстивѣе*, *лукавѣе*...

По поводу подобныхъ *древнихъ* наблюденій, не всегда удобно примѣнимыхъ къ нашему времени, я вспоминаю отвѣтъ, данный мнѣ однимъ очень молодымъ Кандіотомъ, простаго званія. Нынѣшніе Критяне вообще очень симпатичны и самая хитрость ихъ не груба и не противна, а, напротивъ того, имѣетъ въ себѣ что-то мягкое, веселое и ласкающее... Этотъ же юноша, о которомъ я вспомнилъ, былъ воплощенное простодушіе и честность... Я что-то спросилъ у него, онъ отвѣтилъ... „Я не вѣрю тебѣ; ты лжешь, сказалъ я ему шутя: Апостолъ Павелъ говоритъ, что Критяне всѣ лжецы".

— Когда, когда жилъ апостолъ Павелъ!! Съ тѣхъ поръ сколько перемерло народу. Всѣ люди перемѣнились, возразилъ мнѣ, смѣясь, молодой грекъ.

Авторитетъ апостола Павла важнѣе авторитета нашего лѣтописца; однако, въ этомъ случаѣ не руководиться исключительно замѣчаніемъ апостола будетъ также не грѣшно, какъ не грѣшно согласиться, что русло какой-нибудь рѣки, или глубина какого-нибудь озера, упоминаемаго въ Священномъ Писаніи, измѣнились съ теченіемъ вѣковъ.

Не знаю, случилось ли съ вами это, а мнѣ случилось слышать эту фразу Нестора *греки льстивы до сего для* отъ очень серьезныхъ людей, отъ людей умныхъ и даже... отъ людей государственной службы... Правда, тутъ есть разница; ученые, исключительно кабинетные, нерѣдко бываютъ наивны и сентиментальны въ политикѣ, не понимаютъ иногда и вовсе того, что государственная, такъ сказать, психо-механика не можетъ руководиться одними „моральными" соображеніями и вкусами. Они часто не знаютъ, что дѣйствія и противодѣйствія естественной международной борьбы должны основаться какъ можно менѣе на личныхъ симпатіяхъ и увлеченіяхъ, хотя бы и цѣлыхъ массъ, ибо тогда не слѣдовало-бы воевать противу Турокъ, такъ какъ извѣстно, что *лично* многіе изъ нихъ честны, просты сердцемъ, пріятны въ частныхъ сношеніяхъ и дѣ-

лахъ, даже очень добры и мягки въ мирное время и пока не распалено до безумія ихъ религіозное чувство...

Но *люди государственной службы* все это знаютъ и почему они тоже упоминаютъ не кстати въ разговорахъ своихъ о словахъ Нестора, я понять не могу! Такъ, плохое остроуміе какое-то. А въ мысляхъ у нихъ *совсѣмъ другое*...

Такого рода людямъ всегда понравится, напримѣръ, русскій „кулакъ"-консерваторъ, очень хитрый въ частныхъ дѣлахъ и непоколебимый, искренній въ религіозныхъ и государственныхъ убѣжденіяхъ своихъ. И мнѣ такой человѣкъ нравится, и я его уважаю; но мнѣ нравится не менѣе его и православный Грекъ точно такого же „стиля" или закала; а нѣкоторые дипломаты наши, хваля подобнаго русскаго, въ то же время грека, на *него очень похожаго* и ему равносильнаго и по твердости вѣрованій, и по *личнымъ слабостямъ*, непремѣнно назовутъ *льстивымъ* (т.-е. лживымъ) фанаріотомъ.

Отчего же это? Мнѣ кажется, что опытные дипломаты тоже заблуждаются въ этомъ случаѣ, но нѣсколько иначе, чѣмъ тотъ знакомецъ мой, чтущій прописи Смайльса и не чтущій монаховъ, о которомъ я говорилъ выше,—они заблуждаются, но не такъ, какъ чисто-кабинетные люди.

Заблужденія дипломатовъ въ греко-болгарскомъ вопросѣ происходятъ, конечно, не отъ добродушнаго исканія *человѣческой, прогрессивной правды* на земномъ шарѣ,—исканія, неприличнаго ихъ высокому званію, опыту и уму, но отъ той ложной мысли, будто бы Россія должна для *выгодъ своихъ*, для укрѣпленія собственной силы, во что бы то ни стало *угодить* Юго-Славянамъ, и въ особенности этимъ Болгарамъ, отнынѣ и впредь долженствующимъ стать вѣрными проводниками Руссизма на Востокѣ. (Хороши проводники, ратующіе противъ той самой церкви, которой ученіе и преданіе возростили Россію! Хорошъ Руссизмъ — Бельгійская „говорильня" съ хамоватыми атеистами во главѣ!).

Вѣроятно, тѣ изъ дипломатовъ нашихъ, которые стояли за Болгаръ, въ пылу практической дѣятельности не нашли времени осмотрѣться кругомъ внимательно и понять того до грубости поразительнаго факта, что во всей Европѣ чисто-національное начало, т.-е. *племенное*, разрѣшившееся отъ *религіозныхъ узъ*, при торжествѣ своемъ даетъ плоды вовсе не національные, а, напротивъ того, въ высшей степени *космополитическіе* или, точнѣе, *революціонные*.

Въ Италіи,—эмансипаціонный націонализмъ погубилъ Папство и даже по духу и общественному быту сдѣлалъ Итальянцевъ болѣе похожими на Французовъ, чѣмъ они были до 59-го года, т.-е. *менѣе національными*. Вторая имперія, служа чужому либерально-націонализму, погубила и себя, и Францію; создавъ Италію, она ослабила себя и послужила косвенно какъ Германскому, такъ и Славянскому опять-таки либеральному націонализму. Въ торжествующей и почти вполнѣ объединившейся Гер-

маніи *немедленно* началось глубокое соціальное броженіе, и единство власти и племени повлекло за собой усиленіе атеизма и анархическихъ наклонностей. Побѣждая Францію, Германія у себя наткнулсь на роковую *культурную борьбу* съ Папствомъ, отъ которой не знаетъ какъ теперь избавиться, и, съ другой стороны, въ побѣжденной странѣ, во Франціи, униженіемъ имперіи она подготовила возможность *якобинской*, республики Греви-Гамбетта, имѣющей въ свою очередь скоро и несомнѣнно перейти въ *нѣчто еще худшее*.

Національно-либеральное начало *обмануло* всѣхъ, оно обмануло самыхъ опытныхъ и даровитыхъ людей; оно явилось *лишь маскированной* революціей, — и больше ничего. Это одно изъ самыхъ искусныхъ и лживыхъ *превращеній того Протея всеобщей демократизаціи, всеобщаго освобожденія и всеобщаго опошленія, который съ конца прошлаго вѣка неустанно и столь разнообразными пріемами трудится надъ разрушеніемъ великаго зданія Романо-Германской государственности.*

Поэтому-то и болгарское національное движеніе противу Патріарха и канонов для Россіи опаснѣе и вреднѣе *всего остальнаго на свѣтѣ*; это самый злокачественный припадокъ проклятой либерально-прогрессивной (т.-е. *космополитической*) заразы!

Я прерываю это письмо,—оно и такъ слишкомъ длинно...

277

ПИСЬМА О ВОСТОЧНЫХЪ ДѢЛАХЪ.

(Гражданинъ; 1882—83 г.)

0279

ПИСЬМА О ВОСТОЧНЫХЪ ДѢЛАХЪ.

I.

Наше назначеніе и наши выгоды.

Когда мы размышляемъ о дѣлахъ Востока и хотимъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что намъ можетъ предстоять и что для Россіи выгоднѣе, то необходимо прежде всего различить идеалъ нашъ или цѣль нашихъ замысловъ и дѣйствій отъ средствъ выполненія задачи.

Средства достиженія должны, конечно, избираться самыя подручныя и легкія, но объ этой легкости и доступности должно, однако, заботиться лишь настолько, насколько это не вредитъ высотѣ и ширинѣ идеала *)... Если высшему политическому идеалу слишкомъ легкія средства вредятъ, то надо предпочесть имъ болѣе трудныя и даже такія, которыя сопряжены съ величайшими жертвами.

О выборѣ тѣхъ или другихъ средствъ я буду говорить позднѣе; теперь же я хочу подѣлиться съ вами любимыми моими мыслями о томъ, что *должно быть* нашимъ *сознательнымъ идеаломъ* или о томъ, что *вѣроятно будетъ* нашимъ *роковымъ назначеніемъ*. (Я употребляю здѣсь слово „роковой“ не въ исключительно мрачномъ его значеніи, а въ смыслѣ болѣе широкомъ,—въ томъ смыслѣ, что свершеніе историческихъ судебъ зависитъ гораздо болѣе отъ *чего-то* высшаго и неуловимаго, чѣмъ отъ человѣческихъ, сознательныхъ дѣйствій; сознательный идеалъ

*) Чтобы мысль моя была понятна, я напомню кратко о Греко-Болгарскомъ вопросѣ. Конечно, утверждать наше вліяніе на Востокѣ черезъ потворство болгарскому *либеральному* движенію противу Вселенскаго патріарха было очень легкое и дешевое, нехитрое средство обыкновеннаго демократическаго европеизма. И мы сдѣлали много вреда и себѣ, и церкви, потворствуя Болгарамъ *больше, чѣмъ было нужно*. Однако, такъ какъ и при этомъ неблагопріятномъ условіи, *высшій обще-церковный идеалъ, все-таки, не вполнѣ забывался* руководившими насъ людьми, то мы и остановились еще во-время—и *единство* церкви спасено, т.-е. мы съ *Греками не въ расколѣ*.
Авт.

необходимъ; но онъ тогда только осуществимъ приблизительно, когда онъ хоть сколько-нибудь сходенъ съ неясной еще въ подробностяхъ картиной этого роковаго предначертанія, когда онъ предугадываетъ ея общія черты).

Идеалъ нашъ при разрѣшеніи Восточнаго вопроса долженъ быть самый высшій, самый широкій и смѣлый, *самый идеальный*, такъ сказать, *изъ всѣхъ возможныхъ идеаловъ*. Вотъ почему.

Если идеалъ нашъ будетъ слишкомъ одностороненъ, мелокъ и простъ, то мы, стремясь безъ мѣры настойчиво только къ ближайшимъ, *очереднымъ* цѣлямъ и не храня въ душѣ *иныхъ завѣтовъ*, можемъ испортить себѣ будущее, закроемъ себѣ путь дальнѣйшаго, правильнаго и спасительнаго развитія *).

Россія — не просто государство; Россія, взятая во всецѣлости со всѣми своими азіатскими владѣніями, это — цѣлый міръ особой жизни, особый государственный міръ, *не нашедшій еще себѣ своеобразнаго стиля культурной государственности* (говоря проще—*такой, которая на другихъ не похожа*).

Поэтому не изгнаніе *только* Турокъ изъ Европы и *не эмансипацію только* Славянъ и *даже не образованіе во что бы то ни стало изъ всѣхъ Славянъ, и только изъ Славянъ, племенной конфедераціи* должны мы имѣть въ виду, а нѣчто болѣе широкое и по мысли болѣе независимое.

Начнемъ хоть съ Турокъ.

„Сверженіе позорнаго ига азіатской орды" можетъ занимать ограниченные умы нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ; намъ же давно пора догадаться, что никакое насильственное иго азіатскихъ владыкъ не можетъ быть такъ „позорно", какъ добровольно допускаемая народомъ власть собственныхъ адвокатовъ, либеральныхъ банкировъ и газетчиковъ. Насиліе не можетъ такъ опозорить людей, какъ ихъ собственная непостижимая глупость.

Удаленіе Турокъ только необходимый пріемъ, это одно изъ неизбѣжныхъ средствъ и больше ничего.

Можно, пожалуй, *говорить* о „варварствѣ" и т. п.; можно даже, если это необходимо для возбужденія людей попроще, склонять печатно во всѣхъ падежахъ слово „орда", „орды", „ордою", объ „ордѣ", какъ дѣлали газеты и журналы наши во время послѣдней войны; но надо помнить при этомъ стихъ Тредьяковскаго:

Держись черни,
А знай штуку...

*) Я говорю *развитія*, а не *прогресса*... Я нахожу, что идея настоящаго развитія и цѣли *демократическаго* прогресса представляютъ непримиримыя антитезы. Развитіе есть усиленіе *организованной*, т.-е. *дисциплинированной разнородности*; *демократическій прогрессъ* есть стремленіе къ *смѣшенію въ* однообразіи, т.-е. *разрушеніе всего разнороднаго* (см. Византизмъ и Славянство). *Авт.*

Не должно *въ наше время* считать подобную идею достойной серьезнаго вниманія русскаго ума.

Презрѣніе къ азіатцамъ, мысль объ изгнаніи Турокъ *за то, что они не либеральны, не индустріальны* и т. п., а живутъ религіозно-монархическими и воинственными идеалами,—это все *не наше*, и не старо-русское, и не ново-славянское, а самое обыкновенное европейское.

Мысль объ изгнаніи Турокъ изъ Европы и объ *замѣнѣ ихъ Русскими на Босфорѣ*, конечно, не принадлежитъ Западной Европѣ, какъ чисто-политическая мысль; Западная Европа считала эту мысль до послѣдняго времени и, вѣроятно, отчасти считаетъ и теперь опасною и даже гибельною въ международномъ отношеніи. Но, все-таки, эта анти-азіатская идея, по существу своему, *эмансипаціонна, либеральна*, т.-е. болѣе или менѣе разрушительна. Это обыкновенная нынѣшняя либеральная, западно-европейская, *вовсе не наша* по происхожденію и по *культурному духу* идея, лишь агитируемая нами весьма удачно и счастливо съ 60-хъ годовъ. Европѣ она не нравится съ точки зрѣнія *равновѣсія политическихъ силъ*; но по источнику и по характеру, *все-таки*, это мысль европейская. Это одно изъ послѣднихъ приложеній идеи „равенства и свободы“ лицъ, общественныхъ классовъ, провинцій и племенъ. Русское во всемъ этомъ дѣлѣ только *приложеніе*, или весьма счастливая эксплуатація, какъ я сказалъ, этой обыкновенной, современно-европейской эмансипаціонной мысли въ пользу Россіи и ея слабыхъ единовѣрцевъ.

Оттого-то всѣ попытки Запада препятствовать намъ и были такъ неудачны съ 60-хъ годовъ *).

При Государѣ Николаѣ Павловичѣ дѣло было поставлено прямѣе, яснѣе и *по духу самобытнѣе*; говорилось больше *о правахъ русскаго покровительства, о русской власти*. Это было лучше по существу; но неудобно по времени. *Рано*. Насъ постигла неудача. Европа не узнавала въ тогдашнихъ нашихъ дѣйствіяхъ *своей идеи* эмансипаціонной, демократической, эгалитарной. До православно-монархическаго духа ей не могло быть дѣла; она его ненавидѣла: она не была тогда въ противорѣчіи сама съ собою, и побѣдила. Съ 60-хъ годовъ русская дипломатія, русская печать и русское общество стали все громче и громче говорить въ пользу христіанъ Востока и, притомъ, опираясь не такъ, какъ въ 50-хъ годахъ, преимущественно на право *нашей власти*, а гораздо болѣе на *права самихъ христіанскихъ подданныхъ султана*. Политика наша послѣ Крымской войны стала *западнѣе* по мысли, т.-е. либеральнѣе; по существу это хуже, *развратительнѣе* съ гражданской

*) Нельзя же и Берлинскій трактатъ серьезно считать большой неудачей; это, какъ вѣрно было сказано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, *только временный роздыхъ*. Насъ Берлинскій трактатъ только пріостановилъ; Турцію онъ приговорилъ къ смерти. *Авт.*

точки зрѣнія; по времени—это стало удобнѣе; Европа, парализованная внутреннимъ противорѣчіемъ, не могла уже вся дружно соединиться противу насъ; она вынуждена была уступать намъ безпрестанно на пути либеральныхъ реформъ, которыя мы для христіанъ предлагали; Турція черезъ это слабѣла; христіане становились все смѣлѣе и смѣлѣе, и мы въ теченіе двадцати всего лѣтъ, почти неожиданно сами для себя, шагъ за шагомъ, разрушили Турецкую имперію, на которую столь многіе замѣчательные государственные люди Запада, отъ Меттерниха до Наполеона III и Пальмерстона, возлагали столько надеждъ.

Эмансипаціонный процессъ вездѣ разрушителенъ, ибо онъ, по существу своему, враждебенъ государственной, церковной и сословной дисциплинѣ; и если человѣчество еще не утратило способности *организоваться*, если оно еще не осуждено на медленное вымираніе и самоуничтоженіе (посредствомъ всѣхъ мощныхъ орудій того, что зовутъ нынче *прогрессъ*), то для дальнѣйшаго, болѣе прочнаго, *менѣе подвижнаго* своего устройства оно вынуждено будетъ придти къ новымъ формамъ юридическаго неравенства, къ новому и сознательному поклоненію *хроническому*, такъ сказать, *деспотизму* новыхъ отношеній.

XIX вѣкъ близится къ концу своему. Безъ малаго сто лѣтъ тому назадъ, въ 89 году, было объявлено, что всѣ *люди должны быть равны*. Опытъ столѣтія доказалъ *вездѣ*, что это *неправда*, что они *не должны быть равны* или *равно поставлены* и что „благоденствія" никакого никогда не будетъ. А назрѣваетъ *что-то новое*, по мысли отходящему вѣку враждебное, хотя изъ него же органически истекшее.

Ясно, что это новое ни либерально, ни эгалитарно быть не можетъ.

Итакъ, изгнаніе Турокъ...

Изгнаніе Турокъ необходимо, сказалъ я, но, освобождая христіанъ, мы должны имѣть въ виду не столько *свободу* ихъ, сколько ихъ *организацію*. А для этого мы прежде всего изъ собственныхъ нашихъ умовъ всѣми возможными средствами должны выжить какъ можно скорѣе всѣ не только „конституціонныя", но даже и вообще либерально-эгалитарныя идеи, привычки и вкусы. Иначе мы погубимъ и свою будущность, и будущность всего Востока.

Одинъ примѣръ изъ многихъ; положимъ, что пришло удобное время удалить султана съ береговъ Босфора и стать тамъ самимъ твердою ногою (поводы *скоро* найдутся, они уже существуютъ въ дѣйствіяхъ Англіи). Говорить тогда и писать „для Европы" можно, что угодно, но мыслить *для себя* надо правильно и ясно.

Не потому надо, напримѣръ, удалить султана, что онъ самодержавный азіатскій монархъ (это хорошо), а потому, что держава его стала слаба и не можетъ уже болѣе противиться либеральному *европеизму*.

А мы можемъ, если захотимъ!... Мы уже и доказали это недавно

и нашей послѣдней войной и, что еще гораздо важнѣе, мы доказали это въ *области политической мысли манифестомъ 29-го апрѣля 1881 г.*

Передъ лицомъ *всей конституціонной Европы и всей республиканской Америки* мы объявили, что не намѣрены больше жить чужимъ умомъ и приложимъ всѣ старанія, чтобъ у насъ самодержавіе было крѣпко и грозно и чтобъ о „конституціи" и помину бы больше не было.

Свернувши круто (и Богъ дастъ навсегда!) съ пути эмансипаціи общества и лицъ, мы *вступили на путь эмансипаціи мысли*; съ пути медленнаго, но вѣрнаго разрушенія, на путь организаціи и созиданія.

Въ этомъ дѣйствіи мы едва ли не въ первый разъ со временъ Петра Великаго рѣшились быть самобытными не какъ сила только внѣшне-государственная въ средѣ другихъ государственныхъ единицъ, *но и какъ политически-культурная мысль*, смѣлая, независимая, ясная!

Это великій шагъ!

Благодаря ему, мы имѣемъ полное право предпочитать себя султану на берегахъ Босфора не только изъ честолюбія, корысти или какого бы то ни было политическаго эгоизма, но и въ смыслѣ *культурнаго долга*.

Пора положить предѣлъ развитію мѣщански-либеральнаго прогресса! Кто въ силахъ это сдѣлать, тотъ будетъ правъ и предъ судомъ исторіи.

II.

Продолженіе того же.

Я сказалъ въ первомъ письмѣ моемъ, что высшимъ идеаломъ нашимъ при разрѣшеніи Восточнаго вопроса должно быть нѣчто болѣе широкое, болѣе содержательное и *по мысли* болѣе самобытное, чѣмъ мѣщански-сентиментальная охота на „азіатскихъ варваровъ" и чѣмъ простодушное освобожденіе Славянъ „отъ ненавистнаго ига Турокъ и Швабовъ"...

Даже и созданіе конфедераціи независимыхъ славянскихъ государствъ *не должно быть высшимъ идеаломъ нашимъ. Уже и теперь* для внимательнаго ума ясно изъ самыхъ положительныхъ, реальныхъ данныхъ исторіи, современной этнографіи, текущей политики, изъ географическихъ отношеній и даже изъ нѣкоторыхъ оттѣнковъ національной психологіи, что *безсознательное назначеніе Россіи не было и не будетъ чисто славянскимъ.*

Оно уже потому не могло и быть таковымъ, что чисто славянскаго, совершенно своеобразнаго (настолько своеобразнаго и полнаго, напримѣръ, какъ прежняя англійская конституція, какъ готическая архитектура, какъ французскіе моды и обычаи, какъ китайскія мануфактурныя произведенія, какъ мусульманизмъ Аравитянъ и Турокъ)—ничего до сихъ поръ у Славянъ и не было. Развѣ—блестящая и *дѣйствительно ни на что не похожая* республика польская, ничего прочнаго и поучительнаго въ наслѣдство міру по кончинѣ своей не оставившая.

Назначеніе Россіи еще и потому не можетъ быть односторонне славянскимъ, что сама Россія давно уже не чисто-славянская держава. Азіатскія, подвластныя коронѣ русской провинціи обширны, многозначительны по мѣстоположенію и весьма характерны по идеямъ своимъ и при каждомъ политическомъ движеніи своемъ Россія должна неизбѣжно брать въ разсчетъ настроеніе и выгоды этихъ драгоцѣнныхъ своихъ окраинъ.

Въ самомъ характерѣ Русскаго народа есть очень сильныя и важныя черты, которыя гораздо больше напоминаютъ Турокъ, Татаръ и др. Азіатцевъ, или даже вовсе никого, чѣмъ южныхъ и западныхъ Славянъ. Въ насъ больше лѣни, больше фатализма, гораздо больше покорности властямъ, больше распущенности, добродушія, безумной отваги, непостоянства, *несравненно больше* наклонности къ религіозному мистицизу, (даже къ творчеству религіозному, къ разнымъ еретическимъ выдумкамъ), чѣмъ у Сербовъ, Болгаръ, Чеховъ и Хорватовъ.

У нихъ больше выдержки, терпѣнія, гораздо больше трезвости физической и умственной; скромныя семейныя добродѣтели у нихъ несравненно крѣпче, чѣмъ у русскихъ людей; они мало расположены къ какимъ-нибудь нигилистическимъ крайностямъ, но за то ихъ индифферентизмъ въ религіи поразителенъ; ихъ машинальное, сухое охраненіе *кой-чего*, къ чему они привыкли или что имъ дорого только въ политическомъ отношеніи, безъ всякой бури и боли „исканія" очень непріятно поражаетъ Русскаго, когда онъ съ ними ближе знакомится. Они всѣ расположены болѣе или менѣе къ *умѣренному либерализму*, который, къ счастію нашему, въ Россіи такъ не глубокъ и *такъ легко можетъ быть до тла раздавленъ между двумя весьма не либеральными силами*: между изступленнымъ нигилистическимъ порывомъ и твердой, безтрепетной защитой нашихъ великихъ историческихъ началъ.

Однимъ словомъ, наши западные и южные единоплеменники гораздо болѣе насъ похожи всѣми своими добродѣтелями и пороками на европейскихъ буржуа самяго *средняго* пошиба. Въ этомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ психическаго, бытоваго и умственнаго своеобразія, Славяне гораздо менѣе культурны, чѣмъ мы. Ибо я сказалъ уже вамъ, что подъ словомъ *культура* я понимаю вовсе не *какую попало цивилизацію, грамотность, индустріальную зрѣлость* и т. п., а лишь цивилизацію *свою по источнику*, міровую по преемственности и вліянію. Подъ словомъ своеобразная міровая культура я разумѣю: *цѣлую свою собственную систему отвлеченныхъ идей религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ, философскихъ, бытовыхъ, художественныхъ и экономическихъ* (необходимо прибавить *когда дѣло идетъ о нашемъ времени*; ибо нельзя же отвергать, что экономическій вопросъ *вездѣ* теперь стоитъ на очереди и что та нація, или то государство, которому посчастливится захватить въ свои могучія и *охранительныя руки* это передовое и ни-

чѣмъ до поры до времени не отвратимое движеніе умовъ, станетъ не цѣлые вѣка во главѣ человѣчества и не только себя прославитъ неслыханно, но и предохранитъ множество драгоцѣнныхъ этому человѣчеству предметовъ и началъ отъ насильственнаго разрушенія).

Такую систему отвлеченныхъ идей, и безсознательно въ жизни живущихъ, и сознательно въ жизнь проводимыхъ, и изъ нея въ областч дальнѣйшей мысли извлекаемыхъ, я зову *культурой*. Надо уговориться въ терминахъ, чтобъ понимать другъ друга, И для меня въ этомъ смыслѣ Китай культурнѣе Бельгіи; Индусы культурнѣе Сѣверо-Американцевъ; русскій старовѣръ или даже скопецъ *гораздо* культурнѣе русскаго народнаго учителя по „книжкѣ *барона Корфа*“.

Въ этомъ же именно смыслѣ можно позволить себѣ сказать про Россію странную вещь, что она есть нація изъ всѣхъ славянскихъ націй *самая не славянская* и *въ то же время самая славянская*. Она самая не-славянская, потому что по исторіи своей, по составу (быть можетъ и по крови), по психическому и умственному строю, она отъ всѣхъ другихъ Славянъ очень отлична. Она же, съ другой стороны, самая славянская изъ всѣхъ; не потому только, что она призвана стать *политически во главѣ* Славянъ, но и потому, что только у ней и существуетъ уже, и зарождается и можетъ, утверждаясь, развиться дальше—многое такое, что не свойственно было до сихъ поръ ни Европейцамъ, ни Азіятцамъ, ни Западу, ни Востоку. Это и естественно; ибо только изъ болѣе восточной, изъ наиболѣе, такъ сказать, азіатской — *Туранской*, націи въ средѣ славянскихъ націй можетъ выйти нѣчто отъ Европы *духовно* независимое; безъ этого азіатизма вліяющей на нихъ Россіи всѣ остальные Славяне очень скоро стали бы самыми плохими изъ континентальныхъ Европейцевъ, и больше ничего. Для такой жалкой цѣли не стоило бы ни имъ „свергать иго“, ни намъ предпринимать для нихъ и за нихъ самоотверженные крестовые походы. Не для того же русскіе орлы перелетали за Дунай и Балканы, чтобы Сербы и Болгары высиживали бы послѣ на свободѣ куриныя яйца мѣщанскаго европейства à la Вирховъ, à la Кобденъ или Жюль Фавръ.

Это было бы ужасно!

Конечно, мы Славянъ освободимъ; это необходимо; это неизбѣжно; обстоятельства, не отъ насъ однихъ зависящія, *заставятъ насъ* сдѣлать это и, вѣроятно, очень скоро. Никакія коалиціи насъ не удержутъ; никакая боевая Германія съ своими шульмейстерами не воспрепятствуетъ этому. Даже побѣждая Славянъ на полѣ битвы, она будетъ побѣждена политически, фаталистически уничтожена, подобно Австріи, уступившей Венеціанскую область послѣ побѣды своей при Кустоццѣ. Судьбы историческія *должны* свершиться, вопреки человѣческимъ соображеніямъ; либеральное разрушеніе веего соціально-политическаго строя Европы, созданнаго вѣками прошлаго величія, еще не достигло „точки на-

сыщенія“. Національзмъ же чисто политическій, т.-е. опредѣляющійся не культурно-бытовымъ *своеобразіемъ* племени, не оригинальностью въ немъ *всего*, отъ религіи до модъ и вкусовъ, а только государственной *независимостью его*, есть ничто иное, какъ одно изъ главныхъ проявленій *все того же* и *того же*, то-есть того могучаго и не всегда понятаго движенія, которое одни зовутъ обновленіемъ и прогрессомъ, другіе революціей, а я предпочитаю называть точнѣе: *эгалитарно-либеральнымъ разложеніемъ* Романо-Германской цивилизаціи. Разложеніе это заражаетъ и будетъ заражать все человѣчество до тѣхъ поръ, пока движеніе не дойдетъ до поворотной точки, или говоря прямѣе, *до тѣхъ поръ, пока то, что я здѣсь говорю и что многимъ кажется лишь одной оригинальностью, не станетъ такимъ же общимъ мѣстомъ, какимъ теперь стало многое, полвѣка тому назадъ казавшееся тоже чуть не пустымъ чудачествомъ!*

Люди, освобождающіе или объединяющіе своихъ одноплеменниковъ въ XIX вѣкѣ, *хотятъ* чего-то *національнаго*, но достигая своей политической цѣли, они *производятъ лишь космополитическое*, т.-е. нѣчто такое, что стираетъ все болѣе и болѣе національзмъ бытовой или культурный и смѣшиваетъ все болѣе и болѣе этихъ освобожденныхъ или свободно объединенныхъ одноплеменниковъ съ другими племенами и націями въ общемъ типѣ прогрессивно-европейскаго мѣщанства. Космополитическій демократизмъ и національзмъ политическій—это лишь два оттѣнка одного же и того же цвѣта.

Чтобы понять это, стоитъ только вспомнить слѣдующія общеизвѣстныя событія исторіи истекающаго нынѣ столѣтія.

Демократическое (эгалитарно-либеральное) движеніе началось съ Франціи. Франція первой республики и консульства *не говорила спеціально о національности*; она провозглашала обще-демократическое начало. Это такъ; но это начало до того тѣсно связано съ политическимъ и племеннымъ національзмомъ, что космополитическая идея очень скоро и незамѣтно для самихъ французовъ превратилась въ патріотическую и довела посредствомъ побѣдъ *политическій патріотизмъ* гражданъ этого, *по преимуществу племеннаго*, чисто-національнаго государства, до неслыханнаго изступленія и героизма.

Замѣчательно, что даже войска стали тогда только въ 1-й разъ кричать: Vive la France! Прежде кричали: Vive le roi!

Реакція всей остальной Европы, не желавшей еще тогда разстаться съ величіемъ своей аристократической культуры, пріостановила въ 1816 году этотъ потокъ.

Но остановила она его не надолго.

Франція предлагая, міру *свое* космополитическое ученіе, стала въ высшей степени національна. Вслѣдствіе давняго сплошнаго единства, *племенная эгалитарность* не была ей опасна; у ней не было ни внутри

подвластныхъ, чуждыхъ племенъ, уравнивая которыхъ съ Французами, можно было бы расшатывать градативный, неравноправно-спасительный строй своего государства; ни настоящихъ соплеменниковъ по языку и крови за предѣлами Франціи, освобождая которыхъ или присоединяя къ себѣ (т.-е. также уравнивая въ правахъ и положеніи со всѣми другими), она могла бы способствовать разстройству и распаденію другихъ государствъ и этимъ способствовать косвенно общему *всесмѣшенію*.

Франціи (*какъ и всякому другому государству*) было опасно только одно соціальное, внутреннее, сословное и провинціальное уравненіе, т.-е. *однообразіе* въ *ея единствѣ*. Это уравненіе и низвело ее неожиданно, шагъ за шагомъ, паденіе за паденіемъ (и все во имя прогресса, свободы и гуманности!) отъ Жемаппа и Вальми до Меца и Седана, отъ демоническаго и легендарнаго Корсиканца, у котораго только волосы были плоски (le Corse aux cheveux plats) до Греви, который весь есть ничто иное какъ самое чистое проявленіе „честной" европейской плоскости!

Другія націи и другія державы были въ другомъ положеніи. Для ихъ либерально-эгалитарнаго разстройства историческому року нуженъ былъ другой пріемъ, не столь прямой и односложный, какъ для *единой и однородной* Франціи, тысячелѣтіе продержавшейся одними только *горизонтальными* общественными наслоеніями.

Придумана была иллюзія: *національный вопросъ или*, *вѣрнѣе назвать*, *племенная политика*.

Источникъ былъ націоналенъ, замыслъ тоже; результатъ же вездѣ все тотъ же космополитическій, гражданское равенство, политическая и личная свобода, смѣшеніе племенъ и сословій, однообразіе провинцій, *т.-е. то же самое, что во Франціи*.

Названіе другое, дѣло одно.

Дѣйствительно-національнаго по мысли, по духу, по формамъ (безъ которыхъ истинное творчество духа невообразимо и не бываетъ), т.-е. оригинальнаго, не вышло изъ этого движенія ничего.

Напротивъ того, очень многое изъ того, что создано было прежде и потомъ съ горячей любовью и непоколебимо сохранялось цѣлые вѣка, погибло очень быстро, благодаря этому новому и *какъ бы лукавому* повороту революціоннаго вихря.

Этотъ поворотъ былъ до того обманчивъ и ослѣпленіе отъ этого вихря было такъ сильно, что многіе мыслящіе патріоты (и даже наши славянофилы) не узнали въ такъ называемомъ національномъ движеніи своего злѣйшаго врага: *космополитическую революцію!*

Такъ случилось вездѣ; начиная съ 1821 года (т.-е. съ Эллинскаго возстанія) и до мечтаній несчастнаго Араби-паши о независимости Арабовъ...

Подробно перечислять здѣсь всѣ примѣры, признаться, тягощусь.

Хочу скорѣе кончить это письмо. Вспомните ихъ сами—Италію и Австрію, Францію и Германію даже Россію и Польшу 60-хъ годовъ, побѣды и пораженія, войны и возстанія... Результатъ *вездѣ и отo всего одинъ*: либеральная демократизація и космополитическое однообразіе идей, вкусовъ, потребностей и внѣшнихъ формъ...

У Славянъ, еслибы не было около нихъ этой загадочной, полуазіатской, мистической и какъ-то героически-растерзанной Россіи вышло бы все это смѣшеніе и опошленіе и выдыханіе хуже, чѣмъ гдѣ либо, вслѣдствіе подражательности Славянъ, вслѣдствіе слабости ихъ охранительныхъ и творческихъ силъ.

Славяне, за неимѣніемъ лучшаго, готовы хвастаться (и не разъ хвастались), что они по природѣ своей либеральнѣе другихъ племенъ...

Да и наши русскіе отъ этого, какъ вамъ извѣстно, до сихъ поръ не прочь...

Прошу васъ, однако, не ужасайтесь тому, что я говорю о Славянахъ такъ сухо и недоброжелательно.

Я знаю вы за Православіе и Самодержавіе покойны, когда я пишу, но я прошу васъ и за „братьевъ Славянъ“ не опасаться.

Въ моемъ идеалѣ, или въ пророчествѣ моемъ и для нихъ отведено подобающее мѣсто. Я говорилъ уже, что ихъ придется освободить и *даже невольно* быть можетъ объединить въ союзъ, политически устроить.

Чего же имъ больше? Они только этого и желаютъ. Бѣдность ихъ мысли выше политической независимости и равенства со всѣми другими, съ Нѣмцами, Греками, Турками и т. д., не можетъ и подняться теперь...

Ихъ *либерализмъ* долженъ быть *сначала* удовлетворенъ въ международномъ отношеніи. И чѣмъ скорѣе мы развяжемся съ этимъ необходимымъ и *Богъ дастъ послѣднимъ эмансипаціоннымъ* дѣломъ, тѣмъ скорѣе можно будетъ приступить къ дѣйствіямъ созидающимъ, устрояющимъ, т.-е. *ограничивающимъ* (не власть, *конечно*, а свободу!),—однимъ словомъ *къ организаціи, которая есть ничто иное какъ хроническій деспотизмъ*, всѣми, болѣе или менѣе, волей и неволей, по любви и изъ страха, изъ выгодъ или изъ самоотверженія признаваемый и терпимый, въ высшей степени *неравномѣрный и разнообразный деспотизмъ*; *постоянная и привычная принудительность всего строя жизни*, а не преходящія и невѣрныя принужденія одной только администраціи.

И *это* нужно (т.-е. дѣйствіе административнаго *жезла*) и *теперь* нужно даже до крайности; но для вѣковаго бытія *этого мало, очень мало*...

III.

Гамбетта, Скобелевъ и Бисмаркъ *).

Гамбетта умеръ...

„*Анархіи теперь представляется шансъ* (говоритъ по этому поводу „Daily Telegraph“). Какъ бы французы ни скорбѣли объ утратѣ того, кто могъ бы совершить дѣло отместки и сокрушить Германію, *иностранцы не раздѣляютъ этихъ сожалѣній...*“

Я согласенъ съ англійской газетой; но у насъ, повидимому, многіе думаютъ иначе... Я не говорю о *вѣнкѣ, посланномъ нашими присяжными повѣренными на гробъ* ихъ французскаго собрата по ремеслу **). Это понятно, и удивляться надо только одному, какъ позволило имъ сдѣлать это безнаказанно петербургское начальство.

Но вотъ передъ нами передовая статья газеты московской, большею частью серьезной, несомнѣнно патріотической, нерѣдко очень умной... Я говорю о *Современныхъ Извѣстіяхъ*. Къ чему этотъ уважительный тонъ! Къ чему вся эта германофобія или германофагія, которая сквозитъ между строчками...

„Для Россіи въ частности смерть Гамбетты утрата немаловажная, говоритъ эта газета. Какъ выскочку, наши дипломаты, повидимому, его не совсѣмъ жаловали. Да и были, дѣйствительно, у него не очень пріятныя замашки зазнавшагося буржуа. Но мы знаемъ, союзъ Франціи съ Россіей былъ для Гамбетты мечтою, и онъ отъ всего сердца желалъ силы для Россіи. Насколько способенъ былъ углубиться его умъ, чисто французскій и потому поверхностный, онъ соглашался признать историческія задачи Россіи. Довольно сказать, что онъ связанъ былъ самою искреннею пріязнію съ покойнымъ Скобелевымъ. И удивительная судьба! Не исполнилось еще годовщины со смерти нашего героя, смерть похищаетъ собесѣдника, съ которымъ Скобелевъ дѣлился мыслями и который Скобелеву повѣрялъ свои задушевныя политическія мечты“.

Кёльнская Газета подтверждаетъ этотъ взглядъ слѣдующими словами: „Сближеніе съ Россіей противъ Германіи нашло въ Гамбеттѣ столь же ревностнаго сторонника, какъ и въ молодомъ Скобелевѣ... 1882 годъ унесъ обоихъ сторонниковъ идеи русско-французскаго союза. И это во всякомъ случаѣ выгода для спокойствія міра“ (Welt).

Что жь эта близость доказываетъ? Она доказываетъ только, что Ско-

*) Это письмо прерываетъ ходъ мыслей, развиваемыхъ въ первыхъ письмахъ; оно было напечатано подъ впечатлѣніемъ неожиданной смерти Гамбетты; но тѣмъ не менѣе я не рѣшился его исключить; ибо по духу она состоитъ въ связи со слѣдующими письмами и въ нихъ есть ссылки на это, третье. *Авт.* (1885 г.).

**) *С.-Петербургскія Вѣдомости.*

белевъ ошибался въ этомъ случаѣ и что политическій смыслъ его былъ гораздо ниже его военнаго генія.

Еслибы еще можно было предположить, что поведеніе Скобелева было не искренно и что онъ дѣлалъ лишь „демонстраціи" для нѣкотораго устрашенія Германіи и для большаго склоненія ея государственныхъ людей къ союзу съ нами... *„если хочешь мира (или союза)— готовься къ войнѣ"*, то, конечно, это было бы очень умно и дальновидно. Но можно ли это предположить? Конечно, нѣтъ. Хотя подобная долголѣтняя и слишкомъ тонкая игра очень трудна и опасна, ибо можетъ раздражить того, кѣмъ мы дорожимъ; но она могла бы имѣть еще смыслъ со стороны лица, облеченнаго *спеціальною*, такъ сказать, властію; со стороны министра, посла или, наконецъ, самого Монарха; но Скобелевъ никѣмъ не былъ „оффиціально" уполномоченъ для подобнаго косвеннаго давленія на Германію и, по всѣмъ признакамъ, его надежды на союзъ съ Франціей были искренни.

Мысль о такомъ союзѣ и о французской „отместкѣ" не дурна и естественна, пока мы думаемъ только поверхностно о внѣшнемъ, военно-политическомъ равновѣсіи европейскихъ государствъ и Россіи. Но для того, кто ни на минуту не хочетъ забыть завѣтной, исполинской и вмѣстѣ *съ тѣмъ весьма осуществимой мечты о независимой, многосложной и новой Славяно-Восточной цивилизаціи, долженствующей замѣнить Романо-Германскую,—для того всяческое униженіе Франціи, какъ передовой націи Запада, должно быть дороже военной побѣды надъ Германіей*. Еслибы Германія была теперь такой же либерально-эгалитарной республикой, какъ Франція, еслибы въ ней президентомъ сидѣлъ какой-нибудь „честный труженикъ" вродѣ Вирхова, то трудно было бы, конечно рѣшить, которая изъ двухъ республикъ гнуснѣе, ненавистнѣе, и пошлѣе... парижская—„tigre-singe", по выраженію (кажется?) Вольтера, или та „корова", граціозно играющая на лугу, съ которой сравнивалъ Герценъ либерально-революціонную Германію.

Германское современное *общество*, положимъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, быть можетъ, еще буржуазнѣе и хуже (*по идеаламъ*, а не поведенію лицъ,—надо поминать эту разницу) французскаго; но Германское *государство*—монархія; и нѣмецкое общество *еще выноситъ* это государство; оно еще не настолько пало, чтобы не выносить такихъ людей, какъ старый, воинственный императоръ, Бисмаркъ, Мольтке... Къ тому же, у Германіи, *если только она не пойдетъ прежде времени противъ Россіи, еще не исполнившей своего роковаго назначенія и потому политически непобѣдимой*, есть еще огромныя задачи на Западѣ,—присоединеніе 8 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ (пожалуй, и *безъ выстрѣла*), завоеваніе Голландіи, и вытекающее изъ этого морское соперничество съ Англіей; весьма возможныя и естественныя претензіи въ Балтійскомъ морѣ; дальнѣйшее униженіе Франціи, которую, въ слу-

чаѣ равнодушія Россіи, вовсе не такъ трудно даже и *раздѣлить* теперь, какъ Польшу, между Италіей, Испаніей и Бельгіей, оставляя въ серединѣ небольшой независимый остатокъ, и, наконецъ, господствовать надъ всѣмъ Сѣверо-Западомъ, замѣнивъ непригодную послѣ великаго семилѣтія (отъ 71 до 78 г.) идею культурнаго Drang nach Osten систематическимъ государственнымъ движеніемъ nach Westen.

Вотъ какіе простые помыслы и вмѣстѣ, съ тѣмъ не легкія по исполненію задачи могутъ предстоять даже и подгнившей соціально Германіи за предѣлами нынѣшней имперіи, если она будетъ дружить съ Россіей. Россія нужнѣе Германіи, чѣмъ Германія Россіи...

Въ самомъ дѣлѣ, какое *существенное, органическое,* такъ сказать, и непоправимое зло можетъ намъ сдѣлать Германія въ случаѣ войны съ нами и нашего пораженія?

Отдать Австріи Константинополь?

Это смѣшно! Надолго ли? Развѣ въ наше время явнаго антиконституціоннаго поворота идей,—въ наше время,—*аграрно-рабочаго движенія противу меркантильнаго индивидуализма*; въ наше время—неоконченной еще *племенной эмансипаціи* и неосуществившагося еще *племеннаго объединенія,*—развѣ можетъ успѣшно бороться государство... положимъ... 50-ти-милліонное*), конституціонное, и малоземельное, почти исключительно-меркантильное, наскоро сколоченное въ слабую федерацію, безъ всякаго преобладающаго и одушевленнаго единствомъ идеи племени, съ государствомъ 80-милліоннымъ, имѣющимъ, въ средѣ этихъ 80 милліоновъ поданныхъ, милліоновъ болѣе 50 однороднаго, цѣльнаго племени (русскихъ), вдобавокъ легко одушевимаго, съ государствомъ *многоземельнымъ, общиннымъ,* и *въ которомъ индивидуально-буржуазный духъ такъ не серьезенъ, что не выдержалъ и 20 лѣтъ либеральнаго режима*, а породилъ только крайнее обѣднѣніе у однихъ, безумное, болѣзненное какое-то грабительство у другихъ, у третьихъ отчаяніе и самоубійство, а у *самыхъ умныхъ—совершенное разочарованіе въ благодѣтельности юридическаго равенства и гражданской свободы?...*

Разумѣется, тутъ серьезная борьба возможна только въ двухъ-трехъ регулярныхъ сраженіяхъ... и только! У Австріи нѣтъ будущности; у Россіи великая. Вредна ли, или полезна будетъ эта будущность Россіи для остальнаго человѣчества, разрушительная она будетъ или созидающая, —это другой вопросъ; но что будущность есть великая,—это ясно. Это ясно *изъ самихъ отвратительныхъ пороковъ нашихъ*; міръ долженъ скоро отказаться отъ идей 89 года, отъ *равенства и свободы*; это только не ясно для тѣхъ глупцовъ, которые думаютъ, что нужна еще у насъ конституція, чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться...

*) Я кладу для Австріи около 50-ти милліоновъ наобумъ, въ случаѣ предполагаемаго присоединенія къ ней Болгарскихъ, Сербскихъ странъ, Царьграда и даже части Польши.

А если міръ долженъ скоро отказаться отъ „буржуазной“ цивилизаціи (т.-е. отъ свободы и равенства), то вопросъ—какое населеніе (про Австрію нельзя сказать „народъ“) ближе къ новому идеалу (*вновь* юридически *разслояющему*, *вновь* лица къ *чему-нибудь* или къ *кому-нибудь* насильственно *прикрѣпляющему*); то ли населеніе, у котораго *либеральные порядки* держатся лучше и крѣпче нѣкоторой личной добропорядочностію, экономіею, трезвостію, какими-то умѣренными, ни то ни се, преданіями; или тотъ народъ, у котораго эти „буржуазныя“ добродѣтели слабѣе, который, *именно вслѣдствіе чутья и сознанія своихъ слабостей*, жаждетъ крѣпкой надъ собою духовной, отеческой власти, любитъ ее, *ищетъ чего-то* и волнуется больше *душевно, чѣмъ политически*...

Борьба съ одной Австріей для Россіи (до взятія Царьграда или послѣ, все равно)—была бы даже и въ случаѣ минутной первой неудачи почти тріумфальнымъ шествіемъ, и больше ничего. Это не Турція, у которой есть религіозная, великая въ своемъ родѣ идея; есть, наконецъ, множество мусульманъ.

Какое же еще можетъ сдѣлать намъ зло Германія? Побѣдивши насъ (и съ какимъ трудомъ, съ какимъ страхомъ за свое будущее), отнять часть Польши и Курляндіи?... Велика ли эта бѣда для насъ? И возможно ли это безъ вознагражденія все *на томъ же необходимомъ намъ Юго-Востокѣ?* Вѣдь не легко же достанется Нѣмцамъ и такая неважная побѣда?

И долго ли бы они пробыли въ этой Польшѣ, *еслибы мы захотѣли вернуться и изгнать ихъ*? И многіе ли изъ Поляковъ не перешли бы на нашу сторону тотчасъ же?

И сверхъ того, есть ли во Франціи способный вождь или нѣтъ его,— Германія во всякомъ случаѣ не *совершенно положится на робость и безучастіе націи*, равносильной ей по численности, военной по преданіямъ и оскорбленной ею такъ глубоко!...

При правительствѣ слабомъ даже и *соглашеніе съ Франціей не надежно;* все можетъ измѣниться въ три дня въ Парижѣ; не настолько измѣниться, чтобы воскресить невоскресимое, т.-е. величіе Франціи, но настолько лишь, на сколько нужно, чтобы помѣшать Нѣмцамъ кинуться всѣми силами на насъ и чтобы дать возможность Восточно-славянскому духу свершить свое назначеніе...

Самъ князь Бисмаркъ говорилъ въ 71 году французскимъ дипломатамъ, что „ни на слабое правительство, ни на чувства націи надѣяться нельзя въ политикѣ, но можно надѣяться на единоличное слово сильнаго государя“.

Если мы, русскіе частные люди, въ силахъ понять все это, неужели германскіе политики не могутъ додуматься до такихъ простыхъ и естественныхъ соображеній? Было бы страннымъ предполагать въ нихъ подобное затмѣніе; и есть много признаковъ тому, что въ Германіи очень

хорошо понимаютъ все это. „Оканчивающійся годъ, пишутъ, напримѣръ, все въ той же *Кёльнской Газетѣ*, уноситъ съ собою одну изъ крупныхъ политическихъ личностей въ Европѣ. Гамбетты не стало. Это былъ непримиримый врагъ Германіи, главный представитель того политическаго направленія во Франціи, которое стремится къ отместкѣ. *Направленіе это не умретъ вмѣстѣ съ нимъ, но онъ во всякомъ случаѣ, какъ организаторъ, какъ настойчивый проводитель разъ установленнаго плана былъ такимъ лицомъ, которое не скоро найдетъ себѣ замѣстителя*". Что значатъ эти слова въ стратегическомъ отношеніи?

Они значатъ, что, въ случаѣ войны съ Россіей, Нѣмцамъ и *безъ Гамбетты* необходимо будетъ держать подъ ружьемъ на границѣ Франціи около половины своего войска, и только другую половину противопоставить русскому изступленію... Да, именно—*изступленію*, русскому бѣшенству, не знающему границъ... Ибо, какъ это ни странно съ перваго взгляда, но, можно утверждать, что и крѣпкій союзъ и вынужденная обстоятельствами война съ Германіей будутъ у насъ въ народѣ *одинаково популярны*! Объяснять причины такой двойственности русскаго настроенія было бы долго;—но понятно, что въ случаѣ союза и здравый смыслъ, предпочитающій легкое трудному, будетъ удовлетворенъ у русскаго народа, и старыя преданія о дружбѣ и родствѣ двухъ Царскихъ родовъ еще обновятся и окрѣпнутъ; а въ случаѣ войны припомнятся у насъ германской націи даже и всѣ тѣ мелкія обиды, которыя наносили намъ *у насъ живущіе* Нѣмцы.

Германское правительство уважается у насъ, по слухамъ и преданіямъ, даже и мужикомъ (не любятъ его только русскіе либералы); *бюргерство же*, т.-е. большинство нѣмецкой націи, вслѣдствіе историческихъ и соціальныхъ впечатлѣній, ненавидится въ Россіи до-нельзя...

Вотъ въ чемъ разница!..

Неужели геніальный князь Бисмаркъ не знаетъ и не поминаетъ этой важной разницы?... Вѣдь это все такъ ясно и такъ просто!

Чтобы вообразить себѣ, что можетъ намъ предстоять съ Германіей, намъ необходимо только предложить себѣ два вопроса:

1) Выгоднѣе ли для Германіи соглашеніе съ Россіей *по дѣламъ австро-турецкимъ* чѣмъ война съ Россіей?

Конечно, несравненно выгоднѣе. Въ одномъ случаѣ, огромныя пріобрѣтенія безъ всякаго риска и потерь. Въ другомъ—*ужасный* рискъ и гадательныя выгоды (напр., мечты о созданіи двухъ, парализующихъ другъ друга, Славянскихъ державъ).

2-й вопросъ: Есть ли въ Германіи люди, *способные понять* въ чемъ состоятъ истинные германскіе интересы?

Кажется что есть.

Итакъ—зачѣмъ намъ Гамбетта и вообще на что намъ *излишняя* поправка Франціи?

IV.

Какое сочетаніе обстоятельствъ намъ выгоднѣе всего?

Иное дѣло писать о предстоящихъ намъ или о возможныхъ и желательныхъ *политическихъ дѣйствіяхъ нашихъ*; иное дѣло излагать взгляды на предстоящія, возможныя или желательныя, политическія *обстоятельства*, долженствующія *обусловить* образъ этихъ дѣйствій.

Когда мы говоримъ о желательныхъ *дѣйствіяхъ*, мы даемъ нѣчто вродѣ совѣта. Когда мы говоримъ *только объ обстоятельствахъ*, — мы дѣлаемъ нѣчто вродѣ предсказанія.

Давать совѣты считается дѣломъ болѣе скромнымъ, чѣмъ предсказывать или пророчествовать. Не знаю, всегда ли это такъ. Если, напримѣръ, врача не приглашаютъ на консиліумъ для избранія тѣхъ или другихъ способовъ лѣченія, не смѣшно ли будетъ съ его стороны предлагать практическіе совѣты? Но если этотъ самый врачъ думаетъ, что онъ предвидитъ счастливый исходъ болѣзни, *если обстоятельства* (*даже вовсе и не зависящія отъ воли больнаго и его близкихъ*) сложатся такъ-то и такъ-то, то я полагаю, что онъ хорошо сдѣлаетъ, если откровенно выскажетъ кому-нибудь свою мысль. При такихъ условіяхъ самое смѣлое пророчество гораздо скромнѣе непрошеннаго совѣта.

Такъ хочу и я поступить въ этомъ письмѣ. Совѣтовать я никому не призванъ; но предвидѣнія и предчувствія мои нахожу полезнымъ сообщить хотя бы и тѣмъ немногимъ людямъ, которые могутъ сочувствовать мнѣ.

Какія же обстоятельства выгоднѣе всего для *той высшей цѣли*, къ которой мы, русскіе, *вовсе и не думаемъ сознательно стремиться*, но къ которой *фатально влечетъ насъ исторія*, отчасти вопреки ошибкамъ нашего „по-европейски" настроеннаго разума, отчасти благодаря самымъ этимъ *счастливымъ* ошибкамъ *)?

Но прежде еще, чѣмъ изложить мой взглядъ на эти обстоятельства, надо напомнить: *какая же эта самая высшая цѣль?*

Я сказалъ во 2-мъ письмѣ моемъ, что Россія — не просто государство; Россія, взятая во всецѣлости со всѣми своими азіатскими владѣніями, это цѣлый міръ особой жизни, особый государственный міръ,

*) Вы знаете, что, цѣня очень высоко человѣческій умъ и геній отдѣльныхъ лицъ, какъ непосредственную могучую и непроизвольную силу, я очень низко цѣню общій разумъ человѣчества съ точки зрѣнія практической его цѣлесообразности; въ этомъ смыслѣ и ошибки, и пороки, и глупость, и незнаніе, — однимъ словомъ все, что считается худымъ, приноситъ плоды и способствуетъ невольному достиженію той или другой *таинственно и не нами предназначенной* цѣли.

Авт.

не нашедшій еще себѣ своеобразнаго стиля культурной государственности.

Поэтому не изгнаніе *только* Турокъ изъ Европы и *не эмансипацію только* Славянъ и *даже не образованіе во что бы то ни стало изъ всѣхъ Славянъ, и только изъ Славянъ, племенной конфедераціи* должны мы имѣть въ виду, а нѣчто болѣе широкое и по мысли болѣе независимое.

Это болѣе широкое и по мысли независимое должно быть ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ своей собственной, оригинальной Славяно-Азіатской цивилизаціи, отъ Европейской (или Романо-Германской) настолько же отличной, насколько были отличны: Эллино-Римская отъ предшествовавшихъ ей Египетской, Халдейской и Персо-Мидійской; Византійская (распространявшая свое вліяніе до IX, X и XI вѣковъ и на западныя страны) отъ предшествовавшей ей Эллино-Римской, или, наконецъ, настолько, насколько была отлична новая, *послѣдняя* Романо-Германская цивилизація отъ предшествовавшихъ ей и *отчасти поглощенныхъ и претворенныхъ ею органически* цивилизацій Эллино-Римской и Византійской *).

Подобная историческая цѣль достигается, конечно, вѣками, сознательными и безсознательными усиліями цѣлаго ряда поколѣній, ихъ прямыми и косвенными, совершенно даже иногда нецѣлесообразными дѣйствіями; но исторія доказываетъ намъ, что нѣкоторыя удачныя предпріятія и рѣшительные поступки вліятельныхъ и власть имѣющихъ лицъ, увлекающихъ за собою толпы или пріостанавливающихъ извѣстное движеніе, опредѣляютъ дальнѣйшій типъ или стиль культурнаго развитія и могутъ считаться поворотными пунктами всеобщей и частной исторіи. Примѣровъ на это множество, и я нахожу даже лишнимъ ихъ здѣсь приводить. Они должны быть извѣстны изъ учебника.

Такимъ поворотнымъ пунктомъ для насъ, Русскихъ, должно быть взятіе Царьграда и заложеніе тамъ основъ новому культурно-государственному зданію. И такъ какъ несомнѣнно то, что человѣчество стало по всѣмъ отраслямъ жизни теперь самосознательнѣе, чѣмъ было тогда, когда происходила смѣна прежнихъ великихъ культурныхъ типовъ, то главныя черты предстоящей культуры можно даже, сообразно съ примѣрами прежняго, и приблизительно угадать *особенно съ ея отрица-*

*) Я долженъ здѣсь прибавить, что главнымъ основаніемъ этихъ мыслей моихъ служила мнѣ книга г. Данилевскаго „Россія и Европа“. Г. Данилевскій, по справедливому замѣчанію г. Страхова, первый обратилъ вниманіе *на эту смѣну культурныхъ типовъ или стилей.* Эту теорію культурной смѣны можно назвать истиннымъ открытіемъ, принадлежащимъ исключительно *русскому мыслителю.* Положимъ, Хомяковъ и другіе славянофилы развивали нѣчто подобное прежде г. Данилевскаго; но у нихъ все это было не ясно, не приведено въ систему и, главное, не производило впечатлѣнія чего-то *органическаго*, чего-то такого, *чему быть надлежитъ*; а въ сочиненіи „Россія и Европа“ весьма ясно этого рода освѣщеніе. *Авт.*

тельныхъ сторонъ. Но здѣсь рѣчь не столько о самой этой цѣли, сколько объ обстоятельствахъ, выгодныхъ для ея достиженія.

Обстоятельствами, выгодными для насъ и для всего Славяно-Восточнаго міра, я считаю приблизительно слѣдующія:

1) *Скорая война* съ Австріей или Англіей.

2) *Соглашеніе съ Германіей.*

3) *Анархія во Франціи.* Прежде или послѣ нашей войны—это второстепенный вопросъ.

4) *Неустройства въ Болгаріи и Сербіи; грубые промахи короля Милана и неблагодарность либеральныхъ Болгаръ и Сербовъ.*

Объяснюсь подробнѣе:

1) Скорая и несомнѣнно (судя по общему положенію политическихъ дѣлъ) удачная война, долженствующая разрѣшить Восточный вопросъ и утвердить Россію на Босфорѣ, дастъ намъ сразу *тотъ выходъ* изъ нашего нравственнаго и экономическаго разстройства, который мы напрасно будемъ искать въ однѣхъ внутреннихъ перемѣнахъ. Разъ вѣковой сословно-корпоративный строй жизни разрушенъ эмансипаціоннымъ процессомъ,—*новая прочная организація на старой почвѣ и изъ одних старыхъ элементовъ становится невозможной.* Нуженъ крутой поворотъ, нужна новая почва, новыя перспективы и совершенно непривычныя сочетанія, а *главное необходимъ новый центръ, новая культурная столица.*

Само собою разумѣется, что Царьградъ не можетъ стать административной столицей для Россійской Имперіи, подобно Петербургу. Онъ не долженъ даже быть связанъ съ Россіей въ той формѣ, которая зовется въ руководствахъ международнаго права „union réelle", т.-е. онъ не долженъ быть частью или провинціей Россійской Имперіи. Великій міровой центръ этотъ съ прилегающими округами Ѳракіи и Малой Азіи (напр., до Адріанополя *включительно* и вплоть до нашихъ теперешнихъ границъ около Карса) долженъ *лично* принадлежать Государю Императору; т.-е. вся эта Цареградская или Византійская область должна подъ какимъ-нибудь приличнымъ названіемъ состоять въ такъ называемомъ „union personelle" сп русской короной. (На подобіе Финляндіи, или прежней Польши, или на подобіе Норвегіи, въ которой король Шведскій есть нѣчто вродѣ наслѣдственнаго президента). *Тамъ, само собою,* при подобномъ условіи, и начнутся *тѣ новые порядки,* которые могутъ служить высшимъ объединяющимъ культурно-государственнымъ примѣромъ, какъ для 1000-лѣтней, *несомнѣнно уже устарѣвшей* и съ 61-го года *заболѣвшей эмансипаціей* Россіи, такъ и для *испорченныхъ европейскими вліяніями аѳинскихъ Грековъ и Юго-Славянъ.*

Поставленный, съ одной стороны, съ Россіей только въ *личное,* а не въ *реальное* соединеніе; призванный, съ другой — стать не административной только столицей одного государства, а культурнымъ цен-

тромъ цѣлаго Греко-Славянскаго союза или Новаго Восточнаго *міра*, Царьградъ не легко подвергнется опасности, что въ него цѣликомъ и спроста перенесутся устарѣвшія привычки демократизованнаго за послѣднее время Петербурга, а напротивъ того, самъ этотъ, столь вредный, цивилизованный, но *не культурный* (не культурный, значитъ по моему, *несвоеобразный*) Петербургъ начнетъ быстро падать и терять значеніе, и въ самой Россіи административная столица почти невольно перенесется южнѣе,—вѣроятно не въ Москву, а въ Кіевъ.

Итакъ, будутъ тогда *двѣ Россіи*, неразрывно-сплоченныя въ лицѣ Государя: *Россія — Имперія* съ новой административной столицей (въ Кіевѣ) и *Россія — Глава Великаго Восточнаго Союза* съ новой культурной столицей на Босфорѣ.

Таковъ наилучшій и даже единственно возможный исходъ нашъ изъ современнаго нашего положенія; и для скорѣйшаго достиженія подобной цѣли позволительно русскому гражданину *желать*, чтобы Австрія или Англія какимъ-нибудь слишкомъ дерзкимъ поступкомъ, или сама Турція какими-нибудь новыми и нестерпимыми безпорядками вынудили бы насъ воевать.

Еслибы я призванъ былъ совѣтовать, то я бы даже посовѣтовалъ *довести ихъ поскорѣе* до этого. И лучше бы *все-таки* начать съ Австріи; ибо тогда одно чувство самосохраненія дало бы намъ нравственное право направить изъ Карса войска къ Босфору. Воюя съ Австріей, мы имѣли бы полное право позаботиться, чтобы нашей арміи никто не угрожалъ съ юга.

Турція пала бы тогда сама собою. Всѣ эти австро-русскія соглашенія и „лестные пріемы", о которыхъ пишутъ въ газетахъ, могутъ быть очень искренни, благоразумны и т. д. Но... и Шлезвигъ-Голштейнское соглашеніе – кончилось битвой при Садовой и изверженіемъ Австріи изъ Германскаго Союза.

Вѣдь я сначала предупредилъ васъ, что буду говорить больше о благопріятныхъ *обстоятельствахъ*, для цѣлей высшихъ (культурныхъ), чѣмъ о похвальныхъ и полезныхъ *дѣйствіяхъ* для цѣлей низшихъ (утилитарныхъ, напр. для меньшей потери людей и денегъ).

О русскихъ столицахъ необходимо замѣтить здѣсь еще нѣчто особое, нѣчто такое, съ чего приличнѣе, пожалуй, было бы даже начать, ибо это очень важно. Изъ всѣхъ культурно-государственныхъ образованій, возникшихъ, павшихъ и существующихъ нынѣ со времени Рождества Христова, только у двухъ подобныхъ историческихъ организмовъ была до сихъ поръ наклонность перемѣнять столицы: *у Мусульманизма* и *Россіи*. Всѣ остальныя государства и культурно-религіозныя организаціи въ Западной, близкой къ намъ Азіи, въ Сѣверной Африкѣ, въ Западной Европѣ и въ ея грубомъ продолженіи новѣйшей Америкѣ, — центровъ своихъ не мѣняли и жизнь всѣхъ этихъ государствъ и культур-

ныхъ организацій была и есть неразрывно и неподвижно связана *съ какимъ-нибудь городомъ*. Папство съ Римомъ; Францiя съ Парижемъ; Австрійское государство съ Вѣной; нечего и сомнѣваться, что съ переходомъ Вѣны въ обще-германское владѣніе, погибнетъ Австрія безвозвратно. Великобританія, понятая какъ Англія въ тѣсномъ смыслѣ, какъ Соединенное Королевство Великобританіи и Ирландіи, а не какъ культурное всесвѣтное поприще Англо-Саксонскаго племени, неразрывно связана съ Лондономъ, несмотря на всю свою децентрализацію, и связь эта выразилась рѣзче именно съ той поры, когда *стиль* англійской культурной государственности опредѣлился впервые съ ясностью, т.-е. съ эпохи Тюдоровъ. Мелкія государства Италіи и Германіи, имѣвшія прежде (особенно въ первой) каждое свой особый культурный оттѣнокъ, всѣ были связаны съ опредѣленными городами, со своими второстепенными столицами... *Единая* Италія, давно тяготѣвшая къ Риму, естественно и въ очень короткое время овладѣла имъ. Остается еще сомнительнымъ — возможно ли и удобно ли будетъ даже и для совершенно объединенной Германіи перенести, послѣ *неизбѣжнаго* паденія Австріи, свою столицу изъ скучнаго Берлина въ пріятную и веселую Вѣну? Не слишкомъ ли это будетъ близко къ границамъ *того же неотвратимаго Восточно-Славянскаго Союза?* Я сказалъ, что только Россія и мусульманство мѣняли *не разъ* свои столицы. Мусульманство, начавшись въ Меккѣ, перешло потомъ въ Багдадъ, Бруссу, Адріанополь и Царьградъ; и, покинувъ Царьградъ, оно должно будетъ искать себѣ новый центръ въ Азіи или Африкѣ, или окончательно разлагаться и угасать, подобно религіи Зороастра.

Россія начала свою историческую жизнь въ Новгородѣ; но очень скоро перенесла свой центръ въ Кіевъ, потомъ во Владиміръ и Москву, потомъ въ Петербургъ, и теперь видимо рвется отъ него опять къ югу... И такъ, религіозная культура исламизма и государственность Русскаго племени со стороны этой „непосѣдности" сходны. Но, съ другой стороны, разница между ними огромная. Исламизмъ, мѣняя центръ, *мѣнялъ племя, мѣнялъ государственность, но самъ не мѣнялся*, какъ и слѣдовало ожидать отъ своеобразной религіозной культуры. Русское племя и русская государственность, имѣя въ себѣ всегда мало оригинальнаго, всякій разъ, *мѣняя центры, мѣняли и нѣчто весьма важное въ своемъ культурномъ типѣ*, во всемъ *строѣ своей жизни и въ духѣ своего міровоззрѣнія*. Новгородъ — первый зародышъ государственности и племеннаго объединенія: призваніе варяговъ; Кіевъ — православіе и начало удѣльной системы (какая-то неудачная попытка своеобразнаго устройства); Владиміръ (ненадолго — такое же преддверіе Москвы, какъ Новгородъ преддверіе Кіева); Москва — паденіе удѣльной федераціи; царство; утвержденіе восточно-византійскаго культурнаго стиля; новый порывъ, такъ сказать, изъ „Варягъ въ Греки"; Петер-

бургъ—Европа; обратный порывъ „изъ Грековъ въ Варяги", но съ сохраненіемъ огромнаго, уже крѣпко нажитаго, византійскаго запаса. Съ 61 года нашего столѣтія крайній европеизмъ повидимому торжествуетъ; *иллюзія* „благоденственной", *эвдемонической демократизаціи* увлекаетъ *петербургски-настроенную* интеллигенцію *всей Россіи*; *начинается разложеніе Петровской Россіи по послѣднимъ европейскимъ образцамъ. Тысячелѣтію Русской государственности ставятъ памятникъ* въ Новгородѣ; *а тысячелѣтіе для государствъ—цифра роковая и страшная, ибо очень немногія государственныя формаціи прожили больше 1000 лѣтъ*; *большинство прожило меньше!* И вѣроятно, еслибы не было этого спасительнаго Восточнаго вопроса и этого великаго Царьграда, то памятникъ гордости нашей въ 62 году сталъ бы памятникомъ разочарованія и отчаянія... *чуть-чуть не надгробнымъ!..* Но въ эти же самые роковые года (61, 62, 63) возобновляются съ новой силой тѣ Юго-Славянскія и Греческія движенія, которыя мало-по-малу разложили Турцію, сдѣлали *невозможной Византію Эллинскую* *) и приготовили намъ путь къ чему-то новому, къ чему-то такому, что должно же быть своеобразно-созидающимъ, *чтобы не стать только разрушительнымъ* (и замѣтимъ, *не по европейски, а ужъ гораздо болѣе разрушительнымъ!*...).

Третьяго пути быть тутъ не можетъ, и назадъ мы уже болѣе въ дѣлахъ Восточно-Славянскихъ идти не въ состояніи...

Вотъ почему я нахожу, что *чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше*. Цареградская Русь освѣжитъ Московскую, ибо Московская Русь вышла изъ Цареграда; она болѣе Петербургской культурна, т.-е. болѣе своеобразна; она менѣе раціональна и менѣе утилитарна, т.-е. менѣе революціонна; *она переживетъ петербургскую*. И чѣмъ скорѣе станетъ Петербургъ чѣмъ-то вродѣ Балтійскаго Севастополя или Балтійской Одессы, тѣмъ, говорю я, лучше, не только для насъ, но вѣроятно и для такъ называемаго „человѣчества", ибо не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей входилъ на Синай, что Эллины строили свои изящные Акрополи, Римляне вели Пуническія войны, что геніальный красавецъ Александръ въ пернатомъ какомъ-нибудь шлемѣ переходилъ Граникъ и бился подъ Арбеллами, что апостолы проповѣдывали, мученики страдали, поэты пѣли, живописцы писали и рыцари блистали на турнирахъ *для того только, чтобы Французскій, Нѣмецкій или Русскій буржуа въ безобразной и комической своей одеждѣ* благодушествовалъ бы „индивидуально" и „коллективно" на развалинахъ всего этого прошлаго величія?..

*) Вотъ мой отвѣтъ тѣмъ, которые не понимаютъ, что я стою вовсе не за все *племя Эллинское*, а лишь за *Патріархаты* и за такъ называемыхъ *фанаріотовъ*, т.-е. за высшее Греческое духовенство, которое одного духа съ покойнымъ митрополитомъ Филаретомъ. *Авт.*

Стыдно было бы за человѣчество, еслибы этотъ подлый идеалъ всеобщей пользы, мелочнаго труда и позорной прозы восторжествовалъ бы навѣки!..

Чѣмъ скорѣе война, тѣмъ выгоднѣе для высшаго идеала!

2) *Соглашеніе съ Германіей*. Объ этомъ я подробнѣе говорилъ въ III-мъ письмѣ и повторять здѣсь того же не буду, даже и кратко. Напомню только вотъ о чемъ: въ I-мъ моемъ письмѣ (№ 83 прошлаго года) я сказалъ, что средства для достиженія цѣлей нашихъ, разумѣется, надо выбирать самыя легкія, но только до тѣхъ поръ, пока это не вредитъ высшему идеалу нашему. Если же эти легкія средства осуществленію высшаго идеала (*культурному отдѣленію отъ Запада*) вредятъ, то надо намъ быть готовыми и на всякія жертвы, лишь бы это призваніе наше не упустить изъ виду. Напримѣръ, еслибы Германія, положимъ, предложила намъ подѣлить Турцію съ Австріей, т.-е. отдать Австріи въ полное обладаніе западную часть Балканскаго полуострова до Салоникъ, а самимъ взять Малую Азію, Босфоръ и часть Ѳракіи съ Адріанополемъ, то такое сочетаніе обстоятельствъ, по моему мнѣнію, надо счесть *невыгоднымъ*. И не только легкая война съ Австріей, но и кровопролитная война съ самой Германіей, съ моей точки зрѣнія (государственно-культурной, а не утилитарно-эвдемонической), должна считаться условіемъ несравненно болѣе выгоднымъ, чѣмъ соглашеніе, подобное вышеприведенному. Казалось бы, съ точки зрѣнія *легкости* и удобства пріема, *начать* съ Турціи, а кончить Австріей выгодно; т.-е. выгодно, допустивъ австрійцевъ господствовать надъ западной частью Балканскаго полуострова года на три, на четыре, изгнать ихъ оттуда позднѣе побѣдоносно; но не надо забывать, что Австрія страна болѣе *либеральная и вообще болѣе европейская, чѣмъ Россія*, и въ три-четыре года власти можетъ нѣкоторыми сторонами своего либеральнаго европеизма развратить Сербовъ и Албанцевъ еще гораздо больше, чѣмъ католичествомъ. Востать-то Сербы и Албанцы возстанутъ подъ нашимъ знаменемъ несомнѣнно противу Австріи позднѣе, но *нѣкоторыя струны*, и безъ того у нихъ (особенно у Сербовъ) слабыя, могутъ совершенно оборваться; напр. православное чувство, которому либеральный европеизмъ гораздо больше вредитъ, чѣмъ само католичество. Юго-Славяне и безъ того православные весьма плохіе, и не будь на Востокѣ Грековъ, особенно Грековъ столь напрасно поруганнаго у насъ *фанаріотскаго духа* (т.-е. *просто старо-Московскаго*), то за будущее Православной Церкви на Востокѣ можно бы рѣшительно отчаяться.

Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему механическій, *„травматическій“*, такъ сказать, вредъ большой войны надо предпочитать химическому и тонкому отравленію европеизмомъ *тѣхъ именно странъ*, къ которымъ тяготѣетъ все болѣе и болѣе геній нашей исторіи. Изъ войны съ Германіей мы также выйдемъ побѣдителями, не потому, что

наше войско окажется непремѣнно лучшимъ, или генералы наши непремѣнно проявятъ необычайную находчивость, но потому (это ужь *непремѣнно)*, что Восточно-Славянскому Союзу *нужно быть*, потому что ему *предназначено создаться* и Германія объ *эту идею разобьется точно такъ же, какъ разбились Австрія и Франція объ единство Италіи и Германіи*...

Я говорилъ, что племенная эмансипація есть ничто иное, какъ оттѣнокъ общей эгалитарной революціи, но именно потому-то ея идея и должна быть вполнѣ (или приблизительно) исчерпана прежде, чѣмъ демократизація и Запада и Востока, достигши до своей точки насыщенія и до полнаго въ самой себѣ разочарованія, не заставитъ человѣчество выйти на новые и *творческіе* пути, вмѣсто тѣхъ разрушительныхъ, по которымъ оно такъ самонадѣянно и глупо стремится съ конца прошлаго вѣка.

Есть еще одна частность по поводу Германіи и Славянъ; было бы большимъ счастіемъ, еслибы Нѣмцы *заставили бы* насъ предать Чеховъ на совершенное съѣденіе германизму. Иначе можно опасаться, что они попадутъ тоже въ составъ Великаго Восточно-Славянскаго Союза;—это было бы великимъ бѣдствіемъ. Чехи—это европейскіе буржуа по преимуществу; буржуа изъ буржуа; „честные“ либералы изъ „честныхъ“ либераловъ. Ихъ претенціозное и либеральное бюргерство гораздо вреднѣе своимъ *мирнымъ* вмѣшательствомъ, чѣмъ бунты Польской шляхты. Это тоже *химическое*, внутреннее отравленіе. Ихъ гуситизмъ гораздо опаснѣе іезуитизма; іезуитство и папство осязательны, стройны, охранительны, ясны, наконецъ; гуситизмъ же есть лишь *отрицаніе* католичества; революціонное племенное знамя оппонирующаго по-европейски Чешскаго мѣщанства. Нѣтъ *гуситской религіи*; есть только гуситская критика, гуситское отверженіе всего положительнаго. У Лютера есть хоть Аугсбургское *исповѣданіе*; у гуситизма исповѣданія нѣтъ, а есть только „охи“ и „ахи“ протеста и пусто-славянскаго фразерства! Эгалитарнаго либерализма довольно и у насъ, и у Болгаръ, и у Сербовъ, и у Грековъ, и у Румынъ, и у Словаковъ, а *теперь* даже и въ Польшѣ; довольно его и безъ *Чешскаго* ученаго, трудолюбиваго и мѣщански настойчиваго контингента.

Вопросъ въ томъ — какъ ослабить демократизмъ, европеизмъ, либерализмъ во всѣхъ этихъ странахъ, какъ задушить ихъ, а не въ томъ— какъ подбавить имъ еще чего-то архи-либеральнаго и архи-европейскаго....

Еслибы нужно было проиграть два сраженія Нѣмцамъ, чтобы *обстоятельства* заставили насъ съ радостью отдать имъ Чеховъ, то я, съ моей стороны, желаю отъ души, чтобы мы эти два сраженія проиграли! Я знаю, *славы* у насъ останется еще довольно въ конечномъ результатѣ и при этой *частной* неудачѣ...

О томъ, почему намъ выгодны анархія во Франціи и нѣкоторыя ошибки и неустройства въ Юго-Славянскихъ земляхъ, я поговорю въ слѣдующемъ письмѣ.

V.

Какое сочетаніе обстоятельствъ намъ выгоднѣе всего?

Въ предъидущемъ письмѣ я сказалъ, что *третьимъ* выгоднымъ для насъ условіемъ я считаю анархію во Франціи (прежде или послѣ взятія нами Царьграда—это вопросъ второстепенный).

Почему же это такъ? Я затрудняюсь отвѣчать на это *потому, что мнѣ стыдно за несогласныхъ со мною!* Но отвѣчать, хотя бы очень кратко, необходимо; ибо опытъ жизни убѣдилъ меня, что большинство не то, чтобы „нашихъ соотечественниковъ", но вообще большинство претендующее понимать „(la mediocrité collective" по опредѣленію Дж. Ст. Милля) понимаетъ *поздно*... Было же время, когда и я не ясно все это понималъ. Нужно поэтому снисхожденіе и къ другимъ...

Вотъ чего я, напримѣръ, не понималъ лѣтъ 15—20 (положимъ) тому назадъ, а теперь понимаю, благодаря, конечно, помощи хорошихъ книгъ и статей, о которыхъ я ниже и упомяну съ признательностью.

1) Франція была передовая страна Запада съ самаго начала развитія романо-германской культуры. Франція—это романо-германская Европа по преимуществу,—это такой историческій фактъ, который можно назвать математически или физически точнымъ. Съ этимъ согласны и сами Французы всѣхъ партій, и всѣ иностранцы, какъ сочувствующіе Франціи, такъ и ненавидящіе ее. Во Франціи *все общеевропейское* *) выразилось рѣзче, яснѣе, нагляднѣе, такъ сказать, чѣмъ въ другихъ странахъ Запада. Борьба реальныхъ силъ общества, силъ соціально-политическихъ, властей, сословій классовъ была во Франціи выразительнѣе и какъ бы послѣдовательнѣе, чѣмъ тѣ же движенія въ Англіи, Германіи, Италіи, Испаніи. Во Франціи смѣна владычествъ: церкви, дворянства, монархіи, буржуазіи—была опредѣленнѣе и какъ бы рѣзче и рѣшительнѣе. Всѣ тѣ движенія, которыхъ результаты должны были имѣть широкое и безповоротное вліяніе на судьбы всего Романо-Германскаго міра, происходили или вслѣдствіе прямой французской иниціативы и подъ французскимъ руководствомъ; или когда эти движенія зарождались и разрослись въ Италіи, Англіи, Германіи, то всякій разъ для распространенія ихъ на всю Европу и далѣе требовалась французская популяризація, французская передѣлка ихъ *мѣстныхъ формъ въ общедоступныя*. Распаденіе Церквей, т.-е. выдѣленіе Католичества изъ

*) Протестантство, напр., не имѣло обще-европейскаго назначенія.

обще-православнаго единства,—*выдѣленіе, опредѣлившее безповоротно самыя основныя и рѣзкія особенности будущей Романо-Германской исторіи* совершилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ французскаго монарха,—Карла Великаго. Во главѣ крестовыхъ походовъ стало прежде всѣхъ французское рыцарство. Французы же довели и принципы рыцарства до наистрожайшаго и наитончайшаго ихъ выраженія. Союзъ городскихъ общинъ съ королемъ противу феодальныхъ дворянъ былъ во Франціи постояннѣе и яснѣе, чѣмъ въ исторіи другихъ европейскихъ государствъ. Монархія во Франціи была блистательнѣе и абсолютнѣе, чѣмъ гдѣ-либо; только Людовикъ XIV во всей Европѣ имѣлъ логическое право сказать: „*L'Etat c'est moi!*" Моды и общественные обычаи Франціи господствуютъ вездѣ уже около 200 лѣтъ, и до сихъ поръ люди не рѣшаются отъ нихъ отказаться, несмотря на то, что они пережили сами себя, исказились подъ вліяніемъ демократическаго строя общества; несмотря на то, что они только неудобны и смѣшны, но и не цѣлесообразны; ибо моды и свѣтскіе обычаи имѣютъ въ виду *изящество, эстетику,* а моды и обычаи Франціи XIX вѣка давно уже, за исключеніемъ весьма немногихъ своихъ сторонъ, *весьма неизящны и некрасивы.* Они даже въ высшей степени, *до безпримѣрности,* такъ сказать, *исторической, вредятъ развитію хорошаго реализма въ современномъ искусствѣ.* Поневолѣ все пишутъ на картинахъ мужиковъ (людей погрубѣе), когда людей потоньше и *психически болѣе интересныхъ и сложныхъ изображать по внѣшнему безобразію ихъ одежды* (особенно мужской) *на картинѣ нельзя!* (*Какой* же *слѣпой* не видитъ, напримѣръ, на батальныхъ картинахъ Верещагина и друг. художниковъ до чего *европейскій* русскій *солдатъ* выходитъ на безстрастномъ и безпристрастномъ полотнѣ безобразнѣе и кукловатѣе *азіатскаго низама*; не говоря уже о мусульманахъ *въ чалмѣ* и т. п.).

Атеистически-либеральное движеніе умовъ началось въ Англіи, но общечеловѣческій вредъ причинило это направленіе только черезъ посредство Франціи XVIII вѣка.

Въ концѣ того же прошлаго вѣка и въ началѣ XIX практическое приложеніе этихъ идей Руссо, Монтескье, Дидерота и Вольтера къ государственной жизни во Франціи приняло изступленные, фанатическіе размѣры, произвело сперва либерально-эгалитарный терроръ внутри сословно-монархической Франціи, а потомъ подъ знаменемъ Наполеона цѣлымъ рядомъ неслыханныхъ побѣдъ *убѣждало* остальную Европу въ необходимости и силѣ этихъ революціонныхъ идей; и, несмотря на низверженіе Наполеона, во всѣхъ остальныхъ государствахъ Европы, гдѣ раньше, гдѣ позже, гдѣ быстрѣе и опрометчивѣе, гдѣ осторожнѣе и медленнѣе *распространялась,* однако, *эта самая демократическая революція* безъ террора, а путемъ мирныхъ и легальныхъ реформъ. (Пріемъ, конечно, болѣе *пріятный,—плоды тѣ же, не менѣе ядовитые!*)

Францiя первая укрѣпила христiанскую религiю на Западѣ; она же первая начала смѣло и открыто вытравливать ее изъ жизни. Францiя скорѣе другихъ державъ довела монархiю до высшей точки величiя и блеска; она же первая и рѣшилась стать настоящей демократической, эгалитарно-либеральной республикой. Французское дворянство было въ свое время образцомъ изящества и блеска; французскiй буржуа есть нынче образецъ пошлости, грубоватости или изломанности и дурныхъ манеръ (*физически* даже очень дурныхъ). Герценъ справедливо замѣтилъ, что даже лица у этихъ буржуа все какiя-то некрасивыя и ничтожныя (и это до того вѣрно, что стоитъ только сравнить портреты Трошю, Шанзи, Макъ-Магона и другихъ генераловъ новой Францiи съ портретами Бисмарка, Штейнмеца, Мантейфеля, даже злаго и бритаго Мольтке, а также съ портретами французовъ XVIII, XVII, XVI вѣка, чтобы понять до чего Герценъ правъ) *). И въ этомъ отношенiи, значитъ, въ отношенiи *вырожденiя, паденiя, униженiя всяческаго*, Францiя тоже остается *передовой страной* Романо-Германской Европы, раньше доходившей и доходящей до *всего* того, *до чего суждено дойти всей Романо-Германской Европѣ... Падать—такъ падать* во всемъ и совсѣмъ! Соцiалистическое ученiе во всѣхъ его главныхъ видоизмѣненiяхъ (отъ Бабёфа до Кабе и Луи Блана) зародилось и развилось во Францiи; и во Францiи же начались и *первые* бунты рабочихъ, подъ этимъ уже не *гражданскиюридическимъ, но экономическимъ знаменемъ*. Въ Парижѣ и во Францiи люди прежде другихъ *рѣшились жечь историческiя зданiя и картины, взрывать церкви и выбрасывать изъ школъ* (*легальнымъ порядкомъ*) *Распятiя...* Даже великая, охранительная, *художественная* англiйская конституцiя должна была пройти сквозь французское ариѳметическое какое-то опошленiе, чтобы имѣть возможность принести вездѣ тотъ вредъ, который она принесла на континентѣ Европы, разбившись, наконецъ, о священную скалу Русскаго Самодержавiя.

Замѣчу, что все это, перечисленное мною здѣсь безъ особаго вниманiя и нѣсколько второпяхъ, гораздо послѣдовательнѣе, точнѣе и вообще несравненно лучше изложено у Гизо въ его превосходной „Исторiи цивилизацiи", у Данилевскаго въ истинно великой (хотя и очень дурно мѣстами написанной) книгѣ „Россiя и Европа", и, если меня не обманываетъ память, въ одной очень хорошей статьѣ г. А. Градовскаго въ журналѣ „Заря" (за 69 или 70 годъ). У каждаго изъ этихъ авторовъ свои оттѣнки и своя цѣль, но всѣ они приводятъ мысль къ одному результату: Францiя—это Европа—par excellence; это „пупъ" Романо-Германской цивилизацiи; *primum vivens—primum moriens* западно-европейской государственности.

И такъ?

*) *Гамбетта* и *Бурбаки?* Они не чистые французы по крови,—*не Галлы*. Вѣроятно, одинъ по крови Итальянецъ; другой же, извѣстно что, Грекъ.

И такъ, выводъ до грубости простъ: если для дальнѣйшей независимости Восточно-Россійской *мысли* отъ *мысли Романо-Германской,* для выступленія на новые, иные пути *культурной по идеѣ и формѣ государственности* необходимо чтобы въ глазахъ людей Востока (которые не очень дальновидны) престижъ Романо-Германской цивилизаціи поскорѣе все падалъ бы ниже и ниже, если для достиженія той умственной независимости, безъ которой не для чего, по моему, долго и жить одной политической независимостью, необходимо, чтобы *подобострастные предразсудки* въ пользу европейской цивилизаціи поскорѣе перешли бы *въ свирѣпое предубѣжденіе противу нея,* то надо желать, чтобы какъ можно скорѣе и окончательнѣе компрометтировала бы свой *геній та страна,* которой принадлежитъ иниціатива *современно понимаемаго прогресса* (т.-е. прогресса не разнообразнаго развитія, а всеравняющаго революціонизма). Надо, чтобы новыя европейскія идеи, господствующія съ XVIII вѣка и до сихъ поръ, доказали бы какъ можно скорѣе и яснѣе свою несостоятельность. *Нынѣшнее большинство рѣшительно не понимаетъ, что пошло и низменно, что въ жизни изящно или величественно; не понимаетъ даже, что государственно и что не-государственно* (даже А. И. Кошелевъ доказалъ, что онъ ничего этого не понимаетъ). Но это ограниченное большинство сейчасъ понимаетъ, *что ему удобно и что неудобно.* Надо поэтому желать, чтобы, наконецъ, само существованіе стало бы рѣшительно неудобнымъ въ передовой странѣ *либерально-эгалитарной по духу* Европы XIX вѣка.

И въ этомъ смыслѣ я не знаю, почему бы людямъ, желающимъ Россіи *идеальнаго* блага (т.-е. духовной независимости), не желать отъ всего сердца гибели и окончательнаго униженія той странѣ, или той націи, которой духъ и во дни величія, и во дни паденія представлялъ и представляетъ собою квинтъ-эссенцію западной культуры, хотя и отживающей, но еще не утратившей вполнѣ своего авторитета въ глазахъ того отсталаго большинства русской интеллигенціи, которое *теперь еще* имѣетъ наивность вѣрить въ какое-то „демократическое и благоденствующее человѣчество“.

Франція была передовой страной Католичества, лучшей опорой Западной церкви; она *стала передовой страной атеизма*; она *давно* пала, такимъ образомъ, *какъ примѣръ религіозности*; Франція вознесла монархію на высшую точку славы; она же начала (*во имя прогресса*) казнить королей, изгонять ихъ, мѣнять династіи; она *давно перестала быть примѣромъ монархической лойяльности.* Франція первая уничтожила у себя аристократію; люди серьезныхъ аристократическихъ убѣжденій и вкусовъ *давно перестали ей черезъ это сочувствовать*... Французская нація долго была самой побѣдоносной, самой героической націей Европы; но въ 70-хъ годахъ эта нація потерпѣла такое пораженіе; что въ глазахъ людей военныхъ, или чтущихъ воинственность, она стала

чуть ли не самой послѣдней націей съ этой точки зрѣнія. Но за то, что Франція республика, и республика демократическая, якобинская, у насъ многіе прогрессисты, многіе либералы, нигилисты явные и тайные (осторожные, робкіе—*служащіе*, напримѣръ) ей еще сильно сочувствуютъ; надо желать, чтобы якобинскій (либеральный) республиканизмъ оказался совершенно несостоятельнымъ и не передъ *реакціей монархизма*, а *передъ коммунарной анархіей*; ибо монархическая, реакція все-таки, прочна не будетъ, а только собьетъ еще разъ съ толку наше и безъ того плохое общественное мнѣніе, ненадежная монархія будетъ только *томить*, какъ томитъ осужденнаго на смерть больнаго медленная агонія; она будетъ длить обманчивое и зловредное вліяніе европейскихъ либеральныхъ идей; торжество же коммуны *болѣе серьезное, чѣмъ минутное господство* 71 года, докажетъ несомнѣнно въ одно и то же время и *безсиліе „праволаго порядка", искренно проводимаго въ жизнь* (*чѣмъ искреннѣе тѣмъ хуже*!) *и невозможность вновь организоваться народу на однихъ началахъ экономическаго равенства.* Такъ что тѣ государственные организмы, которымъ еще предстоитъ *жить*, поневолѣ будутъ вынуждены избрать новые пути, вовсе непохожіе на тѣ пути, по которымъ шла Европа съ 89 года. Большинство не умѣетъ ни *отвлеченно предвидѣть*, ни *художественно предчувствовать*; большинству нужны *наглядные* примѣры...

Прибавляю еще вотъ что: возможно ли серьезное (хотя, повторяю, опять-таки временное) торжество и господство коммуны безъ вандализма, безъ *вещественнаго разрушенія* зданій, памятниковъ искусства, нѣкоторыхъ библіотекъ и т. д.?—Конечно, нѣтъ, и при нынѣшнихъ средствахъ разрушенія обратить большую часть Парижа въ развалины и груды пепла гораздо легче, чѣмъ было во времена древнія разрушать другіе *великіе культурные центры*,—Вавилонъ, Ниневію, Старый Римъ и т. д.

А этого и нужно желать тому, кто жаждетъ новыхъ формъ цивилизаціи на берегахъ Босфора.

Разрушеніе Парижа сразу облегчитъ намъ дѣло культуры даже и внѣшней въ Царьградѣ.

И неужели это только безсильное желаніе варварской зависти? Не думаю!—Не вѣрнѣе ли, что это нѣчто вродѣ пророчества, если не совсѣмъ уже научнаго, то полу-научнаго, *гипотетическаго, по индуктивному способу изъ примѣровъ историческихъ выведеннаго.*

Въ слѣдующемъ письмѣ буду, *скрѣпя сердце*, говорить о Славянахъ и о томъ, почему ихъ ошибки и даже, пожалуй, и нѣкоторая степень неблагодарности могутъ быть намъ выгодны. Здѣсь же заранѣе скажу только два слова объ этомъ: *Ошибки и неблагодарность Юго-Славянъ могутъ быть намъ выгодны по той же самой причинѣ, по какой намъ выгодны и неустройства во Франціи. Интеллигенція Юго-Славянъ слиш-*

комъ похожа на французскую или обще-европейскую буржуазiю, и если она нѣсколько лучше, то развѣ только тѣмъ, что она еще гораздо хуже ея.

Это я надѣюсь объяснить очень просто.

VI.

И такъ теперь слѣдуетъ о Юго-славянахъ.

Въ прошломъ письмѣ моемъ я сказалъ такъ:

„Ошибки и неблагодарность Юго-славянъ могутъ быть намъ выгодны по той же самой причинѣ, по какой намъ выгодны и неустройства во Францiи. Интеллигенцiя Юго-славянъ слишкомъ похожа на французскую демократiю, и если она нѣсколько лучше, то развѣ только тѣмъ, что она гораздо хуже ея".

Чѣмъ же хуже и *чѣмъ лучше* наши „братья Славяне" современныхъ Французовъ и вообще европейской интеллигенцiи?

Хуже они тѣмъ, что интеллигенцiя ихъ стоитъ еще дальше на пути эгалитарнаго индивидуализма, чѣмъ интеллигенцiя устарѣвшей Францiи. Хуже они тѣмъ, что у нихъ нѣтъ и тѣни тѣхъ могучихъ тормазовъ (*легитимизма, ультрамонтанства, аристократизма, нацiонально-военныхъ и рыцарскихъ преданiй* и т. д.), которые въ теченiи цѣлаго вѣка сдерживали Францiю на наклонной плоскости ея эгалитарнаго ниспаденiя и ослабѣли окончательно только въ 60-хъ и 70-хъ годахъ нашего вѣка. Хуже Славяне тѣмъ, что они всѣ сплошь либералы, конституцiоналисты и демократы; что у нихъ нѣтъ ни тѣхъ впечатлѣнiй въ душѣ, ни той соцiальной почвы подъ ногами, которыя воспитываютъ людей мыслящаго и властнаго охраненiя. Что касается до простолюдиновъ, до болгарскаго и сербскаго земледѣльца, до черногорскаго воина, до чешскихъ и словацкихъ крестьянъ и рабочихъ, то у нихъ охраненiе есть лишь дѣло привычки и незнанiя, и кромѣ буржуазiи, въ высшей степени обыкновенной и европейской по типу своему, они ничего изъ среды своей, предоставленные самимъ себѣ, выдѣлить до сихъ поръ не могли. Юго-славянская интеллигенцiя, говорю я, не имѣя за собою никакихъ могучихъ *собственно мѣстныхъ нацiональныхъ* монархическихъ, аристократическихъ и даже особенно сильно выраженныхъ религiозныхъ преданiй, представляетъ собою типъ *чистѣйшей плутократической демократiи*. Въ этомъ смыслѣ не только южное Славянство, т. е. Болгары и Сербы, но и Славянство австрiйское, т.-е. Словаки, Чехи и Хорваты—однимъ словомъ всѣ Славяне (за исключенiе Русскихъ и Поляковъ) самыя демократическiя по строю своему нацiи. Все монархическое, все аристократическое, и даже, говорю я, все религiозное господство надъ ними въ теченiи вѣковъ болѣе или менѣе хотя и въ разной степени и по разнымъ причинамъ было или совсѣмъ чуждо имъ, или, по крайней

мѣрѣ, не соединено со славой народныхъ преданій. У Болгаръ и Сербовъ Турціи все это было греческое или турецкое; у австрійскихъ Славянъ—швабо-мадьярское.

Этимъ-то они хуже даже Итальянцевъ, Французовъ и Нѣмцовъ-бюргеровъ, ибо плутократически-либеральное устройство общества есть самое безсодержательное, ненадежное и безпринципное изъ всѣхъ общественныхъ устройствъ. Нѣтъ ни сильныхъ, *привычныхъ обществу* привилегированныхъ *властей*, ни могучихъ, внѣ либеральнаго *благоденствія* стоящихъ и поэтому дисциплинирующихъ это общество,—*идеаловъ*...

Но *именно поэтому-то*, что общество южныхъ и западныхъ Славянъ по природѣ своей еще либеральнѣе и эгалитарнѣе, чѣмъ нынѣшнее общество Франціи,—*оно и лучше*. Строй этого общества до того уже не проченъ, жизнь эта до того безсодержательна, до того не идеальна по духу или смыслу своему, до того поэтому *не надежна, что долго такъ она простоять не можетъ*.

Славянство, послѣ неизбѣжнаго паденія Турціи и Австріи, вынуждено будетъ самой *непрочностью* своего либерально-плутократическаго строя выйти скоро *въ слѣдъ за Россіею на какой-то новый историческій путь*.

Теперь, пока Турція и Австрія еще существуетъ, Славянство занято преимущественно вопросами политики внѣшней; оно прежде всего заинтересовано отношеніями своего племени къ Нѣмцамъ, Туркамъ, Мадьярамъ и Грекамъ. Послѣ удаленія Турокъ съ Босфора, послѣ неминуемаго разрушенія Австріи и послѣ необходимаго образованія на развалинахъ этихъ двухъ державъ великаго Восточнаго Союза подъ гегемоніей Россіи—Славяне вынуждены будутъ устремить все вниманіе свое на дѣла внутреннія, на свой *соціальный строй*. А такъ какъ событія на Западѣ Европы въ тоже время идутъ своимъ чередомъ (и даже очень быстро); такъ какъ соціализмъ *либеральный* (т.-е. революціонный) растетъ тамъ не поднямъ, а по часамъ, то грядущіе, близкіе и всѣми ожидаемые перевороты въ Европѣ романо-германской не могутъ не отозваться и на славяно-греческомъ Востокѣ.

Ясно поэтому слѣдующее соображеніе: *если послѣ паденія Австріи и Турціи и во время того, какъ будутъ слагаться совершенно новыя условія Восточнаго Союза —во Франціи, Италіи, Испаніи (и даже, можетъ быть,—въ Германіи и самой Великобританіи),—индивидуально-плутократическій и конституціонно-демократическій строй общества окажется никуда негоднымъ и уже слишкомъ неустойчивымъ*, то всѣ восточныя и славянскія націи, которымъ необходимо будетъ такъ или иначе войти въ составъ вышеупомянутаго Великаго Союза, принуждены будутъ изъ чувства самосохраненія произвести у себя дома *прогрессивно-реакціонныя реформы*, которыя могутъ придать ихъ обществамъ *больше стойкости* и уменьшить въ нѣдрахъ ихъ ту *лихорадочную под-*

вижность, которой такъ болѣзненно увлеклись всѣ наиболѣе образованныя націи міра; сначала Францiя со дня *объявленія правъ человѣка* (съ 89 года прошлаго вѣка); потомъ вся Романо-Германская Европа (съ 48 года нынѣшняго столѣтія) и, наконецъ, и наша Россія съ 61 года.

И при этомъ естественно, что тѣ націи и тѣ государства, въ которыхъ *прежнихъ сословно-корпоративныхъ устоевъ было меньше*, должны, движимыя силой Русскаго Самодержавія, и вдохновляемыя примѣромъ русской *покорности*, *скорѣе* придти къ тѣмъ *нелиберальнымъ* условіямъ, при которыхъ потребуется организація *подобныхъ же устоевъ, совершенно новыхъ по частнымъ формамъ, но вѣчныхъ по существу своему*. Говорю еще яснѣе: такимъ націямъ *въ хорошемъ смыслѣ отсталымъ* (т.-е. по сравнительной неопытности и патріархальности) и *въ самомъ дурномъ смыслѣ передовымъ* (т.-е. крайне эгалитарнымъ по строю),— *легче будетъ перешагнуть прямо къ практическому отверженію ложныхъ началъ 89 года*, т.-е. къ отверженію не только экономическаго, но даже и *гражданскаго всеобщаго равенства* и *всеобщей личной свободы*, чѣмъ тѣмъ государствамъ и націямъ, которыя изболтались, такъ сказать, *за цѣлый послѣдній вѣкъ въ атмосферѣ буржуазно-плутократическаго либерализма. Весьма вѣроятно, что самый аграрно-рабочій вопросъ* (взятый не съ точки зрѣнія революціонно-либеральной, т.-е. не со стороны вопроса *личныхъ правъ* или *всеобщаго экономическаго равенства*, которое невозможно, *а только со стороны матеріальнаго обезпеченія, отчасти и насильственно-легальнаго, даннаго властью*, подобно, напримѣръ, принудительному обезпеченію нашей русской крестьянской общины), весьма вѣроятно, говорю я, что этотъ вопросъ есть ничто иное, какъ маскированная и сама себя еще не понявшая *корпоративно-сословная реакція будущаго.*

Есть основанія думать и надѣяться, что осуществленная въ государственно-культурной практикѣ, аграрно-рабочая идея оказалась бы ничѣмъ инымъ, какъ *новой формой феодализма и больше—ничего;* т.-е. новымъ *особаго рода закрѣпощеніемъ лицъ къ разнымъ корпораціямъ, сословіямъ, учрежденіямъ, внутренно-принудительнымъ общинамъ и отчасти даже и другимъ лицамъ, какъ-нибудь особо высоко карьерой или родомъ поставленнымъ.*

Поэтому чѣмъ болѣе мы будемъ убѣждаться, что дальнѣйшее развитіе человѣчества *не на началахъ личнаго равенства и личной свободы, а на принципахъ совершенно противоположныхъ*, должно привести народы къ новому *горизонтальному разслоенію* и къ новой *вертикальной группировкѣ общинъ, примиренныхъ въ высшемъ единствѣ безусловно-монархической власти,*—тѣмъ станетъ яснѣе, что тотъ либерально-эгалитарный процессъ, которымъ восхищается интеллигенція всѣхъ странъ съ конца прошлаго вѣка,—*есть именно то, что обыкновенно называется революціей* т.-е.—*легализованная, медленная, хроническая анархія.*

Раціональная, научно-самосознательная Европа не могла и не хотѣла разлагаться *эмпирически*, неожиданно, нечаянно, какъ разлагались и падали прежнія государства и культурные міры;—*она выдумала раціональный самообманъ демократическаго и утилитарнаго прогресса*. Древній Египетъ, Эллада, Римъ гибли тоже отъ *уравнительнаго смѣшенія;* отъ демократизаціи, отъ плутократіи, отъ матерьялизма, отъ усиленія если не вездѣ легальнаго, то по крайней мѣрѣ фактическаго равенства правъ и свободы положеній; но они неизбѣжную смертельную болѣзнь не считали гигіеническимъ идеаломъ и не оправдывали *теоретически* это *самоубійственное движеніе*, не называли его восторженно прогрессомъ къ *чему-то лучшему*...

Опредѣлить демократическій прогрессъ какъ *разложеніе* очень важно, между прочимъ, и для того, чтобы исправить нашихъ анархистовъ легальныхъ, тайныхъ и даже наивныхъ и безсознательныхъ, къ числу которыхъ принадлежатъ, къ сожалѣнію, еще очень многіе русскіе (даже и теперь послѣ ужаснаго событія 1-го марта 1881 года). Такими умѣронными анархистами я называю всѣхъ либераловъ нашихъ.

Я вовсе не говорю, что всѣ они злонамѣренные люди; я хочу только сказать, что они не понимаютъ *куда идетъ дѣло* и не хотятъ вѣрить, что намъ русскимъ, надо *совершенно сорваться съ европейскихъ рельсовъ и, выбравъ совсѣмъ новый путь,—стать, наконецъ, во главѣ умственной и соціальной жизни всечеловѣчества*.

Для того же, чтобы стать во главѣ этого человѣчества и сказать *свое слово*, надо прежде всего отречься не отъ прогресса правильно-понятаго, т.-е. не отъ *сложнаго развитія соціальныхъ группъ и слоевъ въ единствѣ мистической дисциплины*, но отъ двухъ ложныхъ европейскихъ принциповъ: 1) отъ *утилитарно-эвдемоническаго*, всеполезнаго, благоденственнаго направленія *реальной науки*, и замѣнить его *честно-скептическимъ* и, во многихъ случаяхъ даже, *пессимистическимъ направленіемъ этой науки*; и 2) отъ *либерально-эгалитарнаго пониманія общественнаго прогресса*;—и замѣнить это дѣтское міровоззрѣніе философіей болѣе вѣрною дѣйствительности, которая учитъ, что все истинно великое, и высокое, и прочное выработывается *никакъ не благодаря повальной свободѣ и равенству, а благодаря разнообразію положеній, воспитанія, впечатлѣній и правъ, въ средѣ, объединенной какой-нибудь высшей и священной властью*.

(ДОПОЛНЕНІЕ 1885 года).

Второе мое указаніе, кажется, довольно понятно; оно подразумѣваетъ само-собою: незыблемость Самодержавія; укрѣпленіе Церкви и заботы о церковномъ воспитаніи народа и высшаго общества; утвержденіе и развитіе *общины* и вообще начала *неотчуждаемости* (даже и *дворянскихъ земель*, напр.), вообще уменьшеніе *подвижности общественнаго строя*, ограниченіе безусловной *свободы купли и продажи* и т. д.

Что касается до *перваго*, то-есть до того, что я позволилъ себѣ назвать *пессимистическимъ направленіемъ реальной науки*, то тѣмъ кому это не ясно я могу указать во 1-хъ на „Поученіе при освященіи новыхъ зданій вокзала желѣз. дор. въ Одессѣ, Пр. Никанора, Еп. Херсонскаго и Одесскаго". (Правосл. Обозр. 1884, Октябрь).

Это поученіе—превосходный образецъ смѣлаго и прямаго *пессимистическаго* отношенія къ знаменитымъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ ненасытнаго XIX вѣка. Образцовъ же *эвдемоническаго и утилитарнаго*, то-есть противоположнаго воззрѣнія на всѣ эти усовершенствованія,—такое множество, что затрудненіе только въ выборѣ. Ихъ найти можно вездѣ и сколько угодно.

Какъ на другой примѣръ скептическаго и отрицательнаго отношенія къ индустріальному, техническому и т. п. богатству нашего времени можно указать еще на публичныя лекціи г. Астафьева (читанныя имъ недавно въ домѣ Коншина, на Пречистенкѣ); двѣ первыя лекціи были даже прямо и озаглавлены такъ: *Наше техническое богатство и наша духовная нищета*.

Г. Астафьевъ доказывалъ, что *быстрота* современной жизни, ея *излишняя подвижность* и все это *смѣшеніе* сословій, націй, обычаевъ, религій не могутъ не отражаться крайне вредно и на *психическомъ* состояніи человѣчества; отъ этого смѣшенія происходитъ неясность, непрочность, неопредѣленность, неустойчивость душевной нашей жизни.

Еще должно упомянуть здѣсь вообще о сочиненіяхъ Влад. Серг. Соловьева. Въ его книгѣ „Критика отвлеченныхъ началъ", въ его недавнемъ прекрасномъ сочиненіи „Религіозныя основы жизни" и во всѣхъ другихъ статьяхъ и брошюрахъ этого замѣчательнаго русскаго мыслителя, мы находимъ одну основную, опять таки,—*пессимистическую мысль*: *безсиліе нашего духа*, *необходимость боговластія*, *подчиненіе раціонализма мистикѣ*, подчиненіе всего *грубо-понятнаго* и *реально-доступнаго* таинственнымъ *высшимъ началамъ*, непонятнымъ для самодовлѣющаго въ мелочности своей разсудка, но жаждѣ вѣры вполнѣ доступнымъ и, можно даже сказать, осязательнымъ!

Я полагаю, этихъ трехъ примѣровъ будетъ довольно и они одни до-

485 (1/2) Ed. rc.
Jn

казываютъ, что *русскій умъ мало по малу* срывается съ утилитарно-эвдемоническаго пути *буржуазнаго европеизма* и находитъ свой!..

Замѣтимъ здѣсь еще очень простую, но въ высшей степени важную вещь. *Пессимизмъ общаго міровоззрѣнія* или невѣріе въ возможность земнаго счастія, земнаго благоустройства и земной всесправедливости даетъ обыкновенно въ *частныхъ житейскихъ случаяхъ оптимистическіе плоды*.

Человѣкъ, философски разочарованный въ земномъ человѣчествѣ, *не будетъ отъ людей слишкомъ требователенъ*: онъ будетъ меньшимъ доволенъ. Онъ не будетъ *ребячески* мечтать о *золотомъ вѣкѣ* на землѣ, достигнутомъ путемъ радикальныхъ революцій, уравнительныхъ реформъ или путемъ неслыханныхъ еще физико-химическихъ изобрѣтеній.

Пора разочароваться во всемъ этомъ и пора ожидать, что сама точная наука въ близкомъ уже XX вѣкѣ приведетъ насъ вовсе не къ тѣмъ *восхитительнымъ* результатамъ, на которые надѣялись передовые люди въ XVIII вѣкѣ и въ первой половинѣ истекающаго столѣтія!

Пора!

Конецъ I-го тома.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Coll. empl. Ed. ...

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

RICHARD BAUR
Buchbinderei
München

Leont︠ev, Konstantin Nikolaevič,

Vostok, Rossija i slavjanstvo Sbornik statej K. Leont'eva

Bd.: 1

Moskva 1885

It.sing. 1366 u-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11630744-5